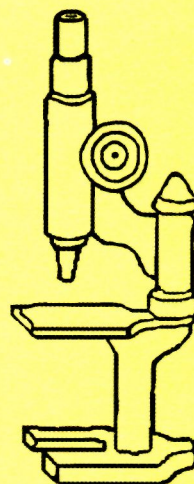

ISSN 1025-532X
ISBN 978-5-9907157-3-8

Любил Россию, Университет, Науку
(посвящение А.П. Богданову)

ЗООЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ № 18

Зоологический музей МГУ

Zoological Museum of Moscow State University

He loved Russia, the University, the Science
(dedicated to A.P. Bogdanov)

Любил Россию, Университет, Науку
(посвящение А.П. Богданову)

ЗООЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ № 18
ZOOLOGICHESKIE ISSLEDOVANIA No. 18

Редакционная коллегия

Главный редактор: М.В. Калякин

О.В. Волцит, Д.Л. Иванов, К.Г. Михайлов, И.Я. Павлинов,
Н.Н. Спасская (секретарь), А.В. Сысоев (зам. главного редактора)

Editorial Board

Editor in Chief: M.V. Kalyakin

D.L. Ivanov, K.G. Mikhailov, I.Ya. Pavlinov,
N.N. Spasskaya (Secretary), A.V. Sysoev (Deputy Editor), O.V. Voltzit

Редакторы выпуска

Н.Н. Спасская, И.Я. Павлинов

Editors of the Issue

N.N. Spasskaya, I.Ya. Pavlinov

Любил Россию, Университет, Науку (посвящение А.П. Богданову). — Зоологические исследования. 2015. № 18. 213 с.

Сборник посвящён Анатолию Петровичу Богданову — выдающемуся российскому естествоиспытателю, педагогу, просветителю. В книгу включены: фрагменты книги А.П. Богданова о своём учителе К.Ф. Рулье; статьи учеников самого А.П. Богданова (А.А. Тихомирова, Н.Ю. Зографа) о его жизненном пути; воспоминания о Богданове членов его семьи (О.А. Богдановой, Н.И. Богдановой); шесть статей современных авторов, характеризующие разные аспекты научной, просветительской и организационной деятельности А.П. Богданова. Приложение включает богатый иллюстративный материал.

He loved Russia, the University, the Science (dedicated to A.P. Bogdanov). — Zoologicheskije Issledovania. 2015. No. 18. 213 p.

The Miscellanea is dedicated to Anatole P. Bogdanov, a prominent Russian naturalist, teacher and enlightener. The collection includes: fragments of A.P. Bogdanov's book devoted to his teacher K.F. Roulier; articles of Bogdanov's students (A.A. Tikhomirov, N.Yu. Zograf) about his life path, memories of Bogdanov written by members of his family (O.A. Bogdanova, N.I. Bogdanova); six articles of the contemporary authors characterizing different aspects of scientific, educational and organizational activities of A.P. Bogdanov. The Supplement includes a rich illustrative material.

Название сборника заимствовано из эпитафии
на надгробии А.П. Богданова в Новодевичьем монастыре.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	7
Благодарности.....	10
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
Богданов А.П. Карл Францович Рулье и его предшественники по кафедре зоологии в Императорском московском университете.....	13
Тихомиров А. Анатолий Петрович Богданов.....	30
Зограф Н. Отрадная страница из истории русской науки. Анатолий Петрович Богданов.....	39
Зверева Н.К. Беседы с отцом. Личность А.П. Богданова по воспоминаниям его дочери.....	64
Богданова Н.И. Мои воспоминания об А.П. Богданове (Добавление к его биографии).....	78
Дополнение к Первой части.....	82
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
Любарский Г.Ю. Карл Францевич Рулье и Анатолий Петрович Богданов: мастерство организации науки.....	89
Кривошеина Г.Г. Почему мы забываем свою историю: А.П. Богданов и его научные общества.....	110
Костина И.Л. А.П. Богданов и Московский зоопарк: идеи отца-основателя в развитии.....	129
Морозова С.Г. А.П. Богданов и Музей прикладных знаний: замыслы и воплощение.....	137
Балахонова Е.И. А.П. Богданов: от выставок к науке антропологии.....	147
Ефимова С.Г. Антропология древнего населения России в трудах А.П. Богданова.....	161
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Иллюстрации.....	171

CONTENTS

Foreword	7
Acknowledgements	10
PART ONE	
Bogdanov A.P. Charles Frantzovitch Roulier and his predecessors in the Department of Zoology at the Imperial Moscow University.....	13
Tikhomirov A. Anatole Petrovich Bogdanov.....	30
Zograf N. A gratifying page from the history of the Russian science. Anatole Petrovich Bogdanov.....	39
Zvereva N.K. Talks with father. Personality of A.P. Bogdanov after memories of his daughter.....	64
Bogdanova N.I. My memories of A.P. Bogdanov (Addition to his biography).....	78
Addendum to the Part One.....	82
PART TWO	
Lyubarsky G.Yu. Charles Roulier and Anatole Bogdanov: Their mastership in the science management.....	89
Krivosheina G. Why do we forget our history: A.P. Bogdanov and his scientific societies.....	110
Kostina I.L. A.P. Bogdanov and the Moscow Zoo: Developing ideas of its founding father.....	129
Morozova S.G. A.P. Bogdanov and the Museum of Applied Knowledge: Ideas and implementation.....	137
Balakhonova E.I. A.P. Bogdanov: From the exhibitions to the science of anthropology.....	147
Efimova S.G. Anthropology of the ancient population of Russia in the writings of A.P. Bogdanov.....	161
SUPPLEMENT	
Illustrations	171

*Посвящается 225-летию
Зоологического музея МГУ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последнее время русское общество стало более дорожить памятью общественных и литературных деятелей, внёсших в него полезное дело и плодотворную мысль, в чём нельзя не видеть большого шага в понимании значения своего народного достоинства и существенного успеха в общественном развитии.

А.П. Богданов

В 2014 г. исполнилось 200 лет со дня рождения К.Ф. Рулье (1814–1858) и 180 лет со дня рождения А.П. Богданова (1834–1896) — учителя и ученика. Это были крупнейшие фигуры в биологической науке России второй половины XIX века.

«Каждый учёный, составивший себе имя и известность в науке, воспринимает сначала духовное наследство, оставшееся от своих предшественников, и затем уже по мере своего таланта и сил стремится к приумножению его для следующих поколений» — писал Д.Н. Анучин, ученик А.П. Богданова (цит. по: Богданов, 1885. Карл Францович Рулье..., с. 95). А.П. Богданов не только продолжил развитие идей и направлений, заложенных К.Ф. Рулье, но и в разы умножил масштабы деятельности, оставаясь всю жизнь благодарным памяти учителя. Он посвятил ему одну из наиболее значимых работ «Карл Францович Рулье и его предшественники на кафедре зоологии в Императорском Московском университете. Библиографический очерк» (1885). Эта работа, а также вышедшие в 1888–1892 гг. «Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России...», стали основой для дальнейшего развития истории биологической науки.

Следует отметить, что А.П. Богданов во многих начинаниях был первым. Он всегда шёл непроторенными путями, брался за почти безнадежные дела. Девиз, который он унаследовал от К.Ф. Рулье — «дело в деле», он воплощал в жизнь с невиданной энергией. Один из друзей А.П. Богданова профессор А.Н. Маклаков

сравнил деятельность А.П. с работой часового мастера, заводящего часы: «когда мы смотрим на движение стрелок, показывающих время, мы не думаем о том, чья энергия приводит их в движение, так и энергия Ан. Пет. проявляется во многих полезных начинаниях, хотя не всем было известно его в них участие» [АРАН. Ф.446. Оп.1А. Д.112. Л.4].

В научно-просветительных начинаниях Богданова, а с ними и во всей российской научной и учебно-просветительной системе «по Богданову», центральное место занимал Московский университет, которому А.П. искренно и преданно служил всю свою сознательную жизнь. А в этом университете «центральным» для Богданова всегда было неразрывное единство кафедры и музея зоологии, которыми он заведовал на протяжении более трёх десятилетий и которые не покидал, невзирая на открывавшиеся перспективы карьерного роста.

Личность Анатолия Петровича Богданова была слишком крупной, а его научная, организаторская и общественная деятельность слишком глобальной не только для его времени, но и для сегодняшнего дня. За свою деятельность в течение почти 40 лет А.П. Богданов возвеличил Москву в культурном и общественном отношении, его идеи и энергия создали мощнейший импульс, позволивший выкристаллизоваться событиям, учреждениям, личностям, которые спустя столетие продолжают влиять на современную российскую науку и культуру. Разные детища А.П. Богданова — общества, музеи, выставки, лаборатории — были тесно взаимосвяза-

ны посредством единства идей развития науки и просветительства, развития музейного дела. Его мысли и высказывания, предложенные им технологии отчасти остаются вполне современными и реализуются в проектах, направленных на популяризацию науки.

Для понимания величия и особенностей личности А.П. Богданова особое значение имеют его мысли, высказанные им в книге, которая посвящена развитию естествознания (главным образом зоологии) в России в первой половине XIX в. Этот авторский текст, весьма эмоциональный, в котором абзацы, состоящие порой из одного предложения, занимают чуть ли целую страницу, а иные и более, чем он (текст) отчасти напоминает «поток сознания», более нежели какая-либо «внешняя» оценка, характеризует общую гражданскую, нравственную и научную позицию Анатолия Петровича как русского учёного, педагога и просветителя, преисполненного любовью к Отечеству и радением о судьбах российского естествознания, о необходимости отдания должного его творцам, а равно и о просвещении русского народа.

Важно особо отметить, что в этой своей книге А.П. Богданов, следующий завету своего учителя К. Рулье, предстаёт как яркий сторонник скорее «воспитывающего», нежели «обучающего» принципа естественнонаучного преподавания, особо значимое место присваивающий прямому и тесному контакту между Учителем и его учениками, в котором Учитель передаёт ученикам не только (и даже не столько) своё собственно узко-специальное знание, каковое может быть получено и иным путём, сколько своё отношение к процессу познания, к способам не только овладения им, но и передачи его своим последователям, причём не только «академически» образованным, но и тем, коих в обиходе называют «простыми людьми».

Воплощая в жизнь этот общий принцип, Богданов не только читал своим ученикам лекционные курсы, но и активно вовлекал их в свои научно-общественные проекты, что и позволило ему воспитать в будущих учёных и преподавателях ту, как сейчас принято говорить, «активную жизненную позицию», без которой невозможно поддержание и развитие научной и научно-просветительской традиций. Здесь важно подчеркнуть, что Богданов возвращал не вообще «общественных деятелей», а именно учёных, общественная активность которых, по его замыслу, должна быть направлена пре-

жде всего и главным образом на просвещение народа, на приобщение его к естественнонаучному знанию. И всё это вместе взятое, по убеждению Богданова, должно содействовать развитию российской науки как неотъемлемой части национальной российской культуры и, соответственно, развитию и процветанию самой России.

* * *

Настоящий сборник был задуман и организован по результатам Чтений памяти А.П. Богданова, посвящённых его 180-летию, которые прошли в ноябре 2014 г. в Зоологическом музее Московского университета. Это мероприятие было призвано не только воскресить память, но и отдать дань должного уважения и почтения этой незаурядной личности, внёсшей едва ли по достоинству оценённый вклад в развитие отечественного естественнонаучного образования и просветительства.

Сборник разделён на три части, различающиеся тематически. Каждой части предпосланы своеобразные эпитафии, взятые из входящих в соответствующую часть статей: они выражают те или иные качества личности А.П. Богданова, его вклад в формирование российской естественнонаучной традиции.

Первую часть сборника составляют пять публикаций, воспроизводящих тексты самого А.П. Богданова, его учеников А.А. Тихомирова и Н.Ю. Зографа, членов его семьи — дочери О.А. Богдановой и снохи Н.И. Богдановой (жена Еллия Богданова).

Во вторую часть объединены шесть статей, авторы которых, ныне работающие в учреждениях — детищах А.П. Богданова, с современных позиций характеризуют его вклад в становление отечественного естествознания, зоологии, музейного дела и просвещения.

В третью часть включён иллюстративный материал — копии фотографий или рисованных изображений персон и объектов, имеющих отношение к А.П. Богданову и его научно-просветительской деятельности. Исходно фрагменты этого материала были включены в представленные в сборник статьи, но мы сочли целесообразным объединить их в общий раздел, снабдив унифицированными подписями и сквозной нумерацией (в текстах статей она опущена).

Поскольку публикации, помещённые в настоящий сборник, посвящены главным образом одной персоне — Анатолию Петровичу Богданову, они неизбежно в той или иной мере дубли-

руг друг друга в отношении «фактологии» его жизни и деятельности. Однако при составлении сборника мы сочли разумным не исключать повторяющиеся фрагменты и эпизоды, дабы не исказить замыслы авторов статей, которые одни и те же факты рассматривают с различных точек зрения, расставляя в них свои акценты.

Так, из двух публикаций, написанных с разницей в три года учениками А.П. Богданова, А.А.Тихомиров больше внимания уделяет его вкладу в развитие Зоологического музея Московского университета, тогда как Н.Ю. Зограф больше пишет про его преподавательскую и научно-просветительную деятельность. Оба отмечают важные личностные качества Богданова — его доброту, отзывчивость, преданность своему делу; они особенно выпукло поданы в текстах, написанных двумя женщинами из дружной богдановской семьи — О.А. Богдановой (статья Н.К. Зверевой) и Н.И. Богдановой. В статье Г.Г. Кривошеиной эти качества рассмотрены в достаточно специфичном ключе — как причина конфликта А.П. Богданова с некоторыми его коллегами, следствием чего стало незаслуженное забвение этого выдающегося человека. Статья Г.Ю. Любарского интересна тем, что представляет разные «технологии» организации научно-педагогической деятельности, в которых отражены как объективные обстоятельства («время» и «место») её осуществления, так и субъективные качества самих её организаторов; в этом контексте значение и способы продвижения уникальных «богдановских технологий» выглядят особенно впечатляющими. В двух материалах этого раздела показан выдающийся вклад А.П. Богданова в основание и раннее развитие Московского зоопарка (статья И.Л. Костиной) и Музея прикладных знаний, ныне Политехнического (статья С.Г. Морозовой). В них подчёркнута одна из особенностей только что упомянутой «богдановской технологии»: начало обоим названным научно-просветительным учреждениям положили организованные Богдановым публичные выставки. Эти последние сыграли важную роль и в продвижении Богдановым активно зарождавшейся в то время антропологической науки (статья Е.И. Балаховой), на первых этапах развития которой в России его идеи и подходы возымели ключевое значение (статья С.Г. Ефимовой).

Смешанный — частью историко-архивный, частью историко-научный — характер настоящего сборника отражён в некоторых особен-

ностях его оформления. При воспроизведении ранее опубликованных оригинальных текстов, относящихся ко второй половине XIX в., орфография и по большей части пунктуация даны согласно современным правилам. Вместе с тем, чтобы подчеркнуть прямую связь помещённых здесь материалов с оригиналами, в публикуемые тексты включено указание исходной пагинации [в квадратных скобках]. Для материалов современных авторов мы, следуя стандартам для изданий естественнонаучного профиля, отказались от многочисленных сносок, содержащих ссылки на первоисточники, дополнительную информацию и т. п. При этом ссылки на архивы включены в основной текст соответствующих статей, ссылки на опубликованные материалы — в стандартные списки литературы, а дополнительная информация отнесена в примечания.

* * *

Как видно из всего содержания настоящего сборника, А.П. Богданов, с его «нужным» многогранным талантом учёного, просветителя и организатора, оказался «в нужном месте в нужное время» — в России 60-х–70-х гг. XIX в., попытавшейся вступить на путь либеральных преобразований. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на то, что личность и деятельность Богданова, общий настрой его мыслей и устремлений были бы весьма востребованы в России начала XXI в., которая опять ищет свой путь, — причём востребованы двояким образом, в известном смысле парадоксально взаимноисключающим с точки зрения современных попыток найти приемлемый ответ на извечный вопрос «что делать?».

С одной стороны, активнейшая «русскость» А.П. Богданова и его патриотизм в самом высоком смысле этого слова, неизменно подчёркиваемые им самим и его ближайшим окружением, а также его приверженность христианским морально-этическим ценностям — всё это вполне вписывается в повышенное внимание нынешних российских властей к национальной особенности России и её культурно-исторического базиса. С другой стороны, А.П. Богданов был убеждён в том, что без активного развития фундаментальных естественных наук в их полном всеохватном объёме и без тесно связанного с этим приобщения простых людей к началам естественнонаучного знания не может быть поступательного прогрессивного развития всего российского общества — а это вступает в оче-

видное противоречие с властным акцентом на ксенофобскую патриархальность, которая носит во многом ретроградный и в связи с этим отчасти антинаучный, антипросветительный характер, усугубленный, говоря словами А.П. Богданова, «пошло-практическим взглядом на университетские задачи». И не иначе как заветом нынешним деятелям звучит уверенность Богданова-просветителя в том, что «для истории народа, а не государства, ход прогресса или регресса выясняется более из [...] смены симпатий к научным и литературным вожакам его, чем из увлечения тем или другим государственным деятелем».

Поэтому, как мы полагаем, издание настоящего сборника, посвящённого А.П. Богданову — учёному, учителю, просветителю, общественному деятелю — весьма актуально. Оно позволяет не только отдать должное его личности и его деятельности на благо России, российской науки, российского просвещения, но и обратить внимание на то, каким может (и даже, возможно, должен) быть сегодняшний «богдановский» путь российской науки и образования, который счастливо соединяет «национальную гордость великороссов» с очевидным пониманием непреходящего значения всего мирового естественнонаучного и культурного наследия.

*ННС
ИЯП*

БЛАГОДАРНОСТИ

Организаторы Чтений памяти А.П. Богданова и редакторы настоящего сборника признательны участникам Чтений и авторам статей за память о нашей истории и о её видном деятеле А.П. Богданове.

Мы признательны администрации и сотрудникам Архива РАН В.Ю. Афиани, Н.М. Осиповой, И.Г. Таракановой — за сотрудничество и содействие работе с архивными материалами, В.Н. Загребаевой, Е.В. Косыревой и Г.А. Савиной — за публикацию части архива А.П. Богданова на виртуальной выставке; А.В. Суховой (НИИ и Музей антропологии МГУ) — за консультацию по библиографическим данным и предоставление некоторых иллюстраций; Д.Л. Иванову (Зоологический музей МГУ) — за подготовку иллюстративного материала к печати.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ / PART FIRST

*История науки пишется [...] для выяснения
условий развития человеческого мышления
и для объяснения его значения и цели.*

А.П. Богданов

*Наука не есть собрание фактов,
а осмысленное знание.*

А.П. Богданов

*Проникнутый глубокой любовью к науке,
Анатолий Петрович посвятил всю свою
жизнь на то, чтобы содействовать
процветанию зоологии в России.*

А.А. Тихомиров

*В Богданове олицетворилась целая школа,
целое направление, которого он был только
одним из более ярких представителей.*

Н.Ю. Зограф

*Ты к цели шёл, сил не жалея,
Не отдыхая на пути.*

О.А. Богданова

*[А.П.]Богданов обладал недюжинным умом
и притом был добрейшей души человек.*

Н.И. Богданова

**КАРЛ ФРАНЦОВИЧ РУЛЬЕ И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКИ
ПО КАФЕДРЕ ЗООЛОГИИ В ИМПЕРАТОРСКОМ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ***
Библиографический очерк Анатолия Богданова

**CHARLES FRANTZOVITCH ROULIER AND HIS PREDECESSORS
IN THE DEPARTMENT OF ZOOLOGY AT THE IMPERIAL MOSCOW UNIVERSITY**
A bibliographic sketch by Anatole Bogdanov

**ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ХОДЕ ЗООЛОГИИ
В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ДО РУЛЬЕ**

[95] Содержание: Почему необходимо изучать учёного и профессора не только в его трудах, но и в трудах его предшественников? Какую мерку следует прилагать к суждению о деятельности первых русских профессоров-зоологов? Научные или популяризационные труды их дают нам более верное средство выяснить себе их университетское значение? Справедливо ли и полезно ли односторонне сопоставлять одни только слабые стороны прежних профессоров и увековечивать их память курьезами? [...] Характеристика пределов иностранного влияния на русскую науку в прошлые времена.

Окончив обзор зоологических трудов профессоров Московского Университета предшественников Рулье, мы должны выяснить себе для чего избрана была нами почти что только одна библиографическая сторона их деятельности, и во-вторых к каким общим выводам мы можем прийти, следя шаг за шагом за литературно-учёными трудами старинных профессоров, из коих (т. е. трудов) большая доля имела только одно популяризационное значение и не принадлежала к числу самостоятельных изысканий или чисто учёных работ? Одну часть ответа на это даёт Д.Н. Анучин [...], а другую постараемся выяснить иными соображениями.

«Для более полной и беспристрастной оценки известного учёного деятеля и профессора, — говорит Анучин, — для более верного понимания его заслуг перед современниками и потомством важно не только иметь прямые сведения об его учёных и преподавательских трудах, но и о том, в каком отношении стоят эти труды к однородной деятельности его ближайших предшественников. Сравнительный метод, столь полезный и плодотворный в естествознании и при научных исследованиях вообще, имеет несомненное значение и в применении к истории наук, а следовательно и к описанию заслуг тех деятелей, трудами коих движется и строится наука. Каждый учёный, составивший себе имя и известность в науке, воспринимает сначала духовное наследство, оставшееся от своих предшественников, и затем уже по мере своего таланта и сил стремится к приумножению его для следующих поколений».

«Каждый профессор, прежде чем стать учителем других, учится сначала сам у своих ближайших наставников-специалистов, поэтому характеристика учёного будет недостаточной и неполною, если мы не примем во внимание те условия, при которых совершилось его научное образование и развитие и если мы не проведём некоторой параллели между ним и его ближай-

* Настоящая публикация включает основное содержание двух глав книги А.П. Богданова «Карл Францович Рулье и его предшественники на кафедре зоологии в Императорском Московском университете. Библиографический очерк», опубликованной в Известиях Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1885, 43 (2). 215 с. Орфография дана в современном варианте, пунктуация в большинстве случаев оставлена авторская; исходная пагинация указана в тексте. *Ред.*

шими предшественниками, а отчасти первыми современниками по науке и кафедре. *Особенно необходимым становится подобное сопоставление в том случае, если при оценке известного деятеля мы имеем в виду не столько его значение в истории науки вообще, сколько его заслуги в истории просвещения вообще, или же в истории просвещения определённой страны и эпохи, и особенно в истории известного рассадника наук.»*

Существуют два способа для изучения исторического пути развития науки: можно поставить себе целью определение общего хода усовершенствования её с фактической стороны и с точки зрения развития её руководящих начал; можно также следить не только за этим всемирным потоком научного мышления, но и за теми ручьями и ручейками, которые притекают в общее вместилище и несут подспорье ему из различных стран, а [96] в них из различных ручейков, соответствующих в истории науки трудам отдельных личностей. Общую физиономию стране придают главные магистральные течения, но опыт показывает, что последние медленно и постепенно мелеют, теряют своё значение при умалении численности и обилия отдельных мелких притоков. Чтобы сделать страну водообильною, нужно прежде всего позаботиться об открытии местных источников притока воды, об обстановке их условиями, при которых каждый из них мог бы внести в общее богатство наибольшую дань. Современное естествознание кладёт свою точку опоры в изучении бесконечно малого, и этому оно обязано своею силою, своим могуществом в смысле изречения Бэкона: знание есть сила. Малое и невидимое, но действующее в массе и на массу постоянно и непрерывно, есть та первичная, та главная лаборатория, в которой вырабатываются и обуславливаются все великие явления, поражающие нас своею грандиозной обстановкою. Не одно естествознание, вступив в свой зрелый возраст, пришло к такому убеждению: и другие науки, иными путями и в иных сферах, выработали то же самое воззрение о значении постоянных, хотя и мелких факторов жизни. Историк, отдавая силе и мощи гения должное ему по праву, не смотрит уже на него как на случайный факт и чудесное явление, спавшее в годину нужды вроде манны с неба. Нет; он тщательно изучает влияние предшествовавших обстоятельству сделавших возможным появление выдающегося руководящего ума; он следит в обстоятельствах

воспитания, в окружающих людях, в племенных особенностях, в национальном развитии и в национальных исторических предрасположениях, наконец в общем мировом ходе идей, те элементы, которые, сконцентрировавшись в душе гения, обусловили то или другое проявление его. Недаром наш век по отношению к историческому изучению есть век собирания записок, мемуаров, рассказов очевидцев жизни великих людей и всего менее век сухих официальных хроник и фактов, представляющих жизненные явления без начала и конца, исключительно в их совершенной форме и без их психологической подкладки. Медик не столько заботится теперь о сильно действующих лекарствах, годных только для кризисов, сколько о гигиене, т. е. о тех мельчайших внешних окружающих обстоятельствах, которые в общественном здоровье играют преобладающую роль. Не такому ли же кропотливому, мелочному, изучению отдельных местных элементов археология по преимуществу обязана, подобно палеонтологии, своими замечательными выводами, коими она может гордиться теперь по праву?

Одна только история наук весьма часто останавливается на чисто формальной стороне фактического хода и сосредоточивает, как древняя эпopeя, свои сказания на героях, гордо оставляя в тени забвения единичных деятелей массу людей, которые однако же только и сделали возможным героизм героев. Ведь Илья Муромец и Добрыня Никитич затрагивают сердце русского не потому, что своею силою сокрушали зело телеса человеческие (что мимоходом будь сказано постоянно делают большие хищные животные), а потому, что в них сконцентрировалось во время преобладания физической силы мощь народная, его идеал величия. Голиафы всегда останутся сами по себе просто толстыми дурнями. Кого удовлетворит теперь история Франции, составленная только из величия Генриха IV, Людовика XIV, Наполеона 1-го, Тьера и Гамбетты? А учёные по большей части в истории своих специальных наук остаются на степени прежнего героического периода, не только производя всю генеалогию фактов от Аристотелей, Линнеев, Бюффонов и Дарвинов, но и считая только их значащими что-либо в научном развитии. Правда так дело выходит эффектнее, но зато такой взгляд и напоминает прежние учебные книжонки, предназначенные для юношества и описывающие подвиги героев в поучение и назидание несложившимся ещё

умам. История науки пишется однако же не с педагогическими целями, а для выяснения условий развития человеческого мышления и для объяснения его значения и цели. Сражения выигрываются полководцами, конечно играющими тут важную роль, но поймём ли мы самую *суть* успеха, если при изучении условий результатов сражений будем смотреть на одного полководца, благоговеть только перед ним и сочтём ненужным всматриваться, кто ему помогал, кто развивал на деле его планы, кто их осуществлял? Что было бы с наукою, если бы в ней все были полководцы, а не было бы армии, несущей труд? Не то ли же, что с мексиканскими генералами без солдат.

Зачем, вероятно скажут многие, все эти слова, все эти примеры из истории и даже военного дела, когда вопрос идёт о мирных научных буржуа, бывших профессорах зоологии в Московском Университете? Что может быть приложимо к ним из рассказов о героях и из истории Линнеев и Дарвинов? Мирно они жили, мирно почтили, совершив своё скромное назначение и не оказав никаких геройских подвигов: науке по-видимому остаётся пожелать им только тихого успокоения, тем более, что у них были и свои теневые сто[97]роны, и что они не могли дорасти до сана полководцев в науке. Так ли это, это ещё вопрос, особенно в нашем частном случае — истории зоологических трудов в Московском Университете.

Московский Университет в истории просвещения России делал то же дело, какое делали первые поселенцы в девственных лесах и в диких странах: он подготовлял первоначальные примеры русского университетского преподавания и на его долю в течение полувека исключительно приходилось вырабатывать почву для туземного народного производства научного труда. Ему предстояло делать первые попытки замены привозного дорогого товара (почти всегда сфабрикованного не по мере нужд местных и потому составлявшего только роскошь, показную сторону), т. е. выписанных иностранных профессоров и учителей своими собственными деятелями, может быть не настолько изящными и блестящими, да зато приходившимися по почве и не требовавшими тепличных условий. Первые московские профессора были первыми научными колонизаторами, вносящими учение и свет в область первобытной наивности и почти исключительного господства материальной жизни. История, наука и литература благодар-

но чтят и благоговейно вспоминают труды и жизнь деятелей, проложивших первые пути в недоступных до того для культуры странах, и нельзя не признать справедливости этого. Народное воображение обыкновенно поэтизирует таких инициаторов в своих легендах и делает из них героев и мучеников идеи, предвестников последующего прогресса, отражающегося потом постоянно на личности инициаторов и освещающего их блеском славы и чувством признательности: в этом факте выражается только справедливость, только присущее душе человеческой чувство правды и честного отношения к заслугам. Пусть последующие поколения выдвинут более мощных деятелей, способных (по проложенным путям и на костях первых тружеников) с новыми усовершенствованными средствами сделать что-либо неизмеримо большее, чем простая подготовка нового поприща человеческого развития и первый пример благой деятельности в новой среде и при новых условиях. История, а в особенности народная память — не развенчают трудов начинателей и не припишут всё окончателям, не смешают их одних с другими, потому что они величины различные, величины несоразмеримые. Последующие деятели, обогатившие народ новыми плодами изобретениями, улучшившими его домашний быт и общественный строй, не оттеснят никогда первых скромных миссионеров науки, взявших на себя тяжёлый труд внесения света мысли, хотя бы и заимствованной из посторонних источников, в первобытную тёмную среду. Чем более развивается истинная культура в каком-нибудь народе, чем славнее и могущественнее становится он, тем сознательнее чтит он своих первых миссионеров, тем большим благоговением окружает он их память, хотя и знает, что говоря безусловно, не принимая в соображение всех обстоятельств, такие миссионеры при новых последующих условиях не могли бы явиться феноменами и исчезли бы в толпе. Величие их — в инициативе осуществления нового при данных условиях дела, в смелости и энергии борьбы с условиями, до того ещё никем не испытанными по отношению опасности, способов борьбы и силы противодействия.

Таковыми миссионерами русской мысли, русского высшего научного воспитания и являются первые профессора Московского Университета во всех отраслях, а потому-то годовщина 12-го января, день основания Московского Университета, по мере развития просвещения в России

будет сознательно праздноваться все большею и большею массою людей, как один из замечательнейших, неувядаемых национальных праздников, с которого начинается период новейшего русского знания и самосознания. Последнее, достигши высшего своего предела, сделает этот день народным праздником и воздаст ему только должное. Существование боярина Кучки, далеко не всемирного героя, но первого русского исторического колонизатора Московского края, конечно важнее и плодотворнее для Москвы и Русской истории, чем история многих последующих самых эффектных событий и самых блестящих героев. В более меньшем размере, то же значение имеет и скромная деятельность первых русских миссионеров на пути университетского преподавания. Для истории русской цивилизации деятельность первых русских профессоров есть явление знаменательное, исходное, заслуживающее тщательного изучения. В чем же особенно поучительным может представиться для нас изучение трудов таких научных русских колонизаторов? В ходе развития научного мышления, поскольку оно дошло до нас в трудах наших предшественников; в сравнительном изучении их научных и преподавательских идеалов и в их исторической преемственности. *Restituer une époque, — говорит Фр. Сарасей, — se n'est pas nous montrer comme les hommes du temps saluaient, maugéaient et se mouchaient; c'est nous montrer le tour particulier qu'affectait en ce temps la l'éternelle passion et la pensée humaine.*

В деятельности каждого профессора существуют различные стороны проявления его ума и знания, которые нужно взвесить тщательно для верной и справедливой оценки его, для того, что[98]бы не впасть в крайность, тенденциозность и несправедливость. Нельзя смотреть на прежних профессоров с точки зрения современных требований, прилагать к ним последнюю новейшую мерку сравнения, выработанную современными обстоятельствами, тем более, что самая мерка эта выработалась только тогда, когда сама наука развилась настолько в своём внутреннем совершенстве и внешней обстановке, что дала возможность приблизиться к ней не одним только гениальным умам. Несправедливо даже сравнивать прежних профессоров Московского Университета с современными им западными их сотоварищами, потому что за последними стояла вековая общественная культура, поддерживавшая и укреплявшая их, а у наших не было ни исторической бытовой

почвы, ни ближайших точек опоры в примере и сравнении. Западные профессора имели за собою исторические предания школы, выработавшиеся в применении к частным условиям каждого народа и каждой науки. Московские же профессора должны были действовать в качестве самоучек, предоставленных собственному опыту и инициативе, хотя, конечно, после некоторого знакомства с европейскою школою и с европейским учёным человеком. Если и теперь ещё русский профессор, особенно в опытных и наблюдательных науках, часто изнемогает от недостатка научной обстановки и мизерности вспомогательных средств и пособий для ведения своего дела и не смеет мечтать даже об учёных и преподавательских удобствах, представляемых иными иностранными Университетами с их благоустроенными лабораториями и коллекциями, с их близостью к первоклассным научным центрам и к морю, этой лучшей и полезнейшей общенаучной зоологической практической школе, то что же нужно сказать о первоначальных пионерах русского естествознания в Московском Университете, о их средствах к саморазвитию, к расширению своей учёной деятельности? Тогда ещё резче были неблагоприятные обстоятельства московского профессора в сравнении с западными его коллегами, потому что в то время не было даже тех внешних удобств в сообщениях, в изданиях и журналах, которыми всё-таки значительно улучшается обстановка современного университетского преподавателя. Наука, конечно, ведёт каждое общество на пути совершенства, но мера последнего, но форма этого совершенства зависят от состояния самого общества: недалеко уйдешь с светильником науки, когда приходится двигаться при неблагоприятных условиях, когда нужно для каждого шага прежде расчищать путь предубеждения, когда нужно даже смотреть направо и налево, чтобы не попасться в капканы, поставленные людскими предрассудками и подозрительностью, что также всегда и везде бывало, было и у нас на пути наших русских научных пионеров. Пусть они произвели мало самостоятельного, но они своими трудами подготовили его, и наш долг почтить их за это и не взваливать на их плечи ответ за недостатки, происшедшие не от их бездарности, не от их неохоты трудиться, а от того, что иначе трудиться было невозможно, да пожалуй и менее полезно при существовавших условиях.

Профессор Максимович делил учёных на любящих себя в науке и на любящих науку в себе. Для одних возможность личной разработки науки составляет главное; искренно и действительно интересуется их только то в науке, о чем они могут сказать своё новое слово, или по крайней мере, к чему могут прибавить лишний факт, добытый собственными трудами. Все остальное для них дело постороннее, которым они могут заниматься по обязанности и по житейской нужде, но не по призванию, не по душевному порыву. Такие люди двигают науку, если они сильны головой, или же только обогащают материал её, если на большее не хватает способностей. Они по существу своей задачи космополиты и они не могут понимать, вследствие своей исключительной исходной точки зрения на научную деятельность, как можно не только посвятить себя развитию какой-то народной науки, но даже и говорить о ней. Для них слова «русская, французская, германская наука» — бессмыслица, противоречие существу дела. Такие люди, когда они гениальны, или даже особенно талантливы, составляют научную гордость страны, в особенности с точки зрения международного научного представительства. Посредством их местная наука заключает связи с другими странами; по ним судят до какого высокого уровня дошла в данное время в общем научном прогрессе та или другая страна. Такие высоконучные, хотя и эгоистические талантливые натуры, полезны стране и даже людям иного закала, так как служат им барометром научного прогресса и высоты научных требований от специалистов. Это аристократы науки, имеющие все хорошие и все дурные стороны всякого аристократизма. Хорошие состоят в том, что всё делаемое ими сравнительно совершенно, изящно, законченно, но потому самому и стоит далеко от массы, составляя для неё что-то недостижимое, перед которым она может благоговеть при хорошем общественном настроении и которое она стремится, если не взорвать и уничтожить, то унижить при господстве низменных утробных, стадных инстинктов. Слабые стороны научных аристократов те, что они сознательные или не[99]сознательные поклонники своей касты, в душе только её одну и уважают исключительно, свысока и барски относясь к труженикам иного закала. Учёные аристократы, как и аристократы общественные, непрочь от популярности, от аплодисментов презируемой, или по крайней мере не ценимой ими толпы обыкновенных

смертных: они напишут для неё изящное сочинение, прочтут ей публичное поучение, но не могут жить её жизнью, не могут вдохновиться её потребностями, поставить себе целью её, хотя и менее блестящие, но более насущные и более реально человеческие потребности местности, страны, времени. Иное дело люди любящие науку в себе, поглощаемые ею до забвения своей личности, своего эгоистического я. Они стремятся усвоить себе как можно больше знаний и для них нет стоящего вне тесного круга их личной специальности и компетентности. Им столько же важны и близки результаты добытые другими, как и свои собственные. Такое стремление имеет сильную теневую сторону: так как масса добытого другими и постоянно добываемая так велика, что поглощает на усвоение её почти все силы таких людей, то их личная научная инициатива соответственно умалется и притупляется, тем более, что при этом действует и другой фактор. Для аристократа-учёного интересны только те, которые стоят на одном уровне с ним, которые могут быть присяжными судьями производимого им. Гордое изречение «l'aristocratie et de tous les pays» приложимо и к убеждению учёного этого закала. Для собирателя в себе научных знаний общий успех науки есть все, потому что наука является всего менее жизнью его самолюбия, а центром всего внутреннего его мирозерцания, его внутреннего довольства и благосостояния. Влюбленный так сказать в науку, в её совершенство, в источники её умственных наслаждений, он не может спокойно смотреть на то, что около него существует масса людей, неспособных, по недостатку образовательных средств, возвыситься до наслаждения наукою, до пользования её результатами, до сознательного применения последних к усовершенствованию своего быта и стремлений. Он отдаётся служению тёмному люду, его невольною задачею является распространение большого количества научного богатства между большим количеством людей. Он живёт не на Олимпе академий, а в народной школе, какова бы она ни была — высшая, средняя или обще-низшая; он имеет дело не с Европою вообще и европейскими требованиями, а с насущными нуждами окружающих его людей той или другой народности, представляющими свои частные особенности, свои исторически сложившиеся умственные потребности, свой особый склад мышления. Для таких людей скоро становится понятным, в какую форму и какое

содержание следует облечь общечеловеческие задачи, чтобы сделать их прочно укоренившимися и способными на самостоятельный рост у данного народа, в данной стране.

Чем более распространяется в какой-либо стране наука, чем глубже она пускает корни, тем менее требуется самопожертвования со стороны лиц, болеющих за умственную недоразвитость масс, потому что увеличивается как число деятелей-просветителей, так и средства для научного просвещения. Самая работа идёт скорее, легче, совершеннее, что мы и видим в вышеизложенном нами историческом очерке профессорских трудов по зоологии в Московском Университете. Громадный шаг вперёд делает и популяризация научных знаний в промежутки времени от Магазина Антонского до Нового Магазина Двигубского. Уровень преподавания также подымается значительно и большая разница между дошедшими до нас трудами Афонина и Максимовича, целями Антонского и стремлениями Двигубского. Конечно и время делало своё дело: наука двигалась вперёд, уровень знания поднимался, число образованных людей увеличивалось, а вместе с тем возвышались и требования от преподавания. Лучшую школу стали проходить поступающие в Университет, лучше сделалась предварительная подготовка самих профессоров, и Московское Общество переросло уже излияния о пользе наук и знаний; потребовалось нечто более совершенное, более научное: оно и явилось на актах в более научных и менее риторических речах, а в общедоступных журналах в виде более серьёзных статей, между коими процент статей чисто научного содержания и туземного, а не переводного происхождения начинает возвышаться, хотя сначала и медленно, но постепенно. Проследить нарастающую большую научность в трудах профессоров зоологов первого и второго периода и было нашею целью. Из всего рассмотренного нами видно, что наиболее заметный успех в научном мышлении выразился не в специальных статьях, не в диссертациях, а в общедоступных статьях, в тех, с которыми профессора считали возможным являться перед лиц[ом] всей публики не в качестве только учёных специалистов, а в образе учителей и просветителей массы. Обыкновенно в биографиях учёных и в исторической оценке их трудов историки ограничиваются только их специальными исследованиями, оставляя в стороне, как малозначащие и не имеющие значения, их

литературные и общедоступные труды, предназначенные для общего разума. Такой приём бывает хорош и целесообразен, когда дело идёт об оценке специа[100]листа в тесной сфере его специальной научной деятельности, в определении того, насколько много данных и какого они значения выработано им для всемирного научного склада. Было бы однако же крайне односторонне ценить в учёном только одно это, а особенно в профессоре, имеющем своим главным назначением поднимать до современного ему научного уровня вверенные его руководству молодые головы и образовывать чрез преподавание и выяснение научных идеалов молодые сердца своих слушателей. Вот эта последняя сторона и выражается всего менее в специально научных исследованиях профессоров и всего рельефнее выясняется в их публичных речах, в их общедоступных статьях, так как лекции в настоящей их форме, т. е. той, в какой они служат для аудитории, совсем почти не доходят в более или менее удовлетворительной цельной форме до последующих поколений. Что знаем мы о лекциях и преподавании Фишера, Антонского, Двигубского? Несколько общих мест, несколько общих указаний, пожалуй ещё несколько анекдотов более или менее курьёзного свойства, и только. Не оставь они нам статей иного рода, статей имеющих своею задачею не только показать свою эрудицию, а выяснить те или другие вопросы перед более широкою общественною аудиториею, мы бы не могли составить себе понятия ни о степени их талантливости и даре слова, ни о их общем научном мировоззрении. Поэтому-то мы и проследили так подробно за общедоступными сочинениями прежних профессоров-зоологов, а иногда даже останавливались на них долее, чем на чисто специальных исследованиях. Преобладающий интерес в предлагаемых заметках сосредоточивался не в определении, какие факты и сколько их открыл и разработал тот или другой профессор по своей специальности, а в выяснении насколько он подвинул, и мог подвинуть, при своих общих взглядах на распространение и усвоение сведений, дело преподавания зоологии, задачу научного развития своих слушателей. Нам нужны были по преимуществу ответы на то, что в деле распространения знаний каждый из них считал особенно важным, какие стороны он стремился отметить и оттенить по преимуществу, какую форму изложения он считал наиболее подходящею к цели. С этой точки зрения оставленное

нам прежними профессорами наследство в ряде их статей совершенно достаточно для составления верного представления о их деятельности.

Рассматривая это умственное наследство без предубеждения, нисколько не утрируя его значение, но относясь только справедливо и сочувственно к нему, мы должны добрым словом помянуть тех тружеников, которые сначала нынешнего столетия и до середины его укрепляли зоологические знания в Московском Университете, а чрез него и во всей России. Из оставленных ими трудов мы видим, что они постоянно трудились над усвоением науки, что они любили её, делали всё, чтобы своими статьями возбудить то же чувство и в обществе. Разве этого мало для того, чтобы почтить память профессора, жизнь которого главным образом должна быть посвящена распространению знаний по своей науке в том учреждении, которое вверено его добросовестности, его честности, как воспитателя молодого поколения? На первом месте, при обсуждении значения каждого общественного, а особенно педагогического деятеля стоит ответ на следующие вопросы: искренно ли он стремился по мере сил выполнить долг, был ли он человек вполне преданный взятому на себя великому делу служения обществу, или только наёмник, видевший в своём труде удовлетворение личных потребностей удобствами службы и личных эгоистических целей самолюбия? На это история трудов профессоров зоологов отвечает к их чести, и потому-то мы должны с уважением относиться к их именам и в этом уважении сознательно убеждать молодые, не испорченные ещё от отрицательных сторон жизни сердца и умы будущих русских деятелей. К сожалению, в последнее время даже замечательные педагоги грешили против этого, употребляя свой талант на изображение в комическом, даже отталкивающем виде жизнь прошлую воспитавшего их Университета. Факты в таких воспоминаниях верны, взятые отдельно, но не верна, но вредна их группировка, их односторонний подбор, в особенности частью вследствие вообще нашего неумения справедливо относиться к прошлому, к людям иной подготовки, иных целей и иных окружавших условий; частью же вследствие ещё сильно распространённого греха русского человека, любящего заменять юмор и критику глумлением и зубоскальством. Сам русский человек подметил эту печальную особенность своих родичей в пословице: «для красного словца — не пожалеет и родного от-

ца». Таких красных словец, не жалеющих для эффекта своего родного Университета и его прошлого, нам приходилось слышать много при собирании у бывших слушателей их впечатлений о прошлом преподавании. Замечательно, что все эти красные словца исключительно передаются только о русских прежних профессорах, но не о немцах, обильно населявших университет и тоже представлявших немало курьезов, не только для остроумия, но можете быть и для более серьёзной критики. Мы могли бы привести здесь целый ряд фактов из этой группы, и печаль[101]ных, и комических, но были ли мы правы, выдвигая относительно немцев профессоров только курьезы, хотя они и действительно происходили? Конечно нет, и всякий упрекнул бы нас в тенденциозности, в стремлении умалить значение труда и добра внесённого людьми иной национальности. Почему же мы, забывая о заслугах, или даже не дав себе труда познакомиться с ними, бросаем в могилу много потрудившихся однокровных с нами людей насмешки над их личностью, ставим им в вину то, что вызывалось общею дикостью нравов, бедностью происхождения тружеников, ненормальными условиями, в коих находилось дело преподавания в их время?

У прежних русских профессоров, деятельность которых мы только что рассмотрели, были конечно свои теневые стороны, особенно если их рассматривать исключительно как учёных специалистов. Главный недостаток был отсутствие самостоятельности и оригинальности ума, недостаток личной научной инициативы. Они, включая сюда и Фишера, по своим способностям не были Кювье, Гумбольдты, Латрейли и Ламарки, но для таких лиц бывает своё время, обусловленное историческим развитием культуры. Можно ли разве умалять заслуги теперь только что начинающейся японской науки и относиться свысока к местным учёным за то только, что у них ещё не могли выработаться учёные деятели, могущие стать наравне с их западными учителями, не только по форме трудов, т. е. по научности метода работ, а по внутреннему значению, по подъёму таланта? Конечно нет; поэтому будем же справедливы и к нашим прежним деятелям, как мы умеем быть справедливыми к японцам и какими мы, по совести, и должны быть относительно их. Вспомним, что русский профессор долгое время в Университете не мог даже вполне оспециализироваться, потому что им постоянно помыкали с одной кафедры на

другую. В этом отношении весьма правдивы и характеристичны слова Глебова, откровенно написавшего в своей автобиографии: и «написал, и напечатал мало, потому что постоянно приходилось читать лекции по новым предметам». История Университета показывает, что в то время, как приглашённые немецкие профессора крепко сидели на своих специальных кафедрах, русские постоянно перетасовывались по мере надобности вследствие различных внешних, а не их личных, желаний. При таких условиях ещё удивительно, как могла только русская способная натура поставить всё-таки дело своего преподавания удовлетворительно, по крайней мере по отношению сущности лекционного труда.

[...]

Общий взгляд на деятельность и научное значение Рулье

[205] Содержание. Отношение к учёным и общественным деятелям как мерка и указатель общественного развития. Почему именно в особенности полезно теперь сосредоточить внимание на таких деятелях как Рулье? Различие отношений публики и учёных к людям фактического и философского направления. Воззрения относительно высоты значения Рулье как профессора и как учёного. Грешил ли Рулье тем, что за преобладающее считал развитие и образование учеников, а не техническую специализацию их? Справедливы ли упрёки по отношению к Рулье, относительно пренебрежения им систематики? Павлов и Рулье, как представители осмысленного знания и изучения в Московском Университете.

Направление хода мышления и степень умственного развития, характеристичный для известной эпохи и известного класса общества, всего яснее выражаются в симпатиях и антипатиях существующих в тот или другой период к личностям, выдвигающимся из массы, становящимися руководителями её и выразителями её умственных и нравственных потребностей. Для истории народа, а не государства, ход прогресса или регресса выясняется более из изучения смены симпатий к научным и литературным вожакам его, чем из увлечения тем или другим государственным деятелем. Деятельность последних доступна для массы только в самых общих чертах и тогда только, когда затрагивает общенародные и патриотические чувства, всегда более или менее постоянные и однородные. Не то отношение массы к учёному и писателю, являющимся по большей части представителя-

ми, хотя во многих случаях временных интересов массы, но зато ближе стоящих к внутренней жизни народа, к его идеалам, надеждам и ожиданиям. История смены и преемственности учёных и литературных кумиров есть выражение психологического развития массы, отражение её стремления к отысканию идеала правды, чести и добра путём науки, мышления и слова. Продолжительность общественного значения каждого умственного вожака обыкновенно бывает пропорциональна тому добру и тому приближению к безусловному идеалу учёной и общественной правды, которые он вносит своими учениями, но степень увлечения каждым кумиром в период его наибольшей славы при жизни обыкновенно обуславливается, наоборот, временными причинами, в особенности гармонией их тона с настроением большинства. Временные общественные кумиры бывают не только у всего человечества, но и у каждой страны, каждой области, каждого города и даже [206] учреждения. Общее значение вожаков этих различных категорий конечно различно по количественному значению оставленных ими результатов, но не по качественному. Благодетель всего народа конечно имеет большие права на благодарность большинства людей, чем человек поднявший благосостояние какого либо города или принесший существенное добро учреждению, но по нравственному значению подвига оба деятеля одинаково высоки, и перед Богом, если не перед людьми, вряд ли будет между ними разница.

В последнее время русское общество стало более дорожить памятью общественных и литературных деятелей, внёсших в него полезное дело и плодотворную мысль, в чем нельзя не видеть большого шага в понимании значения своего народного достоинства и существенного успеха в общественном развитии. Но не всё ещё сделано в этом отношении касательно людей, некогда двигавших сердцами своих современников, вызвавших в них много добрых зачатков — и имеющих право на широкую общественную благодарность. К таковым принадлежит покойный Карл Францович Рулье, оставивший по себе одно из неотъемлемо славных имён в истории Московского Университета и в научном развитии русского Общества. Велики были умственная мощь и нравственное влияние этого выдающегося учёного и учителя многих поколений русских людей, так что даже теперь, спустя более чем четверть века по его кончины, не

найдётся ни одного уголка русской земли, обитаемой питомцами Московского Университета, в котором имя Рулье не вызвало бы или самых лучших юношеских воспоминаний, или ряд дорогих университетских студенческих преданий. Недаром известный период жизни Московского университета носит, как бы по общему уговору, название эпохи Рулье, Грановского и Кудрявцева. Было в этих людях, значит, нечто особенно выдающееся, особенно близкое сердцам питомцев Университета, что они их увековечили в своей памяти в качестве представителей особого университетского периода, хотя в то же время Университет имел, кроме них, много других людей, высоко стоявших в науке и много потрудившихся для неё. Это нечто заключалось в полном всецелом увлечении задачами науки, широким человеческим взглядом на неё, молодой, не стареющей энергией мысли и идеала.

Когда какие-либо люди становятся знаменем учреждения подобного Московскому Университету, неразрывно связанного со всем ходом научного и общественного развития в России и столь много повлиявшего на это развитие, то они уже выходят из рамок специальной истории самого учреждения и становятся деятелями, принадлежащими истории культуры всего своего народа. Они являются не только вожаками в умственном развитии его, но и выразителями умственных и нравственных идеалов своего времени. Каждая эпоха имеет свои положительные и отрицательные стороны, свой дебет и кредит, и несомненно к отрицательным сторонам нашего времени отнесут историки будущего если не охлаждение, то недостаточное внимание наше к памяти таких людей как Рулье, Грановский и Кудрявцев, так как именно теперь, при распространении пошло-практического взгляда на университетские задачи, особенно нужно было бы выдвигать высокие умственные образцы нашего прошлого. Когда на истины, учёные или общественные, начинают смотреть не с точки зрения их внутреннего умственного или нравственного значения, а со стороны пользы или вреда, приносимого ими тому или другому господствующему житейскому интересу, той или другой общественной тенденции, тогда-то взгляды и деятельность людей, подобных сказанным великим учителям Московского Университета, оказываются особенно полезными и пример их особенно поучительным. Много говорили современники, и даже писали и печатали потом, о недостатках и

будто бы ложной канонизации трёх московских представителей знания сороковых и пятидесятих годов; немало труда было положено на то, чтобы убедить в недостатке глубины и настоящей научной состоятельности возносимых преданием учителей, но все эти усилия, как были до сего напрасными, так и останутся ими. Разве те, для которых с именами Рулье, Грановского и Кудрявцева связывается нечто самое светлое, самое дорогое в своей жизни, не знали их слабых сторон и разве не видели их недостатков? Но не в недостатках этих была сила людей, а в их положительных свойствах, в их умении овладевать своею искренностью не одними только головами своих последователей, но и их сердцами; в их могуществе затрагивать постоянно у людей лучшие, наиболее чистые душевные струны. Может быть эти люди обучали не всей науке; может быть после их курса нужно было приниматься самому за изучение многого в специальной технике знания, но зато они умственно развивали глубиной своего учения, нравственно воспитывали искренней преданностью науке и её лучшим идеалам. Их учение было учение о правдивости и чистоплотности мысли, и если оно не вело, подобно специальному техническому знанию, к материальной силе, зато удваивало нравственную энергию и клало устои для последующей борьбы с жизнью.

Покойный Михаил Федорович Спасский говорил о Рулье, что он принадлежит к тем людям, к которым нельзя относиться равнодушно: [207] их можно или любить, или же ненавидеть, среднего для них нет. Действительно, воззрениям и направлению Рулье возможно было или искренно сочувствовать, или же требовалась коренная борьба с ними. Сила ума и таланта Рулье были таковы, что большинство его товарищей и громадная преобладающая численность его слушателей искренно ценили его и увлекались им, но были и такие, которые оставались равнодушными к сильным сторонам его и особенно поражались его слабыми, а потому умаляли его силу и значение, признавая его только за красноречивого оратора. Большие споры возбуждала почти каждая лекция Рулье, а особенно посвящённые любимым темам профессора. Спокон века между людьми замечаются два типа научных и общественных деятелей: одни все в факте, в наблюдении окружающих их явлений, в собирании богатства для самого богатства; другие — люди идеи, искатели идеала, ценящие собранное постольку, поскольку оно

даёт средство для более высоких нравственных и умственных целей. Одни — носители анализа, критики, скептицизма, материального осязательного знания; другие — олицетворённый синтез, неутомимые искатели и создатели идеала науки, люди мысли и обобщений. Фактистов больше в жизни и науке и они понятнее толпе по своим задачам и целям; их работа осязательнее для каждого, почти что может быть вычислена и взвешена; приобретённое трудами их понятно без каких либо усилий. Иная судьба выпадает на долю научных людей, стремящихся к идеальным интересам, влияющих на душу своим словом, своею мыслью, своим убеждением: только гениям между ними, да и то не без борьбы и невзгод, удаётся прочно овладеть толпою, хотя бы на некоторое время, получить от неё почти единодушную сочувственную оценку. Относительно деятелей меньшего калибра, местного и временного, а не мирового значения, обыкновенно замечается у большинства стремление к умалению их роли, преувеличение их слабых сторон и недостатков. Разве много учеников у каждого учителя, способных возвыситься до ясного понимания всего того, чем обязаны ему они, не с одной точки зрения количества вбитых в их голову фактов, а со стороны расширения их умственного горизонта, выработки мышления и исходных его точек? Разве много встречается читателей, даже образцовых литературных произведений, способных уразуметь и сознать насколько поднял их умственный и нравственный уровень гениальный писатель, как много зачатков хорошего для будущей деятельности он оставил в них? Очень немного, но от этого не умаляется действительная польза, принесённая учителем и писателем, хотя бы она не только не создавалась, но и не признавалась большинством в данное время. Сотрудники и современники стоят слишком близко к своим деятелям, чтобы составить себе точное представление о значении последних, чтобы представить себе в верной перспективе слабое и сильное в деятельности и характере вблизи стоящего лица. На то и существует история, наука правдивого, не подкупленного страстями отношения к людям и фактам, чтобы заглаживать несправедливости современников. Идея правды и честного отношения ко всякому труду настолько сильна в человечестве, что если оно неспособно в жизненной борьбе настоящего остаться на уровне беспристрастия, то оно создало в истории суд, не только нелицеприятный

и правдивый, но человечный и милосердный даже к ошибкам и заблуждениям. Для Рулье уже настала история, возможны справедливые оценки и искренно сочувственные отношения к добру, внесённому им в науку и жизнь. Его недостатки и слабости, свойственный ему, как и всем нам, потомкам грешного Адама, исчезли в могиле и не могут уже затемнять нашего представления о нём, как не может воспоминание о пасмурных днях умалить значение красот, представляемых нам летом, взятом во всей его совокупности и во всем его течении. В области нашего представления могут сохраниться теперь только одни результаты умственной и трудовой деятельности Рулье, а результаты эти не могут не быть дорогими для людей истинно русских, умеющих ценить деятелей, вынесших на своих плечах заботы по первым зачаткам истинно русской науки и настоящего, а не привозного и показного русского просвещения.

Хотя я не был, да и не мог быть (по своей юношеской умственной наивности и недоразвитости, зависевших от условий, под которыми протекала моя молодость, и от крайне патриархальной обстановки её) близким человеком к Рулье, и мои отношения исключительно потом ограничивались той связью, которая необходимо устанавливается между профессором и находящимся под его полным умственным влиянием не созревшим ещё юношею-магистрантом, тем не менее у меня, кроме некоторых сердечных и весьма характерных писем его, сохранилось несколько любопытных воспоминаний о различных обстоятельствах жизни Рулье, в которых я был невольным свидетелем, а подчас и одним из второстепенных деятелей. Эти факты не только много могли бы выяснить сердечное отношение, сохраняемое мною до конца моей жизни к памяти Рулье, но и послужили бы подтверждением высказанного мною о значения (особенно Университетском) [208] этого замечательного научного деятеля и учителя. Но это факты личные, касающиеся или меня, или других, а таким фактам время только по успокоении всех деятелей в гробе. Тогда такие факты становятся историческим материалом и теряют характер как личного косвенного рекламирования своей жизни, так и камушков, бросаемых из-за гроба выдающегося деятеля на его противников, на людей, ещё не ставших историческим достоянием. Писать в заметках о людях следует только то, что может быть вполне выяснено со всею обстановкою, и когда это

выясненное может получить форму правдивой хроники и не может иметь ни малейшего характера каких-либо запоздалых счётов. Поэтому в настоящих заметках мы должны ограничиться, в дополнение к уже сказанному, только несколькими общими замечаниями по отношению к деятельности Рулье и характера её, как мы их понимаем, и в особенности по отношению к тем упрёкам и критике, которым он подвергался при своей жизни и даже после смерти. Упрёки эти высказывались, если не печатно, то устно в различных кругах специалистов, не благоволивших к нему, или по личному предубеждению (таких всегда было мало), или же по несогласию исходных точек их воззрений с таковыми же Рулье на значение и на пути осуществления задач профессорской и учёной деятельности. Обвинения на Рулье в главных частях можно подвести под следующие: а) чисто формального, внешнего так сказать, значения, как например малое число прочитанных лекций, леность и т. д. и б) более существенные, вытекающие из научных и педагогических требований, каковы: теоретичность курса и малая фактичность его, преобладание гипотетического над фактическим, широта общего взгляда без достаточной критической разработки вопросов вглубь, т. е. по сущности их. Начнём с последних, как наиболее существенных.

Говорят, Рулье давал в своём преподавании более схем, чем фактов, более занимал и привлекал, чем учил. Говоря безотносительно, этот упрёк как будто имеет некоторый существенный вес, в особенности в наше материалистическое время, когда чуть ли не грудных детей стараются выдрессировать в какой либо специальности, могущей обеспечить сосуну более или менее верное денежное положение. Каждое полное естеств[енн]оисторическое знание, в идеале, состоит как из обладания техникою, так и из запаса фактических данных, собранных систематично и критически. Этим ограничивается техническое воспитание натуралиста, но для университетского знания нужно ещё нечто большее: развитие умственной восприимчивости, умение в различных научных временных течениях отличить коренное, существенное, в котором всё будущее науки, от случайного, временного, анализирующая способность познать истинное место приобретаемым фактам, умение не только поставить их рядышком и эффективно в параллель с другими фактами, но и воспользоваться ими для поднятия уровня самого знания и

для придания ему большей глубины. Требуется приучить мысль к синтезу явлений, воспитать инициативу самостоятельности в мышлении, вызвать к жизни способность в деревьях уметь отличать лес, т. е. за фактами не упускать общих целей науки. Таковы требования теоретические, идеальные, от учёного по отношению к условиям научного совершенства, и от профессора по отношению к влиянию его на аудиторию, к научной, так сказать, выработке её своим учением. Но это только идеал, только желаемое, не осуществимое единоличными средствами, а только коллегиальным воздействием. Как нет и не было человека, за исключением Богочеловека, соединявшего в себе все хорошие качества христианина, теоретически столь необходимые для благополучия людей, столь простые в идее и столь естественные, так не было и не будет такого божественного значения профессора, который бы мог единичными силами своего таланта поднять своих слушателей и учеников до высоты всех вышеуказанных требований. Разве деятельность Кювье, как учёного и профессора, не повлияла на формирование односторонней школы между его последователями и не вызвала дальнейшее развитие науки вне его школы, даже вне страны его влияния? Разве после смерти Дарвина не указано было многими первостепенными учёными на односторонность тенденций его последователей, на недостаточно внимательное отношение к другим исходным путям научного развития, чем положенные в основу его учения. Кювье и Дарвин велики в истории человечества потому, что ими было внесено многое великое в научное знание, но они не обняли всего знания, всех его требований; они сделали всё, что может сделать гениальный человек для знания, но и они не могли свою науку довести до степени совершенного, законченного знания.

Та же непреодолимая для единоличного деятеля предельность его влияния, зависящая от невозможности одному человеку обнять всю науку со всеми её частными целями и частными требованиями, которые ограничивают результат деятельности гения и выдающегося таланта в науке, действует и в более тесной сфере профессорства и высшего обучения. Это так естественно понятно и так исторически доказательно, что учреждения, наиболее приблизившиеся к идеалу высших школ научного развития — Германские Университеты, никогда не кладут всех своих надежд на полное

[209] научное формирование своих питомцев на одного человека, как бы гениален он не был, а на целую группу специалистов различных направлений, различного научного содержания, если только к людям возможно применить то выражение, которое говорится о книгах. Идеал образования германского специалиста состоит не в том, чтобы получить всю премудрость на лекциях и в лаборатории одного профессора, какой бы первоклассною знаменитостью он не был в учёном мире, а чтобы научиться у нескольких специалистов, сначала одного и того же университета, а потом и у представителей той же науки в других университетах, ибо каждый отдельный университет, по жизненным условиям, вырабатывает в себе какое-либо преобладающее направление, а следовательно — больше или меньше впадает в односторонность. И это будет всегда, пока профессорами будут люди, или пока не сделают обязательным везде и всюду читать по определённым книжкам, следовать в работах известным приёмам, словом пока не обезличат университеты до степени технических высших школ, дающих одних только работников с весьма сильно развитыми способностями, зависящими по преимуществу от изощрения органов чувств и механического труда, а не от развития высших умственных способностей. За границей уже формируется довольно порядочная литература, стремящаяся поглотить университеты в выучку механизма знания и в утилитаризме целей. Она растёт по мере расширения радикальных воззрений, смотрящих на науку для науки как на непозволительную роскошь. Мало помалу в последнее двадцатилетие, при развитии, а иногда и преобладании так называемого научного реализма, а в сущности служения мамоне добытыми наукою средствами, и у нас стал вырабатываться такой эксплуататорский взгляд на цели университетского обучения. С этой точки зрения Рулье будет котироваться очень низко, так как сила его была не в передаче научной техники и обыденного рутинного знания, а в воспитании ума обогащением его идеалом знания, в развитии способности изучать предмет цельно и осмысленно. Рулье был того убеждения, что факты позабудутся, специальные знания улетучатся, но строй науки, её построение, её план навсегда останутся. Он не отвергал, что для построения чего либо нужно уметь и кирпичи класть, и топором рубить, но полагал, что это дело личной выучки, дело личных усилий и терпения; что высшая школа

должна давать способность к архитектурному творчеству в науке, а не рецепты для обжигания кирпичей и стругания дерева. За что же умалять значение человека, который поднимал высоко уровень архитектурного научного знания и полагал, что кирпичи и дерево дело иной, практической, школы? Нельзя винить за это Рулье и умалять его университетское значение ещё и потому, что он жил в иное время, при ином складе жизни и при иных научных требованиях. Это различие прежних требований от университетских профессоров, сравнительно с нынешними, ясно указал Сеченов в своём очерке, характеризующем современное состояние Русских Университетов, напечатанном в Вестнике Европы за 1883 г. «Причин малочисленности и разъединённости рабочих сил в прежнее время в русских университетах много, — говорит он, — но главная лежала, несомненно, во всем строе университетской жизни, логически вытекавшем из тогдашнего (по нашему времени уже неправильного) взгляда на значение университетов в умственной жизни страны. У нас даже в 50-х годах на университеты продолжали ещё смотреть только как на рассадники готового знания, в которых юношество обучается высшим наукам. К этому приспособлена была вся деятельность университетов, и она, собственно, проходила в том, что профессора читали лекции, стараясь преподнести слушателям последние выводы науки, а слушатели пассивно воспринимали их. Научной работы — того, что теперь составляет истинную учёность — от профессоров в сущности не требовалось; она была достоянием немногих избранных и, замкнутая в тиши кабинетов, очень редко вступала в живую связь с аудиторией. В те времена такие занятия назывались очень характерно — чёрной подготовительной работой, и мне лично случалось слышать, как один, теперь уже умерший, учёный из той эпохи называл себя серьезно черно-рабочим, в отличие от профессоров-ораторов. В те времена и требования от преподавателей-натуралистов, и мерки для них были иными, чем теперь. Учёность определялась начитанностью, современность — тем, насколько профессор следит книжно за наукой, дельность — внесением в преподавание здоровой логической критики, талантливость — умением обобщать, а преподавательские способности — ораторским талантом. Нормы требования были одинаковы и от реалиста, и от представителя книжной учёности. В моё студенчество в Московском Универ-

ситете было два натуралиста, пользовавшихся громкой репутацией, и когда слушатели, тоже натуралисты, увлечённые удачной красивой лекцией одного из них, хотели похвалить его особенно сильно, то говорили, что он такой же превосходный профессор, как Грановский и Кудрявцев. При таком запросе со стороны среды и ответы получались соответственные. Преподавание с кафедры было главной целью, а самостоятельный труд хотя [210] ценился, но был необязателен и считался делом личного вкуса».

Таковы были требования со стороны студентов и общества от профессоров у нас, да как мы знаем — и не у одних нас, ибо зоологические лаборатории, как таковые, а не как пособие медицинского образования, и за границей стали распространяться только после смерти Рулье, а окончательно сформировались или даже ещё формируются в наше время. Профессор мог ограничиться исключительно лекционными задачами и больше от него ничего не требовалось. Но разве Рулье так смотрел на свою задачу по профессуре и преподаванию? Вспомним его палеонтологические исследования, ряд его самостоятельных трудов, программу работ Северцова, предпринятых под влиянием Рулье. Упрекнуть Рулье в том, что при нём не производились микроскопические наблюдения, нельзя, ибо это считалось принадлежностью вновь устроенной кафедры сравнительной анатомии, которой отдано было всё, что касается до обучения строению и развитию животных. На долю Рулье остались Зоологическая систематика и Биология животных. По Биологии Рулье постоянно и сам наблюдал, и давал программы и указания всем желавшим заниматься ею, но биология есть изучение общих жизненных условий животных, а их изучать на чучелах Музеев нельзя. Остаётся систематика животных, в отношении которой Рулье мог бы завести практические занятия, но даже теперь в Германских Университетах таких лабораторий по систематике не имеется, и систематическое изучение таксономических признаков по справедливости признаётся, вне самых общих знаний, делом личных специальных трудов желающих. Профессор может помогать таким трудам с помощью указаний, выбора сочинений, доступа к коллекциям Музеев, но и только. Это всё Рулье всегда охотно делал, если только видел, что кто либо действительно желает заниматься. Он сам издал достаточное число систематических трудов, в коих много его

слушателей принимало участие, для того, чтобы именно это не поставить ему в вину.

Упрёк в непрактичности преподавания, поскольку это касается работ учащихся по зоологии, следовательно, не может быть поставлен в упрёк Рулье. Напротив того, в этом отношении он всегда делал более того, что требовалось от него обычаем и обязанностями тогдашнего преподавания. Остаётся другой, и действительно более веский упрёк, делавшийся и делаемый Рулье при оценке его деятельности: это преобладание в его курсе в последние года лекций общего содержания над специальными, посвящёнными изучению не животного царства вообще, а животных в частности. На это прежде всего нужно заметить, что упрёк этот может относиться только к предсмертным годам, когда организм Рулье был болезнен и расшатан, так как прежде, в первое десятилетие своего профессорства, как я знаю от тогдашних слушателей, Рулье излагал полный систематически курс, в особенности столь любимых им до конца жизни зверей и птиц. В начале пятидесятих годов совершается в Рулье перелом: он перестаёт мало помалу интересоваться лекциями по палеонтологии и систематике и душа его исключительно начинает лежать к Биологии. Обыкновенно объясняют это тем, что Рулье обленился, стал вести дело спустя рукава. Но я убеждён искренно в ошибочности такого объяснения, на основании того, чему я сам был свидетелем с 1851 года и что я узнал из ближайшего знакомства с Рулье во время моего секретарства в Комитете акклиматизации с 1856 г. по день смерти Рулье. Много раз я потом думал об этом предмете, многому научил меня собственный довольно долгий опыт и наблюдения над душевным состоянием профессоров в разные столь быстро и столь неожиданно сменявшиеся времена, которые приходилось переживать нашему поколению. Нет, говорю я по искреннему убеждению, не ленность, не склонность к развлечению мешали Рулье в последние года отдавать себя лекциям так, как он отдавал себя всегда близким, до самой смерти его, интересовавшим его научным вопросам. Нет, не ленность или что либо подобное могли влиять на человека, который помолодел, возродился, когда пришлось прочесть ему исследование Зибольда о партеногенезе незадолго до своей смерти. Не мог просто залениться человек, клавший всю свою душу на каждую написанную им статью, следивший горячо и сердечно

за каждым трудом, за каждой даже попыткой к труду, каждого из своих слушателей.

Лень и кутёж — как просто, рельефно и глупо такое объяснение, столь охотно даваемое людьми для отрицательных фактов жизни замечательных людей. Здесь та же жизненная трагедия, которая не даёт людям, как бы в насмешку над их мудрствованиями, умения отличить голодного от пьяного, обессиленного в борьбе от лежебоки. Большинство, даже между хорошо образованными, не может понять, насколько убийственно бывает для людей, работающих всем существом своим над какой-либо научной или нравственной задачей, злостное, презрительное, унижительное отношение к их целям, насколько глупое стечение обстоятельств, даже бессознательно подстроенное людьми, блаженными в убеждении своей правоты [211] и действительно недурными вообще, влияет вредно на односторонне возбужденную долгим трудом нервную систему. Их нервы крепки, да при том подкрепляются убеждением в пользе устраиваемой ими пытки, не только для преследуемого ими направления вообще, но и для нравственно пытаемого ими субъекта в частности. Не касаясь личных причин, которые по-видимому были у Рулье и много поранили восприимчивую натуру его, посмотрим только на официально известные современникам его факты, могшие произвести перелом в душе его, вызвать то, что по малообдуманности приписывалось лени. Первая рана душе Рулье, как мне кажется, нанесена была ему его спором с Браховым: Рулье, правда, вышел блестящим победителем, но ведь и победы иногда более подрывают жизненные силы человека, чем поражения. Рулье не мог не сознавать, что он сделал многое: положил основание науке Московской Геологии и Палеонтологии, хотя и после разведочных попыток Фишера. Своим умом и талантом он помогал своим сотрудникам и был их признанным и законным руководителем, хотя бы только и для понимания фактов, плана трудов, а не в механическом собирании и описывании материалов. В увлечении он делает ошибку в объяснение песчаников: злорадство и ликование там, где по общности труда и цели, скажу даже по личным симпатическим качествам, всего менее можно было ожидать этого. Несчастье борьбы специалистов и состоит в том, что даже у хороших людей научные цели заменяются сплошь и рядом амбиционными: на место человеческой психологии являются зоологические приёмы

действия, перенесённые только в нравственную сферу. Оказалось, что результатом многолетних трудов Рулье было то, что в Москве скучился кружок людей озлобленных на него, поставивших целью не только обесценить значение его работ, но даже дурно освещать его нравственные стороны: Рулье стал обвиняться в присвоении чужих открытий, в том, что им ничего почти не сделано, кроме написания красивых статей в популярных и общедоступных журналах. Как ни ясны были односторонность и предубеждение в таком обвинении, но они не могли не поранить сильно такого человека, как Рулье. Он победил, но палеонтологические занятия его с конца спора мало помалу затихают: вряд ли это одно только совпадение. Фрерихс, обладавший, как знаменитый практически медик, крепкими нервами, не мог снести нападок и злостного отношения медиков к одному из его сочинений и замолчал на целые годы, хотя и не был побеждён. Почему же не могло быть того же и у Рулье, человека нервного и восприимчивого? Скажут, может быть, что Рулье был энергичный человек и остался им до конца жизни, и что на такое малодушие он не был способен. Это скажут только те, которые о нервозности знают только понаслышке да из книг, и не испытали на деле или не наблюдали, что после продолжительных трудов в известном направлении и сильного одностороннего возбуждения нервной системы, ощущается при борьбе чисто острая боль в нервах, часто невыносимая, способная оттолкнуть человека от дальнейшего продолжения работы только потому, что она представляет вероятность новых тяжелых нервных мучений. Противники, если не сознательно, то чутьём знают это, и такой приём особенно удаётся с учёными, по самому образу своей жизни привыкшими к правильному и спокойному течению жизни. Вспоминая боль и горечь, с какою Рулье говаривал о своём споре в 1856 г., т. е. долго спустя после окончания его, принимая во внимание всё слышанное мною по поводу начатия спора, я лично убеждён в существовании глубокой душевной раны, нанесённой Рулье пережитыми им впечатлениями во время печальнопамятного спора.

Но не успел Рулье ещё порядком успокоиться от предшествовавшего (ибо по окончании спора в печати, жгучие следы его перешли в частные, личные отношения), как ему предстояло вынести другой нравственный перелом: успех его публичных лекций в 1850 г. вызывает на него це-

лую административную бурю; печатные лекции его задерживаются, их заставляют перефразировать и обогащать Бриджватеровскими тенденциями; на университетские лекции Рулье присылается ректор и декан для личного убеждения в их благонадёжности. Кто был на этой лекции с официальными визитерами, тот никогда не забудет чувства страдания и огорчения на выразительном, умном и симпатичном лице Рулье, и особенно в этих глазах, столь глубоких, столь дышащих умом. Рулье был не из таких людей, чтобы популярничать своим административным мученичеством, и потому все его усилия были направлены к тому, чтобы казаться спокойным. Даже предмет лекции он выбрал такой, на котором особенно волноваться было нечему: терминология частей двустворчатых раковин. А тем не менее, это лицо и эти глаза и теперь будто передо мною, как было это тогда, и я это говорю не для драматизма и эффекта, а по чистой совести. Какой же результат могли иметь на Рулье все эти повестки, проверки, визиты? Один только — отравить ему дело преподавания, опошлить его до исполнения формальности, вызываемой необходимостью иметь кусок хлеба. Успех лекций по общей палеонтологии привёл к тому, что ему довольно внушительно дали заметить, чтобы он [212] не очень-то распространялся в этом направлении, а побольше, для безопасности, сосредоточился на систематике, от которой тогда можно было хоть три года скакать и не доскочить ни до какой мысли. Неосмысленная рутинная систематика для Рулье всегда была антипатична, о чем он говорил постоянно, начиная с своих «Сомнений в зоологии как науке»; когда же почти принуждали читать её из видов доказательства своей благонамеренности, она просто опротивела ему. И вот он, собираясь читать систематику и палеонтологию, и даже выехав с этой целью в вицмундире из дому, не попадал на лекцию и пользовался каждым случаем, чтобы соблазнить себя и ускользнуть от неё. Не бегал же Рулье от лекций по общей зоологии и прочитывал цельный курс. Не недостаток материала для лекции мог мешать ему, потому что у него, при его обширной памяти, всегда в запасе был огромный материал, а из ряда вон выдающийся профессорский талант и способность к импровизации не могли затруднить для него внешнюю форму лекции. Сидеть часто подолгу одному, в особой комнате Печкина на Иверской площади вряд ли особенно было приятно общительному и живому Рулье, но это всё-таки было для него,

по-видимому, сноснее казённой систематики, хотя бы потому, что не напоминало ему горечи пережитого.

Рулье обвиняли также в пристрастии к гипотезам, к обобщениям, идущим далеко за пределы фактов. На лекциях это действительно бывало, и в наше время (1851 г. — 1855 г.) некоторые студенты-медики, случайно прослушавшие до того курс анатомии за границей, нарочно приходили на лекции Рулье с немецкими учебниками, чтобы убеждать нас, пламенных поклонников его, в том, что он неверно или неточно передал какой-нибудь факт. Но не даром же в период деятельности Рулье, а в особенности несколько прежде, выдающиеся умы из профессоров всегда подвергались одному и тому же подобному стереотипному нареканию в мании к гипотезам. Когда факты представляли какой-то калейдоскоп, когда их можно было только нанизывать, как грибы, на чисто внешнюю нитку, а не выводить один из другого, то синтетический ум поневоле, естественно, скажу даже законно, старался найти в гипотезе основание для уразумения частных фактов. Наука не есть собрание фактов, а осмысленное знание, и осмыслить свой предмет всегда старался Рулье, хотя всей своей учёной деятельностью он показал, что всегда также считал факт за единственно прочное основание истинного знания... Рулье в науке нужна была истина, а не факт, могущий быть перетолкованным так или иначе, и эту истину он действительно иногда искал в возможной гипотезе, имевшей хотя бы то преимущество перед отсутствием всякого предположения, что она не ставит человека в тупик, от которого «ни тпру, ни ну», как говорит пословица, а указывает ему путь фактической проверки, на котором он всегда найдёт нечто поучительное и действительно реальное.

[213] [...] В смысле воспитания мышления естественников Рулье был продолжателем того, что начато было Павловым [...] но Рулье стоит выше Павлова своими самостоятельными учёными трудами, фактической твёрдой основой своих работ и своей научной самостоятельностью. Всё что сделано впоследствии в науке, всё что составляет гордость современных её успехов, всё это не низвергает, не упраздняет программы, целей и стремлений Рулье, а только дополняет их, является естественным историческим нарастанием. Рулье ничего не нужно было бы изменять в своих убеждениях, в своих мне-

ниях, при возникновении современных целей науки, и как великолепны были бы его лекции, если бы при нём явились труды Дарвина? Какой новый широкий план работ он заве[214]щал бы тогда своей аудитории и своим ученикам!

Задача моя кончена. Мой листок лавра на могилу дорогого, по лучшим воспоминаниям молодости, человека положен. Кончая деятельную жизнь, жизнь не без тревожений и борьбы, естественно пожелать попытаться поставить в истинном свете хорошее пережитое прошлое, недостаточно выясненное и слегка оцененное другими из того, что самому, при большой опытности в жизни и науке, становилось всё ценнее и дороже. Я употреблял все усилия, чтобы отнести к Рулье и его предшественникам по возможности объективно, доказательством тому — почти хрестоматийная передача их трудов и воззрений. Думаю, что каждый, беспристрастно имеющий посмотреть на эту книгу о Рулье и его предшественниках, признает это, равно как и сочтёт понятным и естественным, когда я местами оставлял спокойный тон летописца деяний и говорил словом преданного ученика: неестественно было бы противное, как неестественно и противно слышать учеников, перебирающих недостатки своих учителей и сознательно или несознательно желающих тем эксплуатировать их, хотя бы косвенными доказательствами, что в том и этом они лучше его и проницательнее в понимании истинных задач науки. Пусть тешатся этим другие, хотя бы и исходя из проповедуемой всегда в этих случаях теории справедливой критики. Для критики слабых сторон учителя всегда найдётся достаточное число людей и без учеников, тем более, что посторонних и неблизких людей всегда меньше можно заподозрить в личностях, в отместке за прежние уколы самолюбия или за желание показать, что всем они обязаны своему уму исключительно, а не учителю, своему, превосходящему учителя, таланту. По моим убеждениям, считаемым мною за нравственно безусловно верные, обязанность близких людей, допущенных в интимную деятельность выдающейся личности, из учёных и других, справедливо указать сильные стороны человека, выяснить идеал и цели его научной работы и педагогического труда, а не собирать курьёзы его жизни, подготавливать суммированием слабых сторон, встречающихся у всех людей, даже гениев, fiasco его памяти и умаление его значения: на то существуют для внешней деятельно-

сти враги и люди иных воззрений, не стоявшие близко к учителю, а для внутренней интимной жизни лакеи, приживалки и сплетники: ни научная строгая критика, ни склонность людей к злословию выдающихся личностей не потеряют ничего и без кошачьего концерта, даваемого учениками своему учителю. Ведь добрая слава часто лежит, а худая летит... в печатных и непечатных заявлениях. Бросить камушек скромно или нахально всегда найдутся люди.

Когда о каком-либо лице, по прошествии более четверти столетия после его смерти, не может говорить без истинного увлечения его добром другой, то такому можно верить. Но, конечно, не все поверят и не все согласятся с конечным выводом и не все оценят верно мотивы, заставившие говорить о покойнике в данное время. Не согласятся в оценке Рулье те, которые по всему складу своих мыслей представляют темперамент различный от Рулье, которые по этой коренной естественноисторической причине не могут ни усвоить себе его целей, ни признать важности его трудов, прямо противоположных избранных ими для себя по свойству своей натуры. Не согласятся и те, которых так метко охарактеризовал Тургенев в своих Письмах: «Способностей нельзя отрицать у них, но где же вымысел, сила, воображение, выдумка, где? Они ничего выдумать не могут — и, пожалуй, даже радуются тому: этак мы, полагают они, ближе к правде. Правда — воздух, без которого дышать нельзя, но художество (как и наука, прибавим мы от себя) — растение, иногда даже довольно причудливое, которое зреет и развивается в этом воздухе. А эти господа бессемянники и посеять ничего не могут». От таких-то научных бессемянников страдал Рулье при своей жизни, они же не признают его после смерти; но кому хуже от этого? Умалится ли научное значение Рулье, что его не признают люди, могущие давать науке материал, но не способные не только создать, но даже сознать умственное значение оригинального, дышащего правдой и жизненностью научного идеала?

[215] [...] Могут сказать, как не раз слышали мы уже это, что не следует возвышать людей, поставивших главною своею цели не столько добывание новых фактов, сколько теоретических обобщений, идеальных умственных целей в науке. Полагают, что такие люди приносят вред науке, особенно учащимся, отвлекая их от эмпирической основы, ставшей необходимою для современного естествознания, и

направляя их стремления к гипотетическому, недостаточно доказанному, не составляющему знания в настоящем смысле. На это и можно ответить словами Йегера, высказывавшего, кроме своих странных теорий, и многие светлые и истинно прогрессивные, вполне научные мысли. «Каждый обширный философский и проницательный ум, — говорит Йегер, — чувствует недостаточность всей суммы известных фактов, и так как люди даже с самым светлым мышлением физически одарены не более всех прочих, имеют точно так же два глаза и две руки, то тем более нуждаются они в посторонней помощи и собирают вокруг себя целую сумму производительных сил, подобно тому, как архитектор окружает себя работниками, каменщиками и другими. Как архитектор не извлёк бы никакой особенной пользы в том случае, когда каждый работник его стал бы придумывать собственные планы постройки, точно так же и

естествоиспытателю естественно заботиться о том, чтобы ученики его доставляли ему только материалы, только факты, нужные для разрешения его собственных задач, и не было бы выгоды ему, если бы стали строить они на основании этих фактов свои новые проблемы. Такие люди, следовательно, хотя и не бывают сами эмпириками, но создают вокруг себя эмпирические школы. Этим объясняется очерёдность, которая замечается в преобладании то философского, то эмпирического направления. Философ создаёт эмпириков потому, что он нуждается в них; эти (новобранцы) эмпирики собирают в свою очередь новый материал, который, достаточно накопившись, даёт возможность выходящему на арену философскому гению разрешить наконец проблему, ожидавшую своего решения со времени его единомыслящего предшественника» (см. Йегер, Зоологические письма, перевод Н. К. Зенгера, стр. 53–54. 1865 г.).

АНАТОЛИЙ ПЕТРОВИЧ БОГДАНОВ*

А. Тихомиров

ANATOLE PETROVICH BOGDANOV

A. Tikhomirov

*Где же тот, кто бы на родном языке русской души нашей
умел бы нам сказать то всемогущее слово: **вперёд**?*

Гоголь

16 марта 1895 г. в 10-м часу вечера скончался заслуженный ординарный профессор А.П. Богданов. Не стало человека, 38 лет служившего всеми силами, данными ему Богом, родному университету, связь с которым у покойного не прерывалась со дня поступления его в число студентов в 1851 г. и до самой смерти.

А.П. Богданов родился 1 октября 1834 года в Нижнедевицком уезде Воронежской губернии. Покойный не знал своих родителей. Он был взят на воспитание сначала Е.О. Татариновой, а после её смерти (в 1839 г.) матерью её, княгиней Гл. И. Кейкуатовой, которая довела воспитание А.П. до конца и оставалась ещё в живых, когда он уже начал свою служебную карьеру. Покойный до конца жизни сохранял признательные воспоминания о своей воспитательнице-бабушке. Это чувство выразилось ярко в посвящении первого крупного учёного труда А.П. — его диссертации на степень магистра зоологии. На заглавной странице этого сочинения, после слов посвящения Княгине Глафире Николаевне Кейкуатовой, напечатано: «Même etant fait par moi, cet ouvrage est le tien». Верный тому же чувству покойный А.П. давно уже избрал себе место погребения на кладбище Новодевичьего монастыря ря[2]дом с могилой той, которой он всю жизнь считал себя глубоко обязанным.

До 1846 г. А.П. воспитывался дома. В этом году он поступил в 3-й класс Воронежской гимназии, где и окончил курс с серебряной медалью. В 1851 г. он поступил на отделение естественных наук физико-математического факультета Московского университета, где и окончил курс первым кандидатом в 1855 году. На торжественном акте университета, в год его столетия, 12 января того же 1855 г. А.П. был удостоен серебряной медали за сочинение на тему, заданную физико-математическим факультетом, по предмету геологии (об осадочных породах).

Ещё на студенческой скамье А.П. мечтал о будущей учёной деятельности и усердно к ней готовился. Вот почему уже в 1856 г., т. е. с небольшим через год по окончании курса, А.П. сдал экзамен на степень магистра зоологии. В том же году он поступил преподавателем в Земледельческую школу Императорского Московского Общества Сельского Хозяйства; оставался однако здесь недолго, так как в 1857 году отправился с учёной целью за границу. Хотя это путешествие было предпринято на собственные средства, тем не менее программа занятий А.П. за границей была ему дана его знаменитым учителем, профессором зоологии Московского университета К.Ф. Рулье, имевшим столь благотворное влияние на своих учеников. Это

* Настоящая статья изначально опубликована как некролог в книге «Речь и Отчеты Императорского Московского Университета за 1897 г.» (Москва: Университетская типогр. С. 1–20). Орфография дана в современном варианте, пунктуация в большинстве случаев оставлена авторская; исходная пагинация указана в тексте. *Ред.*

путешествие поставило А.П. в счастливую возможность прослушать курсы целого ряда знаменитых естествоиспытателей: по зоологии — Изидора С.-Илера, Дюмерилия, Бланшара, по сравнительной анатомии — Серра и Грасьоле, по гистологии — Робена. Весною 1858 года, по совету своего учителя, профессора Рулье, А.П. вернулся в Москву, напечатал и защитил на степень магистра зоологии диссертацию под заглавием «Цветность пера птиц». 23 сентября того же года А.П. был утверждён исправляющим должность адъюнкта по кафедре зоологии и таким образом начал своё служение Московскому университету.

[3] Дальнейшая краткая биография покойного такова. В 1859 г. он совершил вторую поездку за границу; причём главной целью был осмотр зоологических садов и зоологических музеев Берлина, Лейдена, Брюсселя, Лондона, Парижа. Первая половина 60-х годов была посвящена А.П. изданию целого ряда учебных пособий по зоологии, как собственных так и переводных. Начиная с 1865 г. антропология начинает в значительной мере сосредоточивать на себе внимание молодого учёного. В 1865 и 1866 гг. он делает много раскопок под Москвой и собирает обширную краниологическую коллекцию, послужившую предметом специального исследования, напечатанного в 1867 г. под заглавием «Материалы для антропологии курганного племени Московской губернии». Сочинение это было представлено в физико-математический факультет в качестве диссертации на степень доктора зоологии. Московский университет удостоил А.П. звания почётного доктора зоологии; после чего А.П. был вскоре утверждён ординарным профессором. В эти же годы началась полная энергии учёно-общественная деятельность А.П. Правда, что этому делу он начал служить ещё почти со студенческой скамьи, так как уже в 1856 г. по его инициативе возник при И. Московском Обществе Сельского Хозяйства Комитет Акклиматизации, со временем превратившийся в Императорское Русское Общество Акклиматизации животных и растений; но именно в 1863 г. А.П. основал то учёное общество, которое долгое время было его любимым детищем, именно, Общество Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии; по замыслу основателя оно должно было охватывать своей деятельностью всё естествознание и должно было связывать университет с рассеянными по всему

лицу России любителями этой отрасли знания. Общество было основано при университете и после счастливо удавшейся Этнографической выставки 1867 года в Москве удостоено звания «Императорского». Начавшаяся таким путём широкая общественная деятельность не отвлекала, однако, А.П. [4] от его ближайшего служения университету. «По окончании работ по Этнографической выставке, — читаем мы в его собственной краткой автобиографии (Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии), — Богданов поехал в третий раз за границу, где летом и осенью осматривал музеи и сады Голландии, Бельгии, Англии и Франции, а с октября по март работал в лаборатории профессора Лейкарта в Гисене. С Лейкартом же затем, в 1888 году, весною изучал в Неаполе морских животных и осматривал зоологические учреждения Италии. Следующая годичная поездка Богданова за границу была в 1873 году и посвящена была главным образом изучению морских животных в Виллафранке и Неаполе, а также осмотру зоологических учреждений в Лондоне, Гамбурге, Копенгагене, Стокгольме и Упсале. В 1878 году, в каникулярное время, Богданов снова осмотрел учёные учреждения Германии и Франции. Последний раз Богданов ездил за границу на каникулярное время в 1887 году и во время этой своей поездки осмотрел музеи и лаборатории в Варшаве, Кракове, Бреславле, Берлине, Дрездене, Лейпциге, Праге, Вене, Инсбруке, Базеле, Берне, Париже, Брюсселе, Лейдене, Гамбурге, Киле, Росток и Кенигсберге. Главною целью поездки 1887 года было ознакомление с глубинными животными, в особенности найденными французскими экспедициями». Так писал сам А.П. в 1888 году. После того им совершена была ещё поездка за границу в 1889 году. На этот раз он имел уже иную цель: принять участие в международных конгрессах по антропологии и зоологии, имевших место в Париже во время Всемирной выставки этого года. По своим связям с выдающимися учёными 3. Европы А.П. знал, что в Париже будет предложено назначить Москву местом собрания следующих очередных международных конгрессов по доисторической археологии и антропологии и конгресса по зоологии; он вполне сознавал, что России было бы уже неудобно более откладывать свою очередь и что именно он должен был [5] принять на себя все заботы по организации этого трудного дела. Как человек, привыкший к

общественной деятельности, он не мог не предвидеть всей тяжести неизбежных в подобных случаях крупных и мелких (особенно докучливых) затруднений. Однако же беда была в том, что здоровье А.П. было в это время уже подорвано; первые подготовительные работы осенью 1891 года уложили его в постель и едва не стоили ему жизни. В конце концов А.П. преодолел все трудности и, хотя надвинувшаяся на Россию в 1892 г. холера значительно уменьшила число ожидавшихся гостей, международные конгрессы, благодаря редкой энергии А.П., делавшей его способным не отступать ни перед какими трудностями, удались вполне. Однако же, едва ли кто из знавших его не согласится, что именно это крупное дело, венчавшее всю учёно-общественную деятельность А.П., свело его в преждевременную могилу: недуг, который обострился до степени крайней опасности в 1891 г., ко времени конгрессов как бы затих и дал А.П. снова ожить; но затем наступило скорое, хотя и медленное, но неуклонное угасание, приведшее к роковому 16 марта 1896 года.

В этом кратком некрологе трудно должным образом оценить деятельность покойного; но чувство ученика, признательного своему учителю, чувство воспитанника университета, признательного ему за всё то доброе, что он из него вынес, чувство русского человека заставляют пишущего эти строки попытаться по мере своих сил дать понятие о том, чем был Анатолий Петрович Богданов для своих учеников, для университета и для всей России.

Лишь только А.П. оставил школьную университетскую скамью, всем его существом овладела одна мысль: стать достойным последователем своего учителя (Рулье), перед которым он благоговел, развить дальше соответственно новым назревающим требованиям его программу профессорской и общественной деятельности и образовать целую школу естествоиспытателей, которые работали бы по этой программе [6] на славу родному университету, на пользу России. Что принадлежало в этой программе учителю, что — ученику, указать трудно: да и доискиваться прав собственности нет нужды; ученик продолжал дело учителя и только мечтал об одном — расширить это дело возможно больше. То обстоятельство, что А.П. смотрел на свое служение науке и университету, как на дело чисто «русское», нисколько не суживало его деятельности, а лишь более строго её

определяло и делало ответственность более осязательной.

Предприняв, как мы видели выше, своё первое путешествие за границу тотчас по окончании курса, А.П. решил попытаться сразу свои силы на одном из крупных, назревших к тому времени вопросов по зоологии. Результат был вполне успешен и доставил, вероятно, немало утешения предчувствовавшему свой близкий конец учителю. К.Ф. Рулье умер 10 мая 1858 г.; в апреле того же года вышла в свет диссертация А.П. на степень магистра зоологии «Цветность пера птиц. Биологический очерк» (1858 г., 128 стр.). Это сочинение, несомненно, должно считаться капитальным, так как поставленный в нём вопрос был решён раз навсегда бесповоротно. Не место, конечно, здесь входить в подробную оценку данных, в диссертации изложенных; но вот что мы читаем в современном нам классическом сборнике по морфологии птиц (Bronn's Classen und Ordnungen, Bd VI, 5. 575): «Die Farben der Federn sind zuerst von Altum dann von Bogdanow... untersucht worden». Читатель должен при этом иметь в виду, что диссертация была именно направлена к опровержению воззрения Альтума. Воззрение сводилось к тому, что в перьях птиц будто бы вовсе нет пигмента и что будто бы всё разнообразие окраски перьев зависит лишь от различия их в строении. Альтум настаивал, что если бы в перьях был пигмент, обуславливающей их цвет, пигмент этот можно было бы констатировать химически, чего однако, говорил этот автор, никто не сделал; да никогда и не сделает, полагал он. А между тем 4-ое положение диссертации А.П. Богданова гласило: «исключая белых перьев, нет ни одного явления цветности пера, в котором бы пигмент не входил, как фактор». В работах, легших в основание диссертации, её автором были указаны отдельные, свойственные перьям птиц пигменты: чёрный (бурый), красный, жёлтый. Основной общий вывод диссертации, что цвет перьев бывает или химического, или физического происхождения, т. е. что окраска перьев бывает, как теперь говорят, или химическая, или структурная, стал в зоологии общепризнанным положением.

Таковы были первые шаги молодого учёного, на которого со второй половины 1858 года, т. е. когда А.П. было всего лишь 24 года, всей своей тяжестью легло преподавание зоологии в Московском университете. Энергия была велика; но и задача предстояла нелёгкая, особенно если принять во внимание ту широкую программу, которую положил в основу своей деятельности

молодой адъюнкт. Имея в виду не элементарное изложение предмета, а университетское преподавание в широком смысле слова, не передачу одних элементарных сведений, а возможно полное ознакомление слушателей с современным состоянием науки и подготовку их к самостоятельной разработке научных вопросов, А.П. считал своей профессорской обязанностью, помимо чтений подробного курса лекций, дать своим слушателям также и нужные средства подготовки. Не щадя ни своего труда, ни материальных средств, он деятельно занялся в первые годы своей профессорской службы изданием руководств. Таковы были переводные издания: Бронна (*Protozoa* и *Coelenterata*), С.-Илера (Общая биология), Каруса (Сравнительно-анатомические таблицы) и т. д. Из этих руководств особенно выдалось собственное общедоступное руководство, озаглавленное «Зоология и зоологическая хрестоматия», ставшее очень скоро библиографической редкостью и, вероятно, привлекавшее к зоологии немало новых умов, стремившихся в университет.

С половины 60-х годов, оставаясь всё тем же строгим [8] исполнителем своих профессорских обязанностей, А.П. устремляет немалую долю своей энергии на совершенно новое дело: изучение России в антропологическом отношении; причём нужно иметь в виду, что он всегда смотрел на антропологию, как на один из отделов зоологического знания; морфологические и эмбриологические изыскания — вот что его интересовало здесь; такого рода изыскания, полагал он, должны привлекать к антропологии зоологов; для таких зоологов стремился он впоследствии основать при Московском университете кафедру антропологии. Сам А.П. в этой области занялся краниометрией, т. е. изучением формы черепа, и его первым трудом в этом отношении было сочинение «Материалы для антропологии курганного племени Московской губ.», за которое, как упомянуто выше, А.П. был удостоен звания почётного доктора зоологии. Начиная с этого времени и до последних дней своей жизни, А.П. неустанно продолжал издавать одну антропологическую монографию за другой и, можно сказать, создал русскую антропологическую литературу: начав свои краниометрические исследования с изучения курганного населения Московской губ., он переисследовал затем в том же направлении типы эпохи курганов различных областей Руси, типы эпохи древних могил Крыма и Херсонеса, типы современного инородческого населения востока Европейской

России, Сибири, Средней Азии, прилежащих стран Китая, а также и населения Кавказа. Всё это дало ему возможность представить (почти исключительно на основании собственных исследований) на международном конгрессе в Москве в 1892 году картину смены краниологических типов в коренной России. Считаю уместным привести здесь оценку заслуг А.П. по антропологии, сделанную недавно первым преподавателем антропологии в Московском университете, занявшим это место по указанию самого инициатора дела: «Будущий историк этой науки, — говорить проф. Анучин (*Журнал Мин. Нар. Просв.* 1896 г.), — должен будет признать, что с именем А.П. Богданова [9] связано, по преимуществу, первое её развитие в России... А.П. Богданов первый не только содействовал популяризации антропологии в русском обществе, но и первый стал систематически собирать необходимые материалы для познания типа современных и прежних обитателей России, первый озаботился изданием инструкций для антропологических наблюдений, первый стал заниматься исследованиями по расовой краниологии, издавая их на русском языке. Заслуги А.П. Богданова в этом отношении заслуживают тем большей признательности, что они были не легки, и что для достижения намеченных им целей ему приходилось бороться и с общим равнодушием, и с недоверием, и даже с более серьёзными препятствиями, приискивать и деятелей, и необходимые материальные средства, заботиться о распространении интереса к новой науке и о специальной обработке собираемых материалов. Московский антропологический музей является в настоящее время первым в России по обширности своих краниологических коллекций и одним из самых значительных во всём свете, в особенности по отношению к странам Восточной Европы, Кавказа, Северной и Средней Азии». Таковы признанные заслуги А.П. в деле, которое он всё-таки считал побочным при исполнении главной, возложенной им на себя задачи — достойного служения своему университету в качестве профессора зоологии.

Нет сомнения, что именно это служение университету, стремление должным образом осуществить программу, завещанную учителем и, в свою очередь, приготовить учеников, которые могли бы достойным образом продолжать его дело, было главной задачей деятельности А.П. Учреждение двух учёных обществ, поддержка и организация таких учреждений как Зоологиче-

ский сад и Политехнических музеев, устройство целого ряда выставок, в чём многие хотели бы видеть любимое дело А.П. — всё это для него было лишь средством достижения главной цели: расширения средств преподавания зоологии в университете. Широко понимая задачи зоологического сада, А.П. не делал различия между зоологией теоретической и прикладной. Вот почему неудивительно, что, будучи достойным учеником К.Ф. Рулье, он в то же время сей час по окончании курса становится ближайшим сотрудником столь известного деятеля по сельскому хозяйству, каким был С.А. Маслов. Уже в 1856 году был решён вопрос об организации Комитета Акклиматизации при Императорском Московском Обществе Сельского Хозяйства; через семь лет, в 1863 году, этот Комитет превратился в Общество Акклиматизации животных и растений, а в 1864 г. был открыт для публики принадлежащий Обществу Московский зоологический сад. Устройство этого учреждения было долгое время любимой мечтой А.П., и когда сад окончательно устроился, А.П. считал, что им достигнута одна из наиболее важных целей его деятельности. Однако же обстоятельства, к сожалению, сложились так, что А.П. должен был на долгое время устраниваться от участия в дальнейшей судьбе этого учреждения. Как известно, сад скоро пришёл в упадок. Когда в половине 70-х годов Общество Акклиматизации вновь обратилось к А.П. с просьбой пособить делу, он уступил этой просьбе, хотя положение Зоологического сада было весьма печальное: сад был обременён огромными долгами, и всё в нём приходило в разрушение. А.П. имел полное право, не заслужив ни с чьей стороны упрёка, не внять просьбе; но он был не таких правил; форма была для него ничто. Для кафедры зоологии, думал он, зоологический сад так же необходим, как для кафедры ботаники — ботанический сад, и если при университете нет зоологического сада, как учебно-вспомогательного учреждения, его нужно создать или поддержать, раз он существует в Москве, и вот начинаются для А.П. не покидавшие его до самой могилы заботы о Московском зоологическом саде.

Зоологический сад и Общество Акклиматизации, которому он принадлежал, для А.П. были связующим звеном между теоретической и прикладной зоологией. Могут ли русские зоологи, думал покойный, оставаться глухи к нуждам прикладной зоологии в России? Не будет ли их виной, если богатство, которое

может дать русскому народу разумная разработка вопросов зоотехнии, уплывёт из рук? Не заслужат ли способные к самостоятельной разработке научных вопросов русские профессора зоологии названия белоручек, если уклонятся от посильного решения вопросов зоотехнии? Вся деятельность покойного А.П. служит ответом на эти вопросы. Не только сам своими силами делал он всё, что мог, для укрепления рациональных основ различных отраслей зоотехнии, каковы птицеводство, пчеловодство, шелководство, но и стремился привлечь к этому своих многочисленных учеников; в Обществе Акклиматизации, в Комитете Шелководства думал он создать для них арену такой деятельности. Та же цель привела его в своё время и к устройству широко задуманной Политехнической выставки 1872 г., а затем и Политехнического музея, выросшего из этой выставки. Но только здесь А.П. шёл ещё дальше: он хотел показать, что не только зоология, но и другие естественные науки не должны закрывать глаза на нужды практики. А.П. всегда мечтал о профессорах и учёных, как авторитетных советчиках в вопросах практической жизни и народного богатства.

Став профессором университета, А.П. с первых же шагов не закрывал глаз на трудность предстоящей задачи. Чтобы приблизиться хоть немного к тому идеальному состоянию кафедры зоологии, о котором он мечтал, нужно было сделать много. Сохраняя прямо благоговейное воспоминание о своём учителе, А.П. знал, что всё сделанное им в будущем отнюдь не послужит для предшественника по кафедре упрёком в его бездеятельности; равным образом он никогда не смотрел на себя как на слепого исполнителя предначертаний учителя. В своей деятельности он смотрел на себя, как на продолжателя дела своего учителя, но только — с новыми силами и в новой обстановке. А.П. получил в [12] свое распоряжение Зоологический музей достаточно богатый; но это богатство было слишком скромно сравнительно с тем, о котором мог мечтать молодой профессор, успевший тотчас по выходе из университета обозреть богатейшие собрания 3. Европы. Изучение отечественной фауны уже было начато питомцами кафедры зоологии Московского университета; сам Рулье и его ученики не сторонились от самостоятельной разработки вопросов теоретической и прикладной зоологии; но этих учеников было слишком мало: для более широкой постановки дела нужно было создать такую школу; лаборатории при Зоо-

логическом музее ещё вовсе не было: её нужно было создать вновь.

Вот какие задачи предлежали человеку, занявшему кафедру в 24-летнем возрасте. Задачи были широки. Ещё рано судить о том, как были они выполнены; но едва ли кто будет спорить о том, что за всё время деятельности А.П. кафедра, им занимаемая, жила полной жизнью; а как это важно у нас на Руси, где талантов, слава Богу, немало, но где таланты эти так любят дремать.

Расширение Зоологического музея, устройство лаборатории и создание целой школы учеников — всё это сливалось у А.П. настолько вместе, что говорить о том, другом и третьем в отдельности невозможно.

В деле расширения музея А.П. прежде всего встретился с большим препятствием, именно: крайней ограниченностью средств; 600 рублей ежегодной штатной суммы — вот и всё, что мог давать университет. На эти средства нужно было увеличивать собрания музея, поддерживать в порядке спиртовые и др. коллекции, организовать практические занятия, приобретать новые учебные коллекции и, прибавим к тому, создавать лабораторию. Конечно, можно было рассчитывать на некоторый единовременные воспособления, но таковые могли быть лишь весьма скромных размеров. И вот, благодаря энергии заведующего музеем, начиная с первых дней существования Императорского Общества Любителей Естествознания [13] и вплоть до введения нового устава университетов (1884 г.), при котором учебные средства наших университетов, как известно, расширились весьма значительно, Зоологический музей университета жил главным образом на средства Общества Любителей Естествознания. Чрез это Общество поступают в высшей степени ценные коллекции, это Общество даёт средства для печатания работ, производящихся в музее, даёт стипендии для лиц, окончивших курс в Московском университете и работающих в зоологическом музее, командировывает их за границу. Этим же лицам, конечно, вменяется в обязанность установка коллекций музея, обогащение его новыми коллекциями и т. п. Словом, в течение 20 лет зоологический музей Московского университета живёт при двух бюджетах: одном,

сравнительно очень скромном, университетском, другом — Общества Любителей Естествознания.* Всё это и привело к тому, что, не говоря о некоторых униках, находящихся в настоящее время в музее, его коллекции за время заведывания А.П. увеличились сравнительно с тем, чем они были до него, во много раз, многие отделы увеличились более чем в десять раз, а многие возникли вновь.

Как было сказано, для А.П. забота о расширении музейских коллекций шла рука об руку с другой, никогда не покидавшей его заботой — о подготовке своих учеников. Я имел уже случай в другом месте высказаться по этому поводу и позволю себе повторить здесь то, что было мною сказано в заседании Зоологического Отделения И. Общества Любителей Естествознания.

Проникнутый глубокой любовью к науке, Анатолий Петрович посвятил всю свою жизнь на то, чтобы содействовать [14] процветанию зоологии в России, чтобы привлекать к этому делу всякого, кто хоть чем-нибудь мог быть здесь полезен. Вечно занятый мыслью создавать всё новых учеников, он прежде всего хотел видеть в них будущих самостоятельных работников. С первых шагов любого из своих учеников он заботился об одном, чтобы тот не соблазнился идти по чужим следам, по проторенной дороге, а готовился открывать новые пути. А.П. Богданов всегда страшился также, чтобы ученик его с первых шагов не искал удовлетворения своей пытливости в простом опровержении фактов, дознанных другими, чем нередко увлекаются начинающие. Голое опровержение дознанного без обогащения новыми фактами и соображениями не тешило учителя. Полагая, что воздействие в этом направлении на учеников тем плодотворней, чем раньше оно начинается, Анатолий Петрович присматривался к окружающей его молодежи едва ли не с первых дней её вступления в университет. Вот почему вряд ли можно указать другого русского профессора зоологии, который успел бы завербовать для своей науки столько работников, как это удалось А.П. Богданову (Дневник Зоолог. Отделения, т. II, № 4).

Не нам, ученикам А.П., судить о том, насколько счастлив был его выбор; но напомним,

* Справедливость требует указать, что, конечно, были и иные источники обогащения музея: коллекции поступали из Общества Испытателей Природы и из Общества Акклиматизации, а также от частных, лиц, между которыми из умерших необходимо упомянуть прежде всего И.Н. Шатилова, Н.А. Северцева, Н.М. Пржевальского; но всё это не могло иметь значения постоянного источника.

что, не говоря об успевших умереть ранее своего учителя и о тех, которые со временем не сохранили с ним тесной связи, в настоящее время в русских университетах состоят пять профессоров зоологии, считающих себя учениками А.П.*

Искренно преданный зоологии во всём её объёме А.П. всегда одинаково интересовался всеми её отделами и более всего боялся, чтобы кто-нибудь из его учеников не оказался узким специалистом — фаунистом, зоогеографом, эмбриологом и т. п.; он знал, что это очень гладкий путь к само[15]обольщению, т. е. погребению данного от Бога таланта. Своих первых учеников А.П. Богданов направил, правда, сначала на фаунистические исследования, в результате чего появились между прочим богатейшие коллекции туркестанских животных в Зоологическом музее, собранные покойным А.П. Федченко и затем обработанные им и выдающимися русскими и иностранными специалистами. Материалы эти составили многотомное издание «Путешествие в Туркестан А.П. Федченко». Сочинением этим, отрецензированным за безвременной смертью самого Федченко его женой и вместе с тем неутомимой спутницей, О.А. Федченко, справедливо может гордиться не только издавшее его (с помощью крупной правительственной субсидии, испрошенной туркестанским генерал-губернатором К. П. фон-Кауфманом) И. Общество Любителей Естествознания, но и русская зоологическая литература вообще. В то же время эти первые ученики, с одной стороны, должны были выполнить более скромную задачу: составить и описать энтомологические коллекции фауны средней России; с другой стороны, по указанию своего учителя, они должны были отправиться за границу и там усвоить себе новейшие приёмы лабораторной техники. Из них, как известно, В.Н. Ульянин очень скоро составил себе имя в Европе, напечатал целый ряд исследований по самым различным отделам зоологии, принял участие в разработке фауны Неаполитанского залива и умер профессором Варшавского университета.

Как смотрел А.П. на свои обязанности по отношению к ученикам в начале своей профессорской деятельности, так было и впоследствии. В то время, когда поступил в Московский Университет пишущий эти строки, А.П. был очень занят созданием лаборатории Зоологического

музея, т. е. не только организацией студенческих занятий, но и организацией постоянных учёных работ в стенах Зоологического музея. Как русский профессор, А.П. не мирился с мыслью, чтобы молодые русские люди уходили работать в Запад[16]ную Европу. Он высоко ценил западноевропейскую науку, постоянно расширял свои связи с выдающимися зоологами Германии и Франции; но в то же время стремился создать русскую школу зоологов, хотел, чтобы молодые русские силы формировались у себя дома и отправлялись затем за границу, уже будучи в состоянии критически относиться ко всему тому, что там увидят. Несмотря на представлявшиеся затруднения, из которых было даже и то, что в то время почти вовсе прекратилось поступление студентов на Отделение Естественных наук, А.П. достиг своего, и уже с 1877 года стали появляться один за другим «Труды лаборатории при Зоологическом музее Московского Университета». Здесь опять-таки, едва налажилось это дело, А.П. вновь обратил внимание своих учеников, из которых уже старшие были профессорами, на необходимость изучения окружающей фауны и на необходимость систематической обработки музейских коллекций, и вот по его инициативе в последние годы возникает «Комиссия по изучению фауны Московской губ.», доставляющая свои коллекции в Зоологический музей, а равным образом начинают выходить один за другим выпуски «Списков и описаний коллекций Зоологического музея». Всякий интересующийся музейским делом знает, что такое систематическое описание коллекций Зоологического музея гарантирует в дальнейшем не случайный, а правильный их рост.

В заключение этого обзора деятельности А.П. по расширению Зоологического музея нельзя не упомянуть об одной плодотворной идее, которую А.П. всегда старался осуществить на пользу будущих поколений. Он пользовался каждым случаем, чтобы приобрести коллекции и препараты, служившие известным специалистам для их учёных исследований. Так приобрёл он для музея коллекцию Зибольдта, Семпера, Н.В. Бобрецкого, М.М. Усова и др. Бесконечна была его радость, когда В.М. и Е.М. Пржевальские нашли возможным пожертвовать в Зоологический музей собственную орнитологическую коллекцию знаменитого своего брата, Н.М. Пржевальского. [17] В самые последние

* Помимо того один из учеников А.П. состоит профессором зоологии в Московском Сельскохозяйственном Институте.

годы, ко времени устройства международных конгрессов, А.П. удалось обогатить музеи благодаря содействию академика Мильн-Эдвардса богатейшей коллекцией мадагаскарских животных; те же конгрессы обогатили музей и другими ценными коллекциями.

Нельзя пройти молчанием отношения А.П., как университетского преподавателя, к своим ученикам-медикам. Пока он был в полной силе, он вкладывал всю свою душу в курс медицинской зоологии и несомненно приобрёл во многих своих слушателях признательных учеников. Некоторые из них имели возможность должным образом и самой подходящей монетой отплатить своему учителю. В последние годы А.П. удалось привлечь внимание морского ведомства, главным образом при содействии главного медицинского инспектора флота Вл.С. Кудрина, на ту пользу, которую могут принести делу научных исследований флотские врачи, принимающее участие в кругосветном плавании. Открыв таким образом новую арену деятельности для своих учеников-медиков, А.П. в тоже время нашел и новый источник обогащения Зоологического музея, который этим путём приобрёл весьма ценные коллекции глубинных и др. морских форм; нельзя умолчать, что из этих коллекций собрание, доставленное В.И. Исаевым, могло бы составить украшение любого из более богатых, чем наш, европейских музеев.* А.П. был так предан делу преподавания зоологии на медицинском факультете, что издал даже (в 1883–1887 гг.) стоившее ему огромного труда сочинение под заглавием «Медицинская Зоология», в котором попытался собрать всё дознанное за последнее время в зоологии по отношению строения и функций клетки, а также и по отношению зародышевых пластов. Сочинение было предназначено, как показывает его название, для медиков, которые пожелали бы научно работать. По своей программе оно составляло то, что у немцев называется Bericht, [18] но было выполнено в таком масштабе, что давало полную возможность обойтись без чтения оригинальных статей. Не только медики, но и зоологи могли только пожалеть, что за недостатком средств сочинение не могло быть доведено до конца.

Обогащение Зоологического музея коллекциями и постоянно возрастающее число лиц, в нём занимающихся, не могло у А.П. не вызывать

заботы о расширении самого помещения музея. Он долгое время лелеял надежду увидеть свой любимый музей расширенным и обновлённым, с коллекциями, расположенными соответственно их значению и соответственно требованиям преподавания. Однако же ранняя сравнительно смерть не дала осуществиться этой мечте при его жизни. Будем же надеяться, что мечта покойного уже близка к осуществлению. Удовлетворением этой нужды Московского университета будет воздано должное тому, кто так много потрудился на пользу этого университета и его Зоологического музея.

Говоря о таком учителе, каким был А.П., остановиться трудно, и всё-таки многое останется невольно недосказанным.

А.П. оставил по себе много печатных трудов. Помимо упомянутых выше сочинений и переводов, помимо редакции десятков томов он поместил в различных изданиях около 30 статей по зоологии, приблизительно такое же количество статей по прикладной зоологии и акклиматизации и около 50 статей по антропологии.

Я старался выше по мере своих сил очертить деятельность А.П. как ревнителя развития университетской науки. Не стану много распространяться о его деятельности в том же направлении вне стен университета. Всем известно, что им, а никем другим создано Императорское Общество Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, имеющее в настоящее время Отделы и Отделения почти по всем отраслям естествознания. Деятельность этого Общества уже с первых шагов настолько обратила на себя внимание, что [19] по его примеру были учреждены при всех русских университетах Общества Естествоиспытателей. По инициативе А.П., как известно и как уже упомянуто выше, возник и Политехнический музей, играющий в жизни Москвы немаловажную роль, и в этом музее равным образом по инициативе А.П. организованы так наз. воскресные объяснения, с помощью которых распространяются в народе начальные сведения по различным отделам общего и прикладного естествознания.

Сознавая, как необходима материальная поддержка молодым людям, посвящающим себя учёной деятельности, А.П. много заботился об учреждении премий при созданном им Обществе, и нашлись отзывчивые на доброе дело люди: В.П. Мошнин завещал капитал на де-

* Этим же путём поступали в музей коллекции д-ра Слонина и др.

нежные премии по физике и химии, А.П. Разцветов основал премию по антропологии при том же Обществе.

Хотя А.П. всегда и всюду высоко держал русское знамя и всегда радел о нуждах русской науки, тем не менее он не забывал и мировой науки. Отсюда его забота о созыве международных съездов. Ещё в 1879 году, во время Антропологической выставки, сумел он организовать съезд антропологов, русских и иностранных, причём привлёк в Москву таких учёных, как Брока и Катрфаж. Наконец, как указано, в 1892 году А.П. взял на себя устройство сразу двух международных конгрессов. Он хотел им придать вполне оригинальный вид, хотел их соединить со Съездом Русских Естествоиспытателей и Врачей и таким образом возможно теснее сблизить русских и западноевропейских естествоиспытателей. Это была не его вина, что такое сближение не состоялось и что в 1892 г. в Москве состоялись лишь международные конгрессы. А.П. не позабыл и здесь своих забот о премиях, но сумел опять так и остаться русским человеком: на конгрессах 1892 г. в Москве учреждены международные премии имени Государя Императора и имени Государя Наследника Николая Александровича по зооло[20]гии и имени Великого Князя Сергея Александровича по антропологии.

Обширная и полезная деятельность Анатолия Петровича Богданова давно была уже оценена и в России, и за границей. Он умер в звании заслуженного ординарного профессора и в чине тайного советника, причём имел орден включительно до Владимира 2-й степени, и был пожалован арендой; он имел весьма многие иностранные знаки отличия, в том числе офицерский знак ордена Почётного легиона. При жизни А.П. многие правительственные и учёные учреждения спешили наградить его почётным званием. Он был членом-корреспондентом Императорской Академии Наук, почётным доктором медицины Кенигсбергского университета, почётным членом около 50 различных русских и иностранных учёных Обществ. Особенно ценил покойный внимание, оказанное ему Петербургским университетом, избравшим А.П. в 1883 году своим почётным членом. В этом избрании покойный видел признание своей полезной университетской деятельности; а быть полезным университету — к этому сводились все помыслы Анатолия Петровича.

Что остается сказать в заключение? Пожелаем Московскому университету, этому всероссийскому рассаднику учёных сил, и в будущем таких же преданных университету и России профессоров, каким был Анатолий Петрович Богданов.

**ОТРАДНАЯ СТРАНИЦА ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ НАУКИ.
АНАТОЛИЙ ПЕТРОВИЧ БОГДАНОВ***

Н. Зограф

*Историю науки в каждой стране может написать только сын её,
а не пришлый гость, не переживший в душе своей нравственную
и умственную борьбу при историческом развитии её племенных
идеалов жизни и культуры, которые для всесторонности
человеческого развития не могут и не должны облекаться в
общемундирную, казённо-европейскую форму.*

А.П. Богданов. Карл Францович Рулье...

*Московский университет в истории просвещения России делал
то же дело, какое делали первые поселенцы в девственных лесах
и диких странах: он подготовлял первоначальные примеры
русского университетского преподавания, и на его долю в течение
полувека исключительно приходилось вырабатывать почву для
туземного народного производства научного труда.*

А.П. Богданов. Там же

**A GRATIFYING PAGE FROM THE HISTORY OF THE RUSSIAN SCIENCE.
ANATOLE PETROVICH BOGDANOV**

N. Zograf

Наступила третья годовщина со дня кончины незабвенного Анатолия Петровича Богданова, этого истинно русского человека, этого истинно русского профессора. Приведённые нами в качестве эпиграфов слова покойного достаточно указывают его симпатии, его [22] направление, его беззаветную, болезненную любовь к родине, к великой, мощной, единой и нераздельной России, ко всему русскому, к тому национальному направлению, которое когда-то было столь характерно для того университета, с которым связано имя покойного, и принадлежностью к составу которого он всегда так гордился.

В Анатолии Петровиче Богданове олицетворилась целая группа русских людей, и исповедывавшиеся им убеждения были убеждениями

этой обширной группы. Изложить, разобрать в деталях и разработать это направление — задача будущего историка русской науки, и в мою задачу не входит такой обширный труд; я, не решаясь взять на себя такой задачи и считая её притом же задачей, к разрешению которой приступить ещё не своевременно, ограничусь по возможности сообщением некоторых биографических сведений об Анатолии Петровиче, как профессоре, учителе и учёном, иллюстрированных как обзором его деятельности, так и на основании личных воспоминаний об этом выдающемся русском деятеле, с которым жизнь моя была связана в течение целых двадцати восьми лет, и при том лучших лет жизни, лет молодости, лет полного развития сил...

* Настоящая статья изначально опубликована в двух номерах «Журнала Министерства народного просвещения», 1899, 9: 21–46; 10: 207–230. Орфография и отчасти пунктуация даны в современном варианте; авторские библиографические ссылки из сносок перенесены в текст; в нём же указана исходная пагинация. *Ред.*

В жизни своей Анатолий Петрович Богданов был прежде всего учёный и профессор, а известно, что жизнь учёного и профессора с внешней стороны проста до крайности.

В самом деле, читая биографию любого учёного, мы отмечаем в ней: «учился там-то, по окончании учения тогда-то получил учёную степень, тогда-то получил профессорскую кафедру, тогда-то вышел в отставку и скончался».

Почти столь же проста и внешняя биография покойного Анатолия Петровича Богданова. Истинно преданный своим любимцам — науке и родному университету, он отклонял от себя всякое какое бы то ни было служебное повышение, не связанное с его призванием — быть учёным и профессором.

Однако, если мы посмотрим на его сочинения, которые, к сожалению, читаются гораздо менее, чем бы то следовало, если мы внимательно подумаем над теми, часто поразительными по своей оригинальности и ясности мыслями, которые рассеяны в них, если, присмотревшись к научным учреждениям Москвы, спросим себя, в каком из них не принимала участия создающая рука Богданова, то увидим, что жизнь его не так проста, как то кажется при чтении его внешней биографии, и согласимся с высказанным [23] мною ранее положением, что в Богданове олицетворилась целая школа, целое направление, которого он был только одним из более ярких представителей.

Анатолий Петрович Богданов родился в Нижнедевицком уезде Воронежской губернии. Кто были его родители, осталось неизвестным. Известно лишь то, что он был подкинут княгине Глафире Николаевне Кейкуатовой, передан ею на воспитание, как найденный ребенок, её дочери, помещице Екатерине Федоровне Татариновой, а по её кончине взят на воспитание княгиней Г.Н. Кейкуатовой.

Анатолий Петрович питал к княгине Кейкуатовой искреннюю любовь и глубокое уважение, называя её не иначе, как своей дорогой бабушкой. Он не особенно любил вспоминать о своем детстве. Из тех отрывочных рассказов, которые мне приходилось слышать от него, я пришёл к заключению, что княгиня Кейкуатова была очень умною и доброю женщиной, хотя характер её, как то наблюдалось часто у старых независимых помещиц второй четверти истекающего века, был вспыльчивый и крутой.

Как бы то ни было, покойный Анатолий Петрович получил по тому времени очень хо-

рошее образование. Он очень любил и ценил своих учителей и воспитателей, и двое из них, почтенная немка, гувернантка Елизавета Осиповна Лихтенауер, дожившая до крайне преклонного возраста 96 лет и пережившая своего питомца, и бывший инспектор Александровского института Николай Васильевич Суворов, также переживший своего воспитанника, были всегда первыми и любимыми гостями семьи А.П. Богданова.

Из отрывочных рассказов А.П. Богданова про своё детство я пришёл к заключению, что если не сама княгиня, то по крайней мере некоторые из её родственников не раз давали чувствовать воспитаннику княгини его неравное с ними положение в семье, а это, несомненно, заставляло много страдать ребенка. Анатолий Петрович рассказывал мне, что впоследствии, когда шли вопросы о получении разрешительных свидетельств для его поступления сначала в гимназию, а потом в университет, родственники княгини, видевшие в нем будущего соперника в ожидаемом по кончине княгини наследстве, делали много препятствий к тому, чтобы мальчик мог стать человеком с высшим образованием. Эти интриги продолжались в течение очень долгого времени, и впоследствии, когда княгиня Кейкуатова оставила по завещанию Анатолию Петровичу свои благоприобретенные дом и имение, родственники покойной подняли процесс, длившийся что-то очень долго, стоивший Анатолию Петровичу очень больших средств и долго отравлявший ему жизнь.

Жизнь княгини Кейкуатовой сложилась не особенно счастливо, и княгиня, приближаясь к старости, находила утешение в религии и молитве. Окруженная монахами Митрофаньевского Воронежского монастыря, духовными лицами и многочисленными богомольными и богобоязненными старушками, княгиня воспитывала в этой обстановке и своего приёмного внука, и во время первых лет своего пребывания в Воронежской гимназии, куда воспитанник княгини поступил в 1846 г., покойный Анатолий Петрович был столь проникнут религиозным настроением, что ему не раз приходила в голову мысль уйти из Мира и поступить в монастырь. Однако княгиня Кейкуатова, радуясь религиозности своего приемного внука и даже поощряя её, в то же время удерживала в нём детские порывы и направляла его на умственный труд. Зорко следила она за его успехами и искренне радовалась, видя его на первом месте в классе.

Анатолий Петрович рассказывал мне, что никто не радовался так появлению в *Воронежских Губернских Ведомостях*, если не ошибаюсь, 1850-го года, небольшой статьи, написанной её внуком, бывшим тогда ещё гимназистом, как добрая бабушка.

В 1851-м году Анатолий Петрович Богданов, тогда семнадцатилетний юноша, окончил блестяще курс Воронежской гимназии, и с осени этого года поступил в число студентов Московского университета по естественно-историческому отделению физико-математического факультета, на котором в то время славились профессора Рулье, Щуровский, Фишер фон Вальдгейм и другие.

Заботливая княгиня не пустила юношу одного в далекий чужой город, и вслед за ним переехала и сама в Москву, поселившись в своём доме на Арбате, против церкви Спас-Пески, в котором поместила и Анатолия Петровича.

Молодой студент с жаром принялся за занятия. Особенно пленили его лекции профессора Карла Францовича Рулье, и чуть ли не с первой его лекции Богданов решил стать зоологом. Однако, работая по зоологии, А.П. Богданов не отворачивался от других областей знания. Он отлично для того времени знал химию, что доказывается его магистерской диссертацией, посвящённой вопросу о причинах окраски перьев птиц, он был хорошим знатоком ботаники, и в его небольшом приветливом саду, при его арбат[25]ском доме, когда-то была превосходная коллекция разнообразных растений, которые были разведены им со специальной целью вывода на них различных насекомых; он был также хорошим знатоком минералогии и палеонтологии, и в день столетней годовщины Московского университета, в 1855-м году, ему была присуждена за сочинение по геологии серебряная медаль.

Карл Францович Рулье не был зоологом-экспериментатором. Он был более философом и поэтом, чем излагателем сухой, фактической науки. Тем не менее, в своих лекциях Рулье приводил не раз различные наблюдения, разнообразные опыты, описание которых заимствовал, однако, из вторых рук. Ещё со студенческой скамьи покойный Богданов видел недостаточность такого принятая на веру тех фактов, на которых основывается то или другое учение; он понимал, что в науке скоро потребуются умение самому проверять тот или другой факт, то или другое данное. И вот он ещё робко, неуверенно

вступает на новый путь самостоятельного исследования, личного наблюдения и для этого обзаводится необходимым инструментарием, и прежде всего микроскопом.

Такое поведение ученика не укрылось от взора Рулье, и последний на одной из лекций, начавшейся словами — «На кой чёрт, Богданов, вы купили себе микроскоп?» — указал своим слушателям на те границы, в которых должно быть замкнуто добывание научных фактов, на то значение, которое имеют факты для науки, наконец, на то, что собирание фактической материала без определённой, вытекающей из теоретических потребностей цели, не может быть названо научною работой. Начавшись обличением самовольного ученика, лекция блестящего обобщателя окончилась указанием на те стороны науки, которые освещаются экспериментом, и, по словам покойного А.П. Богданова, не раз, в те моменты, когда углубляясь в сухие специальные исследования, он был близок к тому, чтобы забыть те руководящие идеи, которые заставляют нас удалиться в область специального изыскания и стать кропотливым исследователем какой-нибудь мелкой области научного знания, воспоминание о блестящей лекции К.Ф. Рулье удерживало его в известных пределах.

В 1865 году А.П. Богданов окончил курс и тотчас же приступил к усиленным занятиям для приготовления к магистерскому экзамену. Немало сил и труда пришлось потратить ему на это; особенно удручало молодого учёного ослабление сил и здоровья, [26] обусловленное его усиленными занятиями. Было время, когда здоровье его так расстроилось, что бабушка-княгиня совсем встревожилась на счёт своего любимца; пришлось даже обратиться к знаменитому в то время московскому врачу — Фёдору Ивановичу Иноземцеву, которому очень полюбился его молодой учёный пациент и о котором покойный Богданов вспоминал всегда с чувством глубокой благодарности. В это время в душе молодого учёного происходил какой-то переворот. Чистый, отвлечённый, искренно преданный только науке, А.П. Богданов стал понемногу знакомиться с жизнью, с её невзгодами и кривдами, и, по словам его, эти столкновения с жизнью заставляли его сильно страдать. Не отвлекаемый наукою, которая на некоторое время была отстранена от него врачами, А.П. Богданов стал мечтать, давал простор своей фантазии, и эта фантазия, которая до последнего дыхания была богата у покойного Богданова и которая

подвигала его на многие предприятия, рисовала ему картины или самые чудные, розовые, или самые мрачные, отчаянные. «То я воображал себя, — рассказывал мне покойный А.П. Богданов, — великим учёным, которым гордится родина, который прославил русское имя далеко за пределами России, то я воображал себя жертвой не то неперестанного увлечения наукою, не то чего-то неясного, неизвестного, романтического, и тогда я видел себя истощённым, умирающим от чахотки, оплакиваемым и бабушкой, и друзьями и ещё каким-то тогда ещё неясным, неопределённым любимым существом.»

Однако экзамен был сдан превосходно, и уже через год с небольшим по окончании курса А.П. Богданов стал магистрантом. Вслед за окончанием экзамена А.П. Богданов поступил на службу в земледельческую школу Императорского общества сельского хозяйства, но учительская деятельность не нравилась молодому учёному, ему хотелось стать ближе к науке, получить возможность её самостоятельной разработки.

Уже первые шаги по пути самостоятельного изучения природы показали А.П. Богданову, что университет не дал ему достаточной подготовки для этого, что то, что так просто и легко описывалось в книжках, оказывалось не столь простым на самом деле, и в его голову запала мысль о необходимости проехать за границу, где практическое знакомство с природой культивировалось без перерыва ещё со времен Кювье, Ламарка, Иоганна Мюллера. Как раз в это время Богданов был на пути к одному весьма интересному [27] открытию, опубликовать которое он не решился из опасения неточности в наблюдениях и в технике микроскопического исследования. Экскурсируя летом 1855 и 1856 годов в окрестностях Москвы и собирая, между прочим, многих обитателей наших пресных вод, А.П. Богданов усмотрел среди других животных, что одна очень курьёзная пресноводная форма, известная под именем «науплиуса» и до того времени никогда не находимая в половозрелом состоянии, встречается всегда в одних водах с маленькими пресноводными рачками, называемыми, благодаря присутствию одного, спявшего из двух, глаза, циклопами. Отсаживая яички циклопов в отдельное помещение, он заметил, что в этом помещении заводятся науплиусы, почему и предположил, что эти странные создания выводятся из яичек циклопов.

В настоящее время не только всякий студент, но и всякий воспитанник того среднего учебно-

го заведения, где достаточно подробно проходит естественная история, знает, что личинки циклопов называются науплиусами, что этих науплиусов считали прежде за самостоятельные формы, но в то время такие метаморфозы были ещё не известны, и на их описании и нахождении у различных форм ракообразных основал свою славу не русский учёный, который из осторожности и неуверенности не опубликовал своё наблюдение, а немецкий зоолог Клаус, бывший впоследствии профессором Венского университета и скончавшийся в 1898 году.

Как ни тяжела была для бабушки разлука с молодым учёным, но она, видевшая в своём приёмном внуке будущего учёного, не только отпустила его за границу, но даже помогла ему в этом, и в 1857 году А.П. Богданов уехал в Париж, который в то время считался центром естествознания, в котором была ещё свежа память о великом Кювье, в котором начинали свою деятельность такие гиганты науки, как Пастёр, Пуше, Клод Бернар и другие.

К.Ф. Рулье не только не удерживал своего ученика, но, напротив того, сознавая неполноту того естественно-исторического образования, которое получали тогда в русских университетах, обратил внимание его особенно на необходимость стать самостоятельным исследователем и выработал сам для него обширную программу его предстоящих занятий.

В пятидесятых годах в Париже особенно славились профессора музея естественной истории, известного более под именем [28] *Jardin des Plantes*; эти профессора были прямыми преемниками таких великих людей, как Кювье и Этьен Жоффруа Сент-Илер, и, хотя они оставались далеко позади своих учителей и предшественников, тем не менее славные традиции были ещё живы и свежи.

В музее естественной истории А.П. Богданов встретил таких учителей, как сын знаменитого Этьена Жоффруа Сент-Илера, Исидор, как Дюмериль, Эмиль Бланшар, Марсель де Серр, Грасьоле, и под их руководством он и приступил к занятиям. Большая часть профессоров, однако, учила так же, как в Москве, теоретически, предоставляя самому ученику постановку и методику экспериментов, но один из них, Грасьоле, взялся руководить и практически нашего молодого учёного, предложив ему место в своей лаборатории и производя вместе с ним сравнительно-анатомическая и физиологические исследования. Однако Грасьоле всё-таки не

был сведущим по всем отраслям практических знаний в начавших с того времени особенно поспешно развиваться биологических науках, и его ахиллесовой пятой было именно то, что особенно интересовало русского учёного, то есть методика микроскопического исследования. К счастью для А.П. Богданова, в то время в Париже учились два русских врача — доктор М.А. Боголюбов и доктор И.А. Бредихин, брат нашего знаменитого астронома, впоследствии профессор Московского университета, очень способный и очень рано скончавшийся. Что было не под силу одному из них, то стало возможным для трёх; собравшись втроём, молодые учёные пригласили молодого, но уже знаменитого в то время французского микроскописта Шарля Робена для прочтения им частного курса, во время которого Робен и познакомил их с методикой микроскопа. Так то, что теперь доступно для каждого студента первого или второго курса русских университетов, в то время доставалось с трудом и при особо благоприятных условиях даже в очаге естествознания того времени — Париже.

«Как в лаборатории Грасьоле, так и в лаборатории Робена, — рассказывал нам потом А.П. Богданов, — всё было для меня ново, и я тут-то познал, как недостаточно ограничиваться одним чтением лекций, хотя бы и самым талантливым. В самом деле, — продолжал он, — обидно было, для того, чтобы научиться тому, как надо вскрыть рака или лягушку, ездить из Москвы в далекий Париж.»

[29] Анатолий Петрович не скрывал, что, ещё окончив курс университета, он уже поставил себе задачей стать профессором зоологии и именно в Московском университете, и испытав на себе неудобство отсутствия преподавания техники наблюдения, тогда же дал себе слово при первой же возможности ввести такое преподавание в родной университет.

Не могу не указать при этом, что зоология была не единственной отраслью естествоведения, которая в то время страдала в Московском университете от отсутствия практического преподавания: то же самое можно было сказать и о многих других науках. Это имело свои особенные причины, теперь отошедшие в область предания. Припомним, что с одной стороны ещё памятные профессора, приглашённые из Германии, совершенно игнорировали теорию науки, размениваясь на самые скучные, самые специальные детали науки, что с другой — про-

фессора того времени, современники Грановского, Кудрявцева, частью Павлова, были людьми, увлекавшимися высокими, философскими идеями и идеалами; для них были мелки, низки подробности науки, и некоторые из них ещё на моей памяти выражались так про специальные научные исследования: «Что ваши специальные исследования, один балласт; если я обучу моего сторожа делать реакции да успешно взвешивать разные осадки, так и он у меня сделает прекрасную специальную работу.» За эти односторонние увлечения Московский университет и должен был потом поплатиться; тогда как прежде Московский университет был рассадником профессоров на всю Россию, в конце шестидесятых и начале семидесятых годов он был вынужден приглашать на те кафедры, где от преподавателя требовалась опытность в экспериментальных познаниях, питомцев чужих университетов. Я, окончивши курс в 1872 году, ещё помню время, когда от естественника для окончания курса не требовалось даже самых основ практической аналитической химии.

Способности, умение работать и трудолюбие покойного А.П. Богданова поражали его французских учителей. Не прошло ещё года со времени проезда русского учёного в Париж, как у него уже было готово исследование «О причинах цветности пера птиц», которое настолько заинтересовало Исидора Жоффруа Сент-Илера, что тот доложил это исследование Парижской академии, в отчётах которой и появилась эта работа А.П. Богданова в кратком извлечении в 1857 году.

[30] К.Ф. Рулье стал часто и сильно прихваливать. Видя успехи А.П. Богданова и желая сделать его своим преемником, талантливый московский профессор вызвал своего ученика из-за границы для скорейшей защиты им магистерской диссертации. В марте А.П. Богданов вернулся в Москву и вскоре защитил магистерскую диссертацию «О причинах цветности пера птиц», а в мае он уже потерял своего друга и руководителя К.Ф. Рулье, скончавшегося внезапно от удара на 44-м году от роду.

С 23-го сентября 1858 года Анатолий Петрович был назначен адъюнкт-профессором по кафедре зоологии в Московском университете и со славой и честью занимал эту кафедру в звании и доцента, и экстраординарного, и ординарного, и, наконец, заслуженная профессора в течение тридцати восьми лет, до дня своей кончины.

С жаром и усердием принялся молодой профессор за обработку своего курса. Это стоило ему громадного труда. Желание, столь свойственное каждому преподавателю, начинающему свою деятельность, сообщать своим слушателям по возможности большее количество сведений, парализовалось недостатком времени, отведённого на преподавание любимого предмета. Вместо нового, оригинального курса, составленного под влиянием парижских профессоров, пришлось ограничиваться рамками обыденного курса, и те вычёркивания, которые приходилось делать в облюбленном, составленном ещё во время заграничного пребывания, курсе являлись истинными ранами для сердца юного профессора.

Ещё более встретилось препятствий при осуществлении и другой стороны преподавания, при введении в курс практического преподавания. В университете не было ничего, хотя бы напоминавшего зоологическую лабораторию, что же касается до зоологического музея, то он, с одной стороны, был крайне небогат, с другой же — он был недоступен для преподавателя. Как я уже говорил выше, покойный К.Ф. Рулье был в своих курсах обобщателем и редко пользовался услугами зоологического музея, предоставив заботы о нём и фактическое заведывание хранителю музея Карлу Ивановичу Ренару. В конце концов выработался такой способ пользования предметами: профессор сам не работал в музее, а предварительно, перед той или другой лекцией, чуть не письменно, просил хранителя музея о выдаче ему для лекций того или другого предмета. Всякому легко понять, какое влияние ввели такие [31] формальные отношения на преподавание. Не имея возможности личного осмотра собраний и их проверки, преподаватель должен был волей-неволей полагаться на определение, данное предмету музеем, а некоторые предметы оставались неопределёнными со времени основания музея, то есть с Екатерининских времён, другие же сохраняли детерминацию, данную в то отдалённое время. Уже в позднейшее время, в 1878 году, когда я, назначенный хранителем музея, приступил к разборке и определению некоторых собраний, которые не успел пересмотреть мой предшественник Н.К. Зенгер, я находил среди слизняков, именно среди самых высокоорганизованных — головоногих слизняков, скляночки с почти микроскопически малыми скорлупками корненожек, на которых почерком начала исте-

кающего столетия было написано: *Coquilles des cephalopodes*, то есть, раковинки головоногих. Для специалиста-естественника такое смешение кажется чудовищным, так как корненожки — ни что иное, как такие же простые, покрытые скорлупками существа, как амебы, тогда как головоногие слизняки (спруты, каракатицы) животные столь сложные, что их организация сложнее организации низших позвоночных; но для того, кто занимался историей зоологии, такое смешение не покажется странным, так как в начале нынешнего столетия такие смешения были нередкими; по внешнему виду раковинка корненожек напоминает раковину наutilusа или ископаемого аммонита, а посмотреть корненожку в микроскоп к тому времени ещё не успели или не догадались. Другие предметы, получившие своё начало ещё со времён Демидовского собрания, переданного зоологическому музею ещё до пожара Москвы в 1812 году, являлись более кунсткамерными «раритетами» Екатерининских времен, чем предметами, годными для преподавания. Так, в складах зоологического музея ещё до сих пор хранятся два экземпляра «скатов», оставшиеся с того далёкого, доброго старого времени. Один из них, изготовленный только из куска кожи, снятого со спины какого-то вида рода *Rhynobates*, и превращённый в целую чудовищную рыбу, имеет во рту вставленные кошачьи зубы; глаза его сделаны из красного сургуча, а форма тела его такова, что такого ската и во сне не видали; другой скат, хотя и не подделан, но засушен в такой позе, что вполне напоминает тех страшных морских чудовищ, которые описывались у авторов XVI столетия, например у Конрада Гесснера, Ронделе и других, под именем *monstra marina*, *homines marini*, и т. д.

[32] «Случалось, — рассказывал Анатолий Петрович, — потребовать из музея угря, а вместо него подавали миногу, которая когда-то кем-то в далекое время была определена и записана в шнуровую книгу под именем угря», и т. д.

Покойный Богданов очень ценил и уважал покойного К.И. Ренара, который не был ни душой, ни телом виноват в такой неурядице в музее, так как был по своей специальности не зоолог, а врач, а потому он до поры до времени решался не поднимать вопроса о более рациональном устройстве музея. Скоро по назначении его на кафедру кстати и музей даже был удалён временно из университета, заняв место в том помещении нынешнего Публичного и Румянцев-

ского музеев, где теперь находится Дашковское этнографическое собрание, и молодому профессору не оставалось иного, как ограничиваться возможно обыденными, имеющимися под руками формами или не требующими обширных помещений собраниями насекомых и других беспозвоночных.

Однако уже с конца пятидесятих годов стали раздаваться голоса о неудовлетворительности преподавания в русских университетах, о необходимости изменения университетского устава и предоставлении профессорам больших прав и свободы; в начале шестидесятых годов уже начались работы различных комиссий, долженствовавших реформировать русское образование, а в 1863 году был введен новый устав, которым профессорам давалась обширная академическая свобода, и которым профессор признавался хозяином в своём предмете, в связанных с ним лабораториях и кабинетах, а хранитель, лаборант ставились в положение, подчинённое заведывающему учебно-вспомогательным учреждением профессору. По-видимому, почтенному и в то время уже достаточно чиновному К.И. Ренару показалось неловким стать в положение, подчинённое молодому двадцативосьмилетнему профессору; он вышел в отставку, и тогда-то Анатолий Петрович Богданов стал собирать около себя и около музея кружок молодых учёных, которые помогали ему в предпринятом им деле: основать в России, в Москве образцовую школу зоологов, образцовый музей и лабораторию, сделать ненужными поездки за границу для того, чтобы получать там инвестицию на звание учёного и на связанные с этим званием профессорские права.

Однако ещё ранее, не видя возможности успешно провести свои предположения в университете, А.П. Богданов нашел исход [33] своей энергии и удовлетворение своих желаний и начинаний в другом месте. Верный ученик К.Ф. Рулье, столь отворачивавшийся от мёртвой музейской природы, или от природы, распластанной на анатомическом столе, видевший, какой успех имели в Париже опыты и наблюдения, производившиеся над живыми животными в саду при музее естественной истории и в новом, ещё более приспособленном для таких наблюдений акклиматизационном саду, только что начинавшем свою деятельность в Булонском лесу близ Парижа, А.П. Богданов, ещё при жизни Рулье, начал хлопоты о том, чтобы в родном

городе, если возможно даже при родном университете, устроить такую живую лабораторию, которую называют «зоологическим садом», и ещё в 1858 году он, тогда 24-летний юноша, успел организовать при Императорском Московском обществе сельского хозяйства особый комитет акклиматизации.

Если и теперь, на границе двадцатого столетия, мысль об основании при университетах живой лаборатории — зоологического сада, кажется столь невыполнимой, что над лицами, которые осмеливаются подумать о такой мысли, смеются, как над неразумными мечтателями, то что же можно было ожидать в то время, в пятидесятых годах, когда университеты ещё не были выведены из своей полубюрократической жизни. Вот почему молодому учёному тотчас же указали на невыполнимость его желания иметь при университете живую зоологическую лабораторию, о которой он, между прочим, мечтал до гробовой доски, и ему пришлось искать для своего предприятия других лиц, других учреждений.

При организации комитета акклиматизации, а вскоре затем и зоологического сада, А.П. Богданов нашёл помощников в лице заслуженного секретаря Общества сельского хозяйства С.А. Маслова, ботаника Анненкова, известного сельского хозяина И.Н. Шатилова и своих университетских товарищей — С.А. Усова и Я.А. Борзёнка.

Как раз к 1863 году в этой дружной группе энергичных, полных самых добрых чувств и намерений молодых учёных произошел разрыв. Я до сих пор не могу понять причины этого разрыва, который, к сожалению, разделил друзей на всю жизнь, отозвался даже на отношениях между созданными ими школами. По-видимому, это дело опытных и ловких людей, игравших на самолюбии молодых, увлекающихся деятелей, и сумевших на всю жизнь разделить учеников Рулье на две партии, причём на одной стороне стоял А.П. Богданов, на другой — С.А. Усов и Я.А. Борзёнок.

А.П. Богданов оставил и зоологический сад и взлелеянный им комитет акклиматизации и обратил все свои силы на свой музей, свою лабораторию, свою школу.

Устав 1863 года, предусмотревший основание при университетах учёных обществ, имеющих целью изучение русской природы, дал возможность А.П. Богданову организовать при университете новый кружок — кружок лиц,

явившихся первыми деятелями в новом обществе, которое было названо «Обществом любителей естествознания» и которое теперь развилось в обширную академию с целым рядом отделов, ответвлений, комиссий и т. д.

С этим обществом А.П. Богданов связал своих учеников, около него стал он концентрировать их силы, и для заветной цели Анатолия Петровича, для создания при Московском университете целого зоологического института это общество сделало более, чем какое бы то ни было другое.

А.П. Богданову неоднократно ставили в упрек то, что он основал в Москве, где в то время уже имелось старое общество, существовавшее более пятидесяти лет, новый кружок. Но это общество — Императорское общество испытателей природы, имело свой особый устав, свои традиции, стеснявшие намерения молодого организатора; оно печатало свои издания на иностранных языках, тогда как новый кружок выставил своим девизом исследование природы родины, её описание на родном языке, даже более того, выработку русского научного языка. Кроме того, Императорское общество испытателей природы того времени не легко принимало в свою среду неспециалистов, любителей естествознания и вообще науки, а организованный А.П. Богдановым кружок на первых же шагах своей деятельности указывал на то, что наука не должна сторониться от общества, что её жизнь должна быть близка к жизни общества, что только тот народ может считаться культурным, который любит науку, понимает её, поддерживает научные учреждения и предприятия. А как мог народ сблизиться с наукой, полюбить её, начать поддерживать научные учреждения, когда учёные силы отворачивались от него, работая [35] более для международных специалистов, нежели для друзей русской природы!

Первые работы нового общества, а следовательно и учеников Анатолия Петровича были посвящены исследованиям, произведённым над русскою природой. В этих трудах приняли участие и неспециалисты. Так доктор А.М. Анастасьев явился одним из первых описателей фауны подмосковных рыб, Н.П. Данилов и его сын П.Н. Данилов, опытные сельскохозяева, в то же самое время явились ревностными собирателями и знатоками бабочек, Е.К. Фреймут, вышедшая потом замуж за г. Кандинского, занималась обработкой перепончатокрылых насекомых. Из учеников А.П. Богданова, связанных с ним

университетом, Н.К. Зенгер обрабатывал жесткокрылых насекомых, А.П. Федченко — двукрылых, В.Ф. Ошанин — полужесткокрылых, В.Н. Ульянин — прямокрылых и сетчатокрылых; одним словом, в два-три года в печати появился целый ряд монографий по подмосковной фауне.

Что же делал в это время сам А.П. Богданов? Только что вернувшись в 1859–1860 году из-за границы, куда он поехал с молодой женой, Еленой Васильевной, рожденною Полеваевой, Анатолий Петрович увлёкся там новым научным направлением, в котором особенно успешно работал молодой хирург и анатом Поль Брока. Это была так называемая физическая антропология.

Надо припомнить, что в шестидесятых и семидесятых годах от физической антропологии ожидали гораздо большего, чем в настоящее время. Тогда как в то время на разработанные Брока схемы измерений и тех цифр, которые выражают отношения между такими измерениями, смотрели в таком розовом цвете, что надеялись в будущем по цифрам измерений черепа или костяка определять не только расу, но даже народность исследуемого, теперь грешат в другую сторону. В настоящее время таким цифрам склонны не придавать никакого значения, даже в том случае, если они являются не единичными, а оправдываются целыми сотнями наблюдений.

А.П. Богданов, как верный сын России, заинтересовался этим методом, надеясь при его помощи подойти к разрешению вопроса о составе и происхождении русского народа, а вопрос этот [36] был далеко не чужд обществу того времени, которое так жадно и так страстно следило за спорами, подобными спорам Погодина и Костомарова. И вот, в то время, когда ученики и друзья молодого профессора дружно разрабатывали намеченную им программу познания природы родной страны, сам учитель подготавливался к исследованию нового вопроса — о составе и происхождении населения этой великой родины.

Припомним, что с начала шестидесятых годов в биологических науках произошла настоящая революция. Дарвиново учение указало на то, что виды животных и растений не являются чем либо неизменным, постоянным, а вместе с этим и в специальных работах зоологов в ботаников на довольно продолжительное время явилось некоторое недоверие к тем трудам, которые имели целью систематические описания

тех или других групп животных. В самом деле, в то время, когда возникло сомнение даже в состоятельности вида, как определенной единицы, когда труды учёных Германии и Англии ежегодно приносили всё новые и новые указания на возможность связи отдельных групп животного и растительного царства при помощи так называемых переходных форм, те работы, которые производились преимущественно под влиянием французских последователей Кювье, уже потеряли живость интереса, и наука направилась в другую сторону. Как известно, учение Дарвина встретило более всего возражений в среде французских учёных, и так как все корифеи тогдашней французской биологии были воспитаны в духе противника изменчивости и непостоянства вида Кювье, а среди этих корифеев были такие сильные и убеждённые противники нового учения, как учёнейший и благороднейший Арман де Катрфаж, то понятно, почему французские учёные упорно противились новой доктрине и стойко держались за свои старые методы, за утверждённые самим Кювье взгляды.

Припомним, с другой стороны, что А.П. Богданов был учеником Исидора Жоффруа Сент-Илера, сына знаменитого противника Кювье, столь беспощадно разбитого последним, что Исидор Сент-Илер, хотя и не так ярко, как отец его, но во всяком случае также убеждённо признавал изменимость форм животного и растительного царства, и тогда поймём, почему А.П. Богданов скоро стал на сторону нового учения. Конечно, я понимаю под словом «учение Дарвина» лишь критически обоснованное учение, определяющее известное мировоззрение, известное «понимание» природы и её [37] жизни, а не те популярные изложения этого учения, которые часто извращали самую мысль знаменитого английского биолога-философа и которыми были так обильны литературы всех народов того времени.

В вышедшем ещё в 1865 году первом выпуске «Зоологии и зоологической хрестоматии», этой дивной книги, которую давно следовало бы переиздать, применив к современным научным успехам, А.П. Богданов уже приступает к описанию животного царства не по обычному шаблону, начиная с описания организма человека или высших животных и нисходя всё более и более вниз, а в обратном направлении, описывая сначала простейшие формы и выводя из них постепенно формы всё более и более сложные. В этой книжке, появившейся годом ра-

нее знаменитой «Общей морфологии» Геккеля, этого догматизатора дарвинизма, А.П. Богданов уже рисует генеалогические деревья животного царства, которые считаются введёнными в науку Геккелем.

Новое учение вызвало и новые направления в специальных работах. Сравнительная анатомия, история развития явились такими мощными орудиями в руках представителей нового учения, что его нельзя было игнорировать, а между тем в том направлении, как эти вспомогательные отделы науки стали разрабатываться в Германии и Англии, французы не умели, да и не хотели и работать. Вдобавок во Франции уже начал в начале шестидесятых годов чувствоваться тот дух нравственного разложения времени второй империи, который довёл эту страну до такого страшного унижения. Учёному, желавшему стоять на уровне тогдашней науки, приходилось переучиваться, находить учителей новых школ.

И вот Анатолий Петрович Богданов, тогда уже доктор зоологии — эту степень присудил ему Московский университет за его классический труд «Материалы для антропологии курганного племени Московской губернии», вышедший тотчас же за последним выпуском «Зоологии и зоологической хрестоматии» в 1867 году, — экстраординарный профессор, основатель целой школы молодых учёных, среди которых уже числятся имена Зенгера, Федченко, Ульянина, Ошанина, отправляется в маленький немецкий университет к профессору Лейкарту, теперь тоже скончавшемуся, записывается, как простой слушатель, и садится, как студент, за микроскоп и препаровальный стол в скромной лаборатории Гисенского университета.

Не оставим без внимания того обстоятельства, что за девять [38] лет профессоры А.П. Богданов уже успел издать целый ряд руководств, переведённых им частью лично, частью при содействии учеников, что он в это время успел исследовать целые сотни курганов, изучить их содержимое, что к 1867 году он сумел организовать такое дело, как этнографическая выставка, результатом которой был Дашковский этнографический музей и первые собрания антропологического музея. Поневоле изумляешься такой энергии и такому уменью работать, поневоле преклоняешься перед способностями учёного и организатора.

В Гисенском университете ещё недавно вспоминали о том, как в маленький универси-

тетский городок приехал русский профессор с целой плеядой учеников, и старые служаки этого университета с гордостью рассказывали об этом событии.

Пройдя под руководством Лейкарта весь «студенческий» курс, испытав на себе лично его достоинства и недостатки, А.П. Богданов решился под руководством того же учёного пройти и курс более подробный, то есть, *privatissimum*.

Лейкарт был одним из первых зоологов, которые указали учёным путь к морю. Он вместе с Фреем ещё в 1848 году издал свои работы на морском побережье, в которых сообщались столь новые и интересные факты, что по их примеру экскурсии к морю стали мало-помалу обязательными для зоологов. Так, за Фреем и Лейкартом «Этюды на берегу моря» были изданы и Клапаредом, и Кеферштейном, и Бушем, и физиологом Льюисом. Зоологических станций в то время ещё не было, и А.П. Богданов решился предложить Лейкарту отправиться вместе с собою и группой своих учеников на морское побережье. После долгих обсуждений был избран Неаполь, и туда-то направилась русская колония под предводительством А.П. Богданова и под руководством Рудольфа Лейкарта.*

Не думайте, однако, что время, проведённое А.П. Богдановым в Неаполе, было потрачено им на самостоятельные исследования, на произведение работ, которые, при ещё малом количестве специальных работ, издававшихся в то время в России, придали бы имени А.П. Богданова более быструю известность и почёт. А.П. Богданов прежде всего думал не о себе, а о своей школе, о своих слушателях, о родном университете, который он любил болезненно, и результатом этой поездки были целые тысячи микроскопических препаратов, приготовленных для университета и самим Богдановым, и его учениками, и наконец Лейкартом, а собрания Московского зоологического музея обогатились чрезвычайно большим количеством объектов морской фауны, почти отсутствовавших в этом музее. «Пришлось, — рассказывал Анатолий Петрович, — опять перекраивать и изменять сызнова свой курс, вернувшись в Россию в 1868 году».

Как раз с этого времени я и узнал Анатолия Петровича. Я не знаю, почему, но та репутация,

которую имел Анатолий Петрович у студентов времени моего поступления в университет, то есть 1868 года, рисовала его человеком очень строгим, неприступным и недоступным, даже частью педантом, и я не без волнения ожидал появления в аудиторию зоологического музея, ту старую, невозможную аудиторию, которая стала родною, дорогою и которой придется скоро лишиться, заменив её новою, красивою и благоустроенною, профессора, которого изображали таким сухим и строгим. Я почему-то представлял себе, что увижу сухого, тощего, высокого человека, с бритым желтоватым лицом, с резким сухим голосом и угловатыми манерами.

Ожидания мои не оправдались. В аудиторию вошёл ласковый профессор, ещё молодой, но уже несколько обрюзгший, с очень живыми глазами, с небольшою бородой, с приятною улыбкой, с красивым, искренним голосом.

Словно вчера ещё слышал я первую лекцию, которую читал Анатолий Петрович. Она была посвящена вопросу о низших организмах, о границе между природой живою и мертвою, о попытках к изготовлению живущего вещества. Припомним, что в то время ещё не вышли ни «Биологические этюды» Геккеля, ни «Происхождение человека» Дарвина, что из органических веществ были изготовлены искусственным путём ещё весьма немногие, что вопрос о строении протоплазмы ещё совсем не был затронут, и последнюю воображали себе не сложною морфологическою единицей, а таким простым веществом, как какой-нибудь из альбуминоидов или других протеиновых веществ. Профессор, тем не менее, в блестящей лекции изложил перед нами не только те попытки связать вещества живые, органические, с мёртвыми, неорганическими, но даже нарисовал нам картину предстоящих опытов в этом направлении, критически оценил и осветил эти попытки, отдал должную честь тем учёным силам и умам, которые взялись за такую блестящую задачу, и беспощадно доказал всю несостоятельность тогдашних попыток и учений. Многие из нас уже прочли в гимназии брошюры Бюхнера и Молешотта, и лекция А.П. Богданова окатила нас как бы ушатом холодной воды. «Не фантастичные гипотезы и хлесткие фразы нужны нам теперь, господа, — заканчивал он свою лекцию,

* В биографии А.П. Богданова, написанной Д.Н. Анучиным и помещённой в *Журнале Министерства Народного Просвещения*, эта поездка ошибочно помечена 1873 годом и столь же ошибочно связана с участием покойного Богданова в одном практическом предприятии.

— для развития науки, а точные наблюдения и исследования, и к таким-то наблюдениям и исследованиям вы и должны готовить себя, а не к плодам воображения».

Холодность и деловитость Анатолия Петровича по отношению к его науке за этот период времени были особенно плодотворны в виду того, что в шестидесятые года в России наряду с учёными истинными, серьёзными появилось весьма много людей, выхвативших из ходовых книжек несколько звонких фраз и более интересных фактов; эти фразы такие говоруны любили повторять на каждом шагу, облекая их в новые оболочки, и такие речи производили немало впечатления в среде общества, которое было проникнуто желанием учиться, читать, но ещё не научилось ни читать, ни учиться, которое знало ещё очень мало, а потому было на хлесткие фразы весьма падко.

Для таких ораторов гостиных и кружков, нарождавшейся русской интеллигенции серьёзные специалисты, знающие своё дело, были бельмом на глазу, а потому во время моего студенчества особенно часто повторялись почти те же фразы, которые слышал А.П. Богданов от своих профессоров, осуждавших специализацию, только подкладка была уже совсем иная: в первом случае была забота о том, чтобы сухая специализация не убила искорки Божией в уме и сердце юноши, во втором были хлопоты о своем собственном величии.

А.П. Богданов был всегда поборником проведения в науку общих взглядов, но он желал истинно-научных приёмов и стремлений, а этого-то и не было у тех лиц, о которых я говорю.

Новое направление, приобретённое в Гисене и Неаполе, не заставило долго ждать результатов. В конце шестидесятых годов появились уже специальные труды Зенгера, Ульянина и Федченко, труды, произведённые методами, заимствованными у Лейкарта. Работа Н.К. Зенгера, помещённая в трудах второго съезда естествоиспытателей, [41] происходившего в Москве в 1869 году, посвящённая организации «перипатуса», формы очень своеобразной, считавшейся до того времени червем, стала основателем целого ряда новых работ над этим животным. Зенгер указал на то, что у перипатуса есть зачаточные органы дыхания, подобные дыхательным органам насекомых, многоногих, пауков, а теперь после работ англичан Мозли, Бальфура, Седжвика и юрьевского профессора Ю.К. фон Кенелля перипатус отделён от червей и со-

ставляет специальный класс первичнотрахейных животных. Не менее плодотворна была и работа В.Н. Ульянина, умершего профессором Варшавского университета, помещённая в тех же трудах. В.Н. Ульянин, исследовавший по предложению А.П. Богданова Черное море, заинтересовался при этом одной группой мелких червеобразных животных, так называемых ресничатых червей, и посвятил этой группе свою магистерскую диссертацию. Среди этих животных он нашёл такую группу, которая имеет ещё недоразвитые органы пищеварения, и эта группа потом получила весьма большой интерес и значение в теоретической зоологии.

Как мы видим, Ульянин уже приступил к исследованию Чёрного моря, но он был не единственный исследователь фауны русских морей. Скоро организуется целый ряд экспедиций на русские моря, на разные русские окраины, например, в Туркестан, сменившая собою скромные экскурсии в окрестности Москвы, результатами которых были упомянутые мною ранее фаунистические монографии. В этих экспедициях принимают участие уже не только ученики А.П. Богданова, но и некоторые посторонние лица, например, Яржинский, так как одна Москва ещё не могла дать достаточное количество работников.

Но на такие экспедиции нужны средства, силы; и вот у А.П. Богданова назревает мысль об организации выставки прикладного естествознания, которая помогла бы разослать во все концы России учёных и собрать для родного университета новые богатства.

Подобно тому, как положившая основание этнографическому и антропологическому музею этнографическая выставка счастливо совпала с общеславянским съездом, также и выставка прикладного естествознания, совпавшая с двухсотлетним юбилеем дня рождения императора Петра Великого, разрослась в громадную «политехническую», которая результатом дала не только новые собрания для зоологического музея университета, но и целое новое учреждение [42], столь много трудящееся над распространением знания в народе — политехнический музей.

Из таких экспедиций ученики Богданова возвращаются с новыми знаниями, с новым горизонтом зрения, и те новые поколения, которые выводит А.П. Богданов, развиваются уже под влиянием не только самого учителя, но и его молодых помощников, из коих некоторые, на-

пример, А.П. Федченко, возвращаются уже известными учёными.

Я не без намерения отвлёкся от начатого мною рассказа о первом впечатлении, произведённом лекцией А.П. Богданова; мне хотелось показать, какое дело, какие исследования и какое направление в науке А.П. Богданов считал серьёзным. Специальные работы, вызванные разрешением теоретического вопроса, исследование совсем неисследованных местностей великой страны, распространение знаний в народе в обширном смысле этого слова, — вот что считал истинным делом покойный Богданов.

Моя участь была решена с первой лекции. Хотя та лекция, которую прочел А.П. Богданов, была не первой, слышанною мною в университете, — А.П. Богданов немного запоздал началом лекции, — хотя я восторгался красноречием и философскою подкладкой лекций профессора химии Н.Э. Ляковского, хотя я благоговел перед солидностью и деловитостью лекций Н.Н. Кауфмана, но А.П. Богданов так поразил меня, что я, по окончании лекции, сорвался со своего места и бросился вслед за профессором с просьбой дать мне возможность специально заняться зоологией.

Такая наивная просьба семнадцатилетнего мальчика не поразила Богданова, и он не последовал примеру других профессоров, отвечавших незрелым первокурсникам, что они не принимают в свои лаборатории ранее второго или третьего курса. А.П. Богданов ласково, приветливо спросил меня, что я читал по естествознанию, добродушно улыбнулся, узнав, что весь мой запас составляли «Kraft und Stoff» Бюхнера да «Происхождение видов» Дарвина, пожурил меня за то, что я читаю ранее выводы из фактов, чем знакомлюсь с самими фактами, а потом, ловко выпросив меня и узнав, что я читаю свободно на немецком и французском языке, предложил мне зайти к нему в субботу на чашку чаю.

Можете представить мой восторг и благоговение, когда я вступал в квартиру профессора! Мне казалось, что я здесь сразу весь [43] проникнусь учёностью, что я буду слышать только самые отвлечённые разговоры, и, признаюсь, я был чрезвычайно поражён, когда увидел жизнь такую, как всюду, когда познакомился за чайным столом с молодою, ласковою хозяйкой, когда столкнулся с маленькими детьми, с которыми даже немедленно вошёл в приятельские отношения и затеял какую-то игру. Учёных разгово-

ров слышал я немного; бывшие в гостях ученики А.П. Богданова и профессора разговаривали об обыденных вещах, и лишь изредка касались тех вопросов, которых так жаждал начинающей студент.

После чая я как-то очутился рядом с Н.К. Зенгером, которому меня особенно отрекомендовал А.П. Богданов; Зенгер осторожно проэкзаменовал меня, как я о том догадался потом, а через полчаса А.П. Богданов уже посоветовал мне принять участие в тех зоологических упражнениях, которые происходили под руководством Н.К. Зенгера. Кроме того, А.П. Богданов как бы мимоходом предложил мне прочесть французскую книжку Фигье «Жизнь насекомых», тогда ещё не переведённую на русский язык, прибавив, что он ещё попросит меня рассказать ему одну из глав, которую он особенно заинтересован.

Я рассказал про этот эпизод из истории моего знакомства с А.П. Богдановым потому, что он очень ясно характеризует доверчивость, ласковость А.П. Богданова, его отзывчивость и его стремление помочь всякому, кто хотел серьёзно учиться. Я вполне убеждён, что живы ещё многие, которые испытали на себе такие же добрые, ласковые отношения этого истинно русского человека. Не утаю, что доверчивость и ласковость Анатолия Петровича приносили ему немало разочарований, что находились люди, которые, войдя таким образом в круг близких и присных А.П. Богданову, потом злоупотребляли своими отношениями. Они были одною из причин скептического отношения к людям А.П. Богданова последние годы его жизни, но этот скептицизм был если не напускной, то, так сказать, платонический, потому что стоило и такому человеку опять приблизиться к А.П. Богданову, чтобы он забыл прежнее зло и опять стал верить такому человеку, как прежде.

Как ни дорога мне память покойного Н.К. Зенгера, но не могу не скрыть, что способ его руководства практическими занятиями [44] был далеко не завлекателен. Аккуратный, как все немцы, Н.К. Зенгер доводил эту аккуратность до щепетильности, и если в работе, при всей её чистоте, был хотя бы малейший изъян, работа не считалась удовлетворительною. Н.К. Зенгер был педагог — он преподавал в Петропавловской школе, где потом занимал место инспектора — и, как многие педагоги не только того времени, но и современные, желал, чтобы даже и логика мышления, и анализ шли у его питом-

цев совершенно по тому же пути, как у него; и если кто либо приходил к тому же заключению, как он, путём иным, это не нравилось Зенгеру. Понятно, что из числа тех лиц, который приступили к работам под руководством Зенгера, остались немногие. Так как А.П. Богданов не раз говорил нам, что тех, которые пройдут известную часть курса у Зенгера, он возьмёт к себе, то я вынес этот иску, и к Рождеству уже сидел за микроскопом, работая под руководством самого Анатолия Петровича.

Обстановка лаборатории того времени была ещё чрезвычайно примитивная. На всех занимавшихся, а нас было, помнится, семь человек, был один микроскоп, да и тот принадлежал лично А.П. Богданову; это был тот самый тамбурный микроскоп, который когда-то был поводом к лекции К.Ф. Рулье; он и теперь хранится в одном из шкафов зоологического музея. Правда, в музее были ещё два микроскопа — они и теперь красуются на колоннах под стеклянными колпаками в музее, но эти громоздкие инструменты были непригодны к употреблению; один из них, работы Фраунгофера, был пожертвован университету покойным государем Александром Николаевичем, ещё в бытность его наследником, в 1834-м году и хранился, как реликвия; другой — работы Шевалье, приобретённый приблизительно в тридцатых годах, на людской памяти, был лишён оптических частей, а потому им нельзя было пользоваться.

Когда я теперь пересматриваю одну из тетрадок, оставшихся у меня с того времени и заключающую те рисунки, которые мы рисовали, как вещественные доказательства того, что мы видели, работая у Анатолия Петровича, то я просто диву даюсь, как успевал покойный профессор проходить с нами то, что у меня зарисовано, при такой нищете обстановки. Нельзя, впрочем, не указать на то, что причина лежит отчасти и в том, что в то время [45] действовал устав 1863-го года, который был для студентов усердных и ещё более для профессоров, преданных своему делу и любящих его, благоприятнее, чем нынешний, которым обуславливается посещение громадного количества обязательных лекций и чтение многочисленных курсов. Однако первый давал слишком много воли недостаточно энергичному преподавателю и неисправному студенту, почему и были возможны курсы, состоявшие из одной главы предмета, вместо общих, и оставление университета при почти полном отсутствии знаний неисполнительны-

ми студентами. Чтобы не быть голословным, я укажу на то, что та группа студентов, в которую я так счастливо попал и в которой выдавался один особенно энергичный, способный и трудолюбивый товарищ, сумела при специальных занятиях по избранному предмету пройти практически значительную часть преподававшихся наук. Так, эта группа прошла зоологию у А.П. Богданова, химический анализ у ныне покойного лаборанта А.К. Феррейна, гистологию у покойного профессора Борзёнова, анатомию растений у приват-доцента А.А. Фишер фон Вальдгейма, ныне директора Императорского ботанического сада, минерологию под руководством хранителя музея К.О. Милашевича, ныне директора Севастопольского реального училища, палеонтологию под руководством профессора Г.Е. Щуровского. Многие ли студенты могут пройти такую практическую программу и при современном положении дела? Нельзя, однако, не указать и на то, что в то время естественников было очень мало — нас окончило всего семнадцать человек, а описанная группа студентов состояла всего из шести человек.

В занятиях А.П. Богданова со студентами была известная, определённая последовательность. Он был большим поклонником вывезенного из Гисена метода зарисовки виденного. В самом деле, при таком методе преподаватель всегда может проверить по рисунку, как бы он ни был груб и первобытен, что занимающийся видит в действительности, и что он видит лишь под давлением преподающего. Всякому, кто руководил занятиями при помощи оптических приборов, то есть микроскопа или астрономических труб, известно, что неопытный глаз, напрягаясь для рассмотрения чего либо, сплошь и рядом видит не то, что есть в действительности, а то, что ему кажется. Один из преподавателей-микроскопистов, если не ошибаюсь, фитанатом Гильтай, известный [46] голландский знаток микроскопа и микроскопической техники, рассказывал, что новичку можно показывать в микроскоп вместо препарата чистое стекло, и он будет видеть на пустом стекле всё, что угодно. Не скажу, чтобы это было возможно распространить на всех новичков, но мне самому в моей практике случалось сталкиваться с такими начинающими микроскопистами.

* * *

[207] Итак, А.П. Богданов учил прежде всего смотреть и наблюдать; контролируя рисунки студентов, он обыкновенно садился сам за

микроскоп, изображал то, что было видно, и, сравнив свой чертёж с чертежом новичка, тот же час старался выяснить ему, чем обусловлена его ошибка.

Нельзя сказать, чтобы такое непрерывное зарисовывание целого ряда препаратов было очень весело и занятно для студентов; вот почему от числа студентов, начавших занятия, к концу года оставалась только третья или даже четвертая часть; но А.П. Богданов не делал в этом случае уступок, и действительно, из его школы выходили люди, которые научались наблюдать и которые выносили запас знаний, никогда не забывавшихся.

Научив своих учеников наблюдать, А.П. Богданов приступал к обучению их самому предмету. Он привёз с собой из Неаполя громадные количества самого разнообразного материала, и благодаря этому под его руководством студент знакомился с самыми разнообразными представителями животного царства. Если бы при современном обилии студентов-естественников могли быть ведены занятия по такой широкой программе, как программа А.П. Богданова, и при таком обилии материала, то нам приходилось бы тратить почти тысячи рублей на один материал.

Как раз в это время приступили к устройству политехнической выставки, и вот, под влиянием А.П. Богданова, комитет [208] выставки начинает подносить зоологическому музею то несколько микроскопов, то несколько анатомических наборов или других снарядов, то совершенно специальные коллекции. Всё это должно было быть выставленным на выставке, чтобы потом попасть в зоологический музей, но ждать было некогда, в университете оставались без пособий целые ряды молодых сил, и комитет согласился передать дар ранее, выговорив лишь то, что эти собрания и эти снаряды будут фигурировать на выставке.

Таким-то образом с 1870 года каждый из нас оказался временным обладателем собственного инструментария, и работы наши быстро пошли вперед.

Однако, несмотря на все это, Анатолий Петрович Богданов ещё не решался выпускать из своей лаборатории самостоятельные труды нового направления, а поэтому его ученики до 1874 года ещё доканчивали свое научное образование за русскими пределами, преимущественно в Гисене, а потом, по переходе Лейкарта в Лейпциг, в последнем городе.

Так, кроме уже работавших ранее Федченко, Ульянина, Зенгера, Ошанина и безвременно умершего Надеждина, в Лейпциг направились мой товарищ И.С. Раевский, так горестно и скоро окончивший свою жизнь, а также молодой зоолог, тогда ещё студент университета А.А. Тихомиров, ныне московский профессор, и А.А. Коротнев, тогда тоже студент, ныне киевский профессор. Лишь с 1873 года Анатолий Петрович решает давать своим ученикам полное научное образование в своей лаборатории, и лицо, пишущее эти строки, является первым из учеников А.П. Богданова, не получивших заграничной инвентитуры.

В 1872 году я окончил курс и на другой же день по окончании курса принялся работать на политехнической выставке в горнозаводском и геологическом отделах.

По закрытии выставки А.П. Богданов пригласил меня помогать ему в зоологическом музее частным образом в установке и систематизации новых коллекций, и здесь-то я начал более специальные работы под его руководством.

Приведение в порядок музейских собраний, в котором некоторые усматривали исключительно механическую работу, происходило так, что я непременно должен был сличить ту или другую форму с её описанием, рассказать А.П. Богданову о том, насколько, по моему мнению, состоятельно её определение, и лишь в случаях, не [209] внушающих сомнения, придать ей, так сказать, музейский вид. Благодаря этому я успел за один год пересмотреть чрезвычайно много самых разнообразных форм, и когда в 1873 году я отправился вместе с А.П. Богдановым за границу на берег Средиземного моря, я уже встретил морскую фауну не как новичок, а как человек, немного с ней знакомый.

Мне могут заметить, что я приступаю не столько к описанию деятельности Анатолия Петровича Богданова, сколько к описанию того, как я стал зоологом, но мне хотелось на собственном примере показать, как руководил Богданов своих учеников, как он мало-помалу вырабатывал из них зоологов.

На Средиземном море, сначала в Виллафранке, потом в Неаполе, А.П. Богданов в течение целых восьми месяцев неустанного и непрерывного труда работал для любимого университета, для своих питомцев. Опять целые транспорты животных и препаратов отправлялись в Москву, и в этом деле А.П. Богданову помогали все его сожители, его супруга, дети, его ученики.

Нам, молодым начинавшим специалистам, хотелось поскорее обработать какую-нибудь специальную задачу, поскорее увидеть своё имя в печати, и не скрою, что преграды, которые совершенно рационально А.П. Богданов ставил некоторым из нас в этом деле, положили начало недоразумениям, которые окончились для отдельных лиц, к сожалению, даже разладом. Однако А.П. Богданов был прав в том, что предостерегал нас от специальной работы. «Вы приехали сюда, на море, — говорил он нам, — для того, чтобы посмотреть на его богатое население, чтобы поучиться у лучшего учителя — природы, а вас так и тянет на то, чтобы разрезать какую-нибудь гадкую кишку, найти у ней на стенке какую-нибудь ненужную группу клеточек, описать её, поставить во главе статьи свое имя. Оставьте это для своей старости. Теперь же учитесь у этой природы, беседуйте с нею, упивайтесь её красотой. Я не понимаю того немца-специалиста, который, попав в Неаполь, не заметил ни Везувия, ни Помпеи, ни лазурного моря, а только повторял, что в почках головоногих слизняков неаполитанской бухты очень интересные паразиты.»

И вот, под влиянием таких речей профессора, сопровождавшие его ученики отказывались от специальных исследований каких-либо мелких анатомических или систематических фактов и вместе с [201] ним работали над обогащением собраний родного университета, приобретая в то же время целый ряд незаменимых знаний.

Я сказал, что в этой работе А.П. Богданову помогала также и его семья. В Виллафранке, в Неаполе все мы, то есть А.П. Богданов, его супруга, я и мои товарищи, усердно сидели всё время с утра до завтрака и с завтрака до обеда за микроскопами, и в это-то время составила драгоценная коллекция препаратов по лучевикам, приготовленная руками Е.В. Богдановой; подобное собрание имеется, кроме Москвы, только в Иене, где оно послужило Геккелю для его знаменитой монографии лучевиков.

Незаметно для самого ученика, А.П. Богданов давал ему поручения, которые были особенно плодотворны для его научного кругозора. Так, в Виллафранке мне не раз предлагалось выехать с рыбаками в то или другое течение, половить драгой на той или другой глубине для того, чтобы потом дать отчёт, чем отличается население той или иной области, каковы его характеристичные признаки и свойства. Не за-

буду той чисто детской радости, с которою обнял и расцеловал меня А.П. Богданов, когда я, вернувшись с одной из таких экскурсий в бухту, ограничивающую с севера полуостров Сен-Жан, привёз ему несколько выдрагированных мною с глубины сорока сажен руконогих из рода *Argiope*. И доверие и любовь, которую вселял в своих сотрудников А.П. Богданов, были столь значительны, что такая радость учителя казалась в то время лучшею наградой...

Так знакомил А.П. Богданов своих учеников с природой.

Сочтя своих учеников достаточно подготовленными к самостоятельной деятельности, А.П. Богданов направлял их на тот или другой зоологический вопрос, являвшийся более или менее важным. В выборе тем для самостоятельных исследований А.П. Богданов был иногда очень строг и требователен. Молодому исследователю особенно нравились те вопросы, которые были в данный момент животрепещущими, которые являлись вопросами так сказать боевыми, вопросами дня и моды; ему хотелось внести своё имя в ряд тех имён, которые так охотно цитировались в литературе и которые, к слову сказать, забывались, как только вопрос выходил из моды. А.П. Богданов был всегда противником таких увлечений; он направлял своих учеников на работы менее эффектные, но более основные, на работы, за осуществлением которых приходилось работать не недели или месяцы, а [211] целые года, и работы монографического характера были особенно любимы А.П. Богдановым. Правда, работы эти не давали их авторам быстрой славы или быстрой популярности, но зато они и не предавались забвению, и немало работ, сделанных по указанию и даже под давлением А.П. Богданова его учениками, стало трудами классическими в той области, которой они касались. Не могу не указать, однако, что не всем ученикам А.П. Богданова нравились такие кропотливые требования и трудолюбия, и эрудиции, и долгих размышлений работы, и в некоторых случаях несогласия учителя и ученика в том направлении, в котором должны были вестись работы, стали поводом к охлаждению и даже разрыву добрых отношений.

За первую группой учеников, которые стали работать в новом для московских зоологов направлении, организовались следующие группы, и к середине восьмидесятых годов мы находим московскую школу зоологов одною из самых обширных и самых плодотворных в России.

Однако А.П. Богданов не ограничивался тем, что научал своих учеников стать учёными; он желал, чтобы из его родного университета вышел целый ряд преподавателей других русских высших учебных заведений, и для этого он основал весьма интересный и полезный семинарий. Этого семинария не существовало на бумаге и официально он основался частным образом в скромной квартире покойного русского учёного, в Спасопесковском переулке близ Арбата.

Желая приучить своих учеников к правильному изложению прочитанного, желая приучить их к критическому отношению к тому, что было прочтено, А.П. Богданов организовал собиравшиеся время от времени у него вечеринки, на которых его ученики по очереди излагали содержание той или другой предложенной им работы, которая по тому или другому поводу считалась учителем особенно интересною. Остальные участники семинария должны были следить за референтом, ставить ему вопросы, оспаривать его выводы, и случалось, что молодые учёные так входили в роли двух учёных противников, учения которых они излагали, что руководителю не без труда приходилось укрощать расходившихся диспутантов.

В том кабинете, где я пишу эти строки, на одной из стен висит группа, приготовленная покойным М.М. Пановым, на которой снят А.П. Богданов с шестью первыми участн[212]ками такого семинария; четверо из них теперь уже немолодые профессора университетов, а именно А.А. Тихомиров, М.А. Мензбир, получивший первые познания по зоологии в кабинете покойного А.П. Богданова, Н.В. Насонов, нынешний профессор Варшавского университета, и пишущий эти воспоминания; остальные двое — П.Е. Голубинин и Г.А. Марциновский — оставили научную деятельность и занялись практической.

Если в излагаемом вопросе затрагивались такие факты, которые могли быть освещены теми или другими препаратами, то референту предлагалось обыкновенно иллюстрировать свой доклад собственноручно изготовленным препаратом; на семейном языке участников семинария такая иллюстрация доклада называлась «проверкой», и это невинное название было одним из поводов к рассказам лиц, недружелюбных к деятельности А.П. Богданова, о том, что «у Богданова такие учёные мальчики, которые даже самого Геккеля или Гегенбаура

проверяют». Впрочем, мало ли каких рассказов не распускали про энергичного русского учёного его недруги, не желавшие и не могшие простить ему того, что он так энергично и плодотворно работал в то время, как многие другие сладко спали...

Помню, как робко, как неуверенно выступали на этом семинаре некоторые из тех его участников, которые теперь считаются блестящими лекторами, и как многим были они обязаны А.П. Богданову за эту превосходную школу.

За некоторыми изменениями, применительно к «обстоятельствам», такая работа в музее и лаборатории А.П. Богданова шла до середины восьмидесятых годов.

Сужение деятельности отдельных профессоров теми рамками, в которые замкнул её устав 1884 года, чрезмерное накопление обязательных студенческих работ, которые некоторыми из профессоров понимались так, что за их выполнением не было возможности заниматься чем бы то ни было другим, уже значительно стеснили учебно-учёную деятельность А.П. Богданова, а наступившая с начала девятидесятых годов болезнь стала препятствовать его личным занятиям со студентами и учениками.

Болезнь, кроме того, усилила тот скептицизм по отношению к людям, который ещё ранее замечался у покойного, тем более, что в его деятельности было за последнее время немало событий, которые способствовали его усилению, и, к сожалению, [213] скептицизм этот выразился и на отношениях А.П. Богданова к его собственным начинаниям.

В последние годы своей жизни он совершенно несправедливо осуждал свою прежнюю деятельность, относясь критически к тому направлению, которое он дал своей школе, и нередко стремился к разрушению того, что создал сам с таким трудом и настойчивостью. И тем не менее, созданное им здание было столь прочным, что его не разрушил сам его создатель, и в тех учреждениях, которыми теперь заведывают ученики А.П. Богданова, научные работы не изменяют выработанному им направлению. Чтобы не касаться тех работ, которые производятся в московских зоологических учреждениях, я укажу лишь на труды выходящие из кабинетов и лабораторий учеников покойного А.П. Богданова — профессоров В.М. Шимкевича в С.-Петербурге, Н.В. Насонова и П.И. Митрофанова в Варшаве, А.А. Коротнева в Киеве и Н.Ф. Кашенко в Томске.

Теперь перейду к описанию того, как читал А.П. Богданов лекции. Вряд ли можно найти профессора, который относился бы так щепетильно и ревниво к читаемым им лекциям, как А.П. Богданов. Даже для самых близких людей, даже для своих семейных А.П. Богданов накануне лекции был невидим и недоступен, так как он готовился к каждой лекции с таким трудом и усидчивостью, как молодой начинающей преподаватель. Благодаря этому, в лекциях Анатолия Петровича был всегда столь обширный и богатый материал, что непривычному слушателю в нём даже было трудно разбираться. До гробовой доски покойный Богданов следил за всеми новостями зоологической литературы и, если они представляли что-либо достойное внимания, немедленно пользовался ими, прилагая их к своему курсу. Вследствие этого лекции А.П. Богданова представляли большой интерес не только для студентов, но также и для лиц, окончивших курс, скажу более, для тех лиц, которые уже сами вступили в состав преподавателей университета. Любовь к своему предмету заставляла часто покойного учёного отвлекаться от начерченного им плана лекции и, остановившись на каком-либо интересном вопросе, посвятить ему времени более, нежели того желал он сам. С точки зрения холодного, педантичного преподавателя такие отвлечения были достойными осуждения, но на мой взгляд именно такие-то отступления, во время которых лектор жил, в которых выливалась и выяснялась его любовь к науке и его преданность её интересам, являлись особенно благотворными в лекциях А.П. Богданова; они действовали воспитывающим образом на слушателей, они вселяли в них такую же веру в науку и любовь к ней, как та вера и любовь, которою был одушевлен сам лектор.

Не раз, уже на склоне дней своих, А.П. Богданов выходил из аудитории уставший, задыхающийся от речи и от волнения и обращался к нам со словами: «Вот, кажется, уже стар стал, а всё не нажил себе немецкой выдержки, той выдержки, которая обозначается словом *Ausdauer* и которую даже нельзя выразить русским словом». И Анатолий Петрович начинал сокрушаться о том, что за это увлечение ему придётся немного сократить или паукообразных, или слизняков и ещё более ворчал на себя за такое упущение. А именно это-то отсутствие педантизма, эта способность к увлечению тем или другим научным вопросом до гробовой доски и была тем, что так ценили его слушатели.

Анатолий Петрович, согласно расписанию, читал двум первым курсам естественников и первому курсу медицинского факультета. Так как наши гимназии, к сожалению, вообще плохо готовят молодых студентов к слушанию лекций, а к слушанию естественных наук в особенности, то понятно, что первокурсники далеко не всегда в достаточной степени понимали учёного лектора, а отсюда понятны и те сетования, которые иногда раздавались среди студенчества на трудность курсов Анатолия Петровича. Интересно, однако, что эти сетования раздавались исключительно на естественном отделении физико-математического факультета, тогда как студенты-медики восторгались чтениями того же самого профессора. Причинами такого разногласия надо считать, во-первых, то, что медицинский курс, как менее подробный, читался более коротко и более общедоступно, так, с другой стороны, и то обстоятельство, что в среде профессоров медицинского факультета у Богданова не было недоброжелателей, тогда как на физико-математическом факультете некоторые профессора даже перед аудиториями относились критически к деятельности А.П. Богданова, а это не могло не отражаться на отношениях слушателей к лектору.

Лекции А.П. Богданова были лишены всякой вычурности; его язык был весьма прост и ясен, его выражения по своей простоте и понятности почти граничили с народными. И вместе с тем он умел таким простым языком излагать самые трудные и запутанные вопросы, например, хотя бы трудно излагаемые частности гипотез Вейсмана, учением которого покойный в последние годы своей жизни очень интересовался. Благодаря такой простоте языка Богданова, благодаря деловитости его изложения, про него говорили, что он в своих лекциях не обобщает, что он излагает только сухие факты. Но те, которые рассуждали так, или не слушали внимательно чтений А.П. Богданова, или понимали под словами «обобщение» расплывчатые громкие фразы, на которые так охочи многие лекторы, любящие срывать аплодисменты за гипнотизированных их льющей, как журчащая струйка ручейка, речи аудитории. Обобщения Богданов излагал в виде кратких тезисов, а так как он был человек весьма точный, то он и обставлял каждый тезис таким обилием фактов, которые незаинтересованному человеку или человеку, не посещавшему его лекций, и казались самую сутью его чтений. С А.П. Богдановым

случилось то же, что случилось в семидесятых и начале восьмидесятых годов с нашим знаменитым учёным академиком А.О. Ковалевским. Про работы Ковалевского, который в то время ещё не приобрёл всемирной известности, наши умники, которые теперь наперерыв спешат зачислить себя в число почитателей всемирно известного учёного, говорили, что эти работы — собрание голых фактов, без всяких обобщений, а между тем ещё в 1871 году в одной из своих работ, посвящённой эмбриологии членистоногих и кольчатых червей, А.О. Ковалевский в пяти–шести тезисах, занимающих одну страницу, изложил целое учение, то самое учение, которое было просмотрено нынешними «друзьями» его, но которое было основанием целой новой науки — сравнительной эмбриологии, и лишь когда за западными пределами России воздали русскому учёному должное, осмеивавшие его люди стали его «первыми приверженцами».

Я уже говорил о том, как щепетильно обставлял А.П. Богданов в своих лекциях фактическую сторону, как он стремился углубиться в первоисточники и черпать сведения из первых рук. В семье покойного остались его конспекты, служившие ему для его лекций, и эти конспекты, в которых не только записано, но собственноручно зарисовано А.П. Богдановым всё то, что он считал важным и достойным для сообщения аудитории, составляют несколько толстейших томов... Поневоле преклонишься перед таким добросовестным отношением к своей аудитории, перед такою любовью к своему делу.

[216] Будучи превосходным университетским лектором, А.П. Богданов не имел репутации как лектор для большой публики. Это обуславливалось тем, что он и на публичных лекциях гнался не за цветистым выражением, не за каким-либо намёком, в котором разыскивался бы какой-либо скрытый тайный смысл, наконец не за модным вопросом или идейкой, а лишь за тем, чтобы действительно поучить тех, которые его слушали, тому, что его интересовало; и эти лекции он обставлял также массой фактов, как и университетские чтения; такие лекции надо было слушать внимательно, надо было продумывать, тогда как думать и работать большая публика не особенно охоча.

Зато трудно было иметь более успеха, чем тот, который имел А.П. Богданов у той серой аудитории, которая наполняет по воскресениям Политехнический музей, стремясь на его «воскресные объяснения», основанные опять-таки

А.П. Богдановым. Простой русский человек в сущности очень деловит и большой реалист; его не проймёшь красивым цветистым выражением или громкою фразой, а потому те чтения, которые производил перед аудиторией Политехнического музея А.П. Богданов, вызывали искренний восторг. С поразительным умением вспоминал он про близкая сердцу одетого в сермягу и полушубок слушателя самые интимные стороны жизни простолюдина и в простых выражениях учил тому, как избежать того или другого неудобства, как ввести в дело то или другое улучшение. Особенно памятна мне его народная лекция о тех паразитах, которые водятся на коже человека; слушатели были подавлены теми простыми соображениями и фактами, которые приводил лектор, и я помню, как в забредшей в музей целой артели владимирских плотников старый бородатый мужик с умным лицом, должно быть, десятский, объяснял своим товарищам о роковой болезни какого-то Андрея Сидорова, который никогда не мылся, не ходил в баню и который хворал болью, очень похожей на ту, «про которую баил рассказчик».

Перейдя к описанию Анатолия Петровича как лектора и руководителя целой школы, я оставил в стороне его личные, научные работы, к которым и перехожу теперь.

Мне всегда было и больно, и досадно, когда и при жизни, и после смерти А.П. Богданова многие люди, даже из числа тех, которые его очень любили и уважали, говоря о нём, напирали преимущественно на то, что он был превосходным организатором. Признавая за Анатолием Петровичем его редкие способности как организатора, я тем не менее не могу не сказать, что если бы А.П. Богданов не проявил своей организаторской деятельности вне пределов профессорской жизни, то он остался бы знаменательным явлением в русской жизни как выдающийся и знаменитый учёный.

С 1867 года Анатолий Петрович посвящает свои специальные научные работы антропологии, являясь в зоологической литературе обобщателем, историком и компилятором. Вот на этом-то играли в продолжение всей жизни Анатолия Петровича его недруги, упрекая его за то, что вместо того, чтобы сидеть за расщипыванием клеток кончика хвоста крысы или за определением новых видов божьих коровок — занятиями, приличествующими, по их мнению, профессору зоологии, учёный работал над познанием первичного населения своего отечества

и над историей развития и распространения его научной деятельности.

Исследуя первобытное население России, А.П. Богданов рассуждал таким образом: всего труднее изменяется природа человека, его тело, его физические черты. Возьмите китайца в пелёнках, переведите его в европейскую семью, дайте европейское воспитание, одевайте в европейскую одежду, и он станет европейцем по костюму, по языку, по традициям, даже по национальным стремлениям, а между тем весь облик его останется китайским, и каждый, увидав его, скажет, что он монгол в европейской одежде. Вот почему, говорил А.П. Богданов, нельзя доверяться одним обычаям, преданиям, костюмам, древностям того или другого народа, одним словом, одним проявлениям его культуры, а надо непременно познать и его физическое строение.

И на основании этих данных А.П. Богданов пришёл к заключению, что для познания русского народа надо знать и его физическое строение, а также и физическое строение его предков, населявших Россию или те страны, из которых могли прийти в Россию предки русского народа.

Как и все антропологи шестидесятых годов, как и основатель этого направления в физической антропологии Поль Брока, А.П. Богданов вдавался немного в крайность, именно приступил к изучению костяков и черепов населения, не познакомившись ранее с его живым телом. Нам понятно, почему Анатолий Петрович так остановился на этой стороне исследования. Если [218] и теперь трудны измерения, исследования цветности глаз и волос, изучение физических отправлениях народа в разных местностях, то ещё труднее были такие исследования сорок лет тому назад. При том же, изучая наружное строение тела населения, было невозможно сравнивать его с выкопанными из могильников и курганов останками, а последние оказались столь интересными и столь отличающимися от современного населения, что надо было спешить сравнивать их с костяками и черепами этого населения. Этому недостатку, который был недостатком всего направления Брока и его школы, хотя и ратовавших за изучение живого тела человечества, но ставивших эту задачу на второй план, не помогли и многочисленные экспедиции, посланные потом А.П. Богдановым по разным концам России, и в настоящее время, когда инородческие элементы с каждым годом все более и более вымирают, и когда в России

не осталось таких преданных вопросу о происхождении русского народа антропологов, каким был А.П. Богданов, вопрос этот ещё очень и очень далёк от своего разрешения.

Начав с изучения костяков и в особенности черепов, добытых из курганов Московской губернии, показав, что во время насыпания этих курганов в этой центральной русской губернии жили бок о бок два племени, отличавшиеся друг от друга различными признаками, преимущественно же тем, что одно из них, более западное, имело длинную голову и более узкое и длинное лицо, тогда как в восточной части жило население с лицом более широким и с головою более короткою, А.П. Богданов стал стремиться к тому, чтобы проследить это древнее население и в других местах России.

Случайные раскопки, производившаяся теми или другими из друзей и корреспондентов Анатолия Петровича, дали уже ему возможность следить за тем, куда направляются две волны населения, одна — волна населения длинноголового и узколицего, другая — населения короткоголового и широколицего, и эти изыскания показали ему, что курганы к западу от меридиана Москвы заключают останки населения длинноголового, а к востоку короткоголового. Конечно, выражение «к западу и востоку от меридиана» употреблено мною относительно, так как в действительности есть места, где длинноголовое население заходит далее на восток и короткоголовое далее на запад.

[219] В первое время своей деятельности как антрополога А.П. Богданов полагал возможным счесть длинноголовых обитателей курганного периода за славян, а короткоголовых за инородцев финского или урало-алтайского корня, и в значительном числе случаев такие предположения оправдывались и историей края, и типом местного населения, которое нередко в местностях, где были особенно многочисленны курганы с длинноголовыми черепами, сохранило много следов этого типа до современного периода (например, Суджанский уезд Курской губернии). Однако в более позднее время, когда целые ряды экспедиций, организованных для доставления материала на устроенную А.П. Богдановым в 1879 году антропологическую выставку, доставили краниологический материал со всех концов России, начиная от берегов Балтийского моря и кончая Сибирскими степями, А.П. Богданов стал выражаться более общё. Так как волна длинноголового населения через

Белоруссию, Литву и Польшу слилась с полосой могильников приблизительно с таким же типом населения, тянувшейся по всей Германии до пределов центральной Франции, то А.П. Богданов счёл население русских курганов с длинноголовыми черепами за население типа, общего с типом населения древней Германии и Франции.

Хотя я не совсем согласен со вторым мнением моего учителя, так как наши курганы происхождения более молодого, того периода, когда славяне уже отщепились от германцев и других близких народов, но и в этой второй гипотезе я нахожу много справедливого, так как, по-видимому, физические типы древних германцев и славян были очень близки между собою, а потому и нет невероятного, что оба народа должны были произойти от одного общего корня.

Гораздо разнообразнее оказались те типы, которые в начале теории А.П. Богданова были отнесены им к короткоголовым курганным обитателям. Здесь при дальнейших исследованиях оказалось много разнообразных элементов, и черепа северной половины восточной России оказались совсем не того типа, как черепа южной; здесь надо было отличить различные наслоения, и, тогда как северные короткоголовые народы могли быть отнесены скорее к народам урало-алтайским, в южных отражались более резкие монголоидные черты.

В значительной степени предположения А.П. Богданова подтверждались и наблюдениями над современными жителями России, и [220] мы не можем не пожалеть, что эти исследования, после удаления А.П. Богданова с деятельности на поприще антропологии, не продолжались с достаточной энергией.

Для тех выводов, на которые я указывал и которые излагаются так кратко и просто, потребовалось, однако, немало работ, и в этих строках заключаются выводы из нескольких десятков специальных исследований, произведённых над черепами из курганов и могил различных губерний северной России, её центральной части, её малорусских губерний, её южных и восточных окраин, её сибирских владений, её туркестанского населения, даже, более того, из прилегающих к России стран, как то из Румынии, Болгарии, Галиции, Персии и Китая; самоеды, лопари, остяки, татары, разные кавказские горцы, многие другие народности дали также материал для учёных статей А.П. Богданова; немало работал он и над останками старых москвичей и старых новгородцев, случайно

открывавшимися при перестройке церквей или при возведении больших сооружений на местах, где ещё сохранились воспоминания о кладбищах или погостах. Хотя труды свои А.П. Богданов издавал в «Известиях Общества Любителей Естествознания», следовательно, печатал их по-русски, тем не менее, слава о первом русском антропологе, об «основателе русской антропологии», как звал его Вирхов, распространилась далеко за пределы России, чему много помогли читавшие по-русски чешские и польские авторы, которые, будучи более чувствительными к вопросам, касающимся происхождения славян и их будущих судеб, чем русские, с давних пор следили за русскою антропологическою литературой и вступали с А.П. Богдановым нередко в оживлённую полемику; немало помог в этом и профессор анатомии Кёнигсбергского университета Людвиг Штида, бывший прежде профессором анатомии в Дерпте, знающий русский язык [...] один из самых горячих почитателей заслуг А.П. Богданова.

Но, работая с большою энергией и с таким разительным успехом на поприще антропологии, А.П. Богданов в то же время оставался и зоологом. Его не прельщали самостоятельные работы, основанные на эксперименте и наблюдении. Его в зоологии не привлекала к исследованию такая обширная задача, как исследование происхождения родного его народа, и он в зоологии избрал труды исторические и обобщающие.

В России вообще не озабочиваются историческими очерками раз[221]вития науки, и зоология с этой стороны является одним из счастливейших исключений; она имела своего историка, своего Богданова, тогда как многие другие науки ещё не дождались такого Богданова.

Самым крупным трудом А.П. Богданова с точки зрения истории зоологии является его обширная монография, озаглавленная «К.Ф. Рулье и его предшественники по кафедре зоологии в Императорском Московском университете», изданная в 1885 году.

Несмотря на скромное название, это сочинение можно было бы назвать «Историей русского естествознания до конца пятидесятих годов XIX века». В книге этой излагается история русского естествознания начиная с 1770 года, со времени профессора Афонина, до 1858 года. Так как в прошлом столетии в России был только один университет — Московский, то понят-

но, что и всё естествознание выражалось в его трудах; С.-Петербургская Академия оставалась слишком долгое время учреждением замкнутым, доступным только для лиц иностранного происхождения, и её труды и развитие не имели большого влияния на развитие естествознания в России.

А.П. Богданов делит историю зоологии в Московском университете на четыре периода: первый от основания университета до призвания Готгельфа Фишера фон Вальдгейма, второй период — Фишера фон Вальдгейма, третий — от него до Рулье и четвёртый — период Рулье.

В первое время жизни университета профессора по естественной истории были «образованные и трудолюбивые чиновники, но не специалисты, слившиеся со своей наукой, поэтому-то и их труды далее красноречивых речей о пользе наук вообще, естественной истории в частности и не шли. Утилитарная точка зрения господствовала в научном мировосприятии, а потому понятно, что и на дело своей кафедры профессора смотрели со стороны больших житейских преимуществ. При таких взглядах трудно было ожидать проявления какой-либо научной самостоятельности, какой-либо чистой научной инициативы, её и не было; даже наиболее энергичный и трудолюбивый Антонский только переводит общедоступные словари, не заботясь хотя бы о переводе специальных и необходимых для изучения студентов сочинений» (К.Ф. Рулье и т. д., стр. 12).

[222] Понятно, что, когда «готовилась реформа университетов», когда «нужно было показывать студентам, как следует научно работать, а не сообщать им только общедоступные и полезные в практической жизни знания», пришлось «прибегнуть опять к варягам, и зоологический Рюрик для Москвы нашёлся в Фишере фон Вальдгейме, начавшем в Москве период действительно научного, основанного на самостоятельном изучении предмета, преподавания».

И тем не менее, как показывает Анатолий Петрович, роль родного университета в русском просвещении даже и в это время чиновничьего преподавания была незаменимой и славной. «Он в истории просвещения России делал такое же дело, какое делали первые поселенцы в девственных лесах и диких странах; он подготавливал первоначальные примеры русского университетского преподавания, и на его долю в течение полувека исключительно приходилось

вырабатывать почву для туземного народного производства научного труда» (там же, стр. 97).

Но недаром А.П. Богданов, этот истинно русский человек, писал, что историю науки в каждой стране может написать только сын её; по-видимому, насадить науку в стране может также только истинный сын её. Как ни велики были заслуги перед наукой Готгельфа Фишера фон Вальдгейма, как ни плодотворны были его труды по организации первого после Академии русского учёного общества — Императорского Общества Испытателей Природы, столь много сделавшего для познания русской природы, всё-таки влияние человека, не болевшего сердцем по Руси и её просвещению, не было столь большим, как того ожидали. Деятельность Фишера и основанного им общества, как пишет Богданов, «удовлетворила потребности тесного сближения первого русского университета, как общенаучного центра, с заграничными подобными же учреждениями; но образование русских деятелей шло своим путём, и для появления их более сделали те русские профессора, которые, может быть, менее Фишера потрудились на научном поприще а, по всей вероятности, были менее его учёны, не могли гордиться дружбой с Кювье и Гумбольдтом, но обладали незаменимым качеством: они понимали потребности окружающей их учащейся среды, росли вместе с нею, понимали форму и дозу полезного и доступного для неё... Вот почему выход Фишера из профессуры прошёл бесследно и [223] с ним аудитория не потеряла чего-то дорогого ей, чего-то слившегося с нею; вместо Фишера стал читать Ловецкий, и только. Не то было с Рулье, не таково было отношение слушателей к нему: его заменить было трудно. Можно было добиться всего, но только не стать вторым Рулье» (там же, стр. 47).

Как приложимы эти слова Анатолия Петровича к нему самому! С его кончиной, как и с кончиной Рулье, аудитория потеряла профессора, которого заменить трудно. И это потому, что и Богданов, и Рулье любили эту аудиторию, это потому, что оба они жили, когда читали, что они в каждом своём слушателе видели дорогое существо, лучшего друга, что предполагали в них такую же чистую любовь к науке, какою были одушевлены сами. А.П. Богданов был истинный сын земли русской, его учитель К.Ф. Рулье, несмотря на свое имя, на своё происхождение и свое вероисповедание, был также истинно русский человек, и русские люди чувствовали

это и особенно охотно шли за этими истинно русскими учёными.

Третья и четвёртая главы первой части этой книги Анатолия Петровича, в которых он излагает те научные стремления, те попытки к учёным работам, которые делались загнанными русскими учёными и профессорами двадцатых и тридцатых годов, совсем забытыми приглашёнными извне силами, так дивны и так интересны, что чтение их доставляет истинное наслаждение. Как мощна и как величава его отповедь Н.И. Пирогову, так осмеявшему в своих записках Московский университет того времени, и какую любовью к родной стране, к представителям родного народа дышат эти страницы. С какой теплотой спрашивает он великого русского учёного, уже несколько заражённого насмешливым и высокомерным отношением к своему родному, о том, что было в жизни университета того времени такого, что, как признается сам Н.И. Пирогов, «оставило впечатление на целую жизнь, врезалось в душу и дало ей направление на всю жизнь». «Жаль, — говорит Богданов, — что великий педагог не выяснил это *нечто* и составил картину весьма остроумную, но весьма мало поучительную и правдивую, из одних курьёзов. Произвело же это искусственное освещение: Московский университет явился в тени больше, чем он заслуживал, а Дерптский зато усилился в освещении вследствие контраста». В другом месте А.П. Богданов спрашивает Пирогова: «Не слиш[224]ком ли много беспристрастия к своим учителям, русским профессорах высказал Н.И. Пирогов в смехотворно-односторонней картине, нарисованной им по поводу университета, ярче какой не удалось бы написать никакому высокомерному немцу, презрительно относящемуся к России» (там же, стр. 102).

Вторая часть этой превосходной книги посвящена истории естествознания в России в сороковых и пятидесятых годах, времени преподавания Рулье. Читая её, поражаешься, как много, как интенсивно работали русские профессора и учёные того времени, как неблагодарны были их труды, и как мало знают о них не только люди с общим образованием, но и специалисты.

Написав превосходный очерк развития естествознания в России к началу шестидесятых годов, А.П. Богданов приступил к новой большой работе, к истории деятельности по зоологии Императорского Общества любителей естествознания. Эта книга доведена до начала

девятидесятых годов и содержит в себе также историю развития естественных наук в России со времени после шестидесятого года, и картина, рисуемая А.П. Богдановым, является и грандиозною и отрадною. Освободившись от оков иностранного давления, русская наука расправила крылья и быстро понеслась ввысь, дав целый ряд знаменитых и даже великих имён.

Но этим не удовольствовался А.П. Богданов. Дав историю естествознания в России, он хотел затем дать и более или менее подробный очерк её современного ему состояния. Для этого он приступил к изданию весьма интересному, а именно к «Материалам для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знаний преимущественно за последнее тридцатилетие» (1850–1887). В этом издании А.П. Богданов напечатал краткие биографии, списки учёных трудов и портреты большей части специалистов по зоологии и близким к ней наукам, и в четырёх томах этого издания заключаются сведения, весьма интересные для истории науки. К сожалению, два-три имени, неудачно занесённые в этот список, дали богатую пищу для лиц, не сочувствовавших начинаниям покойного Богданова, и издание это не имело того успеха, какого бы оно заслуживало. А недругов у Анатолия Петровича было много и в последнее время его жизни, и, что всего более горько, [225] в эту группу вошло немало лиц таких, которые всем в жизни своей были обязаны покойному учёному, которые без поданной им руки помощи должны были бы неминуемо погибнуть...

Довольно большая группа деятелей в разных областях жизни не прощала А.П. Богданову его ярко оттеняемого им национального направления. «Наука, — говорили они, — не имеет национальности, а поэтому учёному позорно говорить о какой-нибудь русской науке; Юпитер или Марс движутся по одним законам для русского и немца, где же тут национальность науки?» И эти отзывы о направлении А.П. Богданова начались ещё с шестидесятых годов, когда особенно резко стало выражаться в некоторой части печати антинациональное направление.

Интереснее всего, что те же самые люди преклонялись перед Геккелем, который, кощунственно сравнивая низшее позвоночное «ланцетника» с католическою реликвией, в то же время кричал о немецкой науке, о её величии и славе, который свою боевую книгу «Общая морфология» посвятил своему другу Гегенбауру, во

имя «общих трудов на почве родной, немецкой науки». То, что было позволено иностранцу, что ему ставилось, быть может, даже в заслугу, порицалось у русского учёного, который, однако, доказывал своим оппонентам, что у каждого народа свой характер, свои симпатии, свой склад ума. «Хотя Юпитер и Марс движутся одинаково и для русского и для немца, однако русский примет за наблюдение, станет описывать его не так, как немец или как англичанин, даже более того, подметит то, чего не подметит немец, и пропустит то, что увидит последний». В то время ещё не был разработан Лебоном и другими этнологами вопрос о национальном характере, и подобные споры были очень частыми и ожесточёнными.

Лет за пятнадцать до кончины А.П. Богданов приступил к изданию весьма обширного сочинения, которое осталось недоконченным. Своему труду, которому следовало бы дать название «Общая биология животного царства», Анатолий Петрович дал имя «Медицинской зоологии», ввиду того, что, по его глубокому убеждению, такая книга должна была быть настольной книгой всякого учёного врача, который должен знать различные видоизменения строения и отправления различных организмов, как простых, так и сложных.

План сочинения был очень интересен. Сначала А.П. Богданов излагал общие данные и воззрения на природу животного царства, начиная с строения основного вещества — протоплазмы и её выразителя — клетки, потом надо было перейти к тканям, затем к органам, наконец уже к целым организмам. А.П. Богданову удалось осуществить только первую задачу, то есть дать общие понятия о протоплазме, клетке и возникновении из них тканей, но и это заняло громадный том в тысячу слишком страниц; из второго тома, посвящённого вопросу о происхождении зародышевых листов и развитии из них тканей, вышел только один выпуск, и на этом окончилось это грандиозное предприятие. Оно угасло не по случаю недостатка энергии у учёного, к тому времени уже маститого, — оно не осуществилось за неимением средств к его продолжению...

А.П. Богданов был горько разочарован в участии своего издания; учёных врачей оказалось очень мало, и книга разошлась только в одной-двух сотнях экземпляров. Интересно, что значительно позже А.П. Богданова в таком же направлении были изданы книги немцем

Гертвигом, французом Геннеги и американцем Уильсоном, только книги эти гораздо более кратки, и все эти книги не только имели успех, но даже книга Гертвига переведена на русский язык, и, как всякая переводная книга, да ещё изданная опытным издателем, отлично пошла в ход. Впрочем, такова горькая участь каждого русского учёного деятеля, который старается издать самостоятельный труд с чисто научным направлением без всякого потакания модным течениям и вкусам толпы...

Я упомянул только о немногих учёных трудах А.П. Богданова, не указывая на более мелкие, из которых некоторые, например, «Антропологическая физиогномика», «Форма и среда» и другие, являются чрезвычайно интересными и своеобразными, но, полагаю, что и того, что я сказал, достаточно, чтобы видеть, какую выдающуюся учёную силу мы потеряли в лице Анатолия Петровича.

Я буду немного говорить о Богданове как об организаторе. Я делаю это, как потому, что об этой стороне деятельности Анатолия Петровича писали более, чем о других, так и из уважения к памяти покойного, который в последние годы своей жизни даже сердился, когда указывали ему на эту сторону его деятельности. «Неужели, — говорил он, — я уже так мало сделал для науки и для университета, что для меня не найдётся никаких других отзывов, как только те, которые указывают на мою организаторскую деятельность».

Всякий, кто интересовался ходом развития общественной деятельности в Москве, знает, что А.П. Богданов основал «Комитет акклиматизации», потом разросшийся в целое общество, что он был истинным организатором основанного С.А. Масловым «Комитета шелководства», что он вместе с Г.Е. Щуровским и А.Ю. Давидовым основал Императорское Общество любителей естествознания. Зоологический сад, этнографическая выставка, давшая Москве первый этнографический музей, о котором, к сожалению, так несправедливо отзывался один из сотрудников Московских Ведомостей, сравнивая его с Петербургским музеем имени Александра III, забыв, что с 1867 года, времени своего основания, Дашковский этнографический музей почти не обновлялся, политехническая выставка, давшая политехнический музей, антропологическая выставка, давшая университету антропологический музей, второй съезд естествоиспытателей, Всероссийский

съезд антропологов в 1879 году, международные конгрессы 1892 года, — вот краткий перечень тех учреждений, которые были организованы покойным.

Зная, что один из учеников А.П. Богданова, профессор сельскохозяйственного института Н.М. Кулагин, предполагает издание труда, посвящённого истории некоторых учреждений, основанных А.П. Богдановым, я не буду касаться далее этого вопроса, однако остановлюсь на том, почему А.П. Богданов был счастлив в своих предприятиях, тогда как многие другие, желавшие идти по тому же пути, часто не имели успеха.

По моему мнению, успех организаторской деятельности А.П. Богданова лежал в самом его характере и в той вере, которую он имел в то дело, за которое брался.

Анатолий Петрович был человеком очень общительным и очень доступным. В нём не было того олимпийского величия, которое отличает часто других деятелей, и это привлекало к нему всех и каждого. Анатолий Петрович, беседуя с близкими к нему лицами, в шутку любил рассказывать, что в каждом человеке к известному возрасту развивается особый алкалоид «генералин», тот алкалоид, которым отравлены многие выдающиеся лица; так этого-то алкалоида не развилось в А.П. Богданове до самой его смерти. Некоторым казалось даже, что А.П. Богданов был особенно ласков и предупредителен именно с теми людьми, положение которых редко позволяло им видеть такую предупредительность.

Вот это-то простое, добродушное отношение к людям и привязывало их к Анатолию Петровичу так, что они шли с ним на [228] всякое дело, а уже этого одного достаточно для того, чтобы помочь сделать многое и очень многое.

Но и люди более далёкие от Анатолия Петровича шли с ним и за ним, если им удавалось слышать его простое, но полное веры в успех предприятия слово, и мне памятна собрания, в которых большинство было настроено против того или другого предприятия Богданова, и которые оканчивались тем, что протестанты выходили из них верными сподвижниками Анатолия Петровича.

В конце концов за А.П. Богдановым установилась такая слава, что если он возьмётся за предприятие, то оно непременно будет иметь успех, и немало искушений было для Анатолия Петровича, который, устраивая дела других, расстраивал свои до крайней степени, вступить

в тот или другой кружок дельцов. Но А.П. Богданов прежде всего был учёный и профессор; он отклонял от себя все практические предприятия так же, как отклонял от себя и блестящую административную карьеру, и нам, близким к нему и его семье людям, известно, в каком расстроенном состоянии остались дела этого печалователя и радетеля о деле просвещения России вообще, сердца же её — Москвы в частности. Д.Н. Анучин в своём очерке жизни А.П. Богданова указывает на его участие в одном практическом деле. Это дело было учреждение одного из торговых предприятий в Москве, организаторы которого между другими учредительскими подписями попросили подпись и А.П. Богданова; дело было в 1872 году, во время политехнической выставки. Когда дело осуществилось, то А.П. Богданову был выдан один пай, и на этот пай А.П. Богданов совершил поездку за границу за коллекциями для зоологического музея. Одни коллекции стоили дороже стоимости пая, который немедленно же был реализован непрактичным профессором, и уже это одно указывает на то, как велик был этот пай!

Я также не буду распространяться об Анатолии Петровиче как о человеке; мне кажется, что я достаточно обрисовал его, указывая на его отношения к ученикам и сотрудникам. Не могу, однако, не указать, что А.П. Богданов прежде всего был человеком долга и дела. «Дело в деле, — постоянно говаривал он, — а не в сентиментах». Вот почему для некоторых людей А.П. Богданов казался иногда недостаточно сердечным, и вот почему он не всегда пользовался расположением экспансивных натур, которые нередко стремились склонить А.П. Богданова на свою сторону горячими словами, тогда как тот прежде всего требовал дела, фактов.

[229] Однако, будучи человеком деловым, А.П. Богданов далеко не был тем сухим законником, каким мы представляем себе людей, стоящих на страже закона. Напротив того, во всех его действиях на первом месте были требования этики. Вот почему А.П. Богданов так горячо оспаривал представителей права и «свода законов», доказывавших ему нередко на основании той или другой статьи «уложений» справедливость поступков, явно безнравственных. «Я вижу, — говорил он, — что на Руси две правды — одна юридическая, а другая Божья». В другой раз он при мне говорил одному из юристов: «Вы, батюшка, ищите нравственности в своде законов, а я в своем сердце; не могу

представить себе, чтобы у меня вместо сердца был свод законов».

И действительно, где только можно было помочь человеку, там всегда он находил эту помощь у Анатолия Петровича. Особенно характерно выражалось это при студенческих «историях» и беспорядках. Если в «истории» попадался кто-либо из молодых людей, известных А.П. Богданову, то последний не унимался до тех пор, пока не узнавал его вины, а если вина эта была ничтожною, пока не выручал зарвавшегося юношу. Но зато не было человека, который бы так опрокидывался на сторонних лиц, содействовавших нарушению порядка, или на зачинщиков волнения, как Анатолий Петрович. Он не находил казней для таких лиц, непрестанно указывая на то, что студенты — «малые сии», и что сам Христос указывает на то, что соблазнителью лучше надеть на шею камень осельный и броситься в воду, чем ввести в соблазн юношу.

Доступность Анатолия Петровича и его добродушие не раз делали ему чрезвычайно много хлопот. То он поручится за почти незнакомого человека, и с него требуют деньги по совсем неизвестному ему векселю, то ему пишут неприятное письмо за рекомендацию умиравшего с голода человека, которому он доставал работу и который оказывался неспособным и нечестным.

При всем своём уме, при своей неукротимой энергии, при своей почти сверхчеловеческой способности к работе и при баснословной любви к работе, Анатолий Петрович, однако, не выработал в себе одного качества — умения узнавать людей.

У Анатолия Петровича можно было найти теплое слово и в минуту тяжёлую, в минуту горя и разочарования. В этом случае он обыкновенно выслушивал человека, изливавшего ему свою душу, а потом, утешив его двумя-тремя тёплыми, душевными сло[230]вами, так ловко умел переводить мысли огорчённого на другой предмет, что тот, сам того не замечая, отклонялся от огорчившего его вопроса и направлял свои мысли совсем на другое.

Я мог бы написать очень многое об Анатолии Петровиче Богданове как о человеке, но рана ещё свежа, кончина так недавняя, мысль ещё не хочет помириться с нею, и я оставляю эту сторону до времени более позднего, до того времени, когда в память о покойном вступит более объективности.

Я в этом небольшом очерке дал несколько штрихов, которые изображают, только слегка намечая, ту дивную картину, которую представлял из себя Анатолий Петрович Богданов. Я знаю, что многие скажут мне, что я нарисовал этот слабый эскиз односторонне, что у Анатолия Петровича были и недостатки. Я не скрываю этого, я знаю, что он имел и недостатки, но я повторю слова Анатолия Петровича Богданова, которыми он заключает свое сочинение, посвящённое памяти К.Ф. Рулье, и скажу вместе с ним, что я уверен, что читатели мои «сочтут естественным и понятным, когда я... оставлял спокойный тон летописца деяний и говорил словом преданного ученика: неестественно было бы противное, как неестественно и противно слышать учеников, перебирающих недостатки своих учителей и сознательно или неосознанно желающих тем эксплуатировать их, хотя бы косвенными доказательствами, что в том и этом они лучше его и проницательнее в понимании истинных задач науки... Для критики слабых сторон учителя всегда найдётся достаточное количество людей и без учеников, тем более, что посторонних и не близких людей всегда меньше будет можно заподозрить в личностях, в отместке за прежние уколы самолюбия или в желании показать, что всем они обязаны своему уму исключительно, а не учителю, своему, превосходящему учителя, таланту» (К.Ф. Рулье, стр. 2 и 4).

Полагаю, что как ни скромно и неполно мой очерк, он всё-таки достаточен, чтобы видеть, какую потерю понесла русская наука и России в лице такого истинно русского человека, истинного учёного и истинного учителя правды, каким был Анатолий Петрович Богданов.

БЕСЕДЫ С ОТЦОМ. ЛИЧНОСТЬ А.П. БОГДАНОВА ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ЕГО ДОЧЕРИ

Н.К. Зверева

*Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН
ninak.zvereva@yandex.ru*

— Папа, что ты собственно подразумеваешь под
словом *характер*, — спросила я.
— *Характер* всегда преследует цель возвышенную
и практическую... преследует её постоянно.

А.П. Богданов, из беседы с дочерью

Статья посвящена профессору Московского университета А.П. Богданову (1834–1896). Она написана по результатам исследования, проведённого в Архиве Российской академии наук, где в фонде за № 446 хранится личный архив Богданова и его семьи — семь описей, около двух тыс. дел. В статье впервые публикуются выдержки из писем А.П. Богданова и воспоминаний его дочери, которые характеризуют его не только как заботливого и любящего отца, но и как человека, посвятившего свою жизнь служению науке и просвещению.

TALKS WITH FATHER. PERSONALITY OF A.P. BOGDANOV AFTER MEMORIES OF HIS DAUGHTER

N.K. Zvereva

A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution RAS; ninak.zvereva@yandex.ru

The paper is devoted to A.P. Bogdanov (1834–1896), a professor of the Moscow University. It is resulted from a study conducted in the Archive of the Russian Academy of Sciences, where the personal archive of Bogdanov and his family is stored as No 446, including seven inventories and about two thousand of cases. The article publishes for the first time extensive excerpts from the letters of A.P. Bogdanov and from memoirs of his daughter, which characterize him not only as a caring and loving father, but also as a man who devoted his life to the science and education.

В Архиве Российской Академии наук (РАН) в фонде за № 446 хранится личный архив профессора Московского Университета Анатолия Петровича Богданова и его семьи — семь описей, около двух тысяч дел.

Первые номера по первой описи — рукописные научные труды Анатолия Петровича. Несколько десятков томов, в каждом от 100 до 200 листов белой нелинованной бумаги, запол-

ненной рукописным текстом без полей чётким мелким почерком, чередующимся с рисунками, переплетённых в плотный зеленовато-муаровый картон. На обложке по центру приклеена белая карточка с названием «Материалы для зоологической хрестоматии в применение к медицине и другим прикладным наукам. Собрал Анатолий Богданов. Засл. Проф. Московского Университета». Над этой темой А.П. работать

не прекращал до самой смерти. Дата последней записи — 26 января 1896 г. — свидетельствует об этом.

Далее идут статьи, рукописные и выполненные типографским способом, всевозможные доклады и лекции и подготовка к ним; документы, отражающие его общественную деятельность; огромная переписка на русском и иностранных языках; завещание; воспоминание учеников; огромное количество фотографий в альбомах и отдельных служебных и личных. Там же находится называемая архивным термином «россыпь», т. е. листы, выпавшие из неизвестно каких переплетённых дел, вероятно пострадавших при переездах и из-за тесного хранения.

Просматривая сочинения А.П. Богданова, поражаешься оригинальности и ясности мыслей, которые рассеяны в них. Документы, связанные с общественной деятельностью, отражают его участие во всех новых научных преобразованиях, происходящих в это время в Москве.

Семейный архив Богдановых раскрывает Анатолия Петровича как любящего отца и мужа, сумевшего создать дружную крепкую семью. Несмотря на разность характеров и взглядов, все члены семьи любили и помогали друг другу.

Важную часть семейного архива составляют записи дочери Богданова — Ольги Анатольевны (1868–194?). Она была третьим ребенком в семье А.П. Богданова и его супруги Елены Васильевны. Родилась в Москве в доме родителей, близ Арбата. С детства имела слабое здоровье, поэтому с трудом окончила женскую гимназию. Много занималась самообразованием, изучала историю, литературу, психологию. Писала небольшие рассказы, стихи. Ещё при жизни родителей интересовалась историей своей семьи. Ею записаны многие воспоминания матери, беседы с отцом. Под влиянием старшего брата возросла её любовь к православной вере, одно время она хотела стать христианской писательницей. После смерти матери, а затем и государственного переворота, переезжает на квартиру к младшему брату Эллию, который ещё ранее став профессором Сельскохозяйственного института, проживал в Петровско-Разумовском, д. 8. Вскоре сюда перевозят и архив семьи, которым О.А. интенсивно занималась, переписывая более чётким почерком многие письма и деловые бумаги отца. Также она составляла жизнеописания отца и братьев. Многие отрывки из её работ нахо-

дятся в архиве РАН, куда были переданы после войны вдовой Еллия (Эллия) Анатольевича — Наталией Ивановной Богдановой.

* * *

Анатолий Петрович Богданов родился 1 октября 1834 г. в деревне на границе Курской и Воронежской губерний. Растила и занималась его воспитанием помещица княгиня Глафира Николаевна, урожденная Воейкова, по второму браку Кейкуатова, которую он называл бабушкой. О родителях его нет точных данных, но маленький Анатолий не был обделён семейной любовью. Княгиня, дважды овдовев и потеряв одну из дочерей, любила его как родного и сумела воспитать в одарённом мальчике и силу характера, и любовь к людям, и патриотизм, и желание служить своему Отечеству. Получив хорошее домашнее образование и окончив Воронежскую гимназию, семнадцатилетний юноша осенью 1851 г. поступает в число студентов Московского университета на естественно-историческое отделение физико-математического факультета.

О причине избрания Анатолием Петровичем естественных наук Ольга Анатольевна пишет:

«Анатолий избрал факультет естественных наук, а бабушке хотелось, чтобы он избрал юридический факультет. Почему же душа Анатолия лежала к естественным наукам? Вопрос этот представляет большой психологический интерес, и корни разрешения таятся глубоко.

— С самого детства обстоятельства жизни и её условия складывались так, что наталкивали ребенка на трагические вопросы: «Почему и отчего?». И внедряли в душу, нервно-хрупкую по организации, неприятные или даже тяжёлые впечатления и переживания [...] Всё это развивало тонкую наблюдательность, уловление малейших отрицательных черт жизни [...] Деревенская природа с самого рождения окружала ребёнка, и спасала его от угнетающих впечатлений житейской прозы и действительности [...] Парк, лес, птицы, пёстрый мир крошек-насекомых: всё это составляло для него такой привлекательный чарующий мир, такой чуждый житейской прозе и её колючек.

— Религиозность бабушки наталкивала на вопросы о том, что дурно и что хорошо, а эти запросы развивали внутреннюю наблюдательность. А это развило те умственные центры мозга, которые дают в результате анализ, сравнение, вывод и обобщение... Анатолий отличался вообще склонностью к сердечности, но больше всего он любил бабушку и природу.

— Природа влекла его, а изучение её законов не могло не притягивать его ум. — Естествознание как наблюдательная наука представляло для него обширное умственное поприще... и это поприще он выбрал» [АРАН. Ф.446. Оп.5. Д.14. Л.49–49об].

После окончания Московского университета, чтобы продолжить своё образование, он в 1856 г. уезжает в Париж. В 1857 г. там же он написал работу «О причинах цветности пера птиц», французскими коллегами она было высоко оценена. Это исследование легло в основу магистерской диссертации, которую Богданов защитил по приезду в Москву в 1857 г. В это время скончался его друг и учитель, талантливый учёный Карл Францович Рулье, которому благодарный А.П. Богданов посветит значительный исторический труд «Карл Францович Рулье и его предшественники», изданный в 1885 г. в «Трудах лаборатории при зоологическом музее». В предисловии к книге он пишет: «Рулье профессор, если не был солнцем, освещавшим своими лучами весь мир, то был первоклассным маяком, осветившим на далекое пространство России и наведшим своим светом много людей на истинную дорогу просвещения, уважения к науке и высоконравственного отношения к ней, как к источнику высокого человеческого развития» (Богданов, 1885, с. vii).

23 сентября 1858 г. Богданов был назначен адъюнкт-профессором при кафедре зоологии в Московский университет и занимал эту кафедру 38 лет до дня кончины.

В это время Анатолий Петрович делает предложение Елене Васильевне Поливаевой¹. Невеста была из древнего дворянского рода, но бабушка Глафира Николаевна Кейкуатова, вырастившая Анатолия, была категорически против. Её однако не послушали, и она пять лет с ними не разговаривала и не общалась.

«Венчались в Университетской церкви 19 апреля 1859 года. Маме 18, — пишет Ольга Анатольевна, — Из церкви на квартиру в Дежневый пер. Вход был (лестница) убран цветущими штампами роз, маленькие комнаты (5) были убраны цветами, предложена была гостям закуска, шампанское, фрукты, шоколад и в 10-м все разъехались. На другой день поехали к матери маминной на могилу (Лазарев. кладбище), которая была убрана цветами, служили панихиду, обедали у сестры, вечер дома, а на другой день делали визиты. Через три недели уехали за границу, пробыли три месяца, посетили города:

Варшаву, Берлин, Париж, Саксонскую Швейцарию с окрестностями, Швейцарию, Женеву, жили в Веве, а оттуда ездили в Шамуни на ослах смотреть издали Монблан. Посетили Вену, Кенисберг и морем через СПб домой» [АРАН. Ф.446. Оп.5. Д.14. Л.51].

В свадебном путешествии Анатолий Петрович увлекся новым научным направлением, в котором особенно успешно работал молодой хирург и анатом Поль Брока. Эта была так называемая физическая антропология. Богданов надеялся благодаря этому методу подойти к разрешению вопроса о составе и происхождении русского народа.

В 1860 г. Елена Васильевна получает в наследство дом в Спасо-Песковском переулке, близ Арбата. В нём Анатолий Петрович проживал вместе с разросшейся семьёй до самой своей кончины. Дом был гостеприимный, отражал быт Москвы середины XIX в. Н.Ю. Зограф пишет о своём первом посещении дома Богдановых: «Можете представить мой восторг и благоговение, когда я вступил на квартиру профессора! Мне казалось, что я здесь сразу весь проникнусь учёностью, что я буду слышать только самые отвлечённые разговоры, и, признаюсь, я был чрезвычайно поражён, когда увидел жизнь такую, как всюду, когда познакомился за чайным столом с молодой, ласковой хозяйкой, когда столкнулся с маленькими детьми, с которыми даже немедленно вошёл в приятельские отношения и затеял какую-то игру. Учёных разговоров слышал я немного; бывшие в гостях ученики А.П. Богданова и профессора разговаривали об обыденных вещах, и лишь изредка касались тех вопросов, которых так жаждал начинающий студент» (Зограф, 1899, с. 43.).

Периодически Анатолий Петрович специально собирал у себя своих учеников на так называемые вечеринки-«семинарии», желая приучить их к правильному проговариванию изложенного материала и критическому отношению к себе. Проходили здесь и весёлые собрания с ряженными, театральными представлениями и другими выдумками молодёжи, которые активно поддерживал Анатолий Петрович. Посещали Богданова коллеги и обсуждали научно-общественные проблемы.

Хозяйка дома Елена Васильевна была вся под влиянием своего любимого мужа и усердно помогала ему во всех трудах: участвовала в археологических раскопках, рисовала ему прекрасные рисунки к лекциям и трудам. Кроме того, Елена

Васильевна как жена общественного деятеля поддерживала все связи и отношения, которые требовались для её мужа. Она готова была пойти на жертву, необходимую для воплощения научных идей Анатолия Петровича. Примером этому служит эпизод, произошедший перед открытием Политехнической выставки, который по воспоминаниям родителей описывает Ольга.

«Приближалось открытие выставки. Работа кипела во всю. Ещё с апреля историк С.М. Соловьёв начал читать свои публичные лекции о Петре Великом, Аудитория всегда была переполнена. 12 лекций было прочтено. Оставалась неделя до открытия. Наступил трагический момент: всюду требовали уплаты на спешное окончание работ, не хватало средств, а открытие было приурочено ко дню рождения Петра Великого... Но откуда взять денег? Все кто могли пожертвовать — пожертвовали [...] Положение казалось безвыходным. Огорчённые, недоумевающие, как выйти из трагического положения приехали к Анатолию Петровичу два главных деятеля — профессор математики Август Юльевич Давидов и профессор геологии Григорий Ефимович Щуровский — [...] решалась судьба выставки, этого общественного детища, которого вынашивали в продолжении нескольких лет столько деятелей, работая во всех направлениях [...] Были люди, которые с тайным злорадством следили за грозовой надвигающейся тучей, надеясь, что неумолимый ураган сметёт ненавистное им дело...

Три учёных сидели в зале у маленького стола покрытой старинной бархатной скатертью. — Слов было сказано немного — всем было ясно, что только значительный капитал может спасти дело, но откуда взять его? [...] Неужели новое научное культурное движение должно погибнуть, не имея возможности пробить стену некультурного равнодушия? Наступило молчание... трагическое молчание [...] Деньги, деньги, но откуда их взять? Бледный взволнованный с начавшимся сердцебиением, к которому он был всегда склонен, Анатолий Петрович прервал смертельное молчание... Краткая фраза пронеслась в тишине, глубоко знаменательная фраза, поразившая двух учёных сотрудников любимого дела... фраза, вызвавшая в душе их полное недоверие...

— Деньги будут [...] Я ручаюсь домом моей жены.

Если бы грянул гром, то он не произвел бы такого оглушительного впечатления, как эта

фраза. Одна и та же мысль мелькнула у обоих профессоров: Анатолий Петрович сошёл с ума. Они только переглянулись... Как здесь в соседней комнате лежит жена, ещё не поправившаяся от произведения на свет четвёртого ребенка... Там внизу бегают трое малышей слабенького здоровья... Ставить на карту последний жизненный приют... последние небольшие средства!! [...] Профессора ответили молчанием. Затем стали прощаться, ссылаясь на неотложность дел [...].

Анатолий Петрович после ухода гостей тот час вошёл к жене. — «Леля, выставка погибает, надо спасать во чтобы то не стало... Я поручился твоим домом» — сказал он, целуя её [...] Она так любила Анатолия, преклонялась перед его умом, учёностью, общественными идеями. Она уже привыкла к жизненному материальному темпу и для Анатолия ей ничего не было жаль. Она знала, общественная жизнь и общественные идеи это его жизнь — это его сущность [...] Детей он любит, наверное так надо, после некоторого сомнения Елена Васильевна успокоилась [...].

На следующий день приехал Губонин². У него был совсем купеческий вид, он не покидал своего длиннополого кафтана чуть не до пят, сапоги бутылкой, гладко прочёсанные волосы с серединным пробором [...] Он сочувствовал научно-общественным идеям и высказывал высокую оценку деятельности Анатолия Петровича [...] После краткого разговора Губонин вынул пачку денег в 20 тысяч и положив на стол сказал, что привёз это в полное распоряжение [...] Открытие выставки было обеспечено» [АРАН. Ф.446. Оп.5. Д.20. Л.26–30].

Вскоре, после успешно прошедшей Политехнической выставки, Анатолий Петрович с женой и детьми — Володе 8 лет³, Ору 7⁴, Ольге 5 — и своими учениками уезжает на год за границу. Годовалый Еллий⁵ был оставлен в Москве у родственников. Берлин, Лейпциг, Альпийские горы, Швейцария, Милан, Рим, жизнь в Неаполе с его трагическими развалинами, Париж, Бонн. Анатолий Петрович за год, проведенный в тесном содружестве с учениками и своей семьей, активно занимался как интеллектуальным развитием детей, так и научно-методическим образованием своих учеников. Отец брал с собой детей всюду: в музеи, в картинные галереи, пешие прогулки по горам и т. д. Всё это с эстетическими впечатлениями чудной природой и разнообразием культурной жизни очень развило

способности детей. Для учеников это была школа научной деятельности в разнообразных природных условиях. Желая предостеречь учеников от узкой специализации в работе, А.П. говорил «Вы приехали сюда, на море — для того, чтобы посмотреть на его богатое население, чтобы поучиться у лучшего учителя — природы, а вас так и тянет на то, чтобы разрезать какую-нибудь гадкую кишку, найти у неё на стенке какую-нибудь ненужную группу клеточек, описать её, поставить во главе статьи своё имя. Оставьте это для своей старости. Теперь же учитеесь у этой природы, беседуйте с ней, упивайтесь её красотой» (Зограф, 1899, с. 209). Личным примером Анатолий Петрович учил работать всех, находившихся в этом путешествии. «На Средиземном море сначала в Виллафранке, потом в Неаполе А.П. Богданов в течение целых восьми месяцев неустанно и непрерывно работал для любимого университета, целые транспорты животных и препаратов отправлялись в Москву, и в этом деле А.П. помогали все его сожители, его супруга, дети, его ученики. С утра до обеда А.П. с супругой и учениками сидели за микроскопом, составляя драгоценную коллекцию препаратов» (там же, с. 209).

Через год по приезде из путешествия семью постигло страшное горе. Скончался по болезни особо любимый отцом сын Ор. Вся семья трагически переживала утрату. Ольга писала: «Смерть Ора страшно повлияла на отца. Он рассказывал, что не мог допустить, чтобы из Орочки “вырос один только лопух”, и стал после этого трагического переживания допускать существование загробной жизни. Отцу в это время было 40 с половиной лет» [АРАН Ф.446. Оп.5. Д.19. Л.8].

Воспитанием своих детей А.П., несмотря на интенсивную умственную и общественную деятельность, занимался постоянно, в чём проявлялся его незаурядный педагогический талант. Отец вёл научные интересные разговоры, будил мысль, своими беседами создавая этим научную атмосферу в семье. На лето отец обязательно снимал дачу, где дети несколько месяцев жили среди тогда ещё чудной подмосковной природы.

Он часто путешествовал с сыновьями по России, бывали летом в Крыму. Дети были дружны с молодыми зоологами — учениками Богданова,

С ними они издавали шуточные газеты — «Измайловскую Ботвинью» и др. А.П., не участвуя в этом, всегда морально поддерживал все добрые начинания. В 1882 г. в Москве на Арбате дети открыли своё учёное Общество под названием «ВсеАрбатская Богдановская Академия» с заседаниями, лекциями и сборниками статей и учёным журналом. Отец и мать присутствовали на заседаниях и слушали лекции. Анатолий Петрович хотел воспитать в своих детях «уважение к науке и высоконравственного отношения к ней как к источнику высокого человеческого развития» и этим служить своему Отечеству и людям. Его сын Еллий полностью перенял навыки и советы отца, став известным учёным. Старший сын Владимир, ещё с юности проявлявший более принятого интерес к религии, после окончания Университета и работы в разных научных учреждениях, почти в 50 лет стал священником.

Анатолия Петровича связывала с детьми искренняя дружба и любовь. В частых разговорах и даже спорах он никогда не опровергал убеждения родных, но назидательно высказывал свои мысли. К письме к Владимиру он пишет: «Чтобы жизнь наша была постоянно мирна, нужно, чтобы все отдавали Божье Богу, а Кесарево Кесарю, т. е. человеческой натуре не ломая её... Целую тебя и люблю тебя, не смотря на постоянное твоё стремление подломить меня и настроить на свой печальный с христианской точки зрения лад. Побольше любви к ближнему, особенно к отцу, любви простой, детской без богословия и монашеских фальшивых приёмов — вот что сделает тебя истинным христианином и источником радости для всех окружающих тебя, сохранивших спокойный и трезвый взгляд на жизнь. Твой Анатолий Б.» [там же. Л.179].

Дочь Ольга, имея писательский дар, посвятила его в основном истории своей семьи. Одна из её небольших работ — «Семейные записки составленные в 1888–1893 годах». Ежедневно вечерами или днём за обедом Анатолий Петрович находил время для бесед со своей семьёй, воспринимая свой дом как крепость. Ольга тайно от отца делала записи, благодаря этому сохранились некоторые непосредственные высказывания Анатолия Петровича. В его словах звучит откровенность, возможная толь-

* Здесь и далее в тексте, воспроизводящем записи О.А. Богдановой, написание имени младшего сына А.П. Богданова дано как в оригинале. *Ред.*

ко с любящими понимающими его близкими и родными. Здесь можно снять с себя мундир научно-общественного деятеля, от слов которого зависит его репутация. Он искренен и прост. В его словах нет занудного назидания. Усталость и пессимизм звучат по причине, что ещё не всё, что мог бы он сделать, сделано. Ольга Анатольевна вводит нас в интерьер московского дома учёного 80-х годов XIX в. с его незаурядными обитателями.

Приводим отрывки из её записей, составленных в разные годы (без кавычек).

Урок о славе и похвале

Папа сидел вечером в зале или в своём учебном кабинете, так как зала давным давно утратила свой светский вид, будучи загромождена огромными шкапами с книгами и двумя огромными письменными столами, неразлучными друзьями каждого человека, пристрастного к перу, чернилам и бумаге. Папа сидел в своём тяжёлом железном качающемся кресле или скорее полулежал, тихонько покачиваясь. Перед ним стоял столик с двумя массивными высокими старинными подсвечниками с зажжёнными свечами. Мама сидела и работала около столика в своём чёрненьком платье собственной работы, Эллий* сидел у другого конца стола перед высокой табуреткой, прилежно разрезывая длинные исписанные листы на узенькие полоски, которые он наклеивал снова на белые листы, подбирая эти кусочки по алфавиту — это была одна из его научных работ. Володя отсутствовал... Когда я пришла, мама уже собиралась уходить спать, так как она очень рано вставала [...] Папа продолжал спокойно покачиваться в своём кресле. Лицо его было спокойно, по всем признакам он был в мирном расположении духа.

Наши вечерние собрания бывали различного характера: некоторые бурные с горячими речами, со столкновением различных воззрений, некоторые добродушно семейные без затрагивания каких-нибудь серьёзных вопросов, некоторые вечера были поучительные. На последних я и хочу остановить своё внимание. Поучительными вечерами я называю такие, во время которых папа излагал нам свои идеалы общественной деятельности, свои правила, свою борьбу с неудачами, с непониманием людей. Он не скрывал свои ошибки и рассказы его или скорее поучения отличались правдивостью. Он рассказывал всегда с волнением и взгляд его на людей отличался довольно большим песси-

мизмом. Нынешний вечер обещал быть поучительным. Действительно завязался разговор о событиях в учёном мире и вопрос коснулся честолюбия, похвал и славы.

Папа воодушевился и произнёс следующую речь: «Люди страдают одним сумасшествием: они думают, что их похвалят и как бояться они, чтобы об них не отозвались дурно. В моей жизни мне часто приходилось предлагать людям поступать смело и мне отвечали: — А что скажут? — Люди думают, что их будут хвалить, если они так не поступят. Напрасно. Те же самые люди, которых они боятся, скажут про них: — “Дураки они ничего не умеют делать.” — Хвалят люди только тогда, когда тянешь под их дудку. Если кто хочет славы, тот должен ждать, чтобы она сама пришла. Если делаешь дело серьёзно, обдуманно, то влияние и известность сами придут, а люди часто не хотят ждать они спешат высказаться, урвать где можно... А именно когда делаешь дело, то самое лучшее для человека не выставляться, чтобы о нём поменьше говорили, а то надоешь всем [...] Когда приходилось в Обществе читать вслух присланные мне письма, то я выпускал всё, что только касалось моего восхваления. Надо не бегать за похвалами, но иметь в себе сознание, что сделано дело. Я всегда в своей жизни брался за то дело, которое считал погибшим, за которое никто не хотел браться. И, ох, как трудно бывало его вывозить. Когда дело идёт, деньги есть, тогда и помощников, и желающих работать много, но вот тогда то и ценишь человека, когда он не отступит в трудные минуты, тут не забудешь никогда тёплого ласкового слова, сказанного от души. Надо уметь не бояться ругни [...] Часто ругают только под влиянием впечатления... И кто хочет дело делать, тот должен не бояться ругни...»

Папа окончил свою речь. Говорил он очень одушевленно, видно было, что человек сам пережил много тяжелых минут. Эти слова тем более были ценны, что это были слова опыта, слова человека, посвятившего свою жизнь общественной деятельности: со сколькими людьми приходилось иметь дело, с какими различными людьми по уму, способностям, характеру, нравственным качествам. Как приходилось отстаивать дело, жертвуя нередко собой. И всё то делалось легко, непринужденно, потому что была любовь к делу, сознание его важности. Дело не было средством работать исключительно только для себя, для собственного блага, положения, но жизнь имела ещё руковод-

ством правило: «дело в деле» [АРАН. Ф.446. Оп.5. Д.16. Л.11].

Былая мечта о любви людей

— Было время, — сказал папа в разговоре вечером, — когда я задался мыслию расположить к себе людей, чтобы они полюбили... да чего только я не куролесил в своей жизни».

— Это когда же папа, когда ты только сделался профессором или позже?

— Нет, когда только что сделался профессором, нельзя было, надо чтобы привыкли... Да, чего только не делал. Нет, по правде сказать, человека, которому в жизни не сделал бы любезности. И хоть бы спасибо потом сказали.

— Я думаю, папа, что, всё-таки это не забылось. Люди непременно это вспомнят хотя когда-нибудь.

— Вспомнят-то, вспомнят, да как поступали. Дела то их были против.

— Это ты, папа, к себе приглашал жить, давал даровое помещение стол, одежду, всё ради той мысли, которая задался.

— Это отчасти. А ведь, сколько приходилось делать. И микроскопы покупал, и книги давал, устраивал семинарии, устроил чтения литературные. Чтобы отправить одного за границу 350 рублей собрали. Семинарии кончились только тем, что все нужные книги растеряли, и я остался без книг, пришлось покупать все новые. Отправил за границу, тот ничего там не сделал. И потом никто спасибо даже не сказал, приносили благодарность Обществу, а обо мне даже не вспомнили.

— Это ты, папа, на свои деньги покупал микроскопы.

— Частью на свои, частью отыскивал. И своих денег сколько усадил. Ведь Общество Любителей естествознания четыре года существовало без средств, а и печатание шло, и ужин был годичный с музыкой. Вот Щ[уровский] тот ведь отличался наивностью. Он видит все идёт, дело движется, он и говорит мне раз: «Послушайте, Анатолий Петрович, неужели вы всё это на членские взносы делаете?» — На членские взносы.

— Папа, а в котором году было основано Общество Любителей Естествознания?

— В 1863 году, а в 1867 только дали две с половиной тысячи.

— Что же, папа, ты добился желаемого результата?

— Добился. Вот как поживёшь, так и увидишь, что только тогда и спокоен, когда спишь себе в зале один да никого не видишь.

Разговор этот видимо не возбуждал приятных воспоминаний, это видно было по тону. На меня произвёл этот разговор такое впечатление, что будто человек говорил о чём-то дорогом, но давно схороненном; видно было, что многое пережито, передумано, выстрадано, но что уже роковая развязка прошла; время заставило примириться и сжиться, хотя в воспоминаниях не было ничего отрадного.

Несколько минут спустя папа простился с нами и сел завязывать пакеты, наклеивать, подписывать. Он всегда говорил, что если кого попросишь, то сделают в 5 дней то, что сам делаешь в один вечер и что тот человек, который не умеет делать и исполнять чёрную работу, тот ничего путного не сделает... [АРАН. Ф.446. Оп.5. Д.16. Л.2].

* * *

В другой беседе, записанной Ольгой Анатольевной, она спрашивает:

— Папа, а как зародилась у тебя мысль устроить выставки: Этнографическую, Политехническую, Антропологическую? Что двинуло тебя на это?

— Видишь, я был в 1857 году за границей и особенно поразил меня Лондон и его музеи. Пройдёшь эти музеи, посмотришь и без книжек узнаешь многое... С такими средствами люди и глупее нас сделают несравненно больше. Меня поразила наша скудость и беднота, патриотическое мое чувство, если можно так выразиться, было затронуто и у меня явилась мысль сделать нечто подобное у нас в России [...] [там же. Л.5].

О непонимании людьми деятельности

— Папа, — сказал Эллий, войдя в залу и сядя на кресло, — нынче М. моему товарищу ругал всех твоих учеников и косвенно тебя. Он говорил: «Профессор Богданов всех своих выводит в профессора. Только и были два талантливые, — говорил он, — это С., и С-н.»

Хотя папа уже привык к ругне, но видно было, что это ему не приятно слушать.

— Ругают всех, — сказал он — Ковалевского ругали, Бредихина, когда он поднялся, стали ругать. А меня уж как ругали, дураком называли.

— Как так, папа?

— Да так: в 1867 году после этнографической выставки был съезд естествоиспытателей.

На последнем обеде министр и попечитель подняли за меня тост. Я никогда не сажусь за главным столом. Меня вызывают и я иду. Министр предлагает за меня тост и в это время в другом конце начинают кричать: «за дураков, за дураков».

— Папа, да кто же это? Ведь это не только нахально, но даже глупо.

— Петунников и другая ещё компания. Да когда деятеля ругают, это ещё не так тяжело. Но вот тяжело: когда относишься как отец, обставляешь, устраиваешь и в конце концов эти же люди начинают идти против и ругать [...]

— Это очень тяжело папа, когда видишь кругом людей, которым нельзя верить.

— Тяжело ещё потому, что они меня убить не могут, разве только напортят, но они делу вредят.

Я слушала, слушала и наконец сказала:

— Какая ты цельная личность, папа, как деятель.

Папа в ответ на это сказал мне:

— Моя жизнь показала, что я всегда преследовал дело. Дело для меня всегда стояло на первом месте. Для меня всё равно, кто ни работает, тот ли другой, только бы дело шло, я всю мою жизнь брался за те дела, которые считал погибшими или которыми никто не занимался. А когда я его поставлял, то его у меня отнимали и я ничуть ничего не имел против того. Например, я сделал этнографическую выставку, музей, а потом им заинтересовался Попов Нил. Он хотел работать только с условием, что он будет работать один и я ему уступил: работает, ну и Слава Богу. Теперь Л. в Румянцовском музее. Правда, что он дал 10000 р. Но мы ему выплатили всё до копеечки, а теперь как будто он всё сделал, меня совсем позабыли. Нынешний год было 25-летие этнографической выставки — никто даже не вспомнил обо мне. Тоже с Политехническим музеем. Не было денег для помещения — Богданов был нужен. Выстроили наконец музей. Не было денег достроить его, стоял он без окон без дверей — Богданов был нужен. А теперь Л. и П. сидят там, управляют. Первым делом это они хотели заставить позабыть Политехническую выставку — ничего не издали, не описали. Тоже самое с Антропологическим музеем. Я нашел 25000 р. для кафедры Антропологической в Университете. Я послал А. за границу, сколько вытерпел за него. Я устроил Антропологическую выставку, а в результате меня же и отгёрли [АРАН. Ф.446. Оп.5. Д.16. Л.7–8].

[...]

— Кого же папа ты любишь из Зоологического музея? — спросила я.

— К.Т., он бесспорно честный человек, хотя и неподвижная натура...

— Какая? — переспросила я.

— Неподвижная, эгоистичная, но бесспорно честная. Таких людей ценишь. Люди часто продают... хотя бы за большую сумму, а то за медный грош. Есть деньги — работают одним образом, нет — и я для них не существую, что ни случись со мной. Н.М. — дело другое: он постоянно думает о том, чтобы помочь, успокоить... Я ещё жалею, что у меня сердце есть... Люди жулики, они всегда станут играть на слабой струнке... Кузьма Прутков говорит, что человек с мягким сердцем, — говорит папа, наклоняясь ко мне — подобен ледяной сосульке: взглянет солнце она и растает. Что за охота быть такой сосулькой, чтобы жулики пользовались Я уже прошёл период маниловщины. Теперь не проведут. Ты помнишь Манилова, — обратился он ко мне.

— Это у Гоголя, папа. Помню, но плохо. Я читала его, но очень давно.

— Ну Собакевича и Манилова надо знать, это всё равно, что Чацкий в «Горе от ума», — прибавил папа недовольным тоном.

— Всё надо знать, папа, — ответила я, — глядишь, и то не знаешь, и другое не знаешь, и третье. Ведь и Шиллера надо тоже знать, — прибавила я, отвечая на собственную мысль: я в это время читала Шиллера, так как мало была знакома с ним.

— Это не то, — возразил папа, — вот я Шиллера не знаю и несколько не краснею.

— Но ведь ты читал «Дон Карлоса» и «Разбойников».

— Читал, — отвечал папа, пожав плечами, — но смутно помню. Гоголя то надо не так знать [там же. Л.12–13].

Поучение об отношении к сделанному труду или делу

— Эх, мало, мало сделано, — воскликнул папа в начале нашего разговора, когда разговор коснулся о делах.

— Ну уж ты, папа, не можешь сказать, что мало сделано. Нечего Бога гневить, — возразила я.

— Эх не то можно было сделать, да сил мало. Я никогда себя во всю свою жизнь не обманывал. Гордости и самолюбия у меня всегда был непочатый угол и я никогда не хотел щеголять

в дурацком колпаке. Что сделано, то сделано, а мечтать о себе, это значит уподобляться муравью в басне Крылова. Это басня с детства производила на меня глубокое впечатление. Как прочёл её первый раз, так глубоко она залегла в мою душу и с тех пор я всегда её вспоминаю. Сделает что-нибудь человек, похвалят его и возмечтает он о себе невесть что и возится со сделанным, и гордится, а на деле выходит, что это муравей, прославившийся в своём муравейнике, потому что мог поднимать «ячменных два зерна». Для того чтобы не поглупеть, чтобы дело делать, чтобы не утопать в собственном величии, надо помнить эту басню Крылова. Много хорошего есть в его баснях. Да я и развивался-то очень удачно: бывало, сделаешь что-либо, так столько нахлобучек дадут самолюбию, что перестанешь мечтать о себе. Надо помнить, что каждый человек непременно имеет свой талант: хороша, достойна уважения водовозка, исполняющая своё дело и ничуть не хуже рысак, но беда, если водовозка возмечтает о себе и захочет быть рысаком или рысак водовозкой [АРАН Ф.446. Оп.5. Д.16. Л.9].

Разговор за обедом

[В разговоре за обедом некто из гостей высказал мнение, что Анатолий Петрович мог бы быть министром, поскольку обладает силой дипломатии.]

— Вся моя дипломатия, — возразил папа спокойно на такое неудачное понимание его деятельности, — состоит в том, чтобы дело делать. Другие забавляются, шутят, а я дело делаю. Вот в чём состоит вся моя политика: я берусь всегда за дело, всеми оставленное, почитаемое погибшим, но в котором я нравственно убеждён и веду его [...].

Знаете ли, — сказал папа, — что мне лет 10 тому назад представлялся случай быть деканом. Я, по правде сказать, тогда думал: не соблазниться ли. Но подумал, подумал и решил, что из меня вышел бы очень дурной декан. Я человек очень кроткий и терпеливый, терплю, терплю, но иногда имею обыкновение «наскакивать», когда выведут меня из терпения. Меня непременно разозлили бы через три дня и была бы история. Решил и с тех пор ничто не могло меня соблазнить. И этому очень помогла Елена Васильевна. Будь она почестолюбивее, я бы из кожи вылез, а она очень критически всегда относилась, даже слишком критически ко всяким возвышениям... [АРАН. Ф.446. Оп.5. Д.16. Л.16].

Разговор о самолюбии и зависти

— Папа, ты самолюбивый? — спросила я раз вечером, лёжа на диване и размышляя о папиных качествах.

— Я всегда ставил своё самолюбие в том, чтобы что-нибудь сделать, а зависти у меня положительно никогда не было. Я никогда не понимал во всю свою жизнь этого желания всё подчинить себе или чванства. Я мечтал всю жизнь съютить людей ради общего дела, желал, чтобы люди меня любили, я хотел показать, что нечего желать или искать власти или чванства, что если дело будешь делать, то власть несомненно сама придёт. Я не только не домогался власти, но напротив, торжествовать всегда уступал другим, если и выходил на торжествах, то только тогда, когда это было необходимо. Жизнь разбила все мечты, я вижу, что не съютить... как есть деньги, так я ючу, а как их нет, и людей нет.

— А чего бы ты папа, желал от людей?

— Только того, что я им делаю. Ведь как только они делали ошибки, так ко мне приходили и мне приходилось их поправлять. Ведь хорошие отношения и состоят в том, чтобы помочь человеку, когда он делает ошибку, а не пользоваться интимностью для вреда, для уменьшения авторитета.

— Папа, авторитет поддерживается делами, его не разрушишь.

— Это легко говорить сидя здесь, а как общественному деятелю можно повредить, если подрывать веру в него. Веру в меня подрывают, посмеиваются над тем, что я делаю... А я так всегда относился, так обставлял, старался не задеть самолюбие, даже получал нарекания...

— Папа, ты всё же таки успел в своём деле: ведь никому не удаётся так заставить людей делать дело, как тебе.

— Меня даже Бабухин⁶ и Снегирёв⁷ называли Иваном Калитой, собирателем Русской земли.

— Что же это означает папа?

— Означает это то, что я собираю людей и учёных и они делают дело.

— А относительно зависти, так я никому не завидовал. Я всегда был уверен, что моего места никто не займёт... У каждого свой талант, свои способности [АРАН Ф.446. Оп.5. Д.16. Л.17].

Беседа о характере и идеалах

— Папа, а что ты собственно подразумеваешь под словом характер? — спросила я, когда

случайно вечером в разговоре с братом папа упомянул это слово.

— Характер всегда преследует цель возвышенную и практическую... преследует её постоянно.

— Ну вот, папа, вся твоя жизнь показывает отсутствие практичности. Ведь было время, когда ты рисковал всем своим имуществом.

— Без риска невозможно делать никакого дела. Нельзя вести дело так: сосчитать, сколько денег есть и на эти деньги вести дело — ничего не выйдет. Я рисковал, но, слава Богу, всё оканчивалось удачно.

— Но ведь можно так лишиться всего, папа.

— Можно, но для этого надо иметь голову на плечах, надо думать... Надо иметь здравый смысл.

— Папа, ведь здравый смысл можно понимать различно.

— Ну вот тебе здравый смысл: прямо в интересе людей меня не ругать, не восставать, не мешать делу, а поддерживать, особенно когда мне тяжело, а они говорят: «Э, Анатолий Петрович всё равно сделает...». Или скажешь, а они сделают не так. Наконец, я пришёл к такому убеждению, что лучше не просить, а делать всё что можно самому.

— Папа, они не могут тебя понять.

— Я уже махнул на них рукой. Я их не понимаю, они меня.

— Да трудно, папа, вести какое ни будь общественное дело: приходится иметь дело с различными людьми. Только и можно иметь с ними дело, когда будешь играть на их хороших струнах.

— Ну, на хороших струнах ничего не сыграешь. Я уже играл, играл. Доказывал, доказывал, что надо иметь широкую задачу, план, а люди только тогда и делают, когда нужны деньги или ради самолюбия. Самолюбие — вот на чём только и возможно вести общественные дела.

— Папа, это очень печальный взгляд.

— Чтобы сделать какое ни будь дело, надо уметь делать черновую работу.

Для того чтобы быть первым, надо уметь быть вторым, надо не быть мелочным. Самое ужасное дело показывать свою власть в мелочах. Это значит разменяться на звонкую монету, это всегда раздражает... Вот я могу гордиться теперь, пол Москвы ненавидит трёх людей: Алексеева⁸, Власовского⁹ и меня.

— Что же ты им сделал, папа. Ведь ровно ничего дурного.

— Это тебе так кажется, а им иначе. Я ведь всю Москву перебурлил. Да, тяжёлое это было время, время Конгрессов. Этого не понимают. Ведь это Севастопольская оборона [АРАН Ф.446. Оп.5. Д.16. Л.18–19].

* * *

Анатолий Петрович имел в виду организацию Обществом в 1892 г. двух Международных конгрессов: по доисторической археологии и антропологии и по зоологии. В 1890 г. был создан Комитет, возглавляемый Богдановым, для подготовки Конгрессов. Комитет энергично принялся за трудную и ни разу не проводимую в России организацию подобного мероприятия, которое было необходимо для поднятия отечественной науки в мировом сообществе. Но определённая часть научного и светского общества всячески сопротивлялась этому мероприятию. С.-Петербургские ведомости писали, что «с Конгрессами мы только осраимся: исследований у нас нет, в музеях показывать нечего» и т. д. К этому прибавились эпидемия холеры и политические агитации. Несмотря на активную деятельность Комитета, даже был период, когда казалось, что провести Конгрессы в России не удастся. Но благодаря тому, что на пост Генерал-губернатора Москвы назначается младший брат Императора, Великий Князь Сергей Александрович¹⁰, который способствовал многим прогрессивным начинаниям в Москве, ситуация изменилась. 28 июля 1892 г. Великий князь пишет Императору Александру III¹¹: «Дорогой Саша, спешу препроводить к тебе памятную записку об испрашиваемой мною субсидии от Твоих щедрот на дело международных Конкурсов, которые открываются 1 августа сего года и по которым трудился почтенный проф. Богданов. Помощь с Твоей стороны будет великой нравственной поддержкой для самого дела и уважаемой личности Богданова» [Государственный архив РФ. Ф.677. Оп.1. Д.994. Л.154–155]. 1-го августа 1892 г. в здании Московского Университета состоялось открытие Конгрессов, на котором произнес приветственную речь на французском языке Генерал-губернатор. На Конгресс приехали представители почти всех стран Европы, а также Сев. Америки и Мексики. Конгресс прошёл на высоком уровне. Комитетом был проделан огромный труд по изданию циркуляров, приглашений, описаний Конгресса, издания его трудов и Каталогов выставок. И всё это нужно было разослать как по России, так и

за границу. Организация этого последнего крупного мероприятия стоила Анатолию Петровичу потерей больших жизненных сил.

Сам Анатолий Петрович писал: «Предвидеть голодовку, холеру, недоброжелательство в столь сильной степени многих учёных и даже людей, считаемых мною до того дружески расположенных ко мне, затруднения с наградами, малое сочувствии публики к устроенным при Конгрессах выставках, нападки на напечатанное, энергичное дискредитирование людей деятельности, особенно по печатанию изданий Конгрессов и по поводу Конгрессов, было выше моего понимания и предвидения, и за это я поплатился и моим здоровьем и моими нравственными силами. Начатое дело требовалось довести до конца во что бы то не стало. Это сделано и сделано я полагаю добросовестно и не щадя себя» [АРАН. Ф.446. Оп.5. Д.17. Л.36].

* * *

В одной из последних записей «Из семейной хроники» Ольга Анатольевна описывает критические минуты в жизни отца, видя, что его колоссальный труд, на котором отец потерял своё здоровье, не только не отмечен по заслугам, но и ещё больше увеличил нападки, осуждение и надуманные обвинения. Также на нём как на организаторе повис долг в несколько тысяч рублей, которые не выплатило Министерство. И дочь приходит к выводу, что папа своим горьким опытом так и не понял, что одна наука не может дать счастья человеку, что люди изменчивы, что надеется на них нельзя: в счастье и успехе приходят все, но малейшая неудача и многие отстраняются. Но Анатолий Петрович остаётся верен своим убеждениям.

«— ...Ведь вот я теперь я переживаю один из самых критических моментов в жизни, — говорил папа, сидя на диване в зале, взволнованный, бледный, нервный, готовясь через полчаса поехать к С., правой руке Великого князя по делу Зоологического сада, — Теперь я переживаю одну из самых критических минут. В министерстве перемена. 10 тысяч нам не дали, деньги нужны чтобы окончить два больших дела: Зоологический сад и Зоологический музей. [...] О Зоологическом музее я ещё не так беспокоюсь, там уже определено я имею дело с министерством, а вот Зоологический сад. Там ведь я завишу от людей частных. Всё дело зависит от моего значения и влияния, а мне портят. Графиня У. распускает слух, что я из

ума выжил, что я состарился, в Университете замалчивают о моих заслугах и пишут, что я взял на себя трудное дело наклеивать ярлыки и надписывать пакеты, а вся инициатива Конгрессов принадлежит другим. Что они ругают, это не беда, всякого общественного деятеля ругают [...] Но вот беда, что они делу портят. Дело идёт и зависит от моего влияния, а они Бог знает что рассказывают... Другие послушают, послушают, что говорят, и станут сами говорить: «Ведь недаром это говорят, должно быть он действительно устарел». Вот доверие и подорвано... А моё настоящее дело есть действительно самопожертвование: мне гораздо было бы интереснее засесть теперь, разводить букашек и писать историю зоологии, но я считаю, что не надо зарывать таланта, данного Богом, в землю: дело полезное, нужное, надо его довести до конца. И вот я должен мыкаться, ездить, а это так тяжело теперь для меня. И вот, дети мои, вам совет мой в эту критическую минуту, когда совершается такой психологический процесс: когда вы увидите человека в таких критических обстоятельствах, когда ему так тяжело, знайте, что в эту минуту человеку сказать доброе, ласковое слово — великая вещь. Он никогда этого не забудет, в этом познаётся человек... А я вот в эти минуты, сейчас получил извещение, что Д., Ц., и М. отказываются...» [АРАН. Ф.446. Оп.5. Д.16. Л.20–21].

* * *

Понятно переживание дочери о незаслуженном принижении заслуг отца. Семья была свидетелем его самоотверженного труда и нравственного подвига. Ольга Анатольевна к 30-летию деятельности отца посвятила ему стихотворение:

Пловец отважный, путник смелый,
Ты на минуту отдохни
И взгляд свой пристальный и беглый
На то, что было, обрати.
Душою твёрдой веря в дело,
Едва пускавшее ростки,
Ты начал путь, взирая смело
На всё, что ждало впереди.
Ты говорил: «Что медлить долго,
Работа есть, работа ждёт,
Пусть враги смеются колко...
Друзья, не медлите: Вперед!»
И взяв свой посох, без сомнений,
Не унывая от невзгод,
Не опасая волнений,
Ошибок, горя и хлопот,

Ты к цели шёл, сил не жалея,
 Не отдыхая на пути.
 Порой заря вдали алея,
 Тебя манила: «Отдохни!»
 То буря грозная ревела,
 И слышен голос был: «Вернись!»
 Земля дрожала, море пело:
 «О дерзкий путник, оглянись!»
 Но завернувшись в плащ широкий,
 Ты молча шёл и молча ждал,
 Кто победит, — ты одинокий
 (Друзей внезапно вихрь умчал)
 Или стихия силой страшной
 Тебя о горы разобьет,
 Или над пропастью опасной
 Тебя помчит и увлечёт.
 Ты молча ждал, и вдруг стихия
 Поражена и смущена
 И тучи мрачно-грозовые
 Уже далёко мчит она.
 И ты, уставший, утомленный,
 Боишься время потерять
 И одинокий, истомлённый,
 Вновь хочешь путь свой продолжать.
 — Так тридцать лет ты шёл тропюю,
 Себе прокладывая путь,
 Вот отчего болит порою
 Твоя измученная грудь.
 Но посмотри назад: далёко
 Ведёт теперь твоя тропа
 И ты стоишь не одиноко,
 Ученики вокруг тебя.
 Но если даже люди эти
 Тебя покинут, не один
 Стоять ты будешь: твои дети —
 Дела твои. Вот исполин,
 Который выдержит все грозы,
 Кому, поверь мне, всё равно
 Дожди, жестокие морозы,
 Жара, ненастье и тепло.
 23 сентября 1888 г.
 [АРАН. Ф.446. Оп.5. Д.16. Л.22]

* * *

Годы деятельности А.П. совпали с эпохой коренных изменений в истории России, что всегда связано не только с новыми созидательными процессами в культуре страны, но и с возрастающими социальными противоречиями. В эти годы разрушение устоев общества во имя определённых утопий и собственных амбиций только усилилось. Анатолий Петрович Богданов был из тех, кому реформы открыли новые возможности для созидания на благо Отечества. До конца своих дней он остался верен своему идеалу — трудиться на благо просвещения России. Многие соотечественники высоко оценили деятельность

Анатолия Петровича. Они по праву считали его истинно русским человеком, истинно русским учёным и истинным учителем правды.

* * *

P. S.

Уже в советское время Ольга Анатольевна сделает небольшое описание одного события:

О папе

Осенью 1928 г. в Тимирязевской Сель. Хоз. Академии было заседание памяти Климентия Аркадьевича Тимирязева, проходившее в химической аудитории. Студент коммунист Коган говорил речь и охарактеризовал личность Тимирязева, как учёного, говорил, что он не только был учёный и общественный деятель и соратник Советской власти. Говорил, что им была создана особая школа Тимирязевцы. Они не закрывались в узкую учёную школу науки, и таких крупных учёных больше не было. Проф. Каблуков тогда встал и сказал: — Как же вы говорите, что не было, а разве вы не знаете, что был такой учёный Анатолий Петрович Богданов, которым целая школа создана, она называлась Богдановская школа. Чьими руками создан Политехнический музей, Политехническая Выставка? По чьей инициативе создан Зоологический Сад? По чьей инициативе были устроены Конгрессы в Москве 1892 года? Из школы Богданова вышла целая плеяда крупных учёных. Мы знаем, что в нашей Тимирязевской Академии есть его последователи и крупные учёные. Всем нам известный наш профессор Николай Михайлович Кулагин и сын Анатолия Петровича учёный Эллис Анатольевич Богданов и многие другие известные учёные (Шимкевич, Насонов-академик, Каблуков, Зернов, Тихомиров, Кожевников, Харузин и др.) [АРАН. Ф.446. Оп.5. Д.14. Л.69–69об].

Примечания

1. Богданова Елена Васильевна (1842–1916) — урождённая Полеваева-Топильская. Основное занятие после замужества — помощь мужу в его научно-общественной деятельности и воспитание и начальное образование детей, которых было четверо (дочь Ольга и три сына). После смерти восьмилетнего сына перенесла тяжёлую болезнь. Её мировоззрение всё более становится религиозным, научная деятельность мужа отходит на второй план. Перед смертью в 1916 г. приняла монашество. Похоронена в родовом склепе на Лазаревском кладбище.

2. Губонин Петр Ионович (1825–1894) — русский купец 1-й гильдии, промышленник и меценат. Родил

ся в дер. Борисово Коломенского уезда в семье каменщика. Начиная свою деятельность с каменщика, затем подрядчика на железной дороге. Стал одним из создателей Волжско-Камского нефтяного банка. На его пожертвования построена церковь в Гурзуфе, финансировал строительство Храма Христа Спасителя. За пожертвования на обеспечение Политехнической выставки в Москве (1870–1872 гг.) даровано личное дворянство. За строительство Севастопольской железной дороги в 1875 г. присвоено звание Д.С.С. и даровано потомственное дворянство и герб рода с девизом «Не себе, а Родине».

3. Богданов Владимир Анатольевич (1865–1931) — старший сын в семье Богдановых. В 10 лет поступает в гимназию Креймана. С 1877 г. добровольно исполнял обязанности пономаря и чтеца в церкви Спасо-Преображения, что на Арбате. После окончания среднего образования намеревался поступить в Духовную академию, но отец был категорически против и Владимир становится студентом естественного отделения физико-математического факультета Московского университета. Окончил кандидатом математических наук. Увлекался теоретической математикой. Работал преподавателем. Участвовал в создании кабинета прикладной физики в Политехническом музее, занимался научным развитием пчеловодства, шелководства. Состоял членом ряда научных обществ. В мае 1914 г. рукоположен в дьяконы и затем в иереи, назначен священником церкви во имя преподобного Серафима Саровского при Московском Серафимовском комитете Российского Общества Красного Креста (РОКК). После её закрытия (1918 г.) служил при Иерусалимском подворье в церкви Апостола Филиппа. 1923 г. арестован, содержался в Бутырской тюрьме, затем сослан в Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар) и в Вятку. В 1929 г. вернулся, проживал в Троице-Сергиевом посаде. Похоронен там же на старом городском кладбище.

4. Богданов Ор Анатольевич (1867–1875) — второй сын в семье Богдановых. Способный мальчик, отличался весёлым доброжелательным открытым характером. Особенно был любим отцом. Скончался от скарлатины.

5. Богданов Еллий (Эллий) Анатольевич (1872–1931) — младший сын в семье Богдановых. Прекрасно рисовал, писал стихи. По своим взглядам ближе всех находился к отцу. После окончания гимназии Креймана поступил и успешно закончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Продолжил своё образование за границей. Защитил диссертацию «О прямом и косвенном участии белков в образовании жиров». С 1897 г. преподаватель в Сельскохозяйственном институте. Один из основоположников зоотехники в России. Подобно отцу создал свою школу учеников. В советское время

в конце 1920-х гг. подвергся гонению, в котором принимали участие и некоторые из его учеников. Скончался от болезни сердца. Его супруга Наталия Ивановна Богданова после уничтожения Дорогомиловского кладбища (в 1940 г.) перезахоронила его останки рядом с отцом в некрополе Новодевичьего монастыря, у стен Смоленского собора.

6. Бабухин Алексей Иванович (1827–1891) — профессор Московского университета. Заведующий кафедрой физиологии, гистологии и эмбриологии. Создатель первой в России бактериологической лаборатории. В 2001 г. в городе Орле ему установлен памятник.

7. Снегирёв Владимир Фёдорович (1847–1916) — профессор Московского университета. Основоположник гинекологии как научной дисциплины в России.

8. Алексеев Николай Александрович (1852–1893) — из семьи промышленников, купец 1-й гильдии, один из самых ярких деловых людей Москвы 80-х гг. С 1885 г. — Городской голова. Способствовал превращению Москвы из патриархального в благоустроенный европейский город. При нём построен Мытищинский водопровод и ряд других инженерных сооружений. Меценат и благотворитель. Заботился о детском образовании, благоустройстве приютов и больниц. Помогал Художественному театру. Убит у себя в кабинете при приёме посетителей. Похоронен в Новоспасском монастыре у стен Преображенского собора. Могила утрачена.

9. Власовский Александр Александрович (1842–1899) — полковник, с 1891 г. Московский обер-полицеймейстер. Отличался энергичным и деятельным характером. Провёл ряд мер по улучшению противопожарного состояния Москвы.

10. Романов Сергей Александрович (1857–1905) — Великий князь, пятый сын Императора Александра II. Участник русско-турецкой войны 1878–88 гг., командир Лейб-гвардии Преображенского полка. Получил прекрасное образование, с юности увлекался живописью и археологией. С 1891 г. — Генерал-губернатор Москвы и командующий войсками Московского военного округа. Преданный традиционным идеям монархии и православия, любил московскую старину, её культурные и исторические ценности. Руководил созданием двух музеев в Москве — Исторического, где даже имел свой кабинет, и Музея изящных искусств им. Императора Александра III (ныне Пушкинский). В традициях воспитания заботился о беднейшем сословии москвичей, по его распоряжению построены общежития и бесплатные столовые на Хитровом рынке; также являлся попечителем многих благотворительных и учебных учреждений Москвы. При многочисленных новых застройках в Москве лично следил за сохранением архитектурно-исторических памят-

ников. Женат на принцессе Гессен-Дармштадтской Елизавете, в православии Елизавета Феодоровна. Погиб от бомбы террориста. Гробница Великого князя и копия первоначального Креста работы В. Васнецова в настоящее время находятся в Московском Новоспасском монастыре.

11. Александр III Александрович (1845–1894) — второй сын Императора Александра II. Российский Император с 1 марта 1881 по 20 октября 1894 гг. Женат на принцессе Датской Марии-Софии-Фредерике-Дагмар, в православии Мария Феодоровна. Проводил политику по укреплению Российской Империи путём развития национальной промышленности и улучшения быта крестьянства. За отсутствия войн в годы его правления стал именоваться «Миротвор-

цем». Похоронен в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга.

ЛИТЕРАТУРА

Богданов А.П. 1885. Карл Францович Рулье и его предшественники на кафедре зоологии в Императорском Московском университете. Библиографический очерк. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 43 (2). 215 с.

Зограф Н.Ю. 1899. Отрадная страница из истории русской науки. Анатолий Петрович Богданов. — Журнал Министерства народного просвещения, 9: 21–46; 10: 207–230.

**МОИ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А.П. БОГДАНОВЕ
(ДОБАВЛЕНИЕ К ЕГО БИОГРАФИИ)***

Н.И. Богданова

**MY MEMORIES OF A.P. BOGDANOV
(ADDITION TO HIS BIOGRAPHY)**

N.I. Bogdanova

[...] Прошу, не судите меня строго, а примите мой скромный труд, как добавление к биографии Анатолия Петровича Богданова и дорогой для меня его семьи, написанной моим незабвенным другом О.А. Богдановой.

Анатолий Петрович Богданов обладал недюжинным умом и притом был добрейшей души человек. Это унаследованное качество передавалось всей его талантливой семье.

[...] Анатолий Петрович был не только замкнутым кабинетным учёным, зарывшимся в узкую специальность своей науки; он был также и общественный деятель, широко образованный человек, принимавший деятельное участие в тех многочисленных обществах, организатором которых он был. Я не буду их перечислять, так как вся его общественная деятельность подробно изложена в его биографии покойной дочерью О.А. Богдановой.

Он всю жизнь посветил науке, народу и молодёжи. Надо удивляться, откуда у него бралась такая сила и энергия при далеко не крепком здоровье.

С каким трепетом я переступила в первый раз порог его дома. Эта добрая, дорогая мне семья обласкала меня, приняла по родственному. Я вступила в профессорский круг учёных. Это общество расширило мой умственный кругозор, и дало мне толчок и пособие к знанию и образованию.

Перехожу к воспоминаниям об Анат. Петр. в семейном кругу. Он очень хорошо относился ко мне и нередко говорил своим о его желании, чтоб я вступила в их семью.

Все свои средства он употреблял на общественные дела, на пользу родины и науки, не щадя ни сил, ни здоровья.

Весьма часто к обеду приводил из университета своих бедных учеников, студентов-зоологов, кормил их. Не терпел никакой роскоши — всё самое простое.

Как-то О.А. причесалась у парикмахера. А.П. сказал: «Ты так выглядишь красивее, но я люблю свою милую простую Олю без всяких прикрас».

Сам одевался очень просто: носил такую обтрёпанную шубу, подпоясанную кушаком. Наконец его сотрудники сложились и подарили ему приличную шубу. Мой покойный муж Еллий Анатольевич до того изнашивал свой студенческий сюртук к концу учебного года, особенно, когда занимался, будучи на 3-ем курсе в химической лаборатории у проф. Морковникова, что к концу года не мог никуда показаться в таком виде. Другого сюртука, нерабочего, у него не было. Когда А.П. был за границей с Е.А. и остановился в отеле, он не позволял звонить в звонок, который был у них в номере, чтоб вызвать лакея, а заставлял Еллия Анатольевича спуститься вниз и таким образом вызвать лакея, потому,

* Настоящая статья представляет собой публикацию рукописи (датирована 11 октября 1943 г.) Натальи Ивановны Богдановой (урожд. Лаврентьевой) — жены Еллия Анатольевича Богданова [АРАН Ф.446. Оп.5. Д.14. Л.24а–30об]. В ряде мест пунктуация и орфография исходного текста откорректированы. *Ред.*

что терпеть не мог «барских замашек». Почти каждое лето А.П. ездил за границу на 1 или 1,5 месяца и всегда брал с собой Е.А. Только последние 3 года перед смертью он проводил лето в Петровском-Разумовском, на так называемой «министерской даче». Она находилась в парке и называлась министерской потому, что в ней как-то жил летом министр земледелия Островский, а потом, кажется, в течение трёх или двух лет летом предоставлялась Анатолию Петровичу. В 20-м году, когда нельзя было достать топлива, всю её растащили на дрова.

Помню, как 11 июля в день именин его дочери О.А. Анатолий Петрович устроил детский праздник, собрав детей бедных служителей лабораторий, детей швейцаров, организовал разные детские игры, хоровое пение, декламацию, и раздавал им игрушки и конфеты. Они были в восторге. Многие до сих пор вспоминают этот праздник: Кузнецов И.Ф., препаратор проф. Демьянова, служительница в «химичке» Александрова М.А. и другие. Вечером один знакомый А.П. любитель-фокусник проделывал поразительные фокусы. Попросил шляпу. Н.М. Кулагин дал свою шляпу. И вот этот фокусник варил в ней яичницу: разбивал яйца и выливал в неё. Дочка проф. Прянишникова, 5-ти летняя девочка, очень беспокоилась, что он испортит новую шляпу Н.М. Но вместо воображаемой яичницы он вынул из шляпы нам взрослым бутоньерки цветов, а детям всевозможные игрушки, картонажки, коробочки. У Демьяновой Вар. Ник. до сих пор сохранилась мозаичная коробочка. Когда он роздал всем подарки, то в заключение вынул прехорошенького кролика. Как он это производил, до сих пор не могу себе представить. Начинил картами присутствующих здесь профессоров, и потом сделал обыск. [...] Проф. университета А.А. Тихомиров даже обиделся на него, когда он нашёл у него карты в рукаве и жилете.

По вечерам перед сном А.П. любил посидеть в цветнике на любимой скамеечке, и я с ним бывало сидела. Он любил народ и смотреть на нарядную московскую публику, приезжавшую из душной Москвы подышать свежим воздухом, которая как в калейдоскопе проходила мимо нас. На рождестве устраивал ёлку для бедных детей, живущих на его обширном дворе на Арбате в Спасо-Песковском переулке, и для детей-служителей и детей швейцаров Зоологического музея в университете. Кроме игрушек и сластей он каждому из детей дарил по 5 ар. сатина или бу-

мазеи на рубашку или платице. Бывало, когда он ехал в Зоологический музей в университет на лекцию, то ребяташки бежали за его извозчиком и любовно кричали: «Дорогой дедушка Богданов», а он им бросал карамель. Он очень любил детей.

Анатолий Петрович очень любил птиц. В его спальне во всё окно стояла огромная клетка с деревьями, в которой находилось масса мелких певчих птичек. Об этой клетке с птицами упоминает в письме к О.А. главный доктор Боткинской больницы Ф.А. Гетье (письмо это передано в архив Академии наук). Нужно было держать эту клетку в большой чистоте, иначе подчас бывало из этой клетки исходил тяжёлый запах, вредный для здоровья. Как ни убеждали доктора А.П. выпустить этих птиц, он никак не соглашался. Эта огромная клетка перевозилась и на дачу в Петровское-Разумовское, но здесь она стояла на балконе министерской дачи.

И вот в последний год своей жизни, точно предчувствуя свою близкую смерть, в один прекрасный летний день А.П. взял и выпустил их на волю. [...]

По вечерам от 8 ч. до 10 ч. вечера вся семья собиралась наверху в А.П. кабинете и беседовали с ним. О.А. читала свои наброски, схватывая очень картинно характеры всех присутствующих. А.П. говорил, что у неё есть большой писательский талант, любил слушать и говорил: «живо изображено и характер и лица. Но, однако, ты мне не польстила. Но всё-таки очень хорошо». Сам, обладая прекрасной памятью, он передавал почти дословно прочитанные романы Жюль Верна, роман Сю «Le Juif errant», романы Диккенса, которого он очень любил. Особенно ему нравились «Записки Пиквикского клуба». Рассказывал как анекдоты студенческие ответы на экзаменах и ответы провизоров (малокультурный народ), которые на вопрос профессора отвечали, что взбредёт им на ум. Анат. Петр. читал им беспозвоночных, т. е. о червях, глистах и т. д., и на какой я уже не помню вопрос профессора не долго думая отвечали «cigare» (лечить). Еллий Анатольевич одно время увлекался поэзией, писал стихи и читал их вечером своему отцу. У меня есть томик его стихов. Хорошо рисовал, никогда не учась. Как-то у нас в гостях в нашей квартире в Разумовском был брат проф. Кончаловского тоже профессор-художник П.П. Кончаловский. Увидав картину «Тройка» скопированную Е.А. простым пером чернилами с рисунка художника Самокиша, он

пришёл в восторг (особенно ему понравилась нарисованная вода) и сказал: «Мы художники не рисуем так пером. Мы рисуем тушью». Убеждал его отвлечься на несколько часов от его творческой научной работы и заняться рисованием. Хотел посвятить ему свое время — давать бесплатно уроки. Говорил, что у него огромный талант и не надо его зарывать в землю.

Постараюсь описать насколько помню последний год жизни Анатолия Петровича. Много волнений и забот принёс Зоологический Сад. Не буду останавливаться на этом, так как всё это изложено его дочерью в его биографии. Не меньше неприятностей принёс и Зоологический Музей в Университете, в котором он читал лекции и с которым он сроднился. Этот Музей был организован Анат. Пет. Вопрос возник о ремонте Музея. А.П. хотелось восстановить старый Музей, а вопреки его желанию устроили так, что его любимое детище Зоологический Музей был перенесён в совершенно новое здание, оборудованное по новому плану, с которым он был не согласен. Все эти тревожения и невзгоды, которые обрушились на него в последний год его жизни, окончательно подорвали и так уже сильно потрёпанное здоровье, что привело к концу его многострадальной деятельности жизни.

Ночью в один из январских дней он упал, держа зажжённую свечу в руках. Его подняли и уложили в постель. Я в это время ночевала у них. Меня просили съездить за проф. С.И. Червинским, который иногда лечил его, хотя А.П. не признавал лечение и все прописанные лекарства ставил нераскупоренными на стол. Я поехала. Как теперь помню С.И., принявшего меня в халате, так как было очень рано. Когда я сказала, в чём дело, он был очень озабочен и, по-видимому, расстроен. Как врач он знал, какова опасность и к чему она может привести, что это начало конца. Сказал мне, чтобы не пугать А.П.: «Я скажу, что проездом в клинику я заехал навестить его». Сейчас же приехал, прописал ему строфант и другие сердечные капли, велел лежать, говорил, что надо ему поставить мушку. Но как это сделать, вот вопрос! Сейчас же послали за лекарством, по обыкновению А.П. не стал принимать, а велел поставить на полочку около письменного стола. С этого дня начал угасать организм. У него была «Брайтова болезнь» (болезнь почек), которая подтачивала силы, постоянно отравляя организм, вела к полному его истощению. Силы медленно падали.

Когда поднимались нервы и казалось, что силы явились, А.П. посылал за своим извозчиком (у него был свой постоянный извозчик), который возил его в Университет. Анатолий Петрович надевал свой вицмундир и собирался ехать в Университет читать лекцию. Но всё это было мнимая сила, ложный подъём нервов. Сейчас же он уставал, раздевался и надевал свой халат. Поставили мушку, когда она стала беспокоить его, он стал её срывать и сказал своему университетскому служителю Осипу, который был приглашён ухаживать за ним, и О.А.: «Посмотрите-ка, что такое они намудрили со мной». Все врачи боялись снять мушку, чтобы не раздражить его, между тем надо было снять её. Просили моего брата-медика снять, но он не решался: «Пускай тот, кто её поставил, и снимет, я не решаюсь».

Не помню проф. С.И. Червинский или доктор Беляев, кто-то из них, подошедший к А.П., спросил его: «Дайте-ка я посмотрю, что Вас беспокоит». Подошёл сзади и осторожно снял мушку со спины А.П., быстро скомкав её, бросил под постель. Анатолий Петрович заметил это. Когда доктор ушёл, он сказал: «Ну-ка, Осип, посмотри, что доктор бросил под постель и покажи мне». Когда доктор приехал к нему А.П. сказал: «Что же это Вы обманываете меня. Не я ли Вас учил не лгать в жизни, а Вы даже и перед смертью моей не могли исполнить моего завета — нехорошо, нехорошо».

Любил, когда я ему читала газеты по утрам, но быстро утомлялся, и я кончала свое чтение. Доктора говорили, чтоб я пропускала все некрологи и объявления о смерти. Как-то А.П. послал меня купить в гастрономическом магазине «Мора» на углу Воздвиженки консерв рыбы, соль или вообще какой-нибудь острой рыбы. Я пошла и купила, не помню консерв сардин или скумбрию. Он покушал и ему не понравилось. «Почему Вы не купили соль?» спросил он меня. Я сказала, что этот консерв несколько дешевле. «Ах, Вы грошевица», — сказал он мне. Я пошла вторично и принесла желаемую им соль, но и это ему не понравилось. Очевидно он хотел возбудить аппетит — но из этого ничего не вышло. Аппетит пропал, силы падали.

В один из мартовских дней Анатолий Петрович просил меня поехать в Университет привести тогда ещё студента Зернова С.А., ныне академика, и ассистента Н.В. Богоявленского, теперь уже умершего. Они оба приехали. А.П. просил их помочь ему разобрать журналы ино-

странные и русские, которые лежали по полу у входной лестничной двери. Сам сидел на кресле просматривал и указывал, куда класть, чтобы разгрузить проход у двери: «А то, — говорит, — трудно будет пронести мой гроб в такую дверную щель». Недолго он занялся этой пыльной работой, не прошло 5-ти минут, как он сказал: «Ну довольно, я устал». Помню, как-то также в один из мартовских дней послал он меня съездить в Университет, чтобы попросить приехать профессоров, его ближайших учеников — проститься с ним. Я помню, как вышли из его кабинета все в слезах профессора Н.М. Кулагин, Н.Ю. Зограф, Гр.А. Кожевников и кажется хранитель музея А.Н. Корчагин. Говорит А.П.: «Позвал вас, чтоб сказать последнее “прости”. Я умираю, не сердитесь на меня, если я был с вами строг и много требовал от вас. Я хотел сделать из вас честных тружеников, искренно любивших науку, не считаясь со своим самолюбием, не топя друг друга, а чтобы вы любили науку и труд. Жить на пользу родины, народа, молодёжи и умереть, сознавая, что исполнили свой долг, не зарыли в землю свой талант, данный Богом, недаром прожили свою жизнь, не покладая своих сил и знаний послужили людям и науке».

Накануне своей смерти А.П. позвал меня к себе в кабинет и просил меня, как обычно, прочесть ему текущую газету, но через несколько минут сказал: «Довольно, я устал. Благодарю Вас за всё. Вы облегчали мои страдания. Когда я умру, возьмите деньги у Елены Васильевны [...], в день моих похорон, [на] 9-й и 40 день купите по 10 ф. карамели и отвезите в Зоологический Музей в Университет и раздайте детям университетских служителей и также в Петровское-Разумовское — раздайте детям служителей [тогда сельхоз. Института, ныне Академии имени К.А. Тимирязева]. Пускай помянут сла-

деньким своего “дедушку Богданова”, который их любил и баловал».

На другой день утром в день своей смерти позвал свою любимую дочку Олю и сказал ей: «Возьми большой лист бумаги и сообщи всем знавшим меня о моей смерти за границу «Le Professeur de Moskau A.P. Bogdanow est mort». Она сидела и писала. Удивляться надо его стойкости, самообладанию и памяти. Он припомнил все заграничные адреса, всех учёных всего мира Австралии, Америки и т. д., которых он знал. Потом сказал: «Возьми открытку и напиши Еллию (который в то время был командирован за границу от Сельхоз Института на два года в Германию для специализации и разработки новой науки «Общей Зоотехнии»). «Мое желание, чтоб он не прерывал своих занятий, не приезжал на мои похороны». Адрес на открытке в Берлин сыну уже не мог сказать, устал. «Теперь оставь меня, уходи. Прощай. Благодарю за всё. Я хочу встретить и пережить этот великий момент смерти один и перейти в тот мир, сознавая свою греховность. Не хочу, чтобы вы видели и переживали вместе со мной мои страдания». В.А. и О.А. стояли у закрытой двери его комнаты.

С трёх часов дня началась страшная икота, продолжавшаяся до 5-ти часов вечера. В 6 ч. вечера 15 марта 1896 г. Анатолий Петрович скончался.

Похороны были грандиозные. Весь Арбат был буквально усеян студентами, цепью тянулись студенты вплоть до самого места его вечного упокоения Новодевичьего монастыря, где и до сих пор покоится его прах, около самого собора под грандиозным памятником в виде большого креста, поставленным на средства Московского Университета и тех многочисленных обществ, организатором которых он состоял.

[...]

ДОПОЛНЕНИЕ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Настоящее дополнение включает краткие биографические сведения о персонах, упомянутых в публикациях текстов А.П. Богданова, А.А. Тихомирова и Н.Ю. Зографа, которые имели прямое касательство к научной и организационной деятельности А.П. Богданова, а также к ранней истории Зоологического музея Московского университета.

При уточнении некоторых сведений помощь оказали: А.В. Свиридов и Д.Л. Иванов (Зоологический музей МГУ), И.А. Стародубцева (Государственный геологический музей РАН).

Составил И.Я. Павлинов.

Альтум Бернард (Johann Bernard Theodor Altum; 1824–1900) — германский зоолог, профессор Эберсвальдской лесной академии.

Анастасьев Александр Михайлович (?–1877) — российский врач; участник зоологических и археологических исследований в Московской губернии, которые организовывал А.П. Богданов.

Анненков Николай Иванович (1819–1889) — российский ботаник, лесовод; директор Московской земледельческой школы при Московском обществе сельского хозяйства.

Антонский — см. Прокопович-Антонский.

Анучин Дмитрий Николаевич (1843–1923) — российский географ, антрополог, этнограф, археолог; ученик А.П. Богданова; один из создателей (вместе с А.П. Богдановым) и затем директор Антропологического музея при Московском университете; некоторое время президент Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Ауэрбах Ивана Богдановича (Брахов) (1815–1867) — российский геолог; хранитель Минералогического музея при Московском университете; основатель Кафедры минералогии и

геогнозии Петровской земледельческой и лесной академии.

Афонин Матвей Иванович (1739–1810) — российский естествоиспытатель, ученик К. Линнея, профессор и хранитель коллекций по естественной истории в Московском университете.

Бланшар Шарль Эмиль (Charles Émile Blanchard; 1819–1900) — французский зоолог; работал в Музее естественной истории в Париже; возглавлял Французскую академию наук.

Бобрецкий Николай Васильевич (1843–1907) — российский зоолог; преподавал в университете Святого Владимира (Киев).

Борзёнков Яков Андреевич (1832–1883) — российский анатом, физиолог, историк зоологии; ученик К.Ф. Рулье; профессор и заведующий Кабинетом сравнительной анатомии при Московском университете; один из организаторов Московского зоологического сада.

Брахов — публицистический псевдоним И.Б. Ауэрбаха (см.).

Бредихин Иван Александрович (1813–1871) — российский врач, профессор Московского университета.

Брока Поль Пьер (Paul Pierre Broca; 1824–1880) — французский хирург, этнограф, анатом и антрополог; основал Общество антропологии в Париже; профессор Парижского университета.

Бронн Генрих Георг (Heinrich Georg Bronn; 1800–1862) — германский зоолог и палеонтолог; профессор зоологии и хранитель зоологических коллекций в Гейдельбергском университете; иностранный член С.-Петербургской академии наук.

Глебов Иван Тимофеевич (1806–1884) — российский анатом, гистолог, физиолог; профессор Медико-хирургической академии, затем Московского университета, основатель Кафе-

дры и Кабинета сравнительной анатомии при Московском университете.

Грасьоле Луи Пьер (Louis Pierre Gratiolet; 1815–1865) — французский анатом, физиолог, зоолог; возглавлял Кафедру зоологии в Парижском университете.

Давидов Август Юльевич (1823–1885) — российский математик и механик, профессор Московского университета; один из основателей Московского математического общества.

Данилов Николай Петрович (1818–1895) — российский помещик, любительски занимался этнографией и энтомологией; сотрудничал с Обществом любителей естествознания.

Двигубский Иван Алексеевич (1772–1839) — российский естествоиспытатель, служил смотрителем Кабинета натуральной истории при Московском университете, позже профессор, затем ректор Университета.

Дюмериль Огюст-Анри (Auguste Henri André Duméril; 1812–1870) — французский зоолог; директор Музея естественной истории в Париже.

Земпер (Семпер) Карл (Karl Gottfried Semper; 1832–1893) — германский зоолог и путешественник; профессор зоологии и сравнительной анатомии и директор Зоолого-зоотомического института в университета Вюрцбурга.

Зенгер Николай Карлович (1841–1877) — российский зоолог, ученик А.П. Богданова; хранитель Зоологического музея Московского университета, секретарь Общества любителей естествознания; один из создателей Политехнического музея в Москве.

Зибольд(т) Карл Теодор Эрнст (Karl Theodor Ernst von Siebold; 1804–1885) — германский физиолог и зоолог; профессор физиологии и зоологии в университетах Эрлангена, Фрейбурга, Бреславля, Мюнхена; в последнем заведовал Зоолого-зоотомическим кабинетом.

Иноземцев Фёдор Иванович (1802–1869) — российский врач, доктор медицины; покровитель А.П. Богданова в его молодые годы.

Исаев Василий Исаевич (1853–1911) — российский микробиолог и эпидемиолог, почётный лейб-медик; в качестве врача совершил кругосветное плавание на судне «Адмирал Нахимов» и собрал большую зоологическую коллекцию.

Йегер Густав (Gustav Jäger; 1832–1917) — германский врач и натуралист.

Карус Юлиус Виктор (Julius Victor Carus; 1823–1903) — германский зоолог; профессор

сравнительной анатомии и директор Зоотомического кабинета в университете Лейпцига.

Кауфман Николай Николаевич (1834–1870) — российский ботаник, специалист в области флористики; профессор Московского университета.

Кащенко Николай Феофанович (1855–1935) — российский и советский зоолог и анатом; ученик А.П. Богданова; заведующий Кафедрой и Музеем зоологии Томского университета, некоторое время ректор этого университета; академик АН УССР.

Коротнев Алексей Алексеевич (1854–1915) — российский зоолог, профессор университета Св. Владимира в Киеве, член-корреспондент С.-Петербургской академии наук.

Кулагин Николай Михайлович (1860–1940) — российский зоолог; ученик А.П. Богданов; хранитель Зоологического музея Московского университета, некоторое время директор Московского зоологического сада; профессор Московского сельскохозяйственного института (Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева); член-корреспондент Петербургской академии наук (РАН, АН СССР).

Лейкарт Рудольф (Rudolf Leuckart; 1822–1898) — германский зоолог; профессор в Гиссене и затем в Лейпциге; член-корреспондент и почетный член С.-Петербургской академии наук.

Ловецкий Алексей Леонтьевич (1787–1840) — российский естествоиспытатель и преподаватель; профессор минералогии и зоологии, заведующий кафедрой и музеем натуральной истории и затем декан физико-математического факультета Московского университета.

Ляковский Николай Эрастович (1816–1871) — российский медик, учёный-химик, писатель; профессор химии Московского университета.

Максимович Карл Иванович (1827–1891) — российский естествоиспытатель, ботаник, действительный член С.-Петербургской академии наук.

Маслов Степан Алексеевич (1793–1879) — российский юрист, деятель сельского хозяйства; основатель Московского общества сельского хозяйства; почётный член Московского университета.

Мензбир Михаил Александрович (1855–1935) — русский и советский зоолог и зоогеограф; профессор и короткое время ректор Мо-

сковского университета; действительный член Академии наук СССР.

Милашевич Константин Осипович (1842–1915) — геолог и палеонтолог; хранитель Минералогического и Палеонтологического кабинетов при Московском университете.

Мильн-Эдвардс Анри (Henri Milne-Edwards; 1800–1885) — французский естествоиспытатель и зоолог; профессор Национального музея естественной истории и декан Факультета естественных наук Парижского университета; член Парижской академии наук.

Митрофанов Павел Ильич (1857–1920) — российский гистолог и эмбриолог; ученик А.П. Богданова; профессор Варшавского университета.

Мошнин В.П. — российский предприниматель и меценат; пожертвовал ИОЛЕАЭ капитал на премии за работы по физике и химии.

Насонов Николай Викторович (1855–1939) — российский и советский зоолог; ученик А.П. Богданова; некоторое время профессор Варшавского университета; заведующий Зоологическим музеем С.-Петербургской академии наук; действительный член Академии наук СССР.

Ошанин Василий Федорович (1844–1917) — российский зоолог и географ, ученик А.П. Богданова; исследователь Туркестана.

Павлов Михаил Григорьевич (1793–1840) — российский физик и минералог; профессор минералогии Московского университета.

Пирогов Николай Иванович (1810–1881) — российский анатом и хирург, педагог и общественный деятель; член-корреспондент С.-Петербургской академии наук.

Пржевальский Владимир Михайлович (1840–1900) — российский адвокат, брат Н.М. Пржевальского; содействовал передаче некоторых собранных им коллекций в Зоологический музей Московского университета.

Пржевальский Евгений Михайлович (1844–1925) — российский математик-педагог; брат Н.М. Пржевальского; содействовал передаче некоторых собранных им коллекций в Зоологический музей Московского университета.

Пржевальский Николай Михайлович (1839–1888) — российский путешественник и естествоиспытатель; исследователь Центральной Азии; собиратель естественнонаучных коллекций; почётный член С.-Петербургской академии наук и многих отечественных и иностранных обществ.

Прокопович-Антонский Антон Антонович (1762–1848) — российский естествоиспытатель, основатель Кабинета натуральной истории при Московском университете, служил деканом физико-математического факультета, затем ректором Университета.

Раевский Игорь Святославович (1849 или 1854–1879) — российский зоолог, ученик А.П. Богданова.

Разцветов Александр Павлович (1823–1902) — российский хирург, антрополог; вице-председатель ИОЛЕАЭ и председатель его антропологического отдела; учредил при нём на свои средства премию и медаль за антропологические исследования.

Ренар Карл Иванович (1809–1886) — германо-русский медик и зоолог, помощник Г.И. Фишера и К. Рулье; хранитель учебного музея Московской Медико-хирургической академии, затем Музея зоологии Московского университета.

Робен Шарль-Филипп (Charles Philippe Robin; 1821–1885) — французский врач, гистолог и микроскопист, член Медицинской академии и Академии наук Франции.

Рулье Карл Францевич (1814–1858) — российский естествоиспытатель; преподавал в Московской Медико-хирургической академии; профессор кафедры зоологии и заведующий Музеем зоологии Московского университета; воспитал большое число российских зоологов, в том числе А.П. Богданова, Н.А. Северцова, С.А. Усова, Я.А. Борзёнок.

Северцов Николай Алексеевич (1827–1885) — российский зоолог и зоогеограф; ученик К.Ф. Рулье; почётный доктор зоологии Московского университета.

Семпер — см. Земпер.

Сент-Илер Исидор Жоффруа (Isidore Geoffroy Saint-Hilaire; 1805–1861) — французский зоолог, основатель научной акклиматизации; иностранный член-корреспондент С.-Петербургской академии наук.

Серр Марсель (Pierre Toussaint Marcel de Serres; 1780–1862) — французский натуралист и геолог; профессор университета Монпелье.

Сеченов Иван Михайлович (1829–1905) — российский учёный-энциклопедист и просветитель, публицист, биолог-эволюционист, физиолог, анатом; член С.-Петербургской академии наук.

Слюнин Николай Васильевич (1850–?) — российский медик и путешественник; разрабо-

тал специальную программу зоологических исследований для судовых врачей, участвующих в дальних рейсах.

Спасский Михаил Федорович (1809–1859) — российский физик и климатолог; профессор и декан физико-математического факультета Московского университета.

Тихомиров Александр Андреевич (1850–1931) — российский зоолог и администратор; ученик А.П. Богданова; основатель русского шелководства; профессор, заведующий кафедрой и музеем зоологии при Московском университете, затем ректор Университета.

Ульянин Василий Николаевич (1840–1889) — российский зоолог, ученик А.П. Богданова; профессор Варшавского университета.

Усов Михаил Михайлович (1845–1902) — российский зоолог; профессор кафедры сравнительной анатомии и эмбриологии Казанского университета.

Усов Сергей Алексеевич (1827–1886) — российский зоолог; ученик К.Ф. Рулье; профессор Московского университета; один из основателей и первый директор Московского зоологического сада.

Федченко Алексей Павлович (1844–1873) — российский зоолог и фаунист, ученик А.П. Богданова; исследователь фауны Туркестанского края.

Фишер фон Вальдгейм Александр Александрович (1839–1920) — российский ботаник, внук Григория Ивановича Фишера фон Вальдгейма; директор С.-Петербургского ботанического сада.

Фишер фон Вальдгейм Готтгельф (Григорий Иванович) (1771–1853) — германо-русский естествоиспытатель, зоолог; заведующий

Кафедрой и Кабинетом натуральной истории при Московском университете; основатель и президент Московского общества испытателей природы.

Фреймут-Кандинская Елизавета Карловна (?–1890) — российский зоолог, ученица А.П. Богданова; член Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; жена врача-психиатра Виктора Хрисанфовича Кандинского (1849–1889); ОЛЕАЭ учредило премию её памяти.

Шатилов Иосиф Николаевич (1824–1889) — российский помещик и общественный деятель, зоолог-любитель; президент Московского общества сельского хозяйства; содействовал пополнению коллекции Зоологического музея Московского университета.

Шимкевич Владимир Михайлович (1858–1923) — российский зоолог; ученик А.П. Богданова; профессор и заведующий кафедрой зоологии позвоночных С.-Петербургского университета; действительный член С.-Петербургской академии наук.

Штида (Стида) Людвиг (Ludwig Stieda; 1837–1918) — германский анатом и гистолог; профессор анатомии и директор Анатомического института в Кёнигсберге; член-корреспондент С.-Петербургской академии наук.

Щуровский Григорий Ефимович (1803–1884) — российский медик, геолог, палеонтолог; профессор Московского университета, декан его физико-математического факультета; первый президент Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Яржинский Фёдор Фаддеевич (1839–?) — российский зоолог и гидробиолог; хранитель музея зоологии Петербургского университета.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ / PART SECOND

*Организация науки — это ручная
работа, которая «автоматом» не
делается [...] Пытаться буквально
повторить организационную схему
Богданова невозможно.*

Г.Ю. Любарский

Анатолий Петрович Богданов [...] — одна из самых [...] ярких фигур в истории русского естествознания второй половины XIX века.

Г.Г. Кривошеина

Среди огромного числа Богдановских свершений Московский зоопарк, пожалуй, имеет особое значение.

И.Л. Костина

История создания Политехнического музея характеризует Богданова как отличного стратега [...] и неутомимого борца за воплощение своих замыслов.

С.Г. Морозова

[А.П. Богданов] фактически посвятил свою жизнь организации антропологии как самостоятельной науки в нашей стране.

Е.И. Балахонова

[А.П.] Богданов понимал всю ответственность первопроходца в том научном направлении, которое он называл «исторической краниологией».

С.Г. Ефимова

**КАРЛ ФРАНЦЕВИЧ РУЛЬЕ И АНАТОЛИЙ ПЕТРОВИЧ БОГДАНОВ:
МАСТЕРСТВО ОРГАНИЗАЦИИ НАУКИ***

Г.Ю. Любарский

Зоологический музей МГУ им. М.В. Ломоносова; lgeorgy@rambler.ru

Рассматривается вопрос о возникновении науки как нетривиальной социальной технологии, в которой велика роль личных усилий организаторов науки. Приводятся три примера развития науки: история возникновения биологии в Индии в XX в. (Холдейн), история устройства науки в США во второй половине XX в. (Буш) и история становления биологии в России в XIX в. (Фишер, Рулье, главным образом Богданов). Последняя история рассмотрена особенно подробно.

Первые крупнейшие руководители Кабинета естественной истории и Зоологического музея при Московском университете — Г. Фишер фон Вальдгейм, К.Ф. Рулье и А.П. Богданов — оказали определяющее влияние на становление зоологии в России. Фишер основал новую (для России) научную традицию. Рулье вырастил несколько выдающихся учёных путём личного ученичества. Богданов был организационным гением, который инициировал создание основных научных институтов в зоологии. Рассмотрены «организационные технологии» А.П. Богданова, которые включают создание вольных научных обществ, учреждение новых организаций посредством выставок, создание традиции переводов и популяризации основной зарубежной литературы, а также несколько важных исследовательских научных технологий и технологий музейного дела.

**CHARLES ROULIER AND ANATOLE BOGDANOV:
THEIR MASTERSHIP IN THE SCIENCE MANAGEMENT**

G. Yu. Lyubarsky

Zoological Museum, Lomonosov Moscow State University; lgeorgy@rambler.ru

Under consideration is formation of the science as a non-trivial social technology, in which personal efforts of organizers of the science play an important role. This is exemplified by three cases of the development of science: the history of emergence of biology in India in the 20th century (Haldane), establishing of the science management in the USA in the second half of the 20th century (Bush), and the history of establishment of the biological science in Russia in the 19th century (Fischer, Roulier, basically Bogdanov). The last story is considered in particular details.

The earlier major heads of the Cabinet of Natural History and the Zoological Museum at the Moscow University, viz. G. Fischer von Waldheim, C.F. Roulier, and A.P. Bogdanov, had a decisive impact on the development of zoology in Russia. Fischer founded a new (for Russia) scientific tradition. Roullier raised several outstanding scientists through personal discipleship. Bogdanov was an organizational genius who

*Работа выполнена в рамках госзаказа (государственный регистрационный номер 01200117416).

initiated establishment of major research institutions in zoology. The “organizational technologies” that employed by Bogdanov to raise scientific standards and to create research institutions (scientific societies, scientific journals, scientific expeditions, and so on) are considered. These technologies include creating liberal scientific societies, establishment of new organizations by means of exhibitions, creating a tradition of translation and popularization of the basic foreign literature, as well as a number of important scientific research techniques and museum management technologies.

В представлениях о развитии науки существует некоторое противоречие. С одной стороны, когда изучается возникновение науки, это рассматривается как европейское чудо, уникальное событие, за всю историю не повторявшееся. До сих пор не вполне ясно, каковы достаточные причины возникновения науки, в её генезисе много неизвестного. С другой стороны, сейчас наука считается вполне воспроизводимым институтом, её перемещение и внедрение в новые социумы — банальность, чисто техническая задача. Если где-то нет своей науки — это вопрос денег, науку всегда можно «купить». Учредить институты, построить университеты, нанять преподавателей, выучить своих исследователей — и наука «создана», никаких хитростей нет.

Рассматривая возникновение науки в разных странах, можно прийти к мнению, что второе утверждение неверно. Наука вовсе не тривиально прививается в социум, будет ли собственная наука в какой-либо стране — большой вопрос. Наука — хрупкий и сложный социальный институт, внедрить его очень непросто: он возникает личной инициативой замечательных людей, а не только решением законодательных или финансовых органов. Но это скорее туманное впечатление, чем претендующее на обоснованность мнение — работ на этот счёт крайне мало и они не слишком убедительны.

Европейские страны в этом отношении — плохой пример. Европа во многих отношениях представляет собой единый культурный регион, и там очень древнее переплетение влияний. Поэтому, когда показывают развитие науки в Германии, это не кажется хорошим контрпримером — лучше посмотреть на науку в Индии или Китае, где не всё так просто.

Одна из проблем заключается в том, что историю науки обычно рассказывают с точки зрения государства: говорят о национальной истории науки. Для государства любые действия выглядят как законоустанавливающие акты. Если учреждён университет или институт — этим самым уже основана наука, если выде-

лены средства и получены отчёты об их освоении — значит, наука существует и действует. У государства практически нет способов понять, так ли это — его надзорные органы не могут измерять качество статей, авторитет научных школ и многообразие направлений. Все показатели, которыми может пользоваться государство, крайне легко фальсифицируются. Поэтому государственная история науки выглядит очень планомерно: выделены деньги, установлены организации, привезены профессора — и вот результат. Или нет результата, а почему — совершенно непонятно, ведь выделены деньги и привезены профессора. Государственные решения в лучшем случае создают правовую базу, совокупность разрешений, а реальная работа в этом правовом пространстве делается совсем иными методами.

К сожалению, пока нет источников, где бы можно было ознакомиться со способами работы организаторов науки в разное время и в разных странах. А ведь это очень особенная деятельность: организатор науки — это не просто менеджер и не просто учёный, это нечто совершенно особенное и пока мало известное.

Способы организации науки чрезвычайно разнообразны, зависят от культурной ситуации, страны, времени. В настоящем разделе будут рассмотрены три примера развития науки: история возникновения биологии в Индии в XX в. (Холдейн), история устройства науки в США во второй половине XX в. (Буш) и история становления биологии в России в XIX в. (Богданов).

1. Индийская история

В самых общих чертах, избегая множества деталей, эту историю можно изложить таким образом.

В Индии существовало традиционное общество и стандарты традиционной учёности (обучение высших каст) (Sahay, Walsham, 1997). Наряду с этим многие десятки лет студенты отправлялись в Англию, заканчивали престижные университеты, работали в лабораториях европейских учёных — а затем, получив высокую

степень и должность, возвращались на родину. Сначала они читали замечательные лекции на высоком, западном уровне, но скоро сближались с местной элитой, начинали практиковать местные обряды, участвовать в местных общественных мероприятиях. Они всё более растворялись в местном обществе и их лекции быстро изменялись. Они не читали свежих научных работ, повторяя много раз свои прежние лекции, всё больше рассказывали о своих знакомствах и успехах, всё менее были готовы думать о науке, а занимались, скажем так, риторикой на образовательные темы. Польза для студентов была небольшой: постепенно оказывалось, что нет разницы между таким профессором, выученным на западе, и местным брахманом. Наука в Индии не прививалась — это была европейская наука, умирающая в Индии.

Первые университеты в Индии были основаны Ост-Индской компанией в течение XIX в. — сначала в Калькутте, Мадрасе и Бомбее. Потом до середины XX в. ещё около двух десятков университетов основаны в разных штатах. Эффект от них был не очень большой. Конечно, они сильно подвинули общий облик культуры к западному типу, но непосредственной отдачи как от научных учреждений от них было немного. В 1876 г. в Калькутте было основано Indian Association for the Cultivation of Science (IACS), отсюда происходят многие индийские учреждения. С ними связан и замечательный физик Ч. Раман (Chandrasekhara Venkata Raman, 1888–1970). Этот незаурядный человек существенно продвинул индийскую физику и личным вмешательством, как подтверждённый на Западе авторитет, стал организовывать индийскую физическую науку.

Система университетов оказалась непригодной для преобразования науки по западному образцу. В университетах были слишком сильны местные традиции, университетские сообщества оказались нереформируемы — и для политиков Индии, и для таких выдающихся учёных как Раман. Было принято решение создавать институты. Несколько разных ассоциаций и центров при поддержке правительства стали основывать физические институты. Насколько можно понять, образцом был Массачусетский технологический институт (МТИ). Было разом организовано несколько десятков таких институтов по образцу МТИ, и индийская физика вместе с химической технологией стали довольно заметной силой. Однако биологические

науки в Индии практически не существовали. По-прежнему десятками лет профессора из Англии приезжали в Индию, возглавляли кафедры — а биологии в Индии всё ещё не было. Таких «национальных» историй множество, например, нечто подобное рассказывал Фейнман о бразильской науке (Фейнман, 2001).

Далее произошли две вещи. Обе показывают, как растёт наука. Во-первых, организационно биологические центры стали возникать не как дочерние организации, происходящие от чего-то биологического, как можно было бы ожидать при прочих равных, не как лаборатории при биологических факультетах университетов, или как медицинские лаборатории, или агрономические. Они стали возникать из этих новой формации физических институтов. То есть оказалось легче преодолеть разрыв между науками, чем между интеллектуальными традициями — легче из физика (или студента-физика) выучить биолога, чем из университетского биолога местного производства сделать биолога на западный манер.

И вот из химических лабораторий и физических институтов стали отпочковываться лаборатории, а затем центры и институты по клеточной, молекулярной и медицинской биологии, вирусологии и пр. Большую роль в этом сыграл Indian Institute of Science (IISc) в Бангалоре, основанный в 1896 г. До сих пор индусы считают, что биология у них развита слабо, в том числе в количественном отношении, и планируют существенно увеличить число биологических институтов, вылепляя и выращивая их из таких «физических» гнёзд или уже устоявшихся биологических институтов новой формации. Но это уже дела XXI в. — то, что происходит сейчас.

Итак, физику (а также математику) удалось сделать ещё во времена британского владычества; но с биологией такого не случилось — сотни профессоров «пропали зря», пока наконец не нашёлся гений, который изменил ситуацию. С сороковых годов начинают возникать биологические учреждения, среди них первый и крупнейший Tata Institute of Fundamental Research (TIFR) в Бомбее в 1941 г. Биологи, выученные в Великобритании, смогли укорениться в таких новых биологических центрах, произошедших от физических институтов. Там эти новые профессора стали создавать современные биологические работы, настоящую нормальную науку западного образца. А после войны в 1957 г. произошло ещё одно событие, равное по значимости основанию десятка индийских университетов.

В Индию из Англии переехал Джон Б. Холдейн (John Burdon Sanderson Haldane; 1892–1964).

Этот замечательный учёный известен с разных сторон — эрудит, эволюционист, один из основателей «синтетической теории эволюции» (СТЭ). Важнейшим его качеством было то, что он любил и умел учить. Он умел и любил работать так, чтобы самые разные знания, огромная его эрудиция и все теории работали на какое-то небольшое практическое дело. Для развития науки в бедной стране, где нет собственной научной традиции и всё надо делать с нуля, это замечательное качество.

Холдейн оставил Лондонский университет и отправился в Калькутту, там он стал профессором в Indian Statistical Institute в 1957 г. Но ему было не очень легко договариваться с университетским сообществом, и он решил строить с нуля. В 1962 г. он покинул Калькутту и благодаря губернаторской поддержке в 1963 г. получил свой институт в Бхубанешваре — Institute for Genetics and Biometry. В нём Холдейн учил понимать, как работать со статистикой, биометрией, генетикой, биохимией и многими другими науками. Увы, в 1964 г. Холдейн скончался от рака — но остались ученики: такие как S.K. Roy, T.A. Davis, S.D. Jayakar, Krishna Dronamraju.

Холдейн был очень энергичный человек, с огромным талантом преподавателя, очень авторитетный и на Западе, и в Индии. У него был карт-бланш от правительственных структур и местных властей — и он сделал индийскую биологию. Одно дело — создаваемые институты и учащиеся в них студенты и аспиранты. Другое дело — крупный учёный, развивающий на чистом месте школы, направления исследований, задающий будущие темы, ставящий профессоров на разные лаборатории, показывая им, куда и как работать, что делать — и объясняющий, что из этого выйдет завтра, что через год и как следует взаимодействовать и смыкаться в единый фронт познания.

После Холдейна появилась индийская биология, поначалу слабенькая, но набирающая силу и всё более серьёзная. Он фактически сделал в Индии новую науку, соединив работу в области биологии и физики, создал сеть новых по типу научных центров, так что долгое время наука в Индии развивалась двумя путями — в организациях прежнего типа, университетах и пр., и в новых «холдейновских» центрах, где он лично назначил директоров и подобрал иссле-

дователей (Dronamraju, 1987; Majumder, 1998; Anderson, 2010; Clark, 2013).

Сейчас уже не важно, как именно распределял направления Холдейн, — уже радикально изменилась наука, произошла новая научная революция, появились совершенно новые направления, теперь индийские учёные решают сами, как развиваться. Но их самих выдвинул когда-то Холдейн или его ученики — и это качество «быть затравкой» удалить из истории нельзя.

2. АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИЯ

Вэнневар Буш (Vannevar Bush; 1890–1974) — организатор научных исследований и научного сообщества в США, председатель Национального комитета по оборонным исследованиям США (National Defense Research Committee, NDRC), а с 1940 г. председатель Бюро научных исследований и развития. В этих организациях вместе заседали люди из правительства, бизнеса, военные и учёные — и вместе планировали, каким научным разработкам дать денег. NDRC профинансировал и радары, и атомную бомбу. А дальше перед этой организацией открылось очень большое будущее: Буш фактически организовал всю послевоенную американскую науку (в 1955 г. он вышел на пенсию). Его называли Tzar of Science — «царём науки», хотя и с долей юмора (Любарский, 2009а).

В целом Буш был противником исследований в гуманитарных и общественных науках, радикально сократил их финансирование и сделал ставку на развитие точных и естественных наук. Буш буквально поштучно перебирал американских учёных, и не только лично: прекрасный организатор, он создавал структуры, таким перебором занимающиеся. Буш знал американских бизнесменов и провёл множество встреч, знакомя друг с другом деятелей бизнеса и науки, буквально вручную знакомя миллионеров с профессорами. Были созданы критерии оценки научных работ, способы государственной поддержки, финансовые источники, соотношение государственных вливаний и средств от частного бизнеса, способы выплат — что из бюджета, что из страховых фондов и т. п. Под влиянием идей Буша был создан Национальный научный фонд (National Science Foundation, NSF), предназначенный для финансирования научных исследований на новой «грантовой» основе. Предусмотрена была система аудита, надзора и отчётов, было определено, кто и как надзирает за Фондом, за получателями грантов. Разумеет-

ся, расписаны были связи с промышленностью — какой бизнес что берёт под крыло и какие именно организационные и финансовые ресурсы выделяет. Буш был советником президента США по науке и буквально своими руками собирал эту машину — американскую науку, которая теперь кажется «сама собой» возникшей и так замечательно работающей.

То, что описано как «проект В. Буша», — это скорее изложение идеи, на уровне практики в США всё было сложнее и иначе. Проект Буша был отклонён (вето президента Трумэна), и дальше надо рассказывать целую историю становления «новой» науки в США. Важно, однако, выделить те идеи, которые вносил В. Буш в организацию этой науки и её истории (Wiesner, 1979; Owens, 1994; Zachary, 1997; Greenberg, 2001).

Были разные идеи касательно того, как должна функционировать система финансирования науки. Деньги в общем-то были, и потому хотелось поддерживать «всё» и по справедливости, т. е. раздать равные суммы штатам, университетам, поделить по всем наукам... Буш пробивал совершенно другой проект. Его идеей была государственная поддержка не университетов, штатов и наук, а конкретных крупных учёных. Никакой равномерности не предполагалось. Ясное дело, крупные учёные — они лишь в науке крупные, а привластно они как раз мелкие, так что эта идея вызвала очень сильное неодобрение со стороны решительно всех, кто был так или иначе причастен: все околонуточные и правительственные инстанции оказались «не у кассы». При этом Буш полагал, что государство должно оказывать поддержку хорошим научным исследованиям независимо от места работы учёного. Даже если он работает на частную фирму — его следует поддержать.

Буш, несмотря на весь практицизм, выступил противником «практического» подхода, т. е. стремления дать деньги только тем, кто обещает что-то полезное. Он утверждал, что наука не ведаёт, что творит. У множества открытий величайшие следствия обнаруживаются самым неожиданным образом, так что поддерживать науку надо — именно фундаментальную и по многим направлениям. При этом надо сохранять свободу исследований — оказывать поддержку независимо от того, что считается полезным на правительственном уровне.

Деньги надо давать гарантированно и продолжительно: стабильность финансирования должна поддерживать длительные проекты.

Деньги надо давать не организации, где работает учёный, а ему лично — правительственной инстанции негоже вмешиваться во внутренние дела организации. Раздавать деньги должны учёные, т. е. решения должны принимать люди, имеющие опыт научной работы. Подчинённость новой структуры — самая высокая: отчитываться только перед президентом и Конгрессом. По мысли Буша, это должна быть в максимальной степени «небюрократичная» организация — по сути, самоорганизация учёных, подпитываемая деньгами государства; Буш решительно протестовал против увеличения веса административного контроля в Фонде. Как говорил Буш, «дайте людям деньги и свободу, и они вернутся к вам с чем-то полезным».

Это было рождением грантового финансирования науки. Принятая до реформ Буша система поддержки научных исследований опиралась на финансирование организаций. Грубо говоря, считалось, что деньги надо давать университетам и институтам, а уж они там внутри решат, как из денег сделать что-то действительно стоящее — знания и открытия. Буш предложил решать эту проблему совершенно иначе — идеи создают только индивидуальные умы и на короткое время собирающиеся для решения проблем научные коллективы, деньги на решение проблем надо давать конкретным учёным и по завершении задачи прекращать финансирование, а организациям деньги на науку давать не следует. Из этого организационного решения появились гранты как специально сделанный способ финансирования организаций и науки, причём достаточно сложный: в финансировании университетов в США участвуют очень разные организации; но важно, что государство входит в сравнительно небольшой доле.

Это имело очень далёкие последствия. Например, учёный должен кочевать — вслед за окончанием гранта он либо устраивается на ставку, либо едет за следующим грантом в иное учреждение. Не то чтобы учёный ездит постоянно и всенепременно, но подвижность научного работника, переезды из университета в университет, из страны в страну — нормальное явление и образ жизни «нового» учёного. Проекты стали краткосрочными, зависящими от условий финансирования, работы с неопределённым результатом и рассчитанные на много десятилетий — редкость. Стали чаще смены тематик вслед за тем, на что удобнее получить грант и что интересует грантодателей.

Весь психологический климат и способ существования науки изменился. Вместо университетских профессоров, спокойно работающих десятилетиями на одном месте и всю жизнь занимающихся чем-то одним, возникла в качестве типичной совсем иная, много более подвижная фигура, у «нового» учёного совсем иные проблемы — иные возможности семейной жизни, обеспечения долговременных планов и т. п. В целом это более конкурентная фигура, пожалуй, более озабоченная тем, каким будет следующий проект и удастся ли добыть его финансирование. А что делать с незавершённой прежней работой, по которой финансирование прекратилось? Что делать, если супруги должны работать в разных городах или странах? Как тогда с детьми? Множество совсем новых вопросов, так что живущий до сих пор в массовом сознании образ учёного относится к XIX в. и мало похож на учёного, который появился во второй половине XX в.

Изменилось и содержание науки — многие области знания с трудом вписываются в краткосрочную и ожидающую чётких результатов «грантовую» науку и в ней съёживаются, гибнут, отходят на второй план. Напротив, многие другие области чувствуют себя в условиях такой науки очень хорошо и быстро развиваются. Так что поменялся не только облик учёного — сам состав наук оказался зависящим от способа её финансирования и организации, и мировая наука теперь содержательно представлена несколько иным составом дисциплин, нежели наука XIX в., дожившая ещё до первых послевоенных лет.

Очень трудно кратко охарактеризовать, чем наука была и чем становится, но можно так. Изменения касались того «как», с помощью которого науку организует человеческое сообщество, а описывать следует «что», которым наука стала. Пожалуй, относясь с должной осторожностью к попытке, можно сказать, что наука была (в XVIII–XIX и ещё в начале XX вв.) способом организации достоверного знания, а стала способом решения задач. Это разные вещи, они нужны для разного и совсем не заменяют друг друга. Прежняя наука, если её рассматривать с точки зрения современной, мало эффективна, многое в ней бесполезно (для решения задач), получается много «лишнего» знания (при ограниченных ресурсах). Как говорил В. Буш, во взаимном согласии пишут и ставят на полку книги, которые потом никогда никто не

читает. С точки зрения классической науки, новая (грантовая) слишком прагматична, она недополучает знание, ориентирована на внешние и кратковременные эффекты. Высказываются опасения, что она не справится, если придётся быстро переориентировать науку — потому что не будет «фундаментального задела».

Возникшая около полувека назад «грантовая» наука сейчас — мировая система организации научных исследований, испытывающая значительные трудности, которые, правда, можно видеть не с любой позиции. Если выбрать в качестве точки зрения позицию внутри одной из быстро развивающихся и процветающих «грантовых» дисциплин, то проблем почти не видно — всё хорошо. Сомнения возникают, если смотреть несколько со стороны, выделяя те области знания, которые при господстве «грантовой» науки исчезают, и обращая внимание на смену характера задач. Однако всё это некие сомнения и алармистские мотивы, которые, видимо, трудно обосновать. Скажем, нельзя сказать, как это иногда делается, что прошло время фундаментальной науки и грантовая организация запрещает долговременные фундаментальные исследования. Это не так — успех в грантовой системе зависит во многом от мнения коллег-рецензентов, и в «плотной» области, где много исследователей и им понятно, какие результаты получает «фундаментальный» учёный, со стороны грантовой науки больших препятствий нет. Они имеются в отношении «разреженных» областей знания, где исследователей мало, они удалены во времени и пространстве (один жил в XIX в. в Париже, следующий в XX в. в Петербурге), и оценить работу почти некому. В целом «организационный» перекося прежней науки — когда стратегию научных исследований определяли организации, она задавалась структурой кафедр в университетах и структурой научных изданий — сменил «экономический» перекося. Это совсем не идеальное состояние науки, многие отрасли знания хиреют и гибнут в таких условиях, но многие отлично себя чувствуют.

О том, как именно сегодняшние перекося скажутся на способности решать завтрашние проблемы, мы узнаем, как всегда, завтра.

3. Российская история

В связи с таким, пусть приблизительно и очень кратким, изложением того, как иногда начинается наука, возникает интерес — а как было в России. Хотелось бы проследить, пусть

столь же кратко и без деталей, как возникала русская наука, на примере русской зоологии. Такой корень, начало организации науки можно отыскать в самом начале XIX в. в Москве, в Московском университете, в его Кабинете натуральной истории, за два столетия выросшем в нынешний Зоологический музей МГУ.

Этот Кабинет, впрочем как и почти вся русская наука, начался с целевой благотворительности русского рода промышленников Демидовых (Юркин, 2001). Демидовы участвовали в основании научных учреждений и кафедр, передавали коллекции. Многие области науки в России поначалу обязаны именно благотворительности этой семьи.

Три крупнейших заведующих Кабинета и музея XIX в. показывают в своей деятельности три основы, на которых держится наука. В разных социальных условиях, находясь под различными влияниями, то одна опора, то другая оказывается особенно значимой, но для устойчивого существования в веках науке необходимы все они. И осмотреть их особенно удобно на примере профессоров зоологии в Московском университете, в разное время руководивших Кабинетом-Зоомузеем.

3.1. ФИШЕР ФОН ВАЛЬДГЕЙМ И НАУЧНАЯ ТРАДИЦИЯ

В начале XIX в. главой Кабинета натуральной истории при Московском университете, впоследствии ставшего Зоологическим музеем, служил Готтгельф Фишер (Григорий Иванович Фишер фон Вальдгейм) (1771–1853). В молодости Фишер учился во Фрейбергской горной академии, был знаком с А. фон Гумбольдтом, затем учился в Лейпцигском университете, потом в университетах Йены, Галле и Гёттингена, после защиты диссертации работал в Париже у Ж. Кювье. Фишер привнёс в деятельность недавно основанного Московского университета традицию, выработанную уже многими десятилетиями, — традицию западноевропейской зоологической науки.

Г.И. Фишер, в исходном для него научном сообществе, т. е. в Западной Европе, был новатором и человеком оригинальных взглядов. Но это оказывается «местной» (европейской) его характеристикой. В возникающем научном сообществе России он играл скорее роль хранителя традиций — того, кто приносит научные традиции в новые земли. Благодаря его усилиям возникающая русская зоология стала продол-

жать линию западноевропейской науки. Фишер преклонялся перед деятельностью Кювье, написал особое сочинение об организации самого передового в то время Парижского музея.

Ранее экспозиция Кабинета была устроена по принципу демонстрации диких животных, по принципу декоративному, а Фишер привёз с собой принцип Естественной системы — и с тех пор коллекции стали упорядочиваться в таксономическом строе, как это было сделано в Париже. Для такой организации коллекций Фишер использовал работы Линнея, Кювье и Лясепеда (Любарский, 2009б). Вместо собрания редкостей — «кунсткамеры» — Фишер сделал из университетского Кабинета научный музей по образцу Парижского.

Фишер изменил и научное сообщество. Как это было заведено в европейских традициях, особенно в традициях германской зоологии, он в 1805 г. создал научное общество — *Московское общество испытателей природы* (МОИП) (Мирзоян, 2005). Фишер пытался воспроизвести нормальную ситуацию научного сообщества — когда профессор выращивает учеников, которые могут продолжить его работу на кафедре.

Традиция — важнейшее основание научной деятельности. Традиция указывает не только на способы решения проблем, она же определяет, какие проблемы считаются значимыми и подлежащими решению, какими приёмами пользуются для их решения. Традиция — та основа, благодаря которой учёные могут взаимодействовать между собой, иметь общий язык. Это взаимодействие облегчается различными формальными моментами, с помощью которых решаются научные задачи, но это лишь вспомогательное средство, главным основанием взаимодействия и взаимопонимания учёных является традиция.

Такую традицию Кювье, традицию возникающей зоологической науки, сравнительной анатомии привнёс Г.И. Фишер в молодую, едва появившуюся российскую зоологию. С деятельностью Фишера в Москву пришёл классический немецкий университет и произошло частичное объединение российской и германской научных традиций (Соловьёв, 1914; Иванов, 1991; Петров, 1997, 2001; Андреев, 2000, 2004, 2009; Аврус, 2001).

3.2. РУЛЁВ И ЛИЧНОЕ УЧЕНИЧЕСТВО

Кризис науки происходил много раз, это довольно привычное для науки состояние. И в

начале XIX в. в русской зоологии был кризис — прежние форматы знания XVIII в. были уже не современны. Но в России даже и система наук XVIII в. не была развита в достаточной степени. В Западной Европе лидировала французская школа, происходила великая научная революция, связанная по сути с изменением оснований зоологии, конкурировали концепции Кювье, Жоффруа де Сент-Илера, Ламарка. В России начала XIX в. воспроизводилась ситуация примерно на уровне середины XVIII в.

Привезённая Фишером из Западной Европы классическая зоологическая традиция (теория основных планов строения, сравнительная анатомия как основа систематики) была новой для России и ещё не успела укорениться, однако вскоре это была уже стремительно устаревающая традиция. Время Линнея быстро уходило, приближалось время Дарвина, а в России ещё царила зоология XVIII в. с её риторически выстроенными речами во славу наук. Опять требовалось быстрое и даже сверхбыстрое развитие, на постепенное движение в ритме аддитивно собирающей знания традиции не было времени.

Именно в это время Зоологический музей возглавил Карл Францевич Рулье (1814–1858). То, что именно привнёс он в становление зоологии, звучит неожиданно: личное общение, противопоставленное социальным механизмам. В историях о Рулье он выступает прежде всего как личность, а не как «держатель знаний», «профессор». В социальном плане он сделал не так много: в организации науки он наиболее заметен как учитель, который в личном ученичестве воспитал четырёх учеников.

Если просмотреть известные истории, в которых рассказывается о деятельности Рулье (Любарский, 2009б), он прежде всего выступает как оригинальный мыслитель (прежде всего мыслитель, уж потом — учёный) и добрый, сердечный, интересный человек. Вот Рулье ухаживает за заболевшим студентом, дежуря у его постели день и ночь, пока не миновала горячка. Вот он даёт в долг любому, кто попросит, хотя сам был человеком очень бедным, почти нищим. Вот он читает лекции в пивной, поскольку забыл пойти на лекцию и студенты нашли его в погребке, — причём лекции эти крайне интересны, переворачивают мировоззрение и заставляют молодых людей мыслить. Множество этих историй позволяют почувствовать, что же делал Рулье: на манер древних мудрецов обра-

щался он не к формальной стороне обучения, а формировал личность. И потому то, что он смог сделать, невоспроизводимо «регулярными» методами.

В конечном счёте вся система высшего, университетского образования направлена на формирование учёных — людей, способных к оригинальному мышлению. Однако обычно считается, что надо стараться, а уж из скольких нерадивых студентов вырастут выдающиеся учёные, это решают случай и талант. Рулье, при всей неформальности и какой-то обаятельной необязательности своего преподавания, умудрился вырастить четырёх выдающихся учеников, совершенно непохожих друг на друга учёных, каждый из которых создал собственную область знания, получил выдающиеся результаты. (Для сравнения напомним: у Коперника был один ученик, у Эйнштейна — один докторант).

Лишь очень немного в этой истории можно объяснить, сказав, что Рулье «предвосхитил» Дарвина, говорил о трансформациях природных видов, на основе некоторых натурфилософских рассуждений подошёл к идее развития живой природы. Важнее, что он сумел научить учеников ставить вопросы, рассуждать, оценивать решения (Райков, 1951).

Любовь к науке, к познанию вспыхивает именно в личном научном ученичестве. Учитель даёт ученику образец того, как следует браться за научные проблемы, самый способ быть учёным — то, что с большим трудом извлекается из книг и статей. Рулье как учёный личного склада был удивительно плодотворен, у него было четыре замечательных ученика, каждый из которых образовал собственную главу в русской зоологии.

Рулье выучил Н.А. Северцова, который прославился как учёный, предвосхитивший развитие экологии, знаменитый путешественник, описавший природу южных регионов империи, замечательный орнитолог и зоогеограф; Я.А. Борзёнова — сравнительного анатома и знатка истории биологии; С.А. Усова — специалиста по зоологии позвоночных и теоретической таксономии; наконец, А.П. Богданова — зоолога-беспозвочника, антрополога, великолепного организатора науки следующего поколения.

Помимо того, Рулье описывал вымерших животных, читал лекции по зоологии, разрабатывал свои биологические идеи, которые сейчас бы назвали «теоретической биологией» и «эволюционистикой», работал хранителем

музея, основал один из первых научных зоологических журналов (Вестник естественных наук, 1854 г.), оказался причастен к организации научных обществ (Императорское общество акклиматизации животных и растений, 1857 г.). Так что сделал он весьма многое, но при этом, кроме привычной и обязательной нагрузки профессора, сделал также и невозможное, то, что нельзя вписать в план: породил уникальную русскую традицию в зоологии, которая почти вся создана учениками учеников Рулье.

Чему учит Рулье — в тяжёлые времена крайняя линия, с которой надо начинать наступление, с которой делают культуру, — это личное влияние человека, который в личном общении учит и воспитывает другого человека. Это кажется приученному к социальности уму расточительным — читать лекции для одного, учить двоих в год, троих в десятилетие. Тем не менее именно такое, от человека к человеку, по одному, влияние, и создаёт культуру, делает науку большой страны. Без этого этапа ничего не начинается. Следует обратить внимание на то, что этот этап не подлежит социальному регулированию: никакие менеджеры и никакие деньги тут не задействованы, разве что косвенно. Можно не мешать таким Рулье и можно создавать условия, в которых они лучше себя чувствуют, но вот заменить их или как-то специально нанять — невозможно.

«Каждая эпоха имеет свои положительные и отрицательные стороны, свой дебет и кредит, и несомненно к отрицательным сторонам нашего времени отнесут историки будущего, если не охлаждение, то недостаточное внимание наше к памяти таких людей, как Рулье, Грановский и Кудрявцев, так как именно теперь, при распространении пошло-практического взгляда на Университетские задачи, особенно нужно было бы выдвигать высокие умственные образцы нашего прошлого. Когда на истины, учёные или общественные, начинают смотреть не с точки зрения их внутреннего умственного или нравственного значения, а со стороны пользы или вреда, приносимого ими тому или другому господствующему житейскому интересу, той или другой общественной тенденции, тогда-то взгляды и деятельность людей, подобных сказанным великим учителям Московского Университета, оказываются особенно полезными и пример их особенно поучительным» (Богданов, 1885, с. 206).

Таким образом, Рулье внёс в русскую зоологию второе важнейшее начало науки — личное

ученичество. Насколько можно судить, именно могучее очарование личности К.Ф. Рулье, особенный склад его ума, особенное умение рассказывать и создали русскую зоологию. Традиция сама по себе может успешно работать в готовом, исправно функционирующем научном сообществе, но в кризисных ситуациях — в моменты перелома или начала новой традиции, одной лишь традиционности недостаточно.

Характерно, что каждый ученик воспринял «своего» Рулье, для каждого, как выяснилось впоследствии, Рулье говорил что-то иное, предназначенное только ему. Это обогатило русскую зоологию, создало богатое разнообразие в её основании. И это тоже черта личного ученичества: взаимодействие от человека к человеку всегда взаимно, это не пассивное восприятие учеником неких прописей, не копирование, а активное совместное творчество, и в первую очередь не творение идей как таковых, а создание творящего их учёного. Рулье создал четырех самостоятельных исследователей, которые очень по-разному смотрели на науку и её задачи.

3.3. Богданов и организация научного сообщества

Заведующим Зоологического музея после К.Ф. Рулье стал А.П. Богданов (1834–1896). И при всей важности его научных достижений и проводимых исследований, самое главное в нём — то, что он развивал третью, совершенно необходимую основу научной деятельности. Он умел работать с научным сообществом.

К.Ф. Рулье и А.П. Богданов были среди тех реформаторов, усилиями которых Россия вошла в состав лидирующих в научном отношении держав: именно они вывели зоологию в России на мировой уровень. В первой половине XIX в. российская зоология ещё находилась в кризисе, догоняя передовую парижскую школу, а в начале XX в. русская зоология, тогда входившая в одну научную школу с германской наукой, была уже в числе лидирующих. Это сделали усилия Рулье и Богданова — по крайней мере, они положили этому начало.

Анатолий Петрович Богданов в первую очередь был замечательным *организатором науки*. Именно в этом качестве он наиболее интересен сегодня. Очень важно понять, как именно Богданов справлялся в кризисной ситуации, что он делал, чтобы вывести русскую зоологию на лидирующие позиции. Затронуть все аспекты его деятельности почти невозможно, и в этом тексте

будут упомянуты лишь самые яркие страницы его организационной деятельности.

Будут рассмотрены самые разные начинания Богданова, и потому важно ещё раз напомнить о центральной оси, на которую были нанизаны все его мероприятия. А.П. Богданов прежде всего — *профессор Московского университета и заведующий Зоомузеем*, именно это положение было его «феодалным замком», твердыней, откуда он совершал свои организационные продвижения.

3.3.1. ПЕРВОЕ ДЕЛО БОГДАНОВА: «СОБИРАНИЕ ЗЕМЕЛЬ»

Прямой предшественник Богданова на посту заведования музеем К.И. Ренар вынужден был допустить уход коллекций из Зоомузея. Это была длинная и сложная история. С одной стороны, существовала традиция германского университета, согласно которой музей располагается при кафедре зоологии, а его заведующим является профессор этой кафедры. С другой стороны, была длительная история идеи Фишера, который хотел сделать единый естественноисторический музей, у него это не получилось, и он оставил место заведующего Кабинетом в знак протеста. Через несколько десятилетий после этого в Москве был создан «объединительный» Румянцевский музей — Публичный музей в Пашковом доме. К.И. Ренар, возглавивший Зоомузей после Рулье, отчасти как наследник и продолжатель дела Фишера, не мог противиться идее объединения всех университетских коллекций, их собиранию в Румянцевском музее. А на практике это привело к тому, что коллекции покинули Зоомузей в 1860 г. В новом музее не было специальных условий хранения и штата сотрудников; в результате, как потом выяснилось, зоологические коллекции Демидова и других известных собирателей сильно пострадали.

Это было первое дело А.П. Богданова, совсем молодого профессора, на посту заведующего музеем — *возвращение коллекций*. В 1861 г. он вместе с Я.А. Борзёнковым пишет докладную записку в физико-математический факультет, где излагает свои идеи по поводу роли музея в обучении студентов и предлагает пути его реорганизации. «Главная цель музея состоит в том, чтобы служить необходимым пособием для чтения зоологии, ибо без правильно устроенного музея невозможно вполне научное и соответствующее назначению

Университета преподавание этой последней, и потому с усовершенствованием музея надо связывать и повышение уровня преподавания зоологии» [Архив МГУ. Ф.241. Оп.1. Д.1. Л.1].

Для Богданова это было особенное время. В детстве Богданов был записан как крепостной, и освобождение крестьян в 1861 г. многое для него значило. В России пришла пора реформ — и Богданов стал их активным участником. Для начала он возродил надлежащее управление зоологическими коллекциями, которые в 1862 г. вернулись в университет на кафедру зоологии, т. е. опять в Зоомузей. В 1863 г. музей вновь открылся для публичного посещения.

3.3.2. ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ: ВОЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА

Создание Богдановым «вольных научных обществ» — крайне важная тема. Он одну за другой основывал организации нового типа — «горизонтального». Можно выделить «вертикальные» организации, когда некий начальник своей властью создаёт новые подразделения в подведомственной ему организации. И — горизонтальные организации, которые создаются без приказа, активностью людей, которые собираются и решают вместе делать некое общее дело. Эта сетевая активность, связанная с самоорганизацией, является очень важным социальным показателем. Можно вспомнить изумление Алексиса де Токвиля, когда он посетил Соединенные Штаты Америки. Его удивило, что все дела делались решением жителей под водительством местного судьи или ещё какого-то активного гражданина, и эти жители сами решали, как им построить мост или улучшить дорогу. В истории России было мало периодов, когда происходило нечто подобное, и даже существует миф, будто российские граждане как-то особенно не способны к самостоятельности.

По инициативе Богданова организовались: *Комитет акклиматизации животных при Императорском московском обществе сельского хозяйства*, где он и был первым учёным секретарем на протяжении 1856–1858 гг.; *Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии* (ИОЛЕАЭ), основанное в 1863 г., президентом которого Богданов состоял с 1886 г. (подробнее см.: Кривошеина, 2007, 2011; Турьинская, 2012; статьи наст. сборника); наконец, на VIII Съезде русских естествоиспытателей и врачей в 1889–1890 гг. Богданов вместе с несколькими другими ли-

цами внёс предложение об основании *Русской ассоциации для развития наук* (по аналогии с Британской и Американской), которое и было принято съездом.

То есть всю жизнь Богданов одно за другим основывал различные «самоуправные» общества. Каждое из них было не «бумажным» произведением — оно работало. Эти общества собирали деньги на различные начинания, экспедиции и печатные издания, их силами проводились выставки, лекции, просветительские мероприятия, научные изыскания. Это удивительное и очень важное для России начинание — создание «горизонтальных» обществ: не «вертикальных», зависящих от государства, а демократических, независимых от власти, самоорганизующихся. Социологически это крайне важная тема, и важно, что именно Богданов был инициатором такого движения и у него получалось организовывать общества такого типа. (О некоторых аспектах отношений вольных обществ с официальными организациями см.: Брэдли, 1994, 2012; Медведь, 2002).

Каждое общество входило в соответствующую организационную технологию, т. е. работало вместе с другими начинаниями Богданова, в частности — работало на Зоомузей. Богданов умел так организовывать работу, что разные его начинания сцеплялись друг с другом, организовывали некую технологическую цепочку. Тем самым новые организации создавали новые звенья цепи, разные работы не повисали в воздухе, а помогали друг другу.

Эта организационная цепочка выглядела примерно следующим образом. Вольное общество *собирало пожертвования* и членские взносы, на которые *организовывало экспедиции*. Эти экспедиции *собирали коллекции*, которые шли в Зоомузей. Общества *печатали* свои труды. В связи с этим можно развернуть целый рассказ о начале научных журналов в России. Среди первых научных изданий были те, которые публиковали общества, курируемые самим А.П. Богдановым.

Вкратце, Богданов «Известиями ИОЛЕАЭ» развернул широкую сеть неперiodических научных и научно-просветительских изданий, аналогов чему в России не было. Это был целый комплекс изданий по естественным наукам, причём не «централизованный» — отдельные комиссии и подразделения Общества принимали решения о публикации тех или иных материалов, добывали деньги и печатали переводы,

отчёты об экспедициях, дебаты по организационным вопросам, просветительские лекции и прочее. Это была свободная научная печать, уровень публикаций поддерживался не столько рецензиями (как принято решать эту проблему сейчас), сколько усилиями редколлегии. Это поддерживаемое авторитетом и в то же время свободное издание — особенная организационная технология.

В трудах этих общества печатались работы сотрудников Зоомузея — прежде всего отчёты об экспедициях и коллекциях. Они же вели просветительские лекции в основываемых Богдановым музеях, и эти лекции также печатались в трудах обществ. Связь кафедры, Зоомузея и научных обществ была тесной и весьма многосторонней. Сотрудники работали во всех этих организациях, экспедиции организовывались совместно. Кроме того, ИОЛЕАЭ организовало *биостанции* — Косинскую, Демьяновскую, Болшевскую. Там работали сотрудники кафедры зоологии и Зоомузея, там обучались студенты, там выполняли научные работы сотрудники музея и материалы оттуда шли в музей.

3.3.3. ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ: ЗООМУЗЕЙ — ОБЩЕСТВО — ВЫСТАВКА — ПОСТОЯННАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ — ЭКСПЕДИЦИИ — ЗООМУЗЕЙ

Одна организационная технология, о которой сказано выше, увязывала работу Зоомузея и вольного научного общества, создавая совместную деятельность в рамках публикаций, экспедиций, движения коллекций, организации новых просветительских и научных организаций вроде биостанций. Помимо этого, работала ещё одна, «большая» организационная технология, которая порождала всё новые звенья в просветительской деятельности.

Эта организационная технология состояла в том, что Богданов придумывал выставки, т. е. временные мероприятия, которые служили информационным поводом для создания нового направления работы и новой организации. Для выставки собирались некоторые экспонаты по её главной теме, шла реклама, выставка становилась событием в культурной жизни города. После выставки ставился вопрос о создании отдельного музея на базе коллекций выставки. Отыскивалось здание, собирались деньги на его покупку или ремонт, коллекции перевозили на новое место — и возникал новый музей.

При этом Зоомузей был основной базой для этих мероприятий — его сотрудники организовывали выставки, дежурили на них, читали просветительские лекции, потом коллекции для будущего нового музея долгое время хранились в Зоомузее, откуда наконец уезжали в новое здание.

А затем вставал вопрос о пополнении коллекций только что возникшего нового музея. И общества, руководимые Богдановым, принимали решения об экспедициях, и для новых музеев собирались новые коллекции — в частности, сотрудниками Зоомузея, и собранные вместе с этими коллекциями зоологические сборы поступали в Зоомузей. Таких экспедиций было несколько, они организовывались одна за другой, а Богданов уже задумывал новую выставку.

Это повторялась несколько раз, так что можно говорить именно об организационной технологии. Каждый раз Богданов начинал с некоторого временного события, информационного повода, которое затем перерастало в постоянно действующее учреждение с собственной активностью.

А.П. Богданов подготовил и провёл первые всероссийские научно-популярные выставки — прежде всего *Акклиматизационную* (Первая в 1858 г., Вторая в 1863 г. для организации Зоопарка, Третья в 1878 г.), затем прошли *Пчеловодческая* (1867 г.), *Этнографическая* выставки, *Политехническая* (1872 г.) и *Антропологическая* (1879 г.). Так из этих инициатив Богданова и возникали новые музеи и другие собрания: результатом Этнографической, Политехнической и Антропологической выставок явились Этнографический, Политехнический и Антропологический музеи, в результате Акклиматизационных выставок появился Зоосад в Москве (1864 г.). На основе коллекций была также учреждена научная организация, которая после нескольких переименований стала называться «Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии» (ВНИРО).

Каждый раз использовалась одна и та же организационная технология. К характерным чертам этой технологии относилось то, что от каждого информационного повода брался максимум, каждое успешное направление прорабатывалось до конца, выжималось полностью. Организационные действия усиливались тем, что в одно место наносилась серия ударов: сначала выставка с её рекламой, потом отчёты о выставке с рапортом об успехах, потом будоражащие

вопросы о поисках места для новых коллекций и предложения о новом московском музее. Потом открытие нового музея, что опять было информационным поводом, и тут же пожелания новых коллекций, которые так понравились посетителям той выставки. И так раз за разом, соединяя научные цели, просветительские, рекламные, финансовые. С каждым поворотом этого организационного механизма выстраивалась всё более плотная научная сеть, система взаимосвязанных научных организаций разного плана и лиц, участвующих в работе этих организаций (Мирский, 1976; Фарман, 2005; Батыгин, 2008).

Богданов вёл просветительскую деятельность и пропагандировал науку в России. Он начинал *информационную кампанию*, собирал пожертвования, обеспечивал общественное мнение и проводил *выставку* по новому для России научному предмету. После окончания выставки собирал пожертвования — и материалы выставки превращались в постоянную *экспозицию*, в отдельный *музей*, становились основой новых растущих «коллекционных организмов». Затем организовывались экспедиции для сбора материалов и пополнения коллекций, при этом экспедиция собирала и материалы по зоологии, которые вливались в коллекции Зоомузея.

«Деятельность Богданова приобретает одно время даже легендарный характер, внушает уверенность, что если Богданов за что взялся, то он достигнет своего и сделает то, что для всякого другого было бы невысказанным» (Анучин, 1896, с. 61). Экспедиции Федченко, Ульянина, Керцелли, Анучина, Тихомировых, Нефёдова, Зографа, Янчука, Филимонова и целого ряда других исследователей дали тот замечательный материал, которым может гордиться Московский университет, положили основание Этнографическому и Антропологическому музеям, обогатили Зоологический музей. Так завершался цикл — от временной выставки к «дочернему» музею и новым поступлениям в Зоомузей.

Что это за деятельность? Важно выделить цель, для чего крутилось это колесо организационных мероприятий. Целью было не увеличение личного влияния, не получение максимального количества денег. Целью было просвещение России. Середина и конец XIX в. для России — это век Просвещения: общество воспринимало науку европейского образца и при этом изменялось, становилось обществом нового типа — массовым, индустриальным. Богданов создавал «волны просвещения», в цен-

тре его начинаний находился Зоомузей и кафедра зоологии, где производилась наука, и отсюда расходились круги просвещения на всё общество. Богданов сумел сделать так, что зоология стала не какой-то малозаметной специальностью, она стала важной, общественно-значимой и заметной наукой. Деятельность Богданова была очень заметна в Москве и по всей России, он стал местной достопримечательностью, его начинания были широко известны.

3.3.4. ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ: ПЕРЕВОДЫ И ПОПУЛЯРНЫЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

Ещё одна организационная технология, использованная А.П. Богдановым, связана со стратегией публикаций. В то время уже существовали принятые формы публикаций учёного — монографии, статьи. Однако Богданов создал новые типы научных и просветительских публикаций.

Прежде всего, он создал удивительный тип издания — «Известия ИОЛЕАЭ». Вместо малоподвижных, редко издаваемых научных изданий, которые тогда были в России, он создал издание очень живое, выходящее часто, позволяющее подписчикам быть в курсе мелочей жизни научного сообщества. Помимо научных статей, в «Известиях...» печатались отчёты о заседаниях, экспедициях, планы поездок, мероприятий, дебаты. В общем, жизнь зоологического сообщества можно было представить, читая эти большого формата издания, которые выходили очень часто, хотя иногда нерегулярно.

Однако это всё же труды организации — нельзя сказать, что в этих печатных трудах ИОЛЕАЭ всё определял Богданов, многие особенности этого издания связаны с трудностями финансирования, конкретным подбором сотрудников и т. п. Особенность организационной технологии Богданова, связанной с печатными трудами, лучше наблюдать на его собственных монографических изданиях.

Богданов занимался переводами, он переводил очень большие объёмы зоологической и антропологической литературы. Делалось это не из-за денег, иногда переводы были убыточны, зато крупные современные монографии и учебники становились доступны в России. И помимо переводов он создал новый жанр научно-просветительской работы.

Крупные работы Богданова — это особого жанра труды, можно сказать — популярные учебники, рассчитанные на старшие классы

гимназий и на студентов, но интересные также преподавателям. Это в первую очередь «Зоология и зоологическая хрестоматия...» (Богданов, 1862–1865) и «Медицинская зоология», первый том которой появился в 1883 г., затем 1-й выпуск второго тома (Богданов, 1883–1888). В 1888 г. Богданов издал «Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии ...» (1850–1887 гг.) (Богданов, 1888). Продолжение этого издания вышло в 1889 г., третий том в 1891 г.

Эти крупные работы Богданова имеют смешанную природу: частично переводы, частично пересказы, что вполне возможно для учебника. Доля более или менее близкого к чужому, переводному тексту меняется в разных частях издания — то 70% текста, то 20%. Богданов вмешивается в изложение автора, даёт свои пояснения, оценки, сопоставления, вновь близко пересказывает, опять сопоставляет несколько авторов. Такая работа носит преимущественно просветительский характер, она адресована, конечно, не профессионалам, которые могут читать все эти труды в подлиннике, а учащимся и интересующимся, такая работа делает доступной происходящее на переднем крае науки для широких масс населения, для всех, кто заинтересован. Тогда, в XIX в., просвещение в России было достаточно модным, очень многие люди хотели либо заниматься наукой, либо хотя бы быть в курсе успехов науки — и такие книги, во многом близко пересказывающие труды зарубежных учёных на разных языках, были им крайне полезны.

«Богданов работал всю свою жизнь, не покладая рук, не считаясь с отдыхом. Он отдыхал только в вагоне, отправляясь за границу или редко в Крым. Не было ни выходных дней, не было отпусков и у его помощников. Я за десять лет работы ассистентом А.П. Богданова бывал в Зоологическом музее все дни недели (праздничных и воскресных дней у нас не было). Было только два-три дня новогодних и пасхальных каникул», — вспоминал Н.М. Кулагин (1940, с. 25).

3.3.5. ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ: РАБОТА В МУЗЕЕ

Многое сделанное Богдановым касается того, как организована работа в музее, какие традиции поддерживаются долгое время. Это внутренняя организация хранительской музейной работы. Он разработал *технологии хранения коллекций и работы в музее*.

Сейчас эти «технологии» кажутся банальными и устаревшими, однако их можно понять, если представить, что в то время их не было — и не было ничего их заменяющего. Это первые формы учёта музейных коллекций, помогающие при составлении отчётов и способствующие планированию новых коллекций. К таким технологиям относится «Шнуровая книга», куда вносятся новые поступления в коллекции. По шнуровой книге можно понять, какие коллекции поступали в музей день ото дня, что является обычным сбором, что — особенным и уникальным, с какой скоростью росли коллекции и тем самым — как скоро оказывались нужны дополнительные площади для хранения.

Другая такая технология — это *дежурство по музею*. Был назначен дежурный, отвечающий за музейские дела в данный день. Связано дежурство было с тем, что вовсе не каждый день и час все сотрудники кафедры зоологии были на кафедре, т. е. в музее. Посещение было не то чтобы свободным, но было много дел, на которые были привлечены сотрудники. Дежурный находился в музее всякий час и всегда мог принять новые поступления, встретить посетителя, решить неотложные вопросы.

Был установлен *способ посещения* музея сотрудниками — сколько надо быть на рабочем месте, что можно ещё делать в рабочее время. Это совсем не само собой разумеющиеся вещи. Достаточно сказать, что в отчётах сотрудников можно прочесть, что рабочий день был занят чтением научной монографии — а в иные годы, скажем, в советское время, можно было получить замечание за чтение научной литературы на рабочем месте: подразумевалось, что у сотрудников должны быть иные занятия, а не «книжки читать». Так что ничего само собой не происходит, и атмосфера в научной организации складывается в частности из организационных решений, определяющих, что можно и что нельзя, что одобряется и что надо скрывать. В те «богдановские» годы XIX в. сотрудники бывали в музее в среднем по 4–5 часов в сутки, хотя иногда сидели допоздна или приходили очень рано, занимались разбором коллекций, определением, приведением экспонатов в порядок, подготовкой новых витрин, научной работой.

Было произведено *разделение научных и экспозиционных фондов*. Это опять кажется само собой разумеющейся банальностью, однако в те годы было важным решением. Экспозиционные фонды имели в первую очередь демон-

страционное значение, а научные коллекции не показывались посетителям, в них содержалось множество дубликатов, такие коллекции имели преимущественно научную ценность.

Помимо хранительских музейских технологий, А.П. Богданов создал *технологии организации научной работы* сотрудников. Эта технология заключалась в том, что помимо их собственных тем научных занятий, они разбирали коллекции по другим группам. То есть сотрудники музея имели очень широкий профиль, и если научная работа предполагает специализацию, то музейская деятельность предполагалась в самом широком объёме, сотрудник Зоомузея должен был уметь работать с самыми разными объектами.

Другая научная технология — *новый стиль научных исследований, монографический*. Богданов разработал особый стандарт научной работы, который был принят в его школе и имел развитие в дальнейшем. Стандартом, помимо общей зоологической эрудиции, стала специализация исследователя, изучение одной какой-то группы специальным образом. При этом монографическая обработка группы подразумевала изучение индивидуального развития и сравнительной анатомии, анализ классификационных единиц и написание заключительной монографии с обзором группы. Прежде всего такой стандарт закладывался как основа для написания диссертации, а затем распространялся как общий для изучения любой группы организмов. Предполагалось, что после ряда статей с описаниями новых видов или развития какого-то вида будет создана такая стандартная по содержанию монография. В ней будет рассмотрена анатомия и эмбриология обычного, широко распространённого представителя группы, выявлены особенности его биологии и связь развития и функционирования органов, т. е. установлена связь признаков морфологии и экологических особенностей. На этой основе разрабатывается систематика группы. Когда сравнительная важность признаков установлена, уже не составляет труда произвести разбиение группы на подчинённые таксоны и обосновать их отношения. Так что монография начиналась общим очерком строения и анатомии, продолжалась очерком развития и экологии, заканчивалась очерком таксономии и определительным ключом.

Выше рассмотрены организационные технологии хранения и научной работы. Кроме них,

Богданов создал и образовательные технологии — *технологии обучения зоологии*. Он организовал регулярный *большой практикум по зоологии* в 1870-х гг. Без большого практикума по анатомии хорошее зоологическое образование немислимо. Богданов ознакомился с разными практикумами в странах Европы, собрал лучшие черты и сделал собственные выводы: его практикум не копировал ни один другой практикум и по объёму был очень велик. Сейчас ни один студенческий практикум не дотягивает до стандартов, установленных Богдановым. Несомненно, этот практикум был основой хорошей подготовки зоологов, которые в результате представляли самые разные группы и были готовы к работе в очень разных направлениях. А.П. Богданов установил в России традицию таких практикумов, потом они видоизменялись, принаравливались к наличию объектов (практикум подразумевает ведение культуры объектов при кафедре, регулярное поступление объектов для вскрытия и т. п.), уровня подготовки преподавателей и студентов.

Богданов создал *традицию семинариев*, где студенты докладывали рефераты по крупным группам животных. Это опять же особенное организационное установление, а не просто обычный доклад, которые во множестве делают сегодня. Студент раз-два в год должен был выступать на семинарии. Выступление подразумевало освоение таксономической группы, далёкой от интересов данного студента. Студент получал специальную научную литературу на разных языках, коллекции по данной группе из музея и готовился — «осваивал» группу. Прочитывал научные монографии, самые последние, сам анатомировал, делал препараты. Студент практически проводил собственное исследование, поскольку сделать препараты незнакомой группы даже по опубликованной методике — это очень высокая степень самостоятельной работы. На семинарии студент должен был изложить в «монографическом» формате историю группы — от строения и развития до таксономии. Аудитория критиковала его выступление, сомневалась, задавала вопросы — этот «реферат» проходил по образу защиты диссертации.

Тем самым Богданов изменил культуру преподавания — с культуры «лекций и рисунков» на культуру «семинаров и практикумов». Прежде основной работой студента было слушание лекций и зарисовывание подготовленных лабо-

рантами препаратов на практикуме. Теперь эта работа дополнялась самостоятельным исследованием совсем незнакомой группы «с нуля» — освоением специальных исследований по группе, самостоятельным изучением морфологии вплоть до создания препаратов, рисунков, плакатов, а потом — доклад перед аудиторией, где могли быть люди, гораздо лучше знакомые с данной группой. Это создавало навык вхождения в группу, когда за несколько месяцев зоолог был способен приобрести начальную специализацию практически в любой области зоологии. Именно в такой подготовке заложены основы тех чудесных историй, которые сейчас можно прочесть в биографиях крупных зоологов, когда буквально в считанные месяцы происходило освоение новой проблемы и решение очень далёких от прежнего опыта научных задач.

3.3.6. ФИНАНСОВО-ФИЛАНТРОПИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Об этой стороне деятельности Богданова известно очень мало. Суть можно выразить так, что Богданов умел устанавливать контакты с богатыми и влиятельными людьми, начиная с великого князя и до купцов. Он умел уговорить их пожертвовать деньги на научные задачи. Богданов был для множества научных задач и учреждений центром добывания денег. Общества занимались организацией экспедиций, собирали часть суммы и затруднялись найти ещё — недостающее выкладывал Богданов. Надо было отыскать средства на поездку за границу для только что закончившего курс студента — и Богданов помогал выполнить эту задачу. Он взвалил на себя Зоосад — и раз за разом отыскивал пожертвования, чтобы спасти это убыточное учреждение.

Насколько можно судить, важным было и то, что он слыл организационным гением — т. е. данные деньги будут работать, не израсходуются попусту. Важно, что он абсолютно точно был честным человеком и ничего не брал себе, в этом все были совершенно уверены: он просил на русскую науку. То есть деловые люди, отдавая Богданову деньги, могли быть уверены, что это не «просыплется между пальцев», не разойдётся на какие-то глупости, а будет целевым образом потрачено именно на то, на что жертвователь согласился дать денег — на развитие русской науки, на просвещение народа. Такую репутацию надо уметь заслужить, и Богданов был именно тем человеком, организационному

таланту которого верили: он заставит эти деньги работать, они будут потрачены не зря, Богданов обязательно сделает что-то удивительное — новую выставку, музей, экспедицию.

В те годы эта деятельность была трудной не только потому, что денег было мало, но и по этическим причинам. Насколько разные были взгляды, можно судить по скандалу с В.А. Вагнером. Очень кратко говоря, Вагнер возмутился тем, что на музей и на зоологию поступали деньги от купцов, чья репутация не была совершенно чистой. Тем самым могло стать, что деньги для экспедиций и т. п. были не вполне праведными по происхождению. Вагнер полагал, что такие деньги брать нельзя, а Богданов их брал и использовал для развития науки и просвещения. Богданов долгое время пытался урезонить Вагнера, приглашал к себе обедать, пытался сгладить противоречия. Когда стало ясно, что это невозможно, Вагнер лишился работы в Москве и с трудом устроился в Санкт-Петербурге: Богдановым было отдано распоряжение «этого не брать», и Вагнер в Москве не мог устроиться даже учителем в школу.

Трудная эта история показывает лишь малый край всех тех уговоров, обещаний, компромиссов и пр., без чего не бывает ведения денежных дел, а тем более — получения денег для благотворительности, на общественных началах (Ульянова, 1999). Кто знает глубоко и детально современную организацию благотворительности, может удостовериться, что ровно те же конфликты происходят и сейчас: всегда есть конфликт между пожеланием жертвователя и реальной нуждой дела («нецелевое использование средств»), между чистотой мотивов жертвователя и историей имеющихся у него средств — и тем делом, на которое они предназначены. И никакого общего решения тут нет: одни люди решают дело одним образом, другие иначе, каждый сам находит ту грань и баланс, на которой он ещё может, считая себя честным человеком, иметь дело с богатыми людьми, просить у них деньги на благие цели и поддерживать этими деньгами благотворительную деятельность.

Богданов много занимался благотворительностью для науки и просвещения, он был известным человеком, которому сравнительно легко давали деньги — и на нём висел груз обязательств, распределения средств, получения множества просьб и решений, кому отказать, а кому помочь.

3.3.7. БОГДАНОВСКАЯ «ГВАРДИЯ»

Особенная организационная технология — то, кем обеспечивались все организационные мероприятия Богданова. Сам он делал очень многое, но не может один человек сделать всё. Если проследить, кто же те люди, которые принимали у него из рук задания и организовывали выставки, ездили в экспедиции, разбирали коллекции и т. п., то мы встретим прежде всего имена его учеников — *сотрудников Зоомузея*. Они несли определённые «повинности»: например, заведование Зоопарком было очень тяжёлым делом, и обычно человек выдерживал его полгода-год, после чего его сменял другой богдановец. Разумеется, люди участвовали в разной мере: кто-то мог вытащить целую выставку, кто-то был на подхвате, но в целом все эти потрясающие организационные мероприятия Богданова обеспечивала «гвардия» его учеников, которые потом становились самостоятельными заведующими кафедрами зоологии в других городах, выходили в академики, прирастали в чинах, но в начале своей карьеры были рядовыми «гвардейцами» руководимого Богдановым Зоомузея.

Если читать одно за другим описания мероприятий Богданова, то на определённом этапе, после стадии организационной идеи, рекламы, сбора денег, наступает стадия практического выполнения, когда в целом контуры организационного решения ясны, правовые и финансовые рамки установлены, дело за малым — осталось это сделать. И тут появляются знакомые многим российским зоологам имена: В.М. Шимкевич, Н.В. Насонов, Н.М. Кулагин, Н.Ю. Зограф, Г.А. Кожевников, П.И. Митрофанов, А.Н. Корчагин, Ф.Ф. Каврайский, Н.В. Богоявленский, С.А. Зернов, Я.П. Щелкановцев, М.М. Воскобойников, Э.Г. Беккер, Б.М. Житков, В.Н. Ульянин, В.Ф. Ошанин, Н.К. Зенгер, А.П. Федченко.

Сначала они ещё студенты, потом они пишут диссертации у Богданова и озабочены тем, что им из-за его организаций не хватает времени на хорошую работу по собственной научной теме. Потом они приват-доценты, потом уже профессора. Сначала они носят ящики с экспонатами на выставках, потом ездят в экспедиции, потом заведуют разными выставками и комиссиями. В те годы действовало то, что гротескно можно назвать «феодалской организацией науки», т. е. при появлении кафедр зоологии в разных университетах страны, при освобождении ставки профессора очень многое значило слово Богданова как профессора Московского университе-

та. И многие верные его ученики в конце концов становились профессорами на разных провинциальных кафедрах. Впрочем, иные так и остались в звании препараторов, приват-доцентов и т. п. Ту огромную работу, которую они вели, трудно списать на «делание карьеры». Они работали на русскую науку и на задачи просвещения, и их руководителем был человек нелёгкого характера, но признанный организационный гений, который действительно мог справиться с чудовищной по трудности задачей.

«Московский университет в истории просвещения России делал то же дело, какое делают первые поселенцы в девственных лесах и диких странах: он подготовлял первоначальные примеры русского университетского преподавания и на его долю, в течение полувека, исключительно приходилось вырабатывать почву для туземного народного производства научного труда» — так описал эту деятельность сам А.П. Богданов (1885, с. 97).

3.4. А.П. Богданов как учёный

Уделив основное внимание описанию организационных методов А.П. Богданова, надо хотя бы кратко коснуться его научной работы и полученных результатов.

В молодости, будучи учеником К.Ф. Рулёе, Богданов занимался природой окраски перьев птиц, причём это был не морфологический, а химический подход к окраске. Он показал (Богданов, 1858), что в перьях птиц имеются особые вещества, пигменты, которым перо и обязано своим цветом, что эти пигменты спирторастворимы, т. е. цвет может быть выделен из пера в виде химического вещества. Богданов разделил окраску на два типа — структурную (физическую) и химическую — по природе факторов, вызывающих цветность. Выделив разные пигменты, обеспечивающие цвета перьев, Богданов дал пигментам названия, которые иногда используются и сейчас: зооксантин (красный), зоофульвин (жёлтый), зоовердин (зелёный), зоомеланин (чёрный). Дальнейшей задачей он считал изучение химического состава этих пигментов, что следующими поколениями учёных и было сделано.

Помимо этой работы, Богданов разрабатывал многие общие вопросы зоологии, в основном составляя компиляции и делая переводы крупных зоологических работ на русский язык. Во многих случаях его работа не сводилась буквально к переводу, он не только создавал тер-

мины, но и приводил объяснения, сопоставлял разные линии работ и разные группы статей, высказывался относительно обоснованности тех или иных взглядов — в общем, в его деятельность переводчика, компилятора и автора доступных учебных пособий вкраплена значительная теоретическая составляющая, он участвовал в формировании многих теоретических концепций зоологии.

Подвести итог этим переводам, пересказам, анализу и обобщению трудов различных зоологов XIX в. на русском языке — прежде всего это были исследования Нэгели, Келликера, Пастера и других — можно таким образом: Богданов в доступных сочинениях, рассчитанных на студентов и людей с университетским образованием, но всё же популярных, а не специальных, — заложил основы того подхода к науке, который можно обозначить как подход аналитический, экспериментальный (Любарский, 2009б). Как писал Богданов в «Цветности пера птиц»: «Химия и микроскоп и их значение в биологии — вот та исходная точка, которую указал мне мой многоуважаемый наставник и которую я разрабатывал на протяжении почти двух лет, под его надзором и вспомоществуемый его советами» (Богданов, 1858, с. 20). Можно видеть, как Богданов ещё в последней трети XIX в. направляет русскую биологию, вслед за европейской, на исследование физико-химических основ жизни: «Физико-механический метод изучения ведёт нас хотя к частным, но вполне исчерпывающим свою задачу объяснениям, тогда как исключительно морфологический путь возбуждает в нас только ряд вопросов и рисует нам только последовательности явлений. Наука, следовательно, в своем дальнейшем успехе главным образом зависит от изучения опытом и анализом молекулярных явлений, происходящих в организмах, и от исследования соотношения их с теми или другими внешними условиями» (Богданов, 1883–1888, с. 255). «Биология животных и растений есть наука о причинах жизненных явлений, зависящих от физико-химических свойств веществ, составляющих организмы, а также от молекулярного строения элементарных частей, их взаимных соотношений и от внешних факторов, в среде которых происходят жизненные явления» (там же, с. 263–264). «Современное естествознание кладёт свою точку опоры в изучении бесконечно малого, и этому оно обязано своей силой [...] Малое и невидимое, но действующее в массе и

на массу постоянно и непрерывно, есть та первичная, та главная лаборатория, в которой вырабатываются и обуславливаются все великие явления, поражающие нас своей грандиозной обстановкой» (Богданов, 1885, с. 96). «Зоология есть наука, которая имеет целью выработать общую формулу соотношений между формой животного и внешнею средою [...] дать такое уравнение, при котором определивши материальные коэффициенты формы и среды, мы могли бы вычислить и результат в каждом частном случае» (Богданов, 1877, с. 2).

Можно видеть основные черты научного мировоззрения А.П. Богданова, весьма соответствующие дальнейшему развитию науки. В этом смысле Богданов верно понял возможности развития биологии и ориентировал своих учеников и читателей на то, как будет развиваться биология в следующем, XX в.

К числу научных свершений А.П. Богданова относятся ещё два направления: антропология и история науки. Богданов — один из основателей русской антропологии. Он сам организовывал и проводил раскопки, описывал их результаты, переводил лучшие труды по краниометрии и занимался описаниями черепов человека. Согласно моде того времени, он пытался исследовать по краниометрическим индексам, к какому «племени» относятся найденные черепа, и включить это знание в общие схемы и представления об истории Восточно-европейской равнины и её населения. Тогда появился в антропологии метрический метод (основан в 1842 г. А. Ретциусом, а затем развит в 1864 г. П. Брока), связанный с индексами. На черепах выделялись особые промеры, на их основе вычислялись индексы, их тщательное исследование позволяло найденные костные останки соотносить с теми или иными «племенами» и «расами», проследить пути расселения этих племён. Богданов издал описания проведённых им самим раскопок, участвовал в написании капитального труда А. Иностранцева по антропологии, где Богданову принадлежит краниометрическая часть (Иностранцев, 1882). Богданов смог произвести синтез современных ему краниометрических методик, выработав наиболее разумный компромисс между немецкими и французскими вариантами (Богданов, 1867). Впоследствии русская (богдановская) схема промеров была признана международной комиссией по унификации методов краниометрии человека (Монако, 1906 г.).

В области истории науки Богданов написал сочинение «Карл Францович Рулье и его предшественники на кафедре зоологии в Императорском Московском университете» (Богданов, 1885): это описание развития русской зоологии в XIX в., центральное место в нём занимает фигура Рулье. В дальнейших описаниях это сочинение Богданова часто переписывалось, со ссылками и без них, так что обычный взгляд на развитие зоологии основывается на той точке зрения, которую составил Богданов.

3.5. Гений Богданова

Деятельность Богданова трудно воспринять за штампованными выражениями, изъяснениями вежливого внимания и должного восхищения. И потому сделаем рискованный шаг: попытаемся ещё раз сказать, в чём же состояла ключевая *цель* деятельности Богданова, но в общей форме и с точки зрения современного положения дел, чтобы не оговариваться на каждом шагу, вспоминая реалии 1860-х, 1880-х и прочих давних годов.

Назовём эту цель *«мифом о русском Университете»*. Это не какое-то локальное мечтание; русский Университет — центральное место историко-культурного процесса в России. Это та институция, где любят учиться и учить, это место, где люди учатся, чтобы получить знания и поделиться ими, а не для получения пользы, прохождения карьеры, достижения чинов. Это место общения студентов и профессоров, объединённых интересом к знанию. Это конечно миф, потому что реальность была совсем не такой. Но это не выдумка — потому что именно такая цель одушевляла А.П. Богданова и многих других деятелей, которые стремились вернуть в России новую культурную среду. Это не «западное влияние», поскольку Университет мыслился именно как русский, уходящий корнями в особенности русской культуры (хотя исток мифа, несомненно, восходит к Гумбольдтовской реформе). Например, его участники были одушевляемы не идеей службы государству, не принесением пользы, а именно бескорыстной страстью к знанию, которое было направлено на самосовершенствование, формирование личностей учащихся, а учащимися мыслились все — и студенты, и профессора. В этом Университете сходились самые разные культурные начинания, он излучал в народную жизнь свет знания и собирал в своих стенах лучшие таланты, здесь читались лекции и копились научные факты (а

том числе коллекции), здесь проводились исследования и здесь же воплощались результаты этих исследований. Эта цель определяла многие детали деятельности Богданова — просвещение народа и научную работу в стенах Университета, инициативы в деле проведения экспедиций и создания новых музеев, наконец поддержание единства Зоомузея и кафедры зоологии.

Сейчас такая институция, пожалуй, невозможна. Однако осознание того, что этот миф существовал, был нравственным и познавательным регулятивом действий людей, важно для понимания недавней истории России. При описании людей важны ведь не только условия жизни и причины, но и цели. В конце XIX и начале XX вв. было несколько «идеальных типов» высшего образования — английский Колледж, французская Эколь Нормаль и немецкий Университет. Английский тип высшего образования породил современный работающий миф — достаточно вспомнить «волшебную школу» Гарри Поттера. А немецкий Университет с особым устройством — свободой преподавания, вовлечённостью студентов в научную работу — создал другой миф, миф об университете, который почти исчез в Центральной Европе в связи с её исторической судьбой, но краешком зацепился в России, где была унаследована и развита немецкая система образования.

Миф о русском Университете — особый идеальный конструкт, его незачем обвинять в невоплощённости и нереалистичности, это цель и регулятив, нравственный и эстетический императив. Этот Университет нужен для вменяемого функционирования общества. Когда люди думают лишь о вещах сиюминутных, об утилитарной пользе, у них мало что может получиться в совместной университетской деятельности. Надо, чтобы некоторая идея, мечта освещала то, что они делают. В современной жизни очень мало претендентов на такие светоносные общественные институты. И потому работа Богданова, по мере сил создававшего небывалое и невозможное, так важна сейчас.

Но пытаться сегодня буквально повторить организационную схему Богданова невозможно. Причина — окончание эпохи Просвещения; в обществе мотивы науки и просвещения масс сейчас не являются столь авторитетными. Однако саму механику организационной технологии Богданова: создание коллектива людей с общими целями (вольное общество), организация временного мероприятия (выставки), ин-

формационного повода, реклама, затем перевод в постоянную оргструктуру, забота о пополнении и росте вновь созданной организации и на этой основе пополнение коллекций Зоомузея, — стоит запомнить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видно из рассмотренных примеров, число которых можно множить и множить, организаторы науки и создатели науки нового типа были совсем разные, тем более в разных странах и веках. Каждый раз требовалось находить новые подходы, как-то иначе ухватывать ситуацию и справляться с трудностями. Дело это крайне трудное — науку в каждой стране основывают с трудом, иногда длительный завоз специалистов из-за границы не помогает, не помогают вкладываемые деньги и организация «таких же» университетов и институтов, академий и научных журналов.

А что же помогает? Общего ответа нет. В разное время находились люди, которые брались за это неподъёмное дело — организацию науки в стране — и поднимали эту работу. У них находились способы. Поскольку регулярно это не изучалось, нельзя сослаться на какую-то готовую монографию и сказать: вот тут такие способы хотя бы перечислены. Нет таких работ. Можно лишь обратиться к примерам, желательно не очень далёким и имеющим дело со страной, проблемы которой ближе к сердцу.

Из таких историй возникает подозрение, что организация науки — это ручная работа, которая «автоматом» не делается. Таким «автоматом» в социальном мире является бюрократия. То есть государственные и иные бюрократические организации могут подхватывать уже начатую организационную деятельность, но лишь после того, как она хорошенько организована и обладает собственной связностью личного участия. Вопрос о том, не губит ли потом бюрократия то, что создавалось личными усилиями, и если губит, то каков период полураспада — за сколько поколений гибнут начинания, сделанные личными усилиями и доверенные бюрократическому руководству, — это уже другой вопрос.

И, конечно, важно помнить те три вещи, которыми в разное время организовывалась наука в России. Это научная традиция, которую можно «завести» из страны, где наука уже развита, и попытаться привить местному сообществу, но которая имеет свойство засыхать и выдыхать-

ся, как растение на чужой почве. Это *личное ученичество*, что не поддается никакому заимствованию и формализации, что можно лишь отыскать, увидеть, не дышать и не мешать, пока это чудо происходит, потому что именно на этом этапе создаются основы новой научной традиции. Потом наступает время *организационной поддержки*, и обычные бюрократические акции оказываются тут не очень действенными, они лишь создают фон, который может быть более или менее благоприятным, и на этом фоне организатор науки вышивает свой узор.

Джон Холдейн учил индийских профессоров ставить и решать задачи, как это принято в европейской науке. Ванневар Буш вручную связывал в каждом штате промышленников, финансистов и учёных, чтобы они научились понимать друг друга и вместе делали университеты и научные проекты. Так это выглядело в XX в., совсем непохоже на то, что делал Анатолий Петрович Богданов в эпоху Великих реформ 1860-х гг. В XXI в., несомненно, будет что-то иное.

ЛИТЕРАТУРА

- Аврус А.И. 2001. История российских университетов: Москва: Моск. обществ. науч. фонд. 86 с.
- Андреев А.Ю. 2000. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. Москва: Языки русск. культуры. 312 с.
- Андреев А.Ю. 2004. Гумбольдт в России. Министерство народного просвещения и российские университеты в первой половине XIX в. — Отечественная история, 2: 40–43.
- Андреев А.Ю. 2009. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. Москва: Знак. 640 с.
- Анучин Д.Н. 1896. А.П. Богданов. — Журнал министерства народного просвещения. Ч. 305. июнь, отд. IV. С. 58–74.
- Батыгин В.С. 2008. Коммуникация в научном сообществе. — Киященко Л.П., Мирская Е.З. (ред.). Этнос науки. Москва: Academia. С. 518–531.
- Богданов А.П. 1858. Цветность пера птиц. Биологический очерк. Москва: Типогр. Л. Степановой. 128 с.
- Богданов А.П. 1862–1865. Зоология и зоологическая хрестоматия в объеме средних учебных заведений. Вып. 1. 1862. Бесформенные, Лучистые и Слизняки. С атласом. Москва. 194 с. Вып. 2. 1863. Черви. Москва. С. 195–378. Вып. 3. 1865. Москва. С. 379–909.
- Богданов А.П. 1867. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии. Москва: Университ. типогр. Катков и К. 177 с.
- Богданов А.П. 1877. Форма и среда в их соотношениях с зоологией и медициной. Вступительные лекции в курс зоологии для медиков, читанные в сентябре 1877 года на медицинском факультете Московского университета. Москва: Университетская типография. 44 с. (Медицинская газета, 36, отд. оттиск).
- Богданов А.П. 1883–1888. Медицинская зоология. Москва: Типогр. А.А. Карцева. Т. 1, 1046 с. Т. 2, 409 с.
- Богданов А.П. 1885. Карл Францович Рулье и его предшественники на кафедре зоологии в Императорском Московском университете. Библиографический очерк. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 43 (2). 215 с.
- Богданов А.П. 1888–1892. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие» (1850–1887). Т. 1–4. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 55, 57, 70, 71. 226 нумерованных стр.
- Брэдли Д. 1994. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России. — Общественные науки и современность, 5: 77–89.
- Брэдли Дж. 2012. Общественные организации в царской России: Наука, патриотизм и гражданское общество. Москва: Новый хронограф. 448 с.
- Иванов А.Н. 1991. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. Москва: Наука. 392 с.
- Иностранцев А.А. 1882. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича. 291 с.
- Кривошеина Г.Г. 2007. Богданов — историк и летописец Московской науки. — Вопросы истории естествознания и техники, 3: 89–103.
- Кривошеина Г.Г. 2011. Московское Общество любителей естествознания и распространение естественнонаучных и технических знаний в России в XIX в. — Институт истории естествознания и техники (ИИЕТ). Годичная научная конф. Москва. С. 418–421.
- Кулагин Н.М. 1940. Первые этапы развития зоологии в Московском университете (1755–1896) — Ученые записки МГУ. Юбилейная серия. Вып. 54. Биология. С. 20–32.
- Любарский Г.Ю. 2009а. Ванневар Буш: как делают науку. — Троицкий вариант, 38: 6.
- Любарский Г.Ю. 2009б. История Зоологического музея МГУ. Идеи, люди, структуры. Москва: Т-во науч. изд. КМК. 744 с.
- Медведь А.Н. 2002. Высочайшее повеление 1889 г. и взаимоотношения научных обществ во вто-

- рой половине XIX в. — Восточноевропейский археологический журнал, 2 (15).
- Мирзоян Э.Н. 2005. Московское общество испытателей природы: 200 лет служения России (1805–2005 гг.). — Доклады Московского общества испытателей природы, 37. 160 с.
- Мирский Э.М. 1976. Проблемы исследования коммуникации в науке. — Мирский Э.М., Садовский В.Н. (ред.). Коммуникация в современной науке. Москва: Прогресс. С. 14–16.
- Петров Ф.А. 1997. Немецкие профессора в Московском университете. Москва: Христианское изд-во. 180 с.
- Петров Ф.А. 2001. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования в России. Книга 4. Российские университеты и люди 1840-х годов. Москва: Государств. Исторический музей. 748 с.
- Райков Б.Е. 1951. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционной идеи в России, Том IV. Москва: Инст. истории естествознания АН СССР. 471 с.
- Соловьёв И.М. 1914. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников, Вып. 1. Университеты до эпохи шестидесятых годов. Санкт-Петербург: Нобель-Пресс. 226 с.
- Турьинская Х.М. 2012. Из истории этнографического музейного дела в Москве в XIX — начале XXI вв. — Вопросы музеологии, 1 (5): 43–52.
- Ульянова Г.Н. 1999. Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914. Москва: Форум. 495 с.
- Фарман И. П. 2005. Коммуникативная парадигма в социальном познании. — Лекторский В.А. (ред.). Наука глазами гуманитария. Москва: Прогресс-Традиция. С. 229–261.
- Фейнман Р. 2001. «Вы, конечно, шутите, мистер Фейнман!». Москва: Регулярная и хаотическая динамика. 336 с.
- Юркин И.Н. 2001. Демидовы — ученые, инженеры, организаторы науки и производства. Москва: Наука. 336 с.
- Anderson R.S. 2010. Nucleus and nation: Scientists, international networks, and power in India. Chicago: University of Chicago Press. 736 p.
- Clark R.J. 2013. B. S.: The life and work of J.B.S. Haldane. London: Bloomsbury Academic. 392 p.
- Dronamraju K.R. 1987. On some aspects of the life and work of John Burdon Sanderson Haldane, F. R.S. Notes and Records of the Royal Society of London, 41 (2): 211–237.
- Greenberg D.S. 2001. Science, money, and politics: Political triumph and ethical erosion. Chicago: Univ. Chicago Press. 528 p.
- Majumder P.P. 1998. Haldane's contributions to biological research in India. — Resonance, 3 (12): 32–35.
- Owens L. 1994. The counterproductive management of science in the second world war: Vannevar Bush and the Office of Scientific Research and Development. — Business History Review, 68 (4): 515–576.
- Sahay S., Walsham G. 1997. Social structure and managerial agency in India. — Organization Studies, 18 (3): 415–444.
- Wiesner J.B. 1979. Vannevar Bush, 1890–1974, A biographical memoir. Biographical Memoirs of National Academy of Sciences, 59. Washington (D.C.): Academic Press. 416 p.
- Zachary G.P. 1997. Endless frontier: Vannevar Bush, engineer of the American Century. New York: The Free Press. 528 p.

**ПОЧЕМУ МЫ ЗАБЫВАЕМ СВОЮ ИСТОРИЮ:
А.П. БОГДАНОВ И ЕГО НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА**

Г.Г. Кривошеина

*Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
krivosheina@gmail.com*

*Он стоит совершенно особняком в ряду русских
научных деятелей, без предшественников
и — покуда — без последователей.*

Д.Н. Анучин¹

Профессор зоологии Московского университета и директор университетского Зоологического музея А.П. Богданов (1834–1896) был одной из самых оригинальных и ярких фигур в истории русского естествознания второй половины XIX в. При жизни он был широко известен своей научно-организационной и популяризаторской деятельностью, однако после смерти о нём быстро забыли. В статье на основе обширного архивного и печатного материала анализируются особенности личности Богданова, ставшие причиной его конфликта с либеральной частью университетской профессуры, а также рассматривается вопрос, чем было вызвано замалчивание его имени в дореволюционной России и почему советские идеологи и историки науки также предпочитали не замечать или как минимум недооценивать заслуги Богданова в развитии науки в нашей стране.

**WHY DO WE FORGET OUR HISTORY:
A.P. BOGDANOV AND HIS SCIENTIFIC SOCIETIES**

Galina Krivosheina

*S.I. Vavilov Institute for History of Science and Technology RAS
krivosheina@gmail.com*

Professor of zoology at the Moscow University and director of the Zoological Museum of the University, A.P. Bogdanov (1834–1896) was one of the most special and striking figures in Russian natural sciences during the second half of the 19th century. In-ter vivos, he was very popular as a manager and popularizer of science, but after his death he soon became forgotten. The present paper is based on the study of archival and published sources and refers to certain aspects of Bogdanov's personality which underlay his conflict with liberal-minded University professors. It also deals with the veil of silence over Bogdanov in the tsarist Russia and the reasons why Soviet ideolo-gists and historians of science also preferred to ignore or at least underestimate Bog-danov's achievements in the development of science in Russia.

Анатолий Петрович Богданов (1834–1896) — одна из самых оригинальных и ярких фигур в истории русского естествознания второй половины XIX века. Ученик выдающегося русского натуралиста К.Ф. Рулье (1814–1858), после смерти своего учителя он унаследовал от него кафедру зоологии Московского университета и руководил ею до конца жизни. Одновременно он, согласно Уставу Московского университета, более тридцати лет занимал пост директора университетского Зоологического музея.

Наибольшую известность Богданову принесла его научно-организационная и популяризаторская деятельность. Среди его главных достижений можно назвать следующие: организацию Комитета акклиматизации животных и растений при Московском обществе сельского хозяйства и проведение акклиматизационных выставок (1858, 1863, 1878 гг.), которые позволили собрать средства на создание и последующую финансовую поддержку Московского зоосада; создание при Московском университете Общества любителей естествознания (ОЛЕ; с 1867 г. — Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, ОЛЕАЭ), благодаря которому в Москве был проведён ряд научных выставок (Этнографическая в 1867 г., Политехническая в 1872 г., Антропологическая в 1879 г. и др.); наконец, появление новых публичных музеев — «Дашковского» этнографического и Политехнического. Богданов добился основания на физико-математическом факультете Московского университета первой в России и одной из первых в Европе кафедры антропологии с музеем при ней и предпринял первую серьёзную попытку превратить университетский Зоологический музей в образовательное и научно-исследовательское учреждение европейского уровня. И это далеко не полный перечень его дел.

При жизни Богданов был хорошо известен — газеты подробно освещали его проекты и деятельность основанного по его инициативе ОЛЕАЭ, зачастую называя последнее просто «Богдановским обществом». Оценки, правда, были неоднозначными — от хвалебных до насмешливо-критических. И хотя среди современников Богданова немного нашлось бы людей, столько же сделавших для распространения научных знаний в России, после смерти о нём, как и о его учителе К.Ф. Рулье, быстро забыли. В 1900 г. В.Д. Левинский², присутствовавший на церемонии освящения надгробного памят-

ника Богданову в Новодевичьем монастыре, с сожалением заметил:

«Грустно стало сознавать, что под этим памятником в бранных остатках покоится почти сорокалетний труд энергичнейшего человека, русского учёного, посвятившего свою жизнь на возвеличение русской науки и на умножение в Москве полезных общеобразовательных учреждений. Всё созданное А. П. Богдановым упрочено и служит ко славе Москвы, которая долго будет гордиться “созданиями” его труда, энергии и редкой организаторской способности... Но, увы, можно быть уверенным, что масса московских жителей даже мало знает, ещё менее ценит имя Анатолия Петровича, которое не выдвигается, а почему-то замалчивается интеллигентной Москвой» (Левинский, 1900).

Замалчивание достижений Богданова продолжилось и позже, в советский период. Его биография даже не была включена в собрание биографических очерков «Люди русской науки»³ — идеологический проект, представлявший официально одобренный список «выдающихся русских деятелей естествознания и техники» и призванный служить свидетельством того, «что многие открытия и изобретения, носящие имена иностранцев, или приписываемые иностранцам, принадлежат нашим учёным» [РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.545. Л.118]. Поэтому долгое время основными источниками научно-биографических сведений о Богданове оставались прижизненные газетные и журнальные публикации⁴, некрологи и воспоминания, написанные его учениками (Анучин, 1896, 1950а, 1950б; Кожевников, 1896; Митрофанов, 1897; Тихомиров, 1897; Зограф, 1899; и др.), материалы юбилейных мероприятий (например: Богданов, 1915) и немногочисленные юбилейные статьи (например, Житков, 1935), а также отдельные работы по истории зоологии (Плавильщиков, 1941), по истории Политехнического музея (Барский, 1987) и биографические справочники и энциклопедии (например: Мазурмович, 1960; Бабий и др., 1984; Российская музейная энциклопедия, 2001). Первая серьёзная биография Богданова вышла лишь в 1959 г. (Райков, 1959). В отличие от более ранних биографических заметок (Зограф, 1899; Анучин, 1950б), содержащих целый ряд неточностей и ошибок, работа Райкова была основана на изучении личных документов Богданова, переданных его дочерью О.А. Богдановой⁵ в архив Академии наук.

Справедливости ради следует всё же заметить, что в одной области науки, а именно в физической антропологии, имя Богданова никогда не забывали. По крайней мере представители московской антропологической школы достаточно высоко оценивали его вклад в становление этой дисциплины в России (Левин, 1960; Рогинский, Левин, 1963; Залкинд, 1974). Однако на общую ситуацию это почти не повлияло. Приведу лишь один достаточно наглядный пример. В одном из служебных коридоров Политехнического музея висел коллаж, на котором были представлены 14 основателей музея, но Богданова среди них не было, хотя хорошо известно, что он был инициатором и главным идеологом проведения Политехнической выставки 1872 г. и основания в Москве одноимённого музея. Этот же коллаж без всяких изменений был воспроизведён в буклете, изданном к 130-летию этого музея (Григорян, 2002). Богданов в нём упоминался лишь в длинном списке среди прочих людей, внёсших вклад в создание музея.

К счастью, в последнее время наметился заметный рост интереса к деятельности А.П. Богданова. В 2009 г. в Архиве РАН была организована выставка, посвящённая 175-летию со дня его рождения⁶. В 2004 г., к 250-летию МГУ, вышла в свет небольшая книжка о нём (она ждала публикации более 10 лет), подготовленная В.З. Юровской — сотрудницей кафедры антропологии биологического факультета МГУ (Юровская, 2004). И хотя нередко утверждается, что по сравнению с биографическим очерком Райкова (Райков, 1959) в ней нет никаких новых сведений (например: Плюто, 2012), автор уточнила отдельные даты, неверно указанные Райковым, дала систематический обзор антропологических исследований Богданова и составила подробную таблицу основных дат его жизни и деятельности. Серия публикаций о Богданове принадлежит также автору данной статьи (Кривошеина, 2004а,б, 2007, 2012, 2013; Krivosheina, 2014). Из зарубежных источников, в которых определённое внимание уделено деятельности Богданова и его научным взглядам, следует назвать классические работы А. Вучинича (Vucinich, 1970, 1988). Большой интерес представляет статья Н. Найта об Этнографической выставке 1867 г. в Москве (Найт, 2001), а также книга Дж. Брэдли, целый раздел которой посвящён А.П. Богданову и организованному им ОЛЕАЭ, а

также истории основания Политехнического музея (Брэдли, 2012).

Ниже я попытаюсь разобраться в двух вопросах. Во-первых, кто и за что критиковал Богданова и насколько обоснованы были те претензии, которые ему предъявляли. Во-вторых, чем было вызвано замалчивание его имени в дореволюционной России и почему советские идеологи и историки науки также предпочитали не замечать или как минимум недооценивать заслуги Богданова в развитии науки в нашей стране.

РАННИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ И ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ БОГДАНОВА

Чтобы дальнейшее изложение было более понятным, вначале стоит кратко остановиться на некоторых событиях детства и юности Богданова, которые повлияли на формирование его личности и, по словам Райкова, могут служить «в известной мере ключом для понимания того, как могла сложиться такая своеобразная противоречивая натура, какой был Богданов в своей общественной деятельности и в быту» (Райков, 1959, с. 216). Начать надо с того, что Богданов был подкидышем (отсюда его фамилия), и это обстоятельство заметно омрачило его жизнь и повлияло на его взаимоотношения с окружающими. По его собственному признанию, «за своё это романтическое происхождение много горя я испытал в жизни, много презрения вытерпел, многое фальшивое в моём развитии объясняется им» [АРАН. Ф.446. Оп.1а. Д.86. Л.3].

Богданов рассказал о своих детских переживаниях в неоконченной автобиографии, которая недавно была опубликована в «Вестнике Политехнического музея» (Плюто, 2012). По справедливому утверждению публикатора, этот текст «даёт достаточно адекватное представление о той классической для психоаналитика “травме рождения”, которая действительно (как бы ни относиться [орфография изменена. — ГК] к психоанализу) во многом определила жизнь и судьбу А.П. Богданова. Исповедь, благодаря которой автору удаётся выговориться по поводу этой травмы, кончается, и текст автобиографии автоматически останавливается, обрывается» (Плюто, 2012, с. 31).

Надо отметить, что в архиве Богданова хранится много заметок, которые, как и «Автобиография», не были предназначены для печати: см. например «Винегрет» [АРАН. Ф.446. Оп.1а. Д. 97]. Эти размышления о судьбе, о различных

жизненных ситуациях и проблемах морального выбора он писал для своих детей⁷, которых он очень любил. Он хотел, чтобы они лучше узнали и поняли его, в первую очередь потому, что он сам не имел возможности узнать и понять своих родителей.

Младенцем его подкинули в сторожку церкви села Богородицкое Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии. Мальчика взяла на воспитание местная помещица Екатерина Фёдоровна Татаринова, «женщина очень добрая и симпатичная» [АРАН. Ф.446. Оп.1а. Д.86. Л.3], а после её скоропостижной смерти в 1839 г. он воспитывался в имении её матери, княгини Глафиры Николаевны Кейкуатовой, которую Богданов называл «бабушкой». Обе они любили своего воспитанника и окружали его нежностью и заботой, а княгиня до конца своей жизни поддерживала его и морально, и материально.

Детство Богданова можно было бы считать счастливым и безоблачным, если бы не ряд обстоятельств. От природы он был нежным и чувствительным ребёнком, и многое в окружающей его жизни, например, грубоватые развлечения и шутки окрестных помещиков, которые часто навещали имение Татариновой, не веселили его, а скорее пугали и казались обидными. Кроме того, он не мог не слышать постоянные пересуды двора о том, что его взяли в дом лишь из милости, что он не такой, как другие дети, гостившие в поместье, и ни на что не имеет права. Но если при жизни Татариновой об этом лишь шептались, то после её смерти стали говорить в открытую, и перемена отношения к нему окружающих глубоко травмировала пятилетнего мальчика. Если бы не «бабушка», которая забрала его к себе, ещё неизвестно, как сложилась бы его дальнейшая судьба.

До конца жизни Богданов не прекращал поиски своей матери, но так и не выяснил правду о своём происхождении. Этот вопрос до сих пор остаётся открытым. По одной из версий, его матерью была монахиня по имени Мелания, а отцом — бывший регент села Богородицкое. Пару раз — и когда он ещё жил в имении княгини, и позже в Москве — к нему приходили монахини, представлявшие его матерью, но скорее всего это были обычные мошенницы [АРАН. Ф.446. Оп.1а. Д.86. Л.2,2об.]. Да и княгиня неоднократно уверяла его, что вся история с Меланией — выдумки двора, а на самом деле его родные «с хорошей кровью» [там же. Л.3]. Д.Н. Анучин в своих «Воспоминаниях» выдвигает

другую версию и утверждает, что Богданов был «побочным сыном воронежского архиерея⁸ и Е.С. Татариновой⁹» (Анучин, 1950б, с. 252). Б.Е. Райков, подробно исследовавший вопрос о происхождении Богданова, частично согласен с версией Анучина, но при этом довольно убедительно показывает, что его матерью была не Татаринова, а кн. Кейкуатова (Райков, 1959).

«И наболело же это мое бесправие подкидыша в течение всей моей жизни, почти до тридцатилетнего возраста, да даже и после» — писал Богданов в «Автобиографии» [АРАН. Ф.446. Оп.1а. Д.86. Л.10об.]. «Бесправие подкидыша» усугублялось ещё и тем фактом, что официально он не был человеком «благородного» происхождения. По документам он числился государственным крестьянином, т. е. принадлежал к податному сословию, и вплоть до 1855 г., когда по окончании университета со степенью кандидата получил право на чин X класса, обязан был платить подушную подать. Остро осознавая шаткость и неопределённость своего положения, он с детства пытался доказать окружающим, что он ничем не хуже их, а будучи человеком незаурядным и, по его собственному признанию, самолюбивым [АРАН. Ф.446. Оп.1а. Д.97. Л.1], рано начал задумываться о своём будущем. Сначала под влиянием княгини, женщины набожной, которая часто брала Богданова в свои поездки по окрестным монастырям, он мечтал о церковной карьере, но вскоре пришёл к убеждению, что в его ситуации добиться положения в обществе можно, только занявшись наукой.

И в гимназии, и в университете он был одним из первых учеников и порой своим усердием даже вызывал неудовольствие товарищей: это видно из копии дневника А.П. Богданова за годы обучения в последних классах гимназии и на 1-м курсе университета [АРАН. Ф.446. Оп.1а. Д.92. Л.7]. Несмотря на академические успехи, Богданова не оставляло чувство неловкости и стыда за своё происхождение, боязни, что из-за этого люди будут косо на него смотреть и «пожалуй, ещё без церемонии откажут по пословице: “не садись не в свои сани”» [там же. Л.21]. В этом смысле показательна история, произошедшая с Богдановым на втором году его учебы в университете, которую он описал в своём дневнике (Райков, 1959). Суть её состояла в следующем. Студент С.А. Рачинский¹⁰, с которым Богданов близко сошёлся в университете, пригласил его в гости в дом своих родителей.

Богданов целый месяц не мог ни отказаться от этого приглашения, так как это разрушило бы их дружбу, ни принять его, т. к. боялся, что его «станут расспрашивать о домашних обстоятельствах» [АРАН. Ф.446. Оп.1а. Д.92. Л.21] и постыдная правда выйдет наружу. В конце концов он всё же решился рассказать Рачинскому правду о себе, и всё закончилось благополучно. Богданов с облегчением записал в дневнике: «Сегодня был у меня Рачинский, я ему рассказал, наконец, то, что лежало у меня на душе; теперь можно к нему поехать» [там же. Л.22].

И хотя история эта закончилась благополучно, страхи Богданова были не так уж беспочвенны, если вспомнить, что его детство и юность пришлись на дореформенный период, когда социальное расслоение русского общества было резко выражено.

В 1855 г. Богданов окончил университет со степенью кандидата, а через год сдал магистерские экзамены и в 1857 г. отправился за границу «для усовершенствования в зоологии и окончания диссертации» (Юровская, 2004, с. 14). Официально он был командирован университетом, но средства на эту поездку дала ему кн. Кейкуатова. Богданов посетил различные европейские естественнонаучные музеи, в том числе знаменитый Хрустальный дворец в Сиденгаме близ Лондона, и семь месяцев провёл в Париже. Здесь он слушал лекции И. Жоффруа де Сент-Илера, К. Бернара, О. Дюмерилия, Л. Бланшара и др., прошёл частный курс практической микроскопии у Ш.Ф. Робена, изучал экспозиции парижских естественнонаучных музеев и работал над своей диссертацией «Цветность пера птиц» (Богданов, 1858), тема которой была выбрана по предложению Рулье. Кроме того, по заданию своего учителя он ознакомился с работой парижского Зоологического общества акклиматизации и наладил с ним тесные контакты.

В феврале 1858 г. Богданов вернулся в Москву¹¹ и занялся устройством университетских и личных дел. Вскоре по приезде он представил в университет свою магистерскую диссертацию. 10 апреля 1858 г.¹² она была принята к публичной защите, а накануне ночью скоропостижно скончался Рулье. К счастью Богданова, он успел за несколько дней до смерти одобрить его работу и написать положительный отзыв. Тем не менее защита, состоявшаяся 24 мая того же года, не обошлась без скандала. Эта история, а также последовавшее за ней назначение Бог-

данова на кафедру зоологии, уже не раз были описаны в литературе (Райков, 1959; Кривошеина, 2004а; Юровская, 2004), поэтому я лишь вкратце коснусь этих событий.

На защите мнения официальных оппонентов разделились: Я.Н. Калиновский¹³ положительно оценил диссертацию, а отзыв Н.А. Варнека¹⁴ был просто разгромным. Отрицательное мнение о работе высказали также А.Г. Фишер фон Вальдгейм¹⁵ и Н.П. Вагнер¹⁶. Качество диссертации такой суровой критики явно не заслуживало, так что причины были скорее личные — неприязнь к самому Богданову и к его учителю: Варнек был давним и непримиримым оппонентом Рулье. Диссертации грозил провал, но ситуацию спас председательствовавший на заседании декан физико-математического факультета М.Ф. Спасский¹⁷, который покровительствовал Богданову и сделал всё, чтобы факультет принял положительное решение и присвоил Богданову искомую степень магистра зоологии. Он же способствовал тому, чтобы именно Богданов получил кафедру Рулье, хотя на это место были и другие претенденты, в том числе ещё один ученик Рулье Н.А. Северцов¹⁸, а также Н.Н. Страхов¹⁹ и выступивший против диссертации Богданова Вагнер. Действуя через попечителя университета, Спасский смог обойти принятую процедуру и сделать так, что Богданов был утверждён исполняющим обязанности адъюнкта кафедры зоологии; ему было поручено читать лекции по зоологии ещё до рассмотрения заявлений остальных претендентов.

Надо сказать, что Богданов смолоду умел находить себе влиятельных покровителей. На третьем курсе, ещё не прослушав ни одной лекции по геологии (её читали на четвертом), он написал сочинение на предложенную профессором геологии Г.Е. Щуровским²⁰ тему и был награждён за эту работу серебряной медалью. «Этим, — пишет Райков, — Богданов совершенно завоевал благоволение старого профессора, который с тех пор сделался его постоянным покровителем» (Райков, 1959, с. 221). И, добавим, активно поддерживал многие из начинаний Богданова, в том числе создание Общества любителей естествознания. Аналогичная история произошла и с Рулье. Благодаря своей энергии и деловитости Богданов, самый младший из учеников Рулье, стал незаменимым помощником для своего учителя и «как бы заслонил других членов студенческого кружка Рулье» (Райков, 1959, с. 222): ещё перед отъездом Богданова в

Париж в 1857 г. тот пообещал ему, что сделает его адъюнктом кафедры зоологии. Так что по существу Спасский, добиваясь назначения Богданова, выполнял волю Рулье.

Эта история добавила Богданову новых недоброжелателей и окончательно испортила его отношения с другими учениками Рулье, в том числе с Я.А. Борзёновым²¹, с которым в студенческие годы он был очень дружен. Именно к этому времени относится замечание Богданова, что «у многих из своих товарищей он находил к себе злобу, доходившую до мании. Бранить и делать демонстрацию против Богданова считалось тогда у многих выражением отстаивания истинной науки от врывания непризнанных деятелей» [АРАН. Ф.446. Оп.1а. Д.86. Л.19]. Его даже собирались освистать на его первой лекции, назначенной на 4 октября 1858 г. Однако, как пишет Райков, «Богданов собрал всё своё мужество и выступил с сильным и убедительным словом, где показал, в чём будет состоять тот курс общей зоологии, который он собирается читать в университете. Эта прекрасная лекция, богатая содержанием, проникнутая горячей любовью к науке, искусно построенная и блестяще произнесённая, сломала лёд и вызвала громкие рукоплескания. Успех был большой, несмотря на зловещие предсказания» (Райков, 1959, с. 249).

Дальше университетская карьера Богданова шла по накатанному пути. В 1863 г. он был избран исправляющим должность экстраординарного профессора и назначен директором Зоологического музея, в 1867 г. ему было присвоено звание доктора зоологии без защиты диссертации за работу «Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии» (Богданов, 1867), в том же году он стал ординарным, а в 1883 г. — заслуженным профессором университета. В 1890 г. его избрали членом-корреспондентом С.-Петербургской академии наук.

КОМИТЕТ АККЛИМАТИЗАЦИИ И ПЕРВЫЕ ВЫСТАВКИ

Богданов не ограничивал свою деятельность только преподавательской работой. Он много писал и переводил, рассматривая в качестве своей главной задачи распространение среди самых широких слоёв населения страны естественнонаучных знаний, в первую очередь прикладных. В 1856 г. по просьбе Рулье он подготовил статью о значении акклиматизации для науки и сельского хозяйства (Богданов, 1856) и

выступил на заседании Московского общества сельского хозяйства (МОСХ) с докладом на эту тему. В нём он, в частности, предложил создать при Обществе комитет или отделение акклиматизации животных и растений по образцу уже упоминавшегося Зоологического общества акклиматизации, организованного двумя годами ранее в Париже И. Жоффруа де Сент-Илером. Из-за этого выступления Богданова зачастую называют инициатором создания Комитета акклиматизации животных и растений, хотя в данном случае он всего лишь озвучил идеи Рулье, который подготовил проект устава нового комитета и на первом заседании (январь 1857 г.) был избран его директором, а также главой отдела акклиматизации животных (главой второго отдела — акклиматизации растений — стал Н.И. Анненков²²). Богданов занял пост секретаря комитета и (совместно с С.А. Усовым²³) заместителя Рулье по отделу акклиматизации животных.

Работа в Комитете акклиматизации раскрыла организационный талант Богданова. Именно ему принадлежала мысль основать в Москве зоологический сад, а поскольку для оборудования сада и покупки животных требовались весьма значительные средства, он же предложил собрать их, устроив акклиматизационную выставку.

Как уже упоминалось выше, в 1857 г. во время своей первой заграничной поездки Богданов посетил Хрустальный дворец в Сидхеме — культурно-развлекательный центр, обязанный своим появлением Большой выставке 1851 г. в Лондоне²⁴. Он в полной мере проникся духом только ещё набиравшей силу в Европе «эпохи выставок» и, будучи человеком практического склада, осознал важность выставок как средства распространения научных и технических знаний и источника средств для создания новых научно-просветительских учреждений. Сомнение вызывал лишь вопрос, найдёт ли идея научно-просветительских выставок понимание и поддержку в России, где публичные естественнонаучные музеи и библиотеки практически отсутствовали²⁵, а среди образованной публики бытовало мнение, что русский народ не способен к восприятию научных идей.

Возвращаясь в Москву из своей первой заграничной поездки, он, по-видимому, размышлял о том, как убедить членов Комитета акклиматизации в необходимости проведения таких выставок. В фонде Богданова в Архиве РАН хранится любопытный документ, озагла-

ленный «Оружие А.П.Б. против врагов» [АРАН. Ф.446. Оп.1. Д.130. Л.6,6об.,7]. Как это следует из пометок Богданова, он был написан в Варшаве 11 февраля 1858 г. В нём по пунктам перечислены все академические достижения Богданова за 1857 г.: прослушанные лекции ведущих французских зоологов и микроскопистов; фрагменты отзывов о работе Богданова И. Жоффруа де Сент-Илера и Ф.Э. Герен-Меневилля²⁶, представленная в Академию наук работа о цветности пера птиц и др. Документ подшит вместе с материалами, относящимися к защите магистерской диссертации (отзывом Рулье, текстом выступления самого Богданова и т. д.), поэтому может показаться, что он также имеет отношение к защите диссертации и что Богданов заранее предчувствовал неприятности и готовился к борьбе с оппонентами. Однако пункт 4 документа заставляет усомниться в этом. В нём без всяких объяснений перечисляются награды членам МОСХ и Комитета акклиматизации: «Маслову — почётного члена, Анненкову — чрезвычайную золотую медаль...» [АРАН. Ф.446. Оп.1. Д.130. Л. 7], так что скорее перед нами — план, как доказать членам Комитета свою компетентность в вопросах акклиматизации и убедить их принять участие в организации выставки.

Несмотря на опасения Богданова, особых проблем с реализацией его плана не возникло, так как он начал с малого — с устройства в 1858 г. небольшой выставки в помещении Московской земледельческой школы при МОСХ (Райков, 1959; Юровская, 2004). На ней было представлено всего 285 экспонатов, в том числе куры, вывезенные им из заграничной поездки. Не забыл он отдать дань памяти своему недавно скончавшемуся учителю — на выставке был установлен украшенный цветами бюст Рулье. Большое внимание Богданов уделил оформлению экспозиции. Хотя на этой выставке оно было по необходимости скромным, впоследствии броские и привлекательные элементы декора — восковые манекены, стеклянные горы, фигуры ископаемых животных и пр. — стали характерным признаком его выставок, игравшим немаловажную роль в привлечении посетителей. В этом Богданов следовал примеру экспозиции Хрустального дворца, который во многом определил эстетику его выставок.

Первый выставочный опыт оказался успешным. Выставка понравилась московской публике, так как такие события были для нее в

новинку. Это укрепило Богданова в его планах устроить более масштабную выставку, которая позволила бы собрать средства для будущего зоологического сада. 10 апреля 1859 г. он вступил в брак с Еленой Васильевной Полеваевой, дочерью воронежского помещика и своей давней знакомой, а летом того же года отправился вместе с женой за границу, где собирался осмотреть естественнонаучные музеи и зоологические сады. Позже, вспоминая свои впечатления от этой поездки, он записал: «Осмотр Лондона и особенно Британского музея и Хрустального дворца вызвал у меня чувство стыда за ту жалкую роль, которую мы тогда (в 1859 г.) играли с своими научными пособиями,²⁷ и бросило меня на несколько лет в работу о пополнении хотя самого главного путём выставок» [АРАН. Ф.446. Оп.1а. Д.97. Л.2].

Вторая Акклиматизационная выставка проходила с 10 по 20 апреля 1863 г. в здании Манежа. На ней были представлены различные породы домашних животных и птиц, некоторые экспонаты будущего зоологического сада, а также аквариумы, террариумы, небольшой ботанический отдел и специальные стенды, посвящённые шелководству и пиявководству. Выставка, пользовавшаяся большим успехом у публики, привлекла внимание прессы и, что более важно, вызвала поток пожертвований. Собранных в результате средств было вполне достаточно для создания зоосада.

Всем было понятно, что успех выставки — целиком заслуга Богданова, однако в ходе её подготовки выявились серьёзные проблемы в его взаимоотношениях с руководством Комитета акклиматизации. Пока был жив Рулье, Богданов, выступая от его имени, обладал определённой свободой действий. После смерти Рулье излишняя самостоятельность Богданова стала вызывать открытое недовольство и противодействие. Ему становилось всё труднее находить общий язык с некоторыми членами комитета, которые обвиняли его в том, что он не считается с их мнением (Райков, 1959). После второй выставки эти «различные неприятные отношения, дурно действовавшие на здоровье Богданова» [АРАН. Ф.446. Оп.1а. Д.86. Л.19], заставили его отойти от деятельности комитета, но окончательный разрыв с Комитетом (тогда уже — Обществом) акклиматизации произошёл в январе 1864 г., когда при выборах директора будущего сада Комитет предпочёл ему кандидатуру С.А. Усова.

Эта история имела два важных последствия. Во-первых, отношения Богданова с Усовым окончательно испортились (Зограф, 1899; Анучин, 1950в). Их ссора, ставшая в университете притчей во языцех (подробнее о ней см.: Райков, 1959; Кривошеина, 2004а), не только осложнила жизнь им обоим, но и стала основой для идеологизированного мифа, противопоставляющего прогрессивного, преданного идеалам науки Усова тщеславному карьеристу Богданову. Во-вторых, Богданов всерьёз задумался об основании собственного общества. Позже, размышляя об этом, он писал: «Нет худа без добра... Не воюй со мною Усов и не унижай меня по Комитету акклиматизации и зоологическому саду, я бы посвятил себя последнему и не напал на мысль организовать Общество любителей естествознания» [АРАН. Ф.446. Оп.1а. Д.97. Л.4]. Общество стало любимым детищем Богданова и принесло ему известность не только в России, но и за её пределами.

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

В начале 1863 г. Богданов был назначен директором Зоологического музея Московского университета. Коллекции, которые он получил под своё начало, были не в лучшем состоянии и из-за политики предыдущего руководства больше напоминали собрание диких XVIII в., чем материал, необходимый для полноценных научных исследований. К тому же часть экземпляров была повреждена из-за неправильного хранения. Дело в том, что в 1862 г., когда в доме Пашкова был открыт Публичный музей, официально именовавшийся «Московский публичный музей и Румянцевский музей» (подробнее об истории его создания см.: Георгиевский и др., 1913; Кривошеина, 1997), в него передали все естественнонаучные собрания Московского университета. Богданов как куратор зоологической части собрания с самого начала возражал против этой передачи, так как в новом музее не было создано подходящих условий для хранения коллекций, однако ему потребовался почти год, чтобы вернуть их обратно в университет (Россолимо, 1991; Любарский, 2009).

По глубокому убеждению Богданова, Зоологический музей в том виде, в котором он существовал в то время, не отвечал ни уровню развития зоологии, ни потребностям зоологических исследований, ни задачам обучения студентов. Последнее надо подчеркнуть особо, так как Богданов одним из первых осознал, что «пре-

обладавшее до того лекционное теоретическое направление в университетском преподавании стало сменяться практическим» [АРАН. Ф.446. Оп.1а. Д.59. Л.15]. Он впервые в истории преподавания зоологии в России включил практические занятия с музейными коллекциями в качестве обязательной части своего курса. Райков, подробно изучивший этот вопрос, пишет: «Богданов ставил вопрос очень решительно, пожалуй более решительно, чем кто-либо из его сверстников-биологов. Если добавить, что в большинстве университетов того времени, даже в столичном — петербургском — зоологический практикум не был обязательной частью курса, то заслуга Богданова, возбудившего этот вопрос и энергично боровшегося за правильное его решение, совершенно очевидна» (Райков, 1959, с. 313). И действительно, многие из коллег Богданова ещё долго не считали практические занятия обязательными и придерживались традиционного метода чтения лекций «с демонстрациями». Так, по воспоминаниям Анучина, вечный соперник Богданова С.А. Усов (с 1868 г., когда единая кафедра зоологии была разделена на две, он читал курс зоологии позвоночных, тогда как за Богдановым остался курс зоологии беспозвоночных) «...никогда даже не появлялся в Зоологическом музее и не пользовался никакими его коллекциями на своих лекциях, иллюстрировавшихся исключительно рисунками (таблицами в книгах)» (Анучин, 1950в, с. 226).

Как бы то ни было, коллекции Зоологического музея надо было пополнять и модернизировать, а при отсутствии средств Богданов в одиночку, или даже при участии всех своих учеников, вряд мог с этим справиться. Нужно было привлечь к этому процессу значительно более широкий круг людей. Наиболее разумным казалось либо создать собственное научное общество, что требовало значительных усилий, либо (это было проще) обратиться за помощью к уже существующим естественнонаучным обществам. В Москве таких обществ в то время было два: Московское общество испытателей природы (МОИП), старейшее естественнонаучное общество России, основанное в 1805 г. (Богданов, как и большинство московских натуралистов, состоял его членом), и МОСХ с его Комитетом акклиматизации животных и растений, в деятельности которого Богданов принимал самое активное участие. Последний вариант, на котором, по словам Богданова «до того сосредоточены были все надежды нашего

кружка»²⁸ [АРАН. Ф.446. Оп.1а. Д.59. Л.15] отпал практически сразу из-за выхода Богданова из Комитета акклиматизации и его ссоры с Усовым, после которой «он условился [с Усовым. — ГК], что устраняется от всякого участия в Обществе акклиматизации, взамен чего Усов обязуется не вмешиваться в дела и жизнь Зоологического музея» (Анучин, 1950в, с. 226).

Переговоры с руководством МОИП о создании при обществе относительно самостоятельной структуры по типу Комитета акклиматизации МОСХ также оказались неудачными (Кривошеина, 2013). Впрочем, они с самого начала были обречены на провал как минимум по двум причинам, и Богданов это отлично сознавал. Во-первых, будучи учеником и преемником Рулье, он обратился со своим предложением к И.Б. Ауэрбаху²⁹, учёному секретарю МОИП, который был давним противником Рулье и в своё время инициировал скандальную кампанию против него (подробнее об этом см.: Райков, 1955). Во-вторых, задуманная Богдановым структура основывалась на принципах, неприемлемых для ревнителей духа строгого академизма, которым так гордилось МОИП. При этом Богданов вполне обоснованно опасался, что университетское руководство не захочет создавать ещё одно естественнонаучное общество при университете, а вне университета новое общество «могло усвоить себе весьма скоро цели вовсе не университетские, а последние, — по признанию Богданова, — лежали всего ближе у нас на душе» [АРАН. Ф.446. Оп.1а. Д.59. Л.17].

Ауэрбах, как вспоминал Богданов, «отнёсся весьма холодно к проекту как избыточной затее и, по-видимому, опасался внесения в Общество испытателей природы любителями естествознания духа и стремлений, могших дисгармонизировать с строго специальным характером старейшего естественно-исторического общества» [там же]. Богданов, похоже, несколько не был обескуражен этим отказом — любое решение МОИП было ему выгодно. Если МОИП принимает его предложение, он получает покровительство одного из самых уважаемых российских научных обществ; если нет — наглядно демонстрирует университетским властям нежелание руководства МОИП идти на разумный компромисс даже в таком важном для университета деле, как поддержание его Зоологического музея, и приступает к организации собственного общества.

Задача эта была не из простых, и, вероятно, только Богданов с его энергией, целеустремлённостью и преданностью науке мог справиться с ней. Дело осложнялось ещё и тем, что согласно уставу МОИП должность его президента занимал попечитель Московского учебного округа, от решения которого во многом зависело, будет ли устав нового общества направлен на окончательное утверждение в Министерство народного просвещения. Вспоминая то время, Богданов писал: «Основание Общества любителей естествознания было делом нелёгким, так как, не говоря уже о недоверии, встреченном к новому кружку в специалистах, даже в официальных сферах относились к нему неблагоприятно и предлагали не утверждать общества, указывая на то, что появление нового общества не соответствует наличным учёным силам и внесёт только рознь и недоразумения в московские учёные общества» [АРАН. Ф.446. Оп.1а. Д.86. Л.20].

Чем же новое общество так не нравилось руководству МОИП, что оно даже переименовало его название в «Общество губителей естествознания» (Райков, 1959, с. 323)? Ответ, лежащий на поверхности, — банальная боязнь конкуренции и нежелание видеть проблемы, возникшие внутри самого МОИП. С середины XIX в. его деятельность и так переживала заметный спад, а новое общество могло отвлечь научные силы и внимание меценатов. Некоторые историки МОИП, особенно современные (например: Мирзоян, 2005), а также отдельные представители нынешнего руководства этого общества обходят молчанием это обстоятельство и даже, искажая факты, пытаются приукрасить достижения общества в этот период³⁰. Однако В.А. Варсанофьева в своей работе, выпущенной к 150-летию МОИП, заметила, что «во второй половине XIX века МОИП уже не организует больших экспедиций на свои средства. С одной стороны, экспедиция С.Г. Карелина сильно подорвала финансовое положение общества, с другой стороны, к этому времени возникает несколько новых добровольных научных обществ, материально более обеспеченных, как Русское географическое общество (учреждённое в 1845 г.) и Московское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (1863 г.)» (Варсанофьева, 1955, с. 50).³¹

Но были причины и более глубокие. Богданов создавал общество нового для России типа, не укладывающееся в рамки традиций немец-

ких академий, которые были взяты за образец естественнонаучными обществами первой половины XIX в. Действительными членами ОЛЕ, согласно §5 его устава, могли быть «все, изъявившие желание содействовать целям общества и участвовать в его трудах» (Зенгер, 1866, с. 1) — и это открывало для широких слоёв населения возможность приобщиться к научным исследованиям, тем более, что одной из заявленных в уставе целей общества было «распространение естествознания в массе публики». Понятно, что «традиционалисты», сторонники элитарной и кастовой науки, допускавшие в свои профессиональные объединения только высокопоставленных меценатов и избранных состоятельных любителей, видели в этом покушение на авторитет науки и желание погубить её. Интересно, что и «прогрессисты», сторонники либеральных реформ, некоторая доля коих присутствовала среди членов МОИП, тоже резко критиковали новое общество за профанацию науки и за то, что оно допускает в свои ряды не только либералов, но и признанных консерваторов. Заметим, кстати, что многие либеральные просветительские проекты Богданова, будь то проведение научных выставок и основание в Москве публичных музеев или организация одной из первых в Европе университетских кафедр антропологии с учебным музеем при ней, подвергались резкой критике и насмешкам со стороны либерально настроенной интеллигенции. Этот парадокс пореформенной российской действительности подметил историк Дж. Брэдли, который связал его с особенностями становления гражданского общества в России (Брэдли, 2012).

Тем не менее, проект нового общества поддерживали бывший и действующий деканы физико-математического факультета Г.Е. Щуровский и А.Ю. Давидов³² и ректор университета С.И. Баршев³³, а также влиятельные московские предприниматели, в частности директор правления Кренгольмской мануфактуры и известный коллекционер В.И. Солдатенков. 14 марта 1864 г. устав ОЛЕ был утверждён Советом министра народного просвещения, а 14 мая того же года состоялось первое заседание Общества³⁴. На нём присутствовал попечитель Московского учебного округа Д.С. Левшин³⁵, который, по словам Богданова, «сначала даже противодействовал основанию в Москве нового естественно-исторического общества, но потом, убедившись, что возражения, представленные

ему против основания, вытекали из недоразумений, весьма сочувственно всегда относившегося к предприятиям и просьбам общества» [АРАН. Ф.446. Оп.1а. Д.59. Л.18]. На этом же заседании президентом общества был избран Щуровский, вице-президентом — Давидов. Богданов, не желая повторения тех проблем, которые у него возникли в Комитете акклиматизации после смерти Рулье, с самого начала отказался от руководящих постов, оставив за собой лишь должность постоянного члена Совета общества³⁶.

Этот отказ, вызванный практическими, деловыми соображениями, не означал, что он уклоняется от руководства обществом или хочет снять с себя ответственность за результаты его деятельности. Для публики общество всё равно оставалось «Богдановским», и ни одно его решение не принималось без согласия Богданова, даже когда тот находился за границей (подробнее об этом см.: Кривошеина, 2012), а в некоторых случаях Богданов брал лично на себя и финансовые обязательства общества.

Поначалу масштабы деятельности ОЛЕ были довольно скромными и, в полном согласии с его уставом, не выходили за региональные рамки: фаунистические исследования Московской и соседних губерний, составление учебных коллекций растений, насекомых, минералов и организация экскурсий, в первую очередь геологических, для любителей естественных наук. Но уже на третьем заседании Общества 14 октября 1864 г., по предложению Богданова, было решено создать при нём антропологический отдел, а на шестом заседании 9 декабря того же года — устроить в Москве Антропологическую выставку для популяризации антропологических знаний (Зенгер, 1866, стб. 44–45, 92). Это были первые шаги на пути расширения как тематики, так и географии деятельности ОЛЕ.

Первую выставку (Этнографическую) Общество провело в 1867 г., причём в её подготовку были вовлечены многие регионы России. В том же году, ещё в процессе подготовки выставки, ОЛЕ было удостоено почётного титула «Императорское», а по завершении выставки изменило своё название на «Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии» (ОЛЕАЭ). За Этнографической последовали Политехническая (1872 г.), Антропологическая (1879 г.) и ещё четыре небольшие выставки: Географическая и Археологическая (обе они размещались в Историческом музее), Зоологическая (в здании Московского университета)

и Акклиматизационная ботаническая (в Зоологическом саду), приуроченные к проходившим в 1892 г. в Москве двум международным конгрессам — по доисторической археологии и антропологии и по зоологии (Кривошеина, 2008). Экспедиционная деятельность общества также расширялась: назовём только Туркестанскую экспедицию А.П. Федченко (1868–1871 гг.), экспедиции на Русский Север, программу по изучению фауны русских морей (Богданов, 1888). Помимо упоминавшегося выше антропологического отдела при Обществе были созданы постоянная энтомологическая комиссия (1866 г.), этнографический отдел и отделение физических наук (1867 г.). Позже были организованы зоологическое (1881 г.), ботаническое (1883 г.), химическое (1884 г.), географическое (1890 г.), физиологическое (1896 г.), бактериологическое (1900 г.) и геологическое (1911 г.) отделения. Кроме того, при обществе работали различные комиссии, в том числе организованная Н.Е. Жуковским при физическом отделении комиссия воздухоплавания (иногда её называли Обществом воздухоплавания), музыкально-этнографическая комиссия при этнографическом отделе и др.

По словам Анучина, Богданов «фактически стоял во главе Общества, руководил его деятельностью и распоряжался большей частью его средств. Такой образ действий некоторым членам О-ва не нравился, но он, несомненно, имел в те времена достаточные основания. Общество было созданием А.П. Богданова, который, особенно в первые годы, естественно мог иметь не только право, но даже обязанность, направлять деятельность Общества по тем путям, в которых он видел главные его задачи» (Богданов, 1915, с. 19). Даже после 1889 г., когда «антибогдановцы», недовольные стилем руководства и авторитаризмом Богданова, заняли руководящие посты в ОЛЕАЭ (в 1889 президентом ненадолго был избран В.Ф. Миллер³⁷, затем в 1890 г. его сменил Д.Н. Анучин), они не рисковали открыто выступать против Богданова.

В этой ситуации понятно, что его смерть существенно сказалась на деятельности Общества. На юбилейном заседании, посвящённом 50-летию ОЛЕАЭ (1913 г.), Анучин по этому поводу заметил: «Смерть А.П. Богданова должна была естественно изменить... положение вещей. Никто из членов О-ва не обладал в его среде таким же авторитетом, не мог заступать вполне его место, и дальнейшая деятельность

Общества стала развиваться коллективными усилиями всех его членов. На первый план выдвинулась внутренняя работа Отделов и Отделений, объединяемая в лице совета Общества» (Богданов, 1915, с. 19).

Этот расплывчатый пассаж означал следующее. Во-первых, Общество больше не устраивало масштабных мероприятий (выставок, экспедиций), которые в прошлом принесли ему широкую известность, так как никто из руководителей общества не обладал необходимыми организационными способностями. Во-вторых, центральное руководство сохраняло лишь функцию координации, тогда как вся научная деятельность Общества переместилась в отделы и отделения, которые по существу становились самостоятельными научными обществами, зачастую имевшими собственные источники финансирования и собственные печатные органы: этнографический отдел издавал «Этнографическое обозрение» (1889 г.), географическое отделение — журнал «Землеведение» (1894 г.), антропологический отдел — «Русский антропологический журнал» (1900 г.), физиологическое отделение — журнал «Physiologiste Russe» (1898 г.), зоологическое — «Биологический журнал» (1910 г.). Последнее противоречило изначальной установке Богданова, что сплочённое общество требует единого печатного издания, и настаивавшего на том, чтобы труды всех подразделений Общества выходили в качестве отдельных томов центрального органа ОЛЕАЭ — «Известий Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете». Однако новые времена требовали новых форм организации науки, и специализированные научные журналы были одной из таких институциональных форм. По существу, к концу XIX в. ОЛЕАЭ развилось в крупный мультидисциплинарный научный центр, «соединяющий в себе служение не только различным отделам теоретического и прикладного естествознания, но также географии, этнографии, народной словесности, медицине, педагогике» (Записка..., 1913, с. 7).

Во время Первой мировой войны отделения ОЛЕАЭ не прекратили своей деятельности и успешно участвовали в решении ряда проблем военной промышленности и армии. Например, химическое отделение ОЛЕАЭ занималось организацией производства медикаментов и изготовлением различных препаратов и химически

чистых реактивов (Козлов, 1958, с. 220–234). Общество пережило революции 1917 г., Гражданскую войну, разруху и успешно приспособилось к требованиям новой власти, сохранив и развив принципы организации, заложенные при его создании: широкое членство и отказ от научной элитарности и замкнутости, сочетание научных исследований с решением практических задач и распространением научных знаний, динамичность и открытость для новой проблематики, даже если она выходит за пределы изначально заявленного круга интересов общества. Однако когда в ноябре 1933 г. сектор науки Наркомпроса РСФСР для «наибольшего и наилучшего концентрирования научно-общественных и культурных сил с целью максимального использования этих сил для активного содействия социалистическому строительству» [Архив МОИП. 1933. Д.1244. Л.14] постановил в десятидневный срок объединить все естественнонаучные и близкие к ним по тематике общества (числом более 20) и слить их с МОИП, образовав Всероссийское общество испытателей природы, ОЛЕАЭ стало первой жертвой этого постановления. Формально Общество в том же году было слито с МОИП, а по существу ликвидировано, так как «слияние» свелось к передаче имущества, попыткам отобрать у Политехнического музея часть библиотеки, ранее принадлежавшей ОЛЕАЭ [Архив МОИП. 1933. Д.1243. Л.12–16. Д.1244. Л.22–25], и к поискам пишущих машинок, хрустальных пепельниц и прочих предметов, которые ОЛЕАЭ некогда передало своим членам во временное пользование. Традиции Общества по существу были уничтожены, а само общество надолго забыто.

За что современники критиковали Богданова?

«В Москве неприятели зовут меня человеком ловким и практическим, конечно в дурном смысле этих слов... Я борюсь изо всех сил со своими неприятелями (у меня их много)» — жаловался Богданов в письме от 4 апреля 1858 г. одному из родственников княгини Кейкуатовой (Райков, 1959, с. 234). Он немного преувеличивал, но обстановка в Московском университете действительно была напряжённой: противостояние различных группировок, конфликты на карьерной и политической почве и пр. Добавим к этому, что после назначения Богданова на кафедру зоологии его отношения с другими учениками Рудье заметно ухудшились, тем бо-

лее что на это же место подал документы Н.А. Северцов, который раньше Богданова защитил магистерскую диссертацию (это был его знаменитый труд «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии») и имел право хотя бы по старшинству претендовать на эту должность. Конфликт с Усовым по поводу зоологического сада ещё более усугубил ситуацию. Но Богданов даже конфликты мог использовать в качестве стимула для профессионального совершенствования. Позже он вспоминал: «Не злобствуй на меня так Борзёнков и не поноси он меня везде в Университете перед профессорами и студентами, я бы не стал заниматься позвоночными, полагая, что не следует конкурировать с товарищами» [АРАН. Ф.446. Оп.1ап. Д.97. Л.4]. Эти занятия послужили первоначальным толчком и подготовили его последующее увлечение антропологией.

Всё это совсем не означает, что Богданов был окружён одними врагами. Он создал свою зоологическую школу на физико-математическом и медицинском факультетах Московского университета, из которой вышли такие известные зоологи, как В.А. Вагнер (1849–1934), Н.Ю. Зограф (1851–1919), А.А. Коротнев (1854–1915), Н.М. Кулагин (1860–1940), Н.В. Насонов (1855–1939), А.А. Тихомиров (1850–1931), В.М. Шимкевич (1858–1923), зоолог и исследователь Средней Азии А.П. Федченко (1844–1873), зоолог, географ, путешественник В.Ф. Ошанин (1845–1917) и многие другие. Ученики Богданова работали по всей России. В письме от 27 февраля 1889 г. А.О. Ковалевский писал Богданову: «Никто в России не имел столько учеников по своей специальности, как Вы, Анатолий Петрович... Мечников и я, мы всегда удивлялись Вашей энергической и плодотворной деятельности.... Но зато теперь в Киеве, Москве, Варшаве и Петербурге... профессорами состоят Ваши ученики...» [АРАН. Ф.446. Оп.5. Д.17. Л.34об.].

Но не только ученики помогали Богданову в его деятельности и поддерживали его. Райков, ссылаясь на неизданные записки О.А. Богдановой, описывает эпизод, произошедший за две недели до открытия Политехнической выставки, когда из-за отсутствия средств всё будущее мероприятие было поставлено под угрозу: «Звон — приехал Губонин³⁸: длиннополый купеческий кафтан, высокие сапоги, образная грубоватая народная речь: «По делу, по делу, дорогой Анатолий Петрович! Вы заняты, и я по горло.

Не задержу, сам спешу, на минуточку присяду. Ну, вот к чему я дело веду. Скажу вам, Анатолий Петрович, что я человек практический. По моему такому разумению выставка ваша — дело непрактичное... Ну, да вы сами знаете, как я ценю и уважаю ваше дело, труды ваши. Ох, уж и трудненько вам приходится! Вот, думаю, привезу я вам подарочек. Вот, берите!» Губонин вынул толстую пачку и положил на стол: «Вот стопочка, в ней 20 тысяч. В полное ваше распоряжение, дорогой». Губонин похлопал по плечу Анатолия Петровича: «Разорвать хотите — ну вот, я посижу, а вы её разорвите... Сжечь хотите, фантазия пришла, ну и сожгите, а я посмотрю... В полное ваше распоряжение. Засим прощайте, дело не терпит» (Райков, 1959, с. 343–344).

Для Богданова, никогда не забывавшего о своём «сиротстве», очень важны были хорошие личные отношения. Они и определили его близость с консервативной частью университетской профессуры. У них он пользовался авторитетом и доверием, хотя им и не нравилось, что он выступал за включение теории Дарвина в программу гимназического курса естествознания, излагал эту теорию в своих лекциях и популяризировал антропологию, основанную на эволюционных воззрениях. С либеральной же частью профессуры его отношения не сложились в первую очередь потому, что одним из их лидеров был Усов. Неприязнь была взаимной. Либералов раздражала его политическая инертность, нежелание реагировать на острые социально-политические и общественные проблемы, отрицательное отношение к политическому противостоянию в университете и студенческим бунтам: (об отношении Богданова к некоторым событиям в университете см. [АРАН. Ф.446. Оп.1а. Д.41г; Д.97. Л.1–4]). Богданов же по их поводу замечал: «между моими воззрениями и их *profession de foi* была большая разница: мне всегда казалось, что они либеральны только очень на словах и очень нетерпимы к чужим мнениям и чужой самостоятельности... Мне было несочувственно то, что они не только желали иметь власть, но им нравилось по мелочам давать её чувствовать, наслаждаться своею силою и пробовать её, за неимением серьёзного, на мелочах чужой университетской жизни» [АРАН. Ф.446. Оп.1а. Д.97. Л.4].

Эта вражда распространялась настолько далеко, что либералы в штыки принимали все проекты Богданова, либеральные по сво-

ей сути. Его проекты критиковали за ненаучность и популизм, а его «выставочный метод» считали безнравственным. Суть этого метода, доведённого Богдановым до совершенства, заключалась в следующем: при поддержке и непосредственном участии ОЛЕАЭ проводились выставки, целью которых была популяризация среди самых широких масс населения определённой области науки, а собранные на выставке средства (выручка за билеты, пожертвования и пр.) и экспонаты использовались для создания публичных музеев и других научно-просветительских учреждений, которые передавались в собственность города. По завершении выставки ОЛЕАЭ ходатайствовало о награждении активных экспонентов и жертвователей орденами и почётными званиями (и обычно эти ходатайства государство удовлетворяло). Последнее обстоятельство вызывало наиболее острую критику, в основе которой, как кажется, лежала скорее личная неприязнь к Богданову, чем соображения морального характера. Косвенным подтверждением этого может служить тот факт, что чуть позже никому в голову не пришло критиковать И.В. Цветаева за подобные же методы сбора средств для Музея изящных искусств.

Отзвуки этой критики дошли и до нашего времени, и связаны они с конфликтом, возникшим между Богдановым и его учеником В.А. Вагнером³⁹; эта история подробно описана Райковым (1959). Вкратце суть конфликта состояла в следующем. Вагнер, «будучи философствующим моралистом, стал критиковать некоторые мероприятия Богданова, считая их неправильными с принципиальной точки зрения» (Райков, 1959, с. 436). Несмотря на многочисленные попытки Богданова, он отказывался мирно решить этот спор, и дело кончилось полным разрывом, после чего, как рассказывает Райков со слов самого Вагнера, «двери всех учреждений в Москве, где Вагнер мог бы заниматься по предмету своей специальности, оказались для него закрытыми, и ему пришлось на время ограничиться преподаванием в средней школе, а свои опыты и наблюдения по сравнительной психологии животных ставить на дому, без лаборатории» (Райков, 1959, с. 436).

А.П. Чехов, живший по соседству с Вагнером и приятельствовавший с ним, решил помочь своему другу, заклеив его врага и гонителя. Вагнер передал ему циркулировавшую уже некоторое время по Москве брошюру К.А. Тимирязева «Пародия науки» (Тимирязев, 1891). В

ней автор выражал своё возмущение состоянием и оборудованием «фито-биологической станции», открытой незадолго до того в зоопарке для привлечения посетителей. Эта брошюра послужила основанием для фельетона «Фокусники» (Чехов, 1891), который стал как бы развитием и продолжением высказанных в ней идей. Оба произведения были направлены прямо против Богданова, но если Тимирязев ещё имел основания критиковать последнего, так как «фито-биологическая станция» была открыта для публики с его благословения, то сатира Чехова была направлена явно не по адресу. Начиная с конца 1870-х гг. Богданов прилагал огромные усилия, чтобы возродить зоопарк и захиревшее Русское общество акклиматизации, и стоило бы задаться другими вопросами — в частности, кто довёл Московский зоопарк до такого состояния и почему государственные и городские структуры отказываются его финансировать? Цель написания этого фельетона была какой угодно, но то был не поход за «чистоту науки», как до сих пор продолжают утверждать исследователи творчества Чехова. С этим согласен и Райков, который подробно исследовал историю написания фельетона и пришёл к выводу, что «эта литература имела мало общего с действительностью» (Райков, 1959, с. 441). Тем не менее, комментаторы творчества Чехова до сих пор продолжают изображать Богданова как «очень важную превосходительную особу», забравшую «в свои руки всё и вся, начиная от зоологии и кончая российской прессой», и тиражировать утверждения о «шарлатанстве» Богданова и о том, что «Тимирязев в “Пародии науки” и Чехов в “Фокусниках” выступили не просто по поводу частной научной ошибки, а против представителей антидарвинистского направления в русской биологии» (Чехов, 1979, с. 510).

Как в истории науки появляются «белые пятна»?

Как уже говорилось, Богданова после смерти быстро забыли, так же как некоторое время спустя и учрежденные им научные общества. В этом он повторил судьбу своего учителя Рулье. И хотя посмертная судьба этих двух учёных заметно различается, некоторые параллели всё же можно проследить. В отношении Рулье создаётся впечатление, что руководство МОИП, не благоволившее к нему и не разделявшее его научные взгляды, очевидно пыталось предать его имя забвению. Это было тем проще, что

Рулье не любил писать и «предпочитал, чтобы его слова записывали другие», а его «основное научное наследство [...] заключается в его публичных выступлениях — речах и лекциях» (Райков, 1955, с. 182). Кроме того, Общество сделало всё, чтобы отстранить учеников Рулье от издания популярного «Вестника естественных наук» и изменить характер этого журнала, обязанного своей известностью популяризаторскому таланту Рулье. В результате журнал потерял большинство подписчиков и в 1860 г. был закрыт.

Сходные процессы происходили в ОЛЕАЭ в отношении Богданова, причём начались они ещё до его смерти, когда в 1890 г. президентом общества был избран Д.Н. Анучин. Именно ему, как показывает анализ архивных и опубликованных материалов, принадлежит основная «заслуга» в том, что память о Богданове была так быстро стёрта.

Напомню, что в 1876 г. Богданов выбрал Анучина в качестве кандидата для подготовки к профессорскому званию по антропологии, чтобы впоследствии тот возглавил учреждённую на физико-математическом факультете Московского университета кафедру антропологии (подробнее об этом см.: Левин, 1960; Залкинд, 1974; Krivosheina, 2014). Как свидетельствует переписка Анучина с Богдановым [АРАН. Ф.446. Оп.2. Д.23], поначалу Анучин во всём полагался на Богданова, постоянно обращался к нему за советами и инструкциями и даже за материальной помощью. Но в 1880-х гг. их отношения постепенно начали портиться: Анучин хотел полной научной самостоятельности, но при этом отказывался заниматься организационными делами, которые эта самостоятельность предполагала. На этой почве у них неоднократно возникали конфликты, так что в 1890 г. Богданов отдал Анучину все бразды правления ОЛЕАЭ, оставив за собой лишь зоологическое отделение.

При жизни Богданова Анучин опасался в открытую соперничать с ним, но уже в некрологе, написанном на смерть Богданова, он не напрямую, а как бы между прочим проводит две мысли, впоследствии неоднократно повторявшиеся и имевшие определяющее значение в недооценке роли и места Богданова в отечественной науке. Подробно описав жизнь и деятельность Богданова, Анучин в конце вскользь замечает, что он не может судить, «было ли общее направление деятельности А.П. [Богданова].

— ГК] согласным со взглядами и стремлениями Рулье» (Анучин, 1950а, с. 245). Поскольку главным отличительным признаком школы Рулье был эволюционизм, то по существу он обвиняет Богданова в антидарвинизме (позже этот тезис повторил К.А. Тимирязев). Кроме того, Анучин утверждает, что Богданов не испытывал интереса к научным исследованиям и занимался в основном организационной деятельностью (Анучин, 1950а).

Понятно, почему это было так важно для Анучина. После смерти Богданова он претендовал на роль лидера российского антропологического сообщества, но по существу пользовался созданными Богдановым научными структурами и продолжал разработанную им же программу. Чтобы не жить в тени Богданова и его идей, надо было объявить его не учёным, а «всего лишь организатором» и к тому же антидарвинистом — на таком фоне научные достижения самого Анучина станут более очевидными и значительными. И он преуспел в этом настолько, что некоторые современные авторы, поддавшись на его риторику, утверждают, что антропология в России началась с Анучина, а решающая роль в этом процессе Богданова — всего лишь миф, созданный московскими антропологами (см. например: Могильнер, 2008).

Отношение новых руководителей ОЛЕАЭ к памяти Богданова достаточно ясно характеризует история, произошедшая в год 50-летнего юбилея общества. Они не пригласили ни жену, ни сыновей Богданова (все они были членами Общества и участвовали в его работе) на юбилейные торжества и пять дней спустя после торжественного заседания отправили жене Богданова благодарственную телеграмму. По поводу этой телеграммы Владимир, старший сын Богданова, возмущённо замечает в письме к члену Совета Общества И.А. Каблукову⁴⁰: «Общество благодарит маму за то, что мы жили совместно с папой во время его деятельности в обществе. Что это? Невежество, невежливость или оскорбительные намёки? Всё это очень страшно, удивительно страшно» [АРАН. Ф.474. Оп.3. Д.70. Л.18].

В советское время фельетон Чехова и памфлет Тимирязева вкупе с его же некрологом Эрнста Геккеля, где утверждалось, что Богданов пытался «поднять травлю на дарвинизм в России» (Тимирязев, 1939, с. 360), стали ключевыми для оценки всей деятельности Богда-

нова и его научного наследия. Поскольку для большинства советских идеологов и историков науки характеристики, данные Тимирязевым, были истиной в последней инстанции, даже Райкову, подробнее всех изучившему жизнь и деятельность Богданова, было трудно справиться с устоявшимися идеологическими шаблонами. И хотя, по его собственному утверждению, он «старался... беспристрастно воссоздать истинный облик Анатолия Петровича» (Райков, 1959, с. 453), любую похвалу в адрес своего героя он, зачастую противореча сам себе, пытается уравновесить пространством описанием отрицательных черт характера Богданова. Так, в одной части своего очерка он обвиняет его в зависти, умении притворяться, стремлении во что бы то ни стало обеспечить себе материальную независимость, а ниже пишет о его искренней преданности науке, исключительной честности и бескорыстии.

Заметный налёт недоброжелательности иллюстрирует, например, такой достаточно пространственный пассаж: «Распространенным и до известной степени справедливым было обвинение Богданова во властолюбии и даже деспотизме при соблюдении им внешней коллегиальности. Он усвоил тактику: уклоняться от всяких видных и почётных должностей и званий в создаваемых им многочисленных обществах, отделах, комитетах и т. д., выдвигая на эти роли подходящих людей с тем, чтобы самому, за их спиной, фактически направлять работу. Обыкновенно это были либо высокопоставленные титулованные лица, либо старые почтенные учёные вроде Щуровского, либо богатые жертвователи и благотворители без чинов, тщеславию которых это выдвижение льстило» (Райков, 1959, с. 435).

Если в этом отрывке «уклонение от почётных должностей и званий» заменить на «отсутствие тщеславия», а «самому, за их спиной, фактически направлять работу» на «ответственное отношение к делу, даже при том, что вся слава достанется другим», то весь текст приобретает совершенно иной смысл. Для Богданова дело было важнее, чем исполнение почётных публичных обязанностей, которые к тому же отнимали много времени. Поэтому при поверхностном знакомстве с официальными документами, связанными с деятельностью ОЛЕАЭ в целом или его комитетов и комиссий, роль Богданова не так очевидна, хотя в большинстве случаев именно он направлял их работу. И это вкупе с замалчиванием имени Богданова со стороны либераль-

ной интеллигенции также было причиной того, что его вклад в развитие русской науки до сих пор остаётся недооценённым. В равной мере недооценённой остаётся и деятельность двух научных обществ, с которыми была связана вся жизнь Богданова — Русского общества акклиматизации животных и растений и ОЛЕАЭ.

Исследования последних десятилетий выявили в истории российской науки множество «белых пятен» — незаслуженно забытых учёных, научных учреждений, обществ и пр. Обычно их наличие связывают с советским периодом, так как социальные и политические катаклизмы, пережитые Россией, сыграли немаловажную роль в их появлении. Однако история А.П. Богданова и основанных им научных обществ показывает, что появление таких «пятен» иногда может уходить корнями и в более отдалённое прошлое.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Анучин Дмитрий Николаевич (1843–1923) — антрополог, этнограф, географ; в 1890–1923 гг. президент ОЛЕАЭ.

2. Левинский Владимир Дмитриевич (1849–1917) — писатель, журналист, общественный деятель, действительный член ОЛЕАЭ (с 1874 г.), хранитель сельскохозяйственного отдела Политехнического музея; в 1884–1906 гг. — редактор-издатель журнала «Будильник». Автор статей и книг по сельскому хозяйству.

3. В первом издании было два тома (Кузнецов, 1948), во втором каждый том был разделён на две части (Кузнецов, 1961–1965).

4. Я не даю здесь ссылок, т. к. они займут слишком много места, но если просмотреть, например, выпуски «Русских ведомостей» за 1872 или 1879 гг., то практически в каждом номере можно найти материал о Богданове и его выставках.

5. Богданова Ольга Анатольевна (1868–?) — дочь А.П. Богданова, детская писательница; посвятила свою жизнь сохранению творческого наследия своего отца и разбору его обширного архива.

6. В настоящее время с её материалами можно ознакомиться на сайте архива www.agap.ru. Эта виртуальная выставка названа: «Что за бес сидит в вас и не даёт вам покоя?...».

7. Детей у А.П. Богданова было четверо: Владимир (1865–1931), выпускник физико-математического факультета Московского университета, более 10 лет преподававший в Первом московском реальном училище и затем принявший духовный сан; Ор (1867–1875); упоминавшаяся выше Ольга и Еллий (1872–1931), специалист в области зоотехнии, автор первой оригинальной русской сводки по менделизму (Гайсинович, 1988).

8. Архиепией Воронежский и Задонский Антоний (Смирницкий), известный в своё время духовный деятель, кстати, отличавшийся, как и сам Богданов, незаурядными организаторскими способностями.

9. Так в тексте Анучина. На самом деле Татаринову звали Екатерина Фёдоровна.

10. Рачинский Сергей Александрович (1833–1902) — учёный, педагог, публицист и общественный деятель, чл.-корр. С.-Петербургской Академии наук (1891); выполнил первый перевод на русский язык «Происхождения видов» Ч. Дарвина (СПб, 1864).

11. Согласно В.З. Юровской (2004). Райков писал, что Богданов вернулся в Москву поздней осенью 1857 г. Но, как мы увидим ниже, датировка Юровской кажется более точной.

12. Все даты приводятся по старому стилю.

13. Калиновский Яков Николаевич (1814–1874), профессор сельского хозяйства, один из организаторов Комитета акклиматизации.

14. Варнек Николай Александрович (1821–1897) — биолог, зоолог, эмбриолог, профессор медицинского факультета Московского университета, герой так называемой «Варнековской истории», в результате которой в 1860 подал прошение об отставке и покинул университет.

15. Фишер фон Вальдгейм Александр Григорьевич (1803–1884) — ботаник, сын основателя МОИП Г.И. Фишера фон Вальдгейма, директор университетского ботанического сада (1834–1865), декан физико-математического факультета Московского университета (1850–1854, 1859–1860).

16. Вагнер Николай Петрович (1829–1907) — зоолог, писатель-беллетрист, в то время адъюнкт зоологии Казанского университета, доктор естественных наук.

17. Спасский Михаил Фёдорович (1809–1859) — метеоролог и физик, декан физико-математического факультета (1854–1859).

18. Северцов Николай Алексеевич (1827–1885) — зоолог и путешественник, автор классической работы «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии» (1855).

19. Страхов Николай Николаевич (1828–1896) — естествоиспытатель, выпускник Главного педагогического института в С.-Петербурге; впоследствии философ, публицист и литературный критик.

20. Щуровский Григорий Ефимович (1803–1884) — медик, геолог, палеонтолог, популяризатор науки, профессор Московского университета, декан 2-го отделения философского факультета (1848–1849) и физико-математического факультета (1860–1863), президент ОЛЕАЭ (1863–1884).

21. Борзёнков Яков Андреевич (1832–1883) — анатом, физиолог, историк зоологии.

22. Анненков Николай Иванович (1819–1889) — ботаник, лесовод, директор Московской земледель-

ческой школы при МОСХ. Автор первого печатного русского словаря названий растений (1859).

23. Усов Сергей Алексеевич (1827–1886) — зоолог, профессор зоологии Московского университета, один из основателей и первых редакторов журнала «Природа», первый директор Московского зоопарка.

24. Об истории этой выставки и её значении для просвещения см.: Hobhouse, 1937; Luckhurst, 1951; Beaver, 1970.

25. Первый публичный естественнонаучный музей был основан в Москве в 1862 г. (Кривошеина, 1997).

26. Герен-Меневиль Феликс Эдуард (1799–1874) — французский энтомолог, президент Энтомологического общества Франции, специалист в области шелководства.

27. Здесь Богданов имеет в виду переводы классических естественнонаучных трудов: «Дерево» Германа Шахта (Москва, 1857), двухтомные «Общая биология» И. Жоффруа Сент-Илера (Москва, 1860–1862) и «Руководство к зоологии» (в оригинале *Die Klassen und Ordnungen des Thierreichs*) Генриха Георга Бронна (Москва, 1860–1862), «Сравнительно-анатомические таблицы» (*Icones Zootomicae*) Ю.В. Каруса (Москва, 1861) и др.

28. Имеется в виду зоологический кружок, в который входили в основном ученики Богданова и который собирался в его доме в Спасопесковском переулке на Арбате.

29. Ауэрбах Иван Богданович (1815–1867) — геолог и минералог, первый заведующий кафедрой минералогии и геогнозии Петровской земледельческой и лесной академии.

30. См., например, блог вице-президента МОИП А.П. Садчикова на Трибуне Общественной палаты (<http://top.oprf.ru/blogs/325>), а также другие его публикации в интернете.

31. Стоит уточнить, что в первые годы своего существования ОЛЕ, в отличие от МОИП и РГО, не получало никаких государственных субсидий и существовало лишь на частные пожертвования и членские взносы.

32. Давидов Август Юльевич (1823–1885) — математик и механик, один из основателей Московского математического общества.

33. Баршев Сергей Иванович (1808–1882) — правовед, профессор Московского университета, в 1863–1870 гг. его ректор.

34. Официально датой его рождения считается 15 октября 1863 г., когда на собрании зоологического кружка в доме Богданова было принято решение создать ОЛЕ и обсуждалась его программа и устав.

35. Левшин Дмитрий Сергеевич (1801–1871) — генерал от инфантерии (1870), участник русско-турецкой войны (1828–1829) и подавления польского восстания (1830–1831); в 1858–1863 гг. попечитель Харьковского и в 1863–1867 гг. Московского учебных округов. Одновременно в 1864–1867 гг. директор Публичного и Румянцевского музеев.

36. Однажды А.П. Богданов всё-таки отошёл от этого принципа. Случилось это после того, как в 1884 г. умер Г.Е. Щуровского, который более 20 лет был президентом Общества (1863–1884), а примерно через год, в конце декабря 1885 г. (в январе 1886 г. по новому стилю) скончался сменивший его на этом посту А.Ю. Давидов. Богданов согласился на уговоры членов Общества и в 1886–1889 гг. занимал должность президента. В 1889 г. президентом ОЛЕАЭ был избран этнограф и лингвист В.Ф. Миллер, а в 1890–1923 гг. Общество возглавлял Д.Н. Анучин. Последним президентом Общества был А.Н. Северцов.

37. Миллер Всеволод Фёдорович (1848–1913) — языковед, фольклорист, этнограф и археолог, академик С.-Петербургской АН (1911). С 1881 г. председатель Этнографического отдела ОЛЕАЭ; в 1889 г. избран президентом ОЛЕАЭ, но через год отказался от этой должности и посвятил себя исключительно научной и преподавательской деятельности.

38. Губонин Пётр Иванович (1825–1894) — купец 1-й гильдии, строитель железных дорог, меценат; неперенный член ОЛЕАЭ; за участие в Политехнической выставке и пожертвование средств на её устройство был возведён в дворянское звание; на средства Губонина в Москве было построено Комиссаровское техническое училище.

39. Вагнер Владимир Александрович (1849–1934) — зоолог, педагог, один из основоположников отечественной зоопсихологии. Послужил прототипом зоолога фон Корена в повести А.П. Чехова «Дуэль».

40. Каблуков Иван Алексеевич (1857–1942) — физикохимик, профессор химии Московского университета, член-корреспондент АН СССР (1928 г.).

ЛИТЕРАТУРА

- Анучин Д.Н. 1896. А.П. Богданов. — Журнал Министерства народного просвещения, 6: 56–74.
- Анучин Д.Н. 1950а. Некролог А.П. Богданова. — О людях русской науки и культуры. Москва: Географиз. С. 236–251.
- Анучин Д.Н. 1950б. Из неопубликованных «Воспоминаний» Д.Н. Анучина об А.П. Богданове. — О людях русской науки и культуры. Москва: Географиз. С. 252–255.
- Анучин Д.Н. 1950в. Из неопубликованных «Воспоминаний» Д.Н. Анучина о С.А. Усове. — О людях русской науки и культуры. Москва: Географиз. С. 226–230.
- Бабий Т.П., Коханова Л.Л., Костюк Г.Г. и др. 1984. Биологи: Биографический справочник. Киев: Наукова думка. 815 с.
- Барский Я.Д. (сост.). 1987. Сквозь призму времени: Политехнический музей вчера, сегодня, завтра. Сборник. Москва: Знание. 174 с.
- Богданов А.П. 1856. Об акклиматизации животных. — Журнал сельского хозяйства, 12: 193–224.

- Богданов А.П. 1858. Цветность пера птиц. Биологический очерк. Москва: Типогр. Л. Степановой. 128 с.
- Богданов А.П. 1867. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 4 (1): 1–176.
- Богданов А.П. (сост.). 1888. Летопись зоологических трудов Общества в первое двадцатипятилетие его существования (1863–1888): Том первый. Фаунистические работы Общества. — Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 54. Труды Зоологического отделения Общества, 2. 492 с.
- Богданов В.В. (ред.). 1915. Пятидесятилетие Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии: 1863–1913. Москва: Тип. т-ва Рябушинских. 253 с.
- Брэдли Дж. 2012. Общественные организации в царской России: Наука, патриотизм и гражданское общество. Москва: Новый хронограф. 448 с.
- Варсанофьева В.А. 1955. Московское общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки. Москва: Изд-во Моск. государств. университета. 102 с.
- Гайсинович А.Е. 1988. Зарождение и развитие генетики. Москва: Наука. 422 с.
- Георгиевский Г.П., Готье Ю.В., Романов Н.И. и др. 1913. Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве: 1862–1912: Исторический очерк. Москва: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон. 194 с.
- Григорян Г.Г. (ред.) 2002. Политехнический музей в Москве: 1872. Москва: Гриф Арт. 63 с.
- Житков Б.М. 1935. Памяти А.П. Богданова (к столетию со дня рождения). — Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический, 44 (3): 97–102.
- Залкинд Н.Г. 1974. Московская школа антропологов в развитии отечественной науки о человеке. Москва: Наука. 151 с.
- Записка о деятельности и средствах Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. 1913. Москва. 13 с.
- Зенгер Н.К. (ред.). 1866. Протоколы заседаний Общества любителей естествознания при Императорском Московском университете с 14 мая 1864 г. по 29 августа 1866 г. — Известия Общества любителей естествознания при Императорском Московском университете, 3 (1). 10 с., 280 стб.
- Зограф Н.Ю. 1899. Отрадная страница из истории русской науки: Анатолий Петрович Богданов. — Журнал Министерства народного просвещения, 9: 21–46; 10: 207–230.
- Кожевников Г.А. 1896. Анатолий Петрович Богданов. — Естествознание и география, 1 (4): 377–389.
- Козлов В.В. 1958. Очерки истории химических обществ СССР. Москва: Изд-во АН СССР. 610 с.
- Кривошеина Г.Г. 1997. Научные музеи Москвы: два века истории. — Орел В.М. (ред.). Москва научная. Москва: Янус-К. С. 59–90.
- Кривошеина Г.Г. 2004а. Либералы и консерваторы в Московском университете (к истории естествознания в России второй половины XIX в.). — История социокультурных проблем науки и техники. Сборник трудов, 2. Москва. С. 139–162.
- Кривошеина Г.Г. 2004б. Роль А.П. Богданова в развитии зоологии в России. — История социокультурных проблем науки и техники. Сборник трудов, 3. Москва. С. 35–48.
- Кривошеина Г.Г. 2007. А.П. Богданов — историк и летописец московской науки. — Вопросы истории естествознания и техники, 3: 89–103.
- Кривошеина Г.Г. 2008. К истории географической выставки 1892 г. — Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова: Годичная научная конференция, 2007. Москва: ИДЭЛ. С. 428–430.
- Кривошеина Г.Г. 2012. Анатолий Петрович Богданов и основание Политехнического музея. — Вопросы истории естествознания и техники, 4: 155–179.
- Кривошеина Г.Г. 2013. «Общество губителей естествознания» или «Московская академия наук»? К 150-летию со дня основания ОЛЕАЭ. — Вопросы истории естествознания и техники, 4: 57–71.
- Кузнецов И.В. (сост.). 1948. Люди русской науки: Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. В 2 т. Москва–Ленинград: Гостехиздат. 1196 с.
- Кузнецов И.В. (ред.). 1961–1965. Люди русской науки: Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. В 4 т. Т. 1–3. Москва: Физматгиз; Т. 4. Москва: Наука. Т. 1, 600 с.; Т. 2, 580 с.; Т. 3, 896 с.; Т. 4, 783 с.
- Левинский В.Д. [Вл. Л-ский]. 1900. Грустные мысли... (открытое письмо москвичам). — Будильник. Сатирический журнал, 16 (30 апреля 1900 г.) [АРАН. Ф.446. Оп.1.Д. 154. Л.1].
- Левин М.Г. 1960. Очерки по истории антропологии в России. Москва: Изд-во АН СССР. 176 с.
- Любарский Г.Ю. 2009. История Зоологического музея МГУ: Идеи, люди, структуры. Москва: Т-во науч. изд. КМК. 744 с.
- Мазурмович Б.Н. 1960. Выдающиеся отечественные зоологи: пособие для учителей средней школы. Москва: Учпедгиз. 427 с.
- Мирзоян Э.Н. 2005. Московское общество испытателей природы: 200 лет служения России (1805–

- 2005 гг.). — Доклады Московского общества испытателей природы, 37. С. 1–160.
- Митрофанов П.И. 1897. А.П. Богданов и его значение в развитии естествознания в России. Речь, произнесенная в общем собрании Варшавского Общества... 7 ноября 1896 г. Варшава. 6 с.
- Могильнер М. 2008. Ното імрегіі: История физической антропологии в России. Москва: Новое литературное обозрение. 512 с.
- Найт Н. 2001. Империя напоказ: Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. — Новое литературное обозрение, 51: 111–131.
- Плавильщиков Н.Н. 1941. Очерки по истории зоологии. Москва: Учпедгиз. 296 с.
- Плюто П.А. 2012. Анатолий Петрович Богданов: Автобиография. — Вестник Политехнического музея, 2: 30–42.
- Райков Б.Е. 1955. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина: Материалы к истории эволюционной идеи в России. Т. 3. Москва–Ленинград: Изд-во Академии наук СССР. 587 с.
- Райков Б.Е. 1959. Анатолий Петрович Богданов. — Райков Б.Е. Русские биологи-волюционисты до Дарвина: Материалы к истории эволюционной идеи в России. Т. 4. Москва–Ленинград: Изд-во Академии наук СССР. С. 203–467.
- Рогинский Я.Я., Левин М.Г. 1963. Антропология. Изд. 2. Москва: Высшая школа. 488 с.
- Российская музейная энциклопедия. 2001. В 2 т. Москва: Прогресс, «Рипол классик». Т. 1, 415 с.; Т. 2, 435 с.
- Россолимо О.Л. (ред.). 1991. Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. государств. университета. 261 с.
- Тимирязев К.А. 1891. Пародия науки. Москва: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко. 15 с.
- Тимирязев К.А. 1939. Эрнст Геккель. — Тимирязев К.А. Сочинения в 10 т. Москва: Сельхозгиз. Т. 8. С. 354–362.
- Тихомиров А.А. 1897. Анатолий Петрович Богданов (некролог). — Речь и отчет, читанные на торжественном собрании Московского университета 12 января 1897 г. Москва. С. 387–406.
- Чехов А.П. [Ц.] 1891. Фокусники. — Новое время, 5608. 9 октября.
- Чехов А. П. 1979. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Т. 16: Сочинения. 1881–1902. Москва: Наука. 623 с.
- Юровская В.З. 2004. Анатолий Петрович Богданов (1834–1896). Москва. 116 с.
- Beaver P. 1970. 1851–1936: A portrait of Victorian Enterprize. London: Hugh Evelyn. 151 p.
- Hobhouse Ch. 1937. 1851 and the Crystal Palace: Being an account of the Great Exhibition and its contents; of sir Joseph Paxton; and of the erection, the subsequent history and the destruction of his masterpiece. London: John Murray. 181 p.
- Krivosheina G. 2014. Long way to the Anthropological Exhibition: The institutionalization of physical anthropology in Russia. — Centaurus, 56 (4): 275–304.
- Luckhurst, K.W. 1951. The story of exhibitions. London & New York: Studio Publications. 224 p.
- Vucinich, A. 1970. Science in Russian Culture: 1861–1917. Stanford (CA): Stanford University Press. 575 p.
- Vucinich, A. 1988. Darwin in Russian Thought. Berkeley: University of California Press. 468 p.

**А.П. БОГДАНОВ И МОСКОВСКИЙ ЗООПАРК:
ИДЕИ ОТЦА-ОСНОВАТЕЛЯ В РАЗВИТИИ**

И.Л. Костина

Московский зоопарк; i.kostina@moscowzoo.ru

В статье характеризуется выдающийся вклад А.П. Богданова в создание Зоологического сада в Москве.

**A.P. BOGDANOV AND THE MOSCOW ZOO:
DEVELOPING IDEAS OF ITS FOUNDING FATHER**

I.L. Kostina

The Moscow Zoo; i.kostina@moscowzoo.ru

The paper characterizes briefly A.P. Bogdanov's outstanding input in foundation of the Moscow Zoological Garden.

2014 год был юбилейным не только для Анатолия Петровича Богданова, но и для Московского зоопарка, которому исполнилось 150 лет.

Среди огромного числа Богдановских свершений Московский зоопарк, пожалуй, имеет особое значение.

Именно в процессе создания Общества акклиматизации и его главного детища — Зоологического сада — был явлен миру неординарный организаторский дар Богданова, его исключительная энергия, разбудившая и растормошившая многие дремавшие силы и возможности российского общества.

В 1856 г., когда магистру зоологии Анатолию Богданову исполнилось всего 22 года, он по поручению своего учителя Карла Францевича Рулье на заседании Императорского московского общества сельского хозяйства прочитал доклад «Об акклиматизации животных», содержащий краткий очерк одомашнивания животных с древнейших времён, указание на тесную связь между сельским хозяйством и естественными науками, утверждение о необходимости увеличения числа полезных в хозяйстве видов животных и растений и их распространения, особенно в связи с ростом народонаселения страны.

С этого события и начинается история Комитета, а затем — Общества акклиматизации, самым значительным результатом трудов которого стало создание в Москве первого в России Зоологического сада.

Русское Общество акклиматизации было создано по примеру подобных европейских обществ, ставивших перед собой и научные, и прикладные задачи. Главными среди них были: изучение и введение в культуру новых видов животных, выведение новых и улучшение имеющихся пород домашних животных.

Как сказал в своём докладе Анатолий Богданов, «человечество в тысячелетия успело присоединить к наследству своих праотцов с десятка только видов [...] число всех порабощённых животных простирается только до 43 видов. Явление странное» (Мнение..., 1861, с. 6–7).

Директором Комитета акклиматизации был избран Рулье, учёным секретарем — Богданов.

Комитет завязал контакты с зарубежными учёными обществами, особенно тесная дружба сложилась с Парижским Обществом акклиматизации, куда и был командирован (за его собственные средства) А.П. Богданов в апреле 1857 г. Он участвовал в заседаниях Парижского общества,

собирал сведения о том, что сделано и делается по акклиматизации за границей, а протоколы заседаний нашего Комитета пересылались в Париж, переводились на французский язык и печатались в изданиях Парижского общества.

Но самой, пожалуй, главной целью поездки Богданова было изучение опыта устройства зоологических садов Европы. Будучи под впечатлением от увиденного, он писал: «Ведь устройство подобного сада вовсе не так трудно, как кажется. Мы берём же и стараемся брать примеры, даже в менее важных вещах, с иностранцев; отчего же нам не последовать в этом случае разумному примеру Гента, Брюсселя и Антверпена, не говоря уже о Париже и Лондоне» [АРАН. Ф.446. Оп.1а. Д.89. Л.157].

Комитету акклиматизации Зоосады были необходимы как база для научной и практической работы, как выставочная площадка для ознакомления населения с передовыми породами домашних животных и для просвещения народа в самом широком смысле слова.

Ещё до отъезда за границу, в марте 1857 г., А.П. Богданов представил Комитету доклад «О принятии мер к устройству Зоологического сада», а чуть позже, после осмотра зоосадов Европы, он писал: «Скоро зоологические сады составят необходимое условие высшего преподавания, сделаются не учёной роскошью, как теперь, но насущною потребностью» (Годичное заседание..., 1861, с. 142).

Его письма из Европы вошли в изданные в 1876 г. «Заметки о зоологических садах»; здесь же Богдановым высказываются удивительно современные суждения о проблемах содержания животных, особенно в странах с холодными зимами, об архитектуре зоологических садов, о научной работе, управлении, финансах, необходимости популяризации знаний о зоосадах и многом другом.

Период между 1857 и 1864 гг. в жизни Комитета был насыщен разными событиями и решениями, и Богданов играл в это время огромную роль во всех его делах, будучи инициатором, вдохновителем, исполнителем, мотором всех событий, связанных с созданием Зоосада.

Надо сказать, что создание Зоологического сада в Москве было очень дерзким начинанием, имея в виду наш климат. Таких северных садов в то время ещё не было. Но, как писал Богданов, если учреждение сада осуществится, «то одного этого будет достаточно, чтобы сказать с полной уверенностью, что существование

Комитета было не бесполезно» (Донесение..., 1861, с. 225).

В пользу учреждаемого сада профессора Московского Университета, в том числе и Богданов, прочитали ряд публичных лекций.

С 1858 по 1862 гг. Богданов сделал множество конкретных предложений по поводу устройства сада. По его инициативе были образованы две комиссии, занявшиеся необходимой подготовительной работой. По просьбе Комитета он принял на себя главнейшие заботы относительно подготовительных работ по устройству Зоологического сада.

При выборе места для Зоосада большинство членов Комитета, и в том числе Богданов, высказались за Пресненские пруды.

Огромное значение для создания Зоологического сада сыграли несколько выставок, организованных по инициативе Богданова. Первая из них — выставка птицеводства — была устроена в августе 1858 г. в Земледельческой школе и имела большой успех у публики. Как писал позже А.П. Богданов, «много после того приходилось принимать участия в других выставках, но никогда потом не изгладились впечатления, вынесенные из пережитого во время этой первой выставки, юношески задуманной и выполненной с юношеской горячностью [...] Успех выставки и сочувствие к ней в первый раз заставили нас поверить, что осуществление зоологического сада возможно в ближайшем будущем» (Ситовский, 1890, с. 40).

А.П. Богданов был не только активным организатором выставки, но и её участником: за усовершенствованный инкубатор он получил особый почётный отзыв. Выставка показала, писал А. Богданов, что она «немало [...] способствовала расширению деятельности Комитета и возбуждению к нему сочувствия» (Донесение..., 1861, с. 225).

В 1861 г. в помещении Московского экзерциргауза (манежа) был устроен «птичий базар», а в 1863 г. там же — большая Акклиматизационная выставка, которая «должна была наглядно ознакомить публику с будущим Зоологическим садом и с теми породами животных и растений, которые уже находились в распоряжении комитета» (Протоколы..., 1865, с. 8).

Были заказаны медали для отличившихся экспонентов и объявлен конкурс для составления плана выставки. Победил автор девиза «Светает — в путь пора». Это было любимое выражение Богданова, и победителем оказал-

ся человек его «команды» — архитектор П.С. Кампиони, ему и было поручено устройство выставки.

Выставка подразделялась на два отделения — животных и растений. Здесь экспонировались «зубры, олени, ламы, кенгуру, кабан, волк, лисы, коты, выдра, обезьяны, казуары, чёрный лебедь, хищные птицы, попугаи, кулики» — всего 82 экземпляра, а также домашние звери и птицы; были представлены рыбоводство, пиявководство, шелководство, террариумы и аквариумы.

Во втором отделении показывали достижения цветоводства, огородничества, плодоводства. А.П. Богданову от Комитета была вручена золотая медаль и поднесён благодарственный адрес, подписанный 49 участниками.

В мае 1863 г. были начаты работы по устройству Зоосада, и 31 января 1864 г. состоялось его открытие.

К великому сожалению, А.П. Богданов ко времени открытия, как тогда выражались, отошёл от дел Зоосада: по мнению историка биологии Б.Е. Райкова, это было связано с разногласиями между ним и С.А. Усовым. Оба — ученики К.Ф. Рулье, оба — талантливые биологи и яркие личности, «гиганты», как называл их Райков, они оказались в разных, если можно так выразиться, «лагерях». Райков объяснял это тем, что Богданов, будучи достаточно властолюбивым и настойчивым в своих поступках человеком, мало считался с мнением окружающих и вёл себя как глава всего предприятия, хотя, по мнению Райкова, идейное руководство принадлежало скорее Усову, человеку более зрелому в научном отношении, но по характеру крайне скромному.

Но может быть, этот конфликт оказался даже полезным для дальнейшей истории интеллектуальной и хозяйственной жизни Москвы и России, так как энергия и опыт, накопленные Богдановым в те годы, направились по многим другим руслам, зажгли и осветили немало новых и значимых для страны предприятий.

В первые годы существования Зоосада практически все внимание Общества акклиматизации переключилось на него. Зброшена была научная и издательская деятельность, Общество фактически стало придатком Зоосада, так как взяло на себя «непосильную тяжесть» — писал историк Общества и Зоологического сада В.И. Грацианов.

Может быть, финансовые трудности были бы Обществом преодолены, если бы оно не

было терзаемо внутренними неурядицами. Это был очень трудный период жизни и Общества, и Сада.

С.А. Усов, который тогда был заведующим Зоосадам, предприняв все возможные шаги для исправления положения и не добившись перемен к лучшему, весной 1873 г. отказался от должности. И тогда было принято решение отдать Зоосад на время в аренду.

Много позже, в 1885 г., А.П. Богданов, пытаясь поправить материальное положение Зоосада, создал проект Устава Акционерного общества Зоологического сада в Москве, где он пытался проанализировать, если можно так сказать, национальные особенности материальных затруднений, объясняя, что в Европе «правительства, городские управления, частные общества и лица, сознавая благотворное значение зоологических садов для общественных и государственных интересов, содействуют их учреждению и расширению пожертвованиями и субсидиями, а крупнейшие банкиры считаются в числе учредителей и принимают участие в основании их капиталов и укреплении материальных средств. Знаменитейшие учёные оказывают им помощь в направлении их разносторонней деятельности, как учёной, так и практической. Поэтому зоологические сады на Западе процветают и обладают значительными средствами, позволяющими им широко распространять своё просветительное влияние на интересы научные, образовательные, воспитательные и экономические, как городов, где они учреждены, так и всей страны». В Москве же «Зоологический Сад с самого начала своего основания был поставлен в ненормальные условия и затруднения, потому что Общество акклиматизации не имело достаточного основного капитала и судьба Сада зависела единственно от щедрости жертвователей, любителей отечественного просвещения» [АРАН. Ф.446. Оп.1а. Д.57. Л.2].

Ещё одну причину неудач А.П. Богданов объяснял тем, что «дело начинают люди идеи, люди мечты, все самолюбие которых в осуществлении этого дела [...] Увлечение идеею, самолюбие, состоящее исключительно в том, чтобы сделать нечто полезное, — есть сила, которая способна вынести из испытаний благоприятным образом, и несмотря на существенные препятствия». Но когда дело начинает получаться, «тогда во многих практических людях загорается желание [...] посвятить себя начинающемуся делу, посвятить себя, конечно, не во имя идеи

учреждения, а во имя материальных выгод его [...] При запахе денег такие люди высказывают гениальные способности и даже убеждают других легковых, что они спасители того дела» (Богданов, 1876, с. 30).

Эксперимент с передачей сада в аренду члену Общества акклиматизации, почётному попечителю сада купцу А.А. Рябинину (апрель 1873 г.) оказался более чем неудачным, и вскоре Зоологический сад уже стоял на грани гибели. Тогда, как говорится, только ленивый в Москве не высказывался по поводу страдающих зверей, неприятных запахов, буфетов с горячительными напитками и тому подобного, и это было очень горько для Богданова.

В такой катастрофической ситуации, когда Зоосад нужно было спасать, А.П. Богданов вернулся к своему любимому детищу. В газете «Голос» № 20 от 20 января 1876 г. появилась об этом заметка с такими словами: «Это учреждение [...] теперь призывается снова к жизни, потому что за него берётся человек, силой своей доброй воли и энергии сумевший создать и не такие предприятия, как правильно организованный Зоологический сад. Я говорю о почётном московском профессоре А.П. Богданове».

За дело спасения Зоосада в 1876 г. взяли объединённые силы двух научных Обществ — акклиматизации и любителей естествознания. Был организован специальный Комитет по улучшению Зоологического сада, в который вошли несколько членов Совета Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ), в том числе А.П. Богданов с С.А. Усовым.

Поскольку договор аренды сада Рябиниными должен был продлиться ещё несколько лет, все силы и средства, которые ИОЛЕАЭ намеревалось употребить на «улучшение сада», оно вложило в устройство Антропологической выставки, которая должна была закончиться в 1879 г., планируя сразу после выставки посвятить себя спасению Зоосада.

Тем временем Совет ИОЛЕАЭ изыскал средства для командировки трёх человек в европейские зоологические сады для их изучения «в научном и хозяйственном отношении». Предполагалось, что впоследствии эти лица будут руководить московским Зоосадом. Особенно плодотворными оказались поездки В.В. Попова и А.А. Тихомирова. Они вели дневники, составляли списки животных, добывали планы садовых построек, чертежи и рисунки зданий.

Результаты их командировки были напечатаны в 25-м томе «Известий ИОЛЕАЭ».

К сожалению, не дожидаясь окончания срока аренды, Рябинины в конце января 1878 г. заявили о сложении с себя всех обязательств по саду и немедленной сдаче его Обществу акклиматизации. Общество любителей естествознания было в это время занято Антропологической выставкой и не могло заниматься Зоосадом.

А.П. Богданов очень переживал из-за этой ситуации и писал: «Если бы задать задачу: сочинить такие условия, при которых не только поддержка погибающего учреждения, но даже осуществление нового, всеми считаемого за полезное, было бы особенно затруднительным, то ничего нельзя было придумать неблагоприятнее тех условий для улучшения, при которых переходил сад к Обществу» (Богданов, 1878, с. 7).

Тогдашние управляющие Зоосадом А.Н. Маклаков и В.В. Попов обратились с просьбой к А.П. Богданову вступить в состав Совета Общества акклиматизации, на что Богданов дал согласие.

Весной 1878 г. Комитет Политехнического музея и ИОЛЕАЭ открыли кредит Комиссии уполномоченных в 2000 руб. и предоставили строительный материал. Нашлись и жертвователи.

Чтобы привлечь средства к саду, А.П. Богданов на заседании 22 апреля 1878 г. по традиции предложил провести Акклиматизационную выставку. Он так выразил свои мысли, планы и надежды: «Первая выставка в Земледельческой школе, как ни была она мала, вызвала первое серьёзное обсуждение вопроса о Зоологическом Саде в Москве. Вторая Акклиматизационная выставка в экзерциргаузе в 1861 г. положила первый прочный фундамент саду и дала средства для начатия дела. Может быть, третья поставит на твёрдую почву и дела возрождения сада и выведёт его из круга симпатий только небольшого кружка на большую дорогу общеприятельного для многих вопроса» (Богданов, 1878, с. 105).

Выставка работала в саду с 27 июля до 27 августа и действительно послужила благосостоянию Зоосада. Он получил новые здания, пополнилась коллекция, а главное, как заметил А.Н. Маклаков, «явилось общее убеждение в том, что и Общество, и сад действительно поставили себе исключительно целью научную разработку вопросов акклиматизационных и

зоологических и её распространение в массе» (Богданов, 1878, с. 193).

На очередном годовичном заседании Общества акклиматизации 30 января 1879 г. был подведён итог периоду, прошедшему с момента принятия Зоосада от арендаторов. Коллекция сада за это время увеличилась с 433 до 722 животных, очень многие из новых животных были пожертвованы.

3 марта 1879 г. на очередном заседании А.П. Богданов прочитал доклад о дальнейшей деятельности по управлению Зоосадом, были подсчитаны необходимые для сада средства: получилась немалая сумма в 50 тыс. рублей.

Благодаря поддержке ИОЛЕАЭ возобновилась издательская деятельность Зоосада, под редакцией А.П. Богданова вышел в свет большой том под названием «Зоологический сад и акклиматизация» (Богданов, 1878).

В период управления зоосадом А.Е. Челюканова и В.А. Вагнера контроль за его работой со стороны Общества акклиматизации осуществлялся Советом общества, уполномоченным которого был А.П. Богданов.

Одновременно с устройством Акклиматизационной выставки А.П. Богданов предложил организовать в Зоологическом саду научную лабораторию. Она открылась в мае 1878 г. Её первым заведующим стал ассистент Зоологического музея А.А. Тихомиров, а его помощниками — ассистент Университета Н.В. Насонов и студент П.И. Митрофанов. А.А. Тихомиров в своей статье «О составе фауны в зоологических садах» в книге «Зоологический сад и акклиматизация» писал: «Опыт заграничных садов и собственные предания сада указывали на необходимость учреждения особой лаборатории. Несомненно, что всякий сад обладает драгоценным материалом, который, конечно, пропадает бесследно, если при саде нет лаборатории [...] Члены Общества Любителей Естествознания не могли не руководствоваться, устраивая здесь, в саду, лабораторию, чисто университетскими интересами» (Тихомиров, 1878, с. 185).

В лаборатории были устроены аквариумы и террариумы, где содержалось свыше 30 видов земноводных и пресмыкающихся, много беспозвоночных; сотрудники вскрывали погибших в саду животных и делали препараты. К сожалению, в 1886 г. лабораторию сада пришлось закрыть, так как средств на её содержание не хватало. Коллекции лаборатории были переданы

в Зоологический музей Московского университета, в его гистологическую лабораторию.

В 1889 г. А.П. Богданов предложил устроить в саду отделы, имеющие большое практическое значение: скотоводства, птицеводства, рыбоводства, пчеловодства, шелководства.

В 1890 г. на заседании Совета 9 июня по предложению А.П. Богданова была учреждена особая Комиссия уполномоченных для обсуждения ведения хозяйственных и научных дел сада. Председателем Комиссии был избран Богданов. Комиссия собиралась каждую неделю в зале заседаний Общества в Зоологическом саду.

В 1892 г. в Москве должен был состояться Международный зоологический конгресс, и по инициативе А.П. Богданова и академика Ф.В. Овсянникова ко времени его проведения был приурочен Первый Акклиматизационный ботанико-зоологический съезд, «дабы учёные, прибывшие на зоологический конгресс, могли участвовать в Акклиматизационном съезде» (Корчагин, 1893).

Открытие съезда состоялось 22 августа по окончании Зоологического конгресса. Прошло одиннадцать заседаний, посвящённых пчеловодству, шелководству, речному и морскому хозяйству, лесоводству и другим вопросам. К съезду на Нижнем участке зоосада была организована Первая Ботаническая акклиматизационная выставка.

В 1886 г. А.П. Богданов разработал проект Устава Акционерного общества зоологического сада, в 1893 г. предложил создать Хозяйственную комиссию сада и очень подробно разработал все организационные детали. Это опять были попытки решения основного и болезненного вопроса — денежного. Вообще материальные затруднения сопровождали Зоосад на протяжении практически всей истории его первых десятилетий, и эта беда постоянно была в поле зрения Богданова.

В начале 1893 г. Хозяйственная комиссия начала работу и оказалась исключительно полезным административным образованием. Она уплатила неотложные долги сада (к 1893 г. их сумма превысила 100 тыс. руб.), построила ряд новых зданий (в том числе электрическую станцию), отремонтировала старые здания, занималась отоплением и освещением помещений, наймом служащих, закупала корма для животных — словом, вела всё хозяйство Зоосада.

Благодаря невероятно энергичному и увлечённому делом Богданову к саду были привле-

чены немалые средства меценатов — состоятельных членов Общества акклиматизации. Он писал об этом так: «Признанное уже многими из среды Московского Общества серьёзное научно-образовательное значение Московского Зоологического Сада, сочувствие к нему, неоднократно выраженное в последние года, милостивым вниманием Высокопоставленных Лиц и постоянное содействие министерства Государственных учёных, составляют факты, несомненно указывающие на всё более и более укрепляющееся сознание значения в науке и обществе такого учреждения как МЗС. Это подтверждается и тем, что в последние годы удалось осуществить весьма существенные улучшения, как в возведении новых зданий, каменных и ценных, благодаря материальной и нравственной помощи В.И. Мичинера, В.И. Дедюхина, Р.Р. Кёлера, В.К. Феррейна, С.В. Спиридонова, М.А. Исакова, К.К. Ушкова, И.Г. Гурьева и Ф.С. Мочалкина» [АРАН. Ф.446. Оп.1а. Д.57. Л.25].

Забываясь о благополучии зоосада, Анатолий Петрович старался по мере сил и возможностей привлечь к нему, как сейчас принято говорить, «административный ресурс». В связи с этим хочется привести слова из его письма В.К. Истомину, управляющему канцелярией Московского генерал-губернатора Сергея Александровича Романова, покровителя Общества и Сада, в конце 1894 г., в котором он вновь пишет о зоологическом саде: «Простите за это длинное письмо, но это по всей вероятности моя последняя просьба и во всяком случае предпоследняя в жизни. Я изложил Вам так, как понимаю дело по сердцу, в действительности, может быть, отклоняясь от общепринятых форм. Простите мне это за коренное желание докончить и упрочить *то, чему я посвятил свою душу и что всё-таки приносит и приносило действительную общественную пользу образованию в Москве народа и учащейся молодежи*» [АРАН. Ф.446. Оп.1а. Д.57. Л.10; курс. *И.К.*]. Я думаю, что эти слова свидетельствуют о том, что первое дитя Богданова осталось для него самым любимым, хотя и многострадальным, вернее, — многовыстраданным, о котором он, уже больной, не мог не заботиться.

Огромное внимание уделял Богданов просветительству, его мысли на эту тему очень современны и глубоки. Летом 1878 г., побывав на Всемирной выставке в Париже и посетив зоологические сады Берлина, Кёльна, Франкфурта и Парижа, Богданов, по совету директора

Франкфуртского зоосада д-ра Шмидта, разработал план так называемой Русской научно-образовательной «Беседы». Это учреждение должно было привлечь публику в зоосад, особенно зимой, когда посещаемость, а значит и доходы резко падают.

Этот проект не осуществился, о чём в последний раз Богданов сокрушался в 1895 г., продолжая изыскивать средства для организации «Беседы» и убеждая сомневающихся. Правда, на средства Хозяйственной комиссии один из выставочных павильонов в саду все же был приспособлен для чтений «с туманными картинками», здесь же устраивались праздники для детей, а перед павильоном были устроены гимнастические снаряды.

Вообще на протяжении 1880–1890-х гг. А.П. Богданов для зоосада сделал так много, и идей было высказано столько, что без преувеличения можно сказать — уже тогда Анатолий Петрович определил стратегию и тактику всей его будущей работы.

Существует рукопись Богданова от 1888 г., начинающаяся такими словами: «Что предполагается и что нужно сделать для того, чтобы спасти зоологический сад и поставить его на выдающееся место в кругу учебно-образовательных учреждений» [АРАН. Ф.446. Оп.1. Д.91. Л.1]. В этой рукописи представлены разделы работы зоосада, многие из которых имеют веские обоснования и пояснения, например, когда речь идёт о развлечениях для публики, оговаривается, что они должны иметь целью не только привлечение людей в сад, но «действовать как нравственный подъём в препровождении свободного времени и отдыха». Или так: «один осмотр сада и поучение от его коллекций не могут так сроднить с садом и привлечь публику, как если они сопровождаются эстетическими наслаждениями» [там же. Л.5]. И так далее.

Разделы этой рукописи очень любопытно сравнить с делами и свершениями зоосада в его «послебогдановскую» эпоху. Можно проиллюстрировать практически все пункты документами, фотографиями, воспоминаниями и другими источниками, хранящимися в архиве зоопарка. Например:

Учёные потребности. В зоопарке всегда активно велась научная работа, в разное время существовали лаборатории — экспериментальной биологии, кормовая, экологическая, ветеринарная, гельминтологическая, а в 1970-х гг.

появился большой отдел научных исследований с разными направлениями работы.

Пополнение коллекции животных и способы пополнения: *приобретение внутри страны с помощью административного влияния лиц, сочувствующих саду**, причём Богдановым перечисляются конкретные местности и лица; приобретение за границей — тоже очень конкретно, где и с кем связываться; как уменьшить стоимость перевозки и т. д.

Это, как и следующий пункт, относится к основной деятельности сада, так что рекомендации Богданова используются, как говорится, «по умолчанию».

Какими животными пополнять коллекцию: *наиболее доступными, интересными и дешёвыми.*

Потребности общеобразовательные: *устройство выставок, лекций и экскурсий.* Причём лекции должны быть летние и зимние: летние лекции в саду могут сопровождаться экскурсиями, а зимние — частными выставками.

В современном зоопарке проводится большое количество экскурсий, лекций и выставок, особое внимание уделяется привлечению посетителей в зимний зоопарк.

Издательская деятельность: *новости акклиматизации у нас и за границей; каталоги выставок; практические указания по уходу за животными; сведения о вновь полученных животных (обязательно с рисунками); дневник происшествий в саду; путеводители и альбомы видов сада.*

К настоящему времени Зоопарк издал уже не поддающееся подсчёту количество путеводителей, буклетов, плакатов, сборников статей, брошюр с инструкциями по уходу за животными, не говоря уже о статьях в периодических изданиях, телепередачах и фильмах.

Организация станций по прикладному естествознанию: *шелководческой, ихтиологической, и даже по распознаванию фальсификаций различных продуктов.*

Здесь можно вспомнить о Кружке юных биологов зоопарка (КЮБЗ), вырастившем множество известных биологов — и теоретиков, и практиков; о работе К. Сулимова с гибридами псовых, а также о бактериолого-агрономической лаборатории В.К. Феррейна, находившейся на Нижнем участке зоосада (это здание до сих пор сохранилось).

Устройство ферм для домашних животных: *привлекая желающих, заслуживающих доверия, к разведению породистых животных с передачей половины приплода на реализацию.*

Ферм, правда, не было, но сразу после революции зоопарком устраивались мероприятия по обучению населения разведению кур, кроликов, пчел и карпов, а во время Отечественной войны сотни «желающих и заслуживающих доверия» москвичей с подачи зоопарка разводили дома белых мышей, крыс и кроликов для медицинских исследований.

Организация отдела охотничьих и промысловых животных: *привлечение интереса охотников поможет обогатить коллекцию отечественными животными.*

В 1920–1930-е гг., да и в послевоенные годы к пополнению коллекции зоопарка привлекались многие охотники страны, организовывались экспедиции, в зоопарке на экспозиции были широко представлены охотничьи виды животных. Старшее поколение помнит, например, так называемый «Пушной ряд» на Новой территории, не говоря уже о легендарных соболятах, впервые полученных в неволе благодаря сотруднику зоопарка П.А. Мантейфелю.

Рекреационные вопросы: *устройство концертов, катание на животных, детские площадки («гимнастика и игры»), панорамы и стереоскопы с «фактами, относящимися до естественной истории животных и растений», палеонтологии и биогеографии.*

В зоопарке катали детей на верблюдах, северных оленях, лошадях, пони; есть, как известно, специальный «Круг катания»; всегда были разнообразные детские площадки; великое множество информационных стендов. Так называемая «дополнительная экспозиция» рассказывала и рассказывает посетителям обо всех подробностях зоологии, палеонтологии, биогеографии и многом другом. Праздники для детей можно вполне считать концертами, т. к. их организуют и на них выступают профессиональные артисты.

Представления с учёными животными. Существовавшая с 1920-х гг. Выездная секция, занимающаяся приручением животных для проведения с ними лекций не только в зоопарке, но и в детских учреждениях Москвы и Подмосковья, в парках, библиотеках и т. д. — гордость нашего зоопарка.

*Здесь и далее курсивом выделены мысли А.П. Богданова.

Этнографические выставки. В зоопарке функционировали несколько выставочных залов, где проводились самые разные выставки — анималистические, этнографические, выставки живых животных, детских работ, даже творческих работ сотрудников зоопарка «Моё второе Я».

Продажа аквариумов, террариумов, гербариев, учебных коллекций, пособий, книг. Когда-то в Москве были два знаменитых зоомагазина — на Кузнецком мосту и на Арбате. Но не все знают, что долгое время они принадлежали Зоопарку.

Устройство молочного кафе с парным молоком (выдоенным на глазах у публики).

Такого, конечно, не было, зато на территории зоопарка было детское «Молочное кафе», а в 1990-е гг. в Подмоскovie, наряду с Зоопитомником для разведения редких видов животных, появилось подсобное хозяйство, в том числе с крупным рогатым скотом.

Организация Попечительского совета. В зоопарке в 1950-е гг. был учреждён и поныне действует Учёный совет, в который входили известные московские зоологи, участвовавшие в конференциях и научной работе зоопарка.

* * *

Радует, что сотрудники зоопарка трепетно относятся к своей 150-летней истории. Почти 20 лет на Старой территории у Малого пруда висели стенды с подробной исторической информацией о зоопарке и его создателях. К 140-летию юбилею зоопарка была издана большая книга «Страницы истории», которую к 145-летию юбилею перевели на английский язык. Несколько лет назад в самом старом здании зоопарка появился музей с экспозицией, посвящённой истории нашего зоопарка и зоопарковского дела. А к 150-летию зоопарка в Москве было открыто несколько выставок, посвящённых нашему юбилею, состоялась научная конференция, в которой участвовали сотрудники многих зоопарков мира.

И везде звучало имя нашего основателя, продолжателя и переживателя за зоопарк — Анатолия Петровича Богданова.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданов А.П. 1876. Заметки о зоологических садах (из путевых впечатлений по заграничным зоологическим садам). — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 25 (1). 40 с.
- Богданов А.П. (ред.) 1878. Зоологический сад и акклиматизация. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 25 (2). Труды Общества акклиматизации, 1. 284 с.
- Годичное заседание Комитетов акклиматизации растений и животных. 1861. — Материалы для истории Комитета Акклиматизации со времени его учреждений до 1860 г. Ежемесячное издание Комитета акклиматизации, 1 (12): 118–145.
- Донесение Г. Ученого Секретаря Комитета акклиматизации А.П. Богданова. 1861. — Материалы для истории Комитета Акклиматизации со времени его учреждений до 1860 г. Акклиматизация. Ежемесячное издание Комитета акклиматизации, 1 (12): 224–226.
- Корчагин А.Н. 1893. Отчет о деятельности съезда, составленный генеральным секретарем Съезда А.Н. Корчагиным. — Дневник Общества и зоологического сада. Труды Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений, 5 (1): 5–12.
- Мнение А.П. Богданова об акклиматизации животных. 1861. — Материалы для истории Комитета акклиматизации со времени его учреждений до 1860 г. Ежемесячное издание Комитета акклиматизации, 1 (12): 2–27.
- Протоколы заседаний Императорского русского общества акклиматизации животных и растений за 1864 год. 1865. Москва: тип. С. Селивановского. 94 с.
- Ситовский Н.П. 1890. История Комитета акклиматизации (1857–1865), составленная Действительным Членом Общества Н.П. Ситовским. — История Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений (1857–1890). Часть 1. Труды Императорского русского общества акклиматизации животных и растений, 4. 143 с.
- Тихомиров А.А. 1878. О составе фауны в зоологических садах. — Богданов А.П. (ред.). Зоологический сад и акклиматизация. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 25 (4). Труды Общества акклиматизации, 1. 64 с.

А.П. БОГДАНОВ И МУЗЕЙ ПРИКЛАДНЫХ ЗНАНИЙ: ЗАМЫСЛЫ И ВОПЛОЩЕНИЕ

С.Г. Морозова

Политехнический музей; sgmorozova@polymus.ru

В статье показан выдающийся вклад А.П. Богданова в создание в Москве Музея прикладных знаний (ныне Политехнический музей). Богданов, посвятивший этому проекту примерно 30 лет жизни, показан как отличный стратег и неутомимый борец за воплощение своих замыслов. На основе высказываний Богданова демонстрируется тактика, помогшая ему воплотить свои идеи в жизнь и применённая, в частности, при создании названного Музея. Изложены воззрения Богданова на характер и структуру организации этого музея, методы управления им, на опасности, подстерегающие музей в процессе развития, и рекомендации по их предотвращению. Значительное внимание уделено взглядам Богданова на формы и методы популяризации научно-технических знаний, на место публичного общеобразовательного музея в системе научного просветительства, и его обоснованиям необходимости тесной связи музея с научными и техническими обществами.

A.P. BOGDANOV AND THE MUSEUM OF APPLIED KNOWLEDGE: IDEAS AND IMPLEMENTATION

S.G. Morozova

Polytechnical Museum; sgmorozova@polymus.ru

The article shows A.P. Bogdanov's outstanding contribution to the establishment of the Museum of Applied Knowledge (now, the Polytechnic Museum) in Moscow. Bogdanov, who has spent about 30 years of his life to this project, is shown as a great strategist and a tireless fighter for the implementation of his ideas. Bogdanov's declarations allow to demonstrate his tactics that helped him to realize his ideas and applied, in particular, to creation of the Museum. Bogdanov's views on the nature and structure of organization of such a museum are exposed, along with the methods of its management, the dangers that await the museum in the process of its development, and recommendations for prevention of them. Considerable attention is paid to Bogdanov's views on the forms and methods of popularization of scientific and technical knowledge, on the place of public educational museum in the system of scientific enlightenment, and his justification of the necessity of tight connection between the Museum and scientific and technical societies.

У истоков Политехнического музея (Московского музея прикладных знаний) стояли выдающиеся личности, составлявшие научную элиту России второй половины XIX в. Их идеи и устремления были с одобрением восприняты представителями власти и предприниматель-

скими кругами и вызвали в ответ живейшее содействие организации общедоступного политехнического музея. Созданное по инициативе А.П. Богданова в 1863 г. Общество любителей естествознания (впоследствии Императорское общество любителей естествознания, антро-

пологии и этнографии, ИОЛЕАЭ) при Императорском Московском университете с самых первых своих действий встало на путь популяризации науки в России, считая, что «в каждом государстве, где общественный строй покоится на трезвых, разумных основаниях и где, следовательно, идея о необходимости умственного, нравственного и материального развития приняла для большинства осязательную форму, распространение просвещения вообще, а также разнообразных научных специальных знаний, должно считаться насущной потребностью» (Делла-Вос, 1874, с. 59). Среди них: первый и пожизненный президент ИОЛЕАЭ Григорий Ефимович Щуровский (1803–1884) — доктор медицины, профессор минералогии и геологии, основатель московской школы геологов; председатель Московской губернской земской управы Дмитрий Алексеевич Наумов (1830–1895) — магистр международного права, крупный государственный и общественный деятель; директор Императорского Московского технического училища (ИМТУ) Виктор Карлович Делла-Вос (1829–1890) — учёный-механик, организатор «русской» системы подготовки технических кадров; президент Императорского общества акклиматизации животных и растений Август Юлиевич Давидов (1823–1885) — профессор математики Университета, член-основатель Московского математического общества, и др. В плеяде основателей Политехнического музея особенно ярко выделяется фигура профессора зоологии Университета Анатолия Петровича Богданова (1834–1896).

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЗАМЫСЕЛ

В своей речи при открытии Политехнического музея 30 ноября 1872 г. Щуровский — первый председатель Комитета музея, высоко оценил вклад Богданова в научное просветительство и музейное строительство в России: «Мысль обустройства выставок научно-популяризованных и с характером временных общеобразовательных музеев у нас, в России, вполне принадлежит профессору Московского университета Анатолию Петровичу Богданову. В общественной жизни от времени до времени являются такие деятели, которые обладают могучею нравственною силой; они, видимо, бывают призваны для того, чтобы действовать на окружающую их среду и направлять её к известной определённой цели. Природа наделяет эти личности особенно глубоким практическим взглядом на вещи и осо-

бенно чуткою способностью постигать потребности своего времени и находить средства для их удовлетворения. К таким именно личностям принадлежит Анатолий Петрович Богданов. Он начал свою общественную деятельность почти прямо со студенческой скамьи, и начал таким предприятием, которое было существенною потребностью для Москвы. Он был первым основателем доселе почти единственного Общества акклиматизации в России с проектированным при нём Зоологическим садом. Это такая заслуга, которая одна сама по себе могла бы составить гордость его жизни, но А. П. Богданов не остановился на этом. Его последующая деятельность была целым рядом предприятий, столь же существенных и непосредственно вытекавших одно из другого» (Щуровский, 1874, с. 55).

История создания Политехнического музея характеризует Богданова как отличного стратега, вдохновенного оратора и неутомимого борца за воплощение своих замыслов. Богданову не раз приходилось сталкиваться с трудностями и препятствиями, вызванными неверием окружающих его людей в реальность его новых амбициозных проектов, и, продвигаясь по пути новаторства и общественных преобразований, он выработал ряд приёмов, помогающих ему воплощать свои идеи в жизнь. Тактику, применённую, в частности, и при создании Политехнического музея, он описывал следующим образом: «Каждое из этих предприятий казалось настолько рискованным и неосуществимым, что нужно было по гомеопатическим дозам развивать мысль и завоёвывать для неё поле, а возражений и насмешек принимать аллопатически [...] При всяком новом деле, новом учреждении, выходящем не из правительственных или общественных капитальных сфер и основывающемся только на надеждах и нравственных расчётах, так легко найти множество доказательств, могущих сделать невозможным предприятие и даже грозящих ему материальным и нематериальным банкротством, весьма легко найти много доводов против предприятия и весьма трудно найти такие же капитальные (в буквальном смысле) доводы за него. Роль предлагающих предприятия всегда несколько носит смешной характер синиц, зажигающих море, и им приходится несколько пророчествовать о будущем и основываться на своих предчувствиях. Часто бывает также при этом, что самых главных оснований, на которых зиждется предприятие, при начале и высказать нельзя, не рискуя действительно по-

терять их и сделать невозможными. Вот почему и мысль о музее прикладных знаний явилась в протоколах и при обсуждении в такой зародышной форме, что понять её объём можно только из последующего развития и выполнения» (Девятое заседание..., 1876, с. 62).

На первом этапе предприятия Богданов выступил с идеей создания объединённого музея прикладного естествознания (по зоологии, ботанике и минералогии) и сельскохозяйственного музея. Для разработки проекта музея и составления музейных коллекций по его предложению были организованы две комиссии: в Обществе любителей естествознания и в Обществе сельского хозяйства. Когда эта мысль укрепилась в научных кругах Москвы, он предложил организовать выставку прикладного естествознания, с помощью которой можно было бы собрать предметную основу для музея. Поездка Богданова на Всемирную Парижскую выставку 1867 г. совместно с членом ИОЛЕАЭ профессором Университета Алексеем Сергеевичем Владимирским (с 1868 г. возглавил кафедру общей и прикладной физики ИМТУ) привела к мысли о создании ещё и технического отдела.

ВЫСТАВКА КАК ОСНОВА ДЛЯ МУЗЕЯ

Всемирная выставка 1867 г. в Париже имела ряд принципиальных особенностей: если предыдущие выставки были промышленными с отделениями искусств, то эта выставка имела новые разделы — земледелие и история труда (история человека на базе археологических раскопок и его прогресс от каменного века до начала XIX в.). Впервые важное место на выставке заняла наука, которая была представлена лекциями, публичными опытами, приборами, интересующими естествоиспытателей. Пространство парка, окружающего выставочный павильон, активно использовалось для проведения открытых публичных конференций, чтения лекций профессорами и промышленниками о производстве отдельных товаров, добыче материалов и т. д., а также организации концертов и представлений (Шпаков, 2000).

Вдохновившись увиденным и впитав опыт Парижской выставки 1867 г., Богданов предложил присоединить к «естественно-историческому» отделу будущей московской выставки ещё и другой, столь же обширный отдел, назначавшийся для знакомства публики с практическими приложениями физико-химических и

технических знаний к промышленности, сельскому хозяйству, к горному делу, и вообще к жизни. Планируемая выставка приобрела более понятное всем название — Политехническая, объединив этим названием все приложения к технике, в том числе и прикладное естествознание. Богданов объясняет необходимость подобного решения: «Легче и полезнее для дела будет рождать двойни, хотя бы это и казалось противоречащим естественным законам. Прикладное естествознание ребёнок слабый, рождение коего большинством публики считалось если не лишним, то преждевременным. Полезно было соединить его с другим ребёнком, более сильным, более развитым, желанным для гораздо большего числа людей [...] Расчёт оказался верен, хотя мог быть и рискованным. Дитя пара и электричества могло вобрать так много питательного материала, что другому близнецу могла бы предстоять будущность постепенной и медленной агонии. Но представители технического отдела в Обществе были известны, в их искреннем и дружном содействии не могло быть сомнения, и они действительно своим отделом и своим трудом только увеличили размеры и прочность отдела прикладного естествознания [...] Обстоятельства сложились до сих пор в Обществе крайне благоприятно по личным представителям отделов и по их деятелям, и этому, бесспорно, нужно приписать то, что предприятия, самые опасные, удавались, что Общество выходило из самых тяжёлых испытаний; между деятелями отделов, к общей пользе всех их, не было антагонизма» (Девятое заседание..., 1876, с. 63).

В 1869 г. Богданов на заседании ИОЛЕАЭ поднял вопрос об организации политехнической выставки в Москве. Щуровский вспоминал: «Первые шаги по устройству выставки были крайне затруднительны; положение её учредителей было настолько тяжело, что их могли поддерживать только твёрдая вера в своё дело и убеждение в том, что рано или поздно задуманное предприятие найдёт себе поддержку в правительстве и в обществе. Я живо помню то грустное впечатление, какое вынесено мною из предварительного заседания об устройстве выставки. Предложение, сделанное А.П. Богдановым, большинству членов показалось несбыточным, как по обширности задачи, так особенно потому, что требовало огромных средств и не могло осуществиться без значи-

тельного содействия правительства» (Щуровский, 1874, с. 55).

ПРОДВИЖЕНИЕ ЗАМЫСЛА

Но Богданова было не остановить, механизм реализации нового проекта был им уже запущен. 7 мая 1870 г. Богданов (как гласный Московской Общей Думы) выступил на заседании Думы с предложением рассмотреть вопрос об организации в Москве центрального политехнического музея и назначить для разработки этого вопроса специальную комиссию. Он убеждал: «Московский промышленный или политехнический музей может представить особенную пользу и укрепнуть только тогда, когда он станет общемосковским делом, а не целью отдельных корпораций или учёных обществ [...] Россия достойно почтила бы память Великого Петра, если бы двухсотлетнюю годовщину его рождения ознаменовала не только скоропроходящею политехническою выставкою, но и закладкою в Москве, месте рождения Петра, постоянного всероссийского политехнического музея, посвящённого промышленности, сельскому хозяйству и всем приложениям естествознания» (Богданов, 1874а, с. 3). Богданов предложил ввести в комиссию представителей тех обществ и учреждений, которые на протяжении последних нескольких лет поднимали этот вопрос в обществе и предпринимали практические шаги в этом направлении.

Наиболее полно мнение Богданова о характере создаваемого музея было им изложено в записке, представленной Совету ИОЛЕАЭ в июне 1870 г. В ней он детально изложил историю создания публичных музеев в Москве 1820-х–1860-х гг. по инициативе и усилиями различных обществ и проанализировал европейский опыт по организации промышленно-художественных выставок и созданию на их базе музеев. Богданов обозначил наблюдаемую тенденцию создания общеобразовательных музеев как удовлетворение насущной потребности человеческого общества в период бурного развития прикладных наук, как наиболее эффективный способ образования и просвещения масс. В записке были сформулированы основные требования к работе общеобразовательного музея: «Во 1-х, как учреждение, предназначенное для публики вообще, он должен, кроме общих научных условий, удовлетворять ещё следующему: расстановка предметов должна быть произведена так, чтобы вещи наиболее

существенные и на кои желательно обратить особенное внимание, с первого раза останавливали бы посетителей и заинтересовывали их. Во 2-х, как музей, предназначенный служить не для одной только популяризации науки, но и для справок и изучения различного рода техникам, он должен быть научно-систематическим. В 3-х, как учреждение, имеющее целью вносить в жизнь усовершенствования и открытия, музей должен иметь средства и возможность следить за такими усовершенствованиями и обогащать ими свои коллекции. Он должен быть постоянною выставкою всего полезного нового» (Богданов, 1874б, с. 17).

Здесь же он схематично представил структуру будущего музея, обозначив главные отделы: 1) естественно-исторический, включающий собрания: геологические, минералогические, ботанические, по садоводству и зоологические; 2) опытных наук с отделениями: прикладной физики (с лабораторией), прикладной химии (с лабораторией), механическим, технологическим, сельскохозяйственным, художественно-промышленным, архитектурным и инженерным; 3) учебных пособий. Рассматривая возможные варианты, предлагаемые Думой для размещения музея в Москве, он останавливается на участке Лубянской площади, как самом практичном варианте, как с точки зрения её центрального местоположения, так и учитывая её значительные размеры. Богданов обосновывает полезность и даже необходимость тесной связи музея с научными и техническими обществами, видя в этом сотрудничестве залог успешного развития музея: при проведении публичных лекций и систематических научных чтений, составлении библиотечных собраний, комплектовании фондов. Он предлагает: «Соединить все эти общества с музеем легко — требуется в нём иметь только залы для заседаний и помещение для библиотек. Незначительная, сравнительно, затрата, которая потребуется на это расширение музея несколькими залами окупилась бы с излишком тем, что музей тотчас бы стал средоточием значительной учёной и общественной деятельности и получил бы много лиц, готовых содействовать расширению его деятельности и трудами, и пожертвованиями» (Богданов, 1874б, с. 20).

Дума поддержала идею создания в Москве общеобразовательного центрального политехнического музея и назначила комиссию для разработки этого вопроса. В комиссию вошли:

президент Императорского Общества сельского хозяйства И.Н. Шатилов, президент ИОЛЕАЭ Г.Е. Щуровский, декан физико-математического факультета Московского университета А.Ю. Давидов и директор ИМТУ В.К. Делла-Вос. Богданов стал делопроизводителем комиссии. Кроме того, в работе комиссии приняли участие директор Строгановского училища рисования В.И. Бутовский и председатель Мануфактурного совета Ф.Ф. Резанов. По результатам работы комиссии Дума 3 сентября 1870 г. постановила: 1) ходатайствовать перед правительством об учреждении общеобразовательного политехнического музея, посвящённого прикладным знаниям, в Москве, как центре русской промышленности, особенно нуждающемся в подобном учреждении; 2) предложить правительству, в случае осуществления музея в Москве, безвозмездно под него необходимое количество земли на Лубянской площади; 3) присоединить к своему ходатайству заявление, как Московского биржевого общества, так и тех московских фабрикантов и мануфактуристов, которые изъявили желание содействовать осуществлению музея, а также заявление ИОЛЕАЭ о передачи им музею предметов с будущей Политехнической выставки; 4) избрать особую депутацию для представления ходатайства Общей Думы высшему правительству. В результате предпринятых усилий идея центрального общеобразовательного политехнического музея в Москве нашла поддержку среди членов царской фамилии и правительства. 21 октября 1870 г. последовало «соизволение» императора Александра II об учреждении Музея прикладных знаний в Москве. Следующим императорским повелением от 26 апреля 1871 г. из государственной казны было ассигновано 500000 рублей для покрытия расходов по устройству музея.

Политехническая выставка, приуроченная к 200-летию со дня рождения Петра Великого, торжественно открылась 30 мая 1872 г. в самом центре Москвы. Кроме здания Манежа, она охватила сады вдоль кремлёвской стены и набережную Москвы-реки. Выставка проработала всё лето, и стала выдающимся событием в жизни страны. Об этом свидетельствуют данные по количеству посетителей: 750 тыс. человек. Для сравнения — всё население Москвы по данным переписи составляло на тот момент немногим более 600 тыс. жителей. В выставке участвовало 12 тыс. экспонентов, из них — 2 тыс. зарубежных. Задумывая Политех-

ническую выставку, ИОЛЕАЭ имело в виду не только пополнить с её помощью уже существующие в Москве университетские музеи, но и создать собрание, которое стало бы основой нового музея. Эта мысль чрезвычайно ясно проявилась в основных пунктах программы выставки. Были определены характер и тематика экспонатного ряда, выдвинуты требования систематичности в выборе и размещении предметов, исключения конкуренции экспонентов в том смысле, в каком она допускается на промышленных выставках. Тем самым выставочная экспозиция максимально приближалась к музейной. По отзыву профессора Н. Зографа, как при подготовке выставки, так и во время её проведения Богданов не переставал быть истинной душой всего дела (Зограф, 1898, с. 70). Будучи председателем Комиссии уполномоченных, ответственной за организацию выставки, он знал все детали этого грандиозного предприятия, умело направляя действия председателей многочисленных отделов к единой цели — формированию научно обоснованных коллекций для будущего музея. Он также в немалой степени способствовал тому, что ряд лиц, участвовавших в подготовке и проведении Политехнической выставки, — В.К. Делла-Вос, И.И. Архипов, Д.А. Наумов, Н.А. Шохин и др. — впоследствии возглавили отделы музея. Выставка закрылась 1 сентября 1872 г.

Для организации Музея прикладных знаний и управления им Высочайшим повелением от 23 сентября 1872 г. был учреждён Комитет. Были определены функции и полномочия Комитета, осуществляющего свою деятельность под председательством Почётного Председателя и двух товарищей председателя: одного проживающего в Санкт-Петербурге, и второго — в Москве, управляющего текущими делами музея и председательствующего в Комитете. В первом составе Комитета Почётным председателем был назначен Великий князь Константин Николаевич, товарищами председателя: в Москве — президент ИОЛЕАЭ профессор Г.Е. Щуровский, в Санкт-Петербурге — генерал-адъютант Н.В. Исаков. Комитет руководил работой музея до 1919 г. Богданов вошёл в состав Комитета в качестве представителя ИОЛЕАЭ и директора отдела прикладной зоологии Музея. Следует отметить, что играя определяющую роль в создании музея и заметным образом влияя на его развитие, Богданов, тем не менее, никогда не занимал первых должностей в ру-

ководстве музеем, неоднократно отказываясь от различных предложений коллег: в 1875 г. — от должности председателя Правления, выдвинув кандидатуру Наумова, в 1884 г. — от должности товарища Почётного председателя Комитета после кончины Щуровского, в 1895 г. — после кончины Наумова, возглавившего Комитет после Щуровского. Когда Совет ИОЛЕАЭ на своём заседании 5 октября 1877 г. единогласно постановил: «желая ознаменовать завершение трудов по организации и основанию Политехнического музея и начало новой деятельности по устройству Антропологической выставки 1879 г. и Антропологического музея, имеющего возникнуть после выставки в связи с отделами Политехнического музея в Кремлёвском саду, а также желая навсегда сохранить в истории Общества Любителей Естествознания память о том, что начало Политехнического Музея и начало предприятия Общества положены по инициативе Почётного члена Общества Анатолия Петровича Богданова», учредить ежегодную почётную премию имени А.П. Богданова для присуждения за наиболее важные и полезные труды, Богданов выступил с просьбой отложить принятие каких-либо решений о присуждении ему общественных наград на три года до полного завершения начатого дела по Антропологической выставке и устройству Антропологического музея (Тридцать девятое заседание..., 1883, с. 21).

УЧРЕЖДЕНИЕ МУЗЕЯ

Музей прикладных знаний в Москве открылся 30 ноября 1872 г. спустя три месяца после закрытия Политехнической выставки во временном помещении на Пречистенке в доме Степанова (Пречистенка, д. 7). С первых дней жизни музея Богданов активно включился в процесс управления его деятельностью. Уже 24 января 1873 г., на первом после открытия музея заседании Комитета, Богданов выступил с предложением учредить комиссию для составления годичного бюджета музея, обсуждения организации его штата, содержания и выработки правил для расходования сумм. Он принял участие в работе комиссии и от её имени на заседании Комитета 14 мая 1873 г. предложил образовать для управления музеем три коллегиальные инстанции — Комитет, Правление и специальные комиссии по отделам. Против решения комиссии выступил Делла-Вос: он возражал против множественности инстанций

управления, считая, что это будет сдерживать работу музея, а также высказывался за оплату работы директоров отделов и заведующих организационными комиссиями. Богданов вступил в полемику с Делла-Восом. Он особенно подчёркивал, что комиссия приняла за образец коллегиальное управление, существующее в университетах, при котором Правление решает все текущие дела и вносит на рассмотрение Комитета лишь общие и наиболее важные вопросы. Он также настаивал на том, чтобы только хранители отделов получали жалование, так как именно на них лежит вся исполнительская деятельность по отделам. Решения комиссии были приняты к исполнению. Впоследствии при отделах были созданы специальные комиссии, на которые, кроме составления программ коллекций и комплектования их, возлагались также и другие работы, как-то: организация чтений и «объяснений» коллекций, решение различных научных вопросов, возникавших в музее. Комиссиями руководили директора отделов, при которых они создавались. Первая такая комиссия была организована в 1873 г. при Отделе прикладной физики, в 1875 г. — при Техническом отделе музея.

Параллельно с решением этих вопросов Богданов привлёк внимание Комитета к проблеме выбора места для постоянного здания музея. Сравнивались два варианта размещения музея — на Лубянской площади и в Кремлёвских (Александровских) садах — с нескольких точек зрения: удобства размещения разнородных предметов, будущего развития музея, материальных затрат на возведение здания, доходности музея и возможности привлечения средств для поддержки и развития деятельности музея. Богданов ссылаясь на опыт Парижского музея естественной истории, Парижской всемирной выставки 1867 г. и Политехнической выставки 1872 г. и доказывал преимущества музеев павильонного типа. Наиболее удобным местом для размещения музея он считал Кремлёвские сады и предложил Комитету ходатайствовать о передаче их музею. Мнение Богданова было единогласно поддержано. В ответ на обращение Комитета последовало (в июле 1873 г.) высочайшее повеление о предоставлении части Кремлёвских садов (первого Александровского сада под Арсеналом) в постоянное пользование музея. Граница переданной части садов проходила по Троицкому мосту. Музей получил новую площадку фактически только 14 мая 1874 г. Зем-

ля передавалась в безвозмездное пользование, но за аренду расположенной в саду постройки музей должен был ежегодно выплачивать Дворцовой конторе около 700 руб. Таким образом, в распоряжении Комитета музея оказались два участка земли: на Лубянской площади, выделенный городом, и в Кремлёвском саду, принадлежащий ранее Императорскому Двору. Предполагалось, что в здании, которое будет возведено для Музея на Лубянской площади, разместится весь технический отдел с его подразделениями, а в Александровском саду расположатся в павильонах отделы по естествознанию и сельскохозяйственный.

При обсуждении вопроса о расходовании средств, выделенных правительством на строительство здания, мнения членов Комитета разделились: большинство ратовало за скорейшее возведение здания на Лубянской площади (князь В.А.Черкасский, И.К. Бакланов, А.Ю. Давидов, Н.А. Найдёнов), другие настаивали на разворачивание строительства сразу на обеих площадках (Д.А. Наумов, Н.А. Шохин). Богданов, находящийся в зарубежной поездке, передал своё мнение в письменной форме. Он уверял, что «передача всей субсидии постройке на Лубянской площади не есть откладывание на несколько лет постройки музея в садах, а положительное убиение садов и мысли о павильонной системе, хуже даже, чем прямое отрицание надобности садов для музея, и хуже потому, что такое постановление комитета ведёт в общем мнении к *fiasco* мысли о садах, к приданию хлопотам о них антрепренёрского увеселительного характера» (Девятое заседание..., 1876, с. 60). Дебаты по данному вопросу велись в Комитете весь год, в результате было решено приступить к проектированию зданий на двух участках одновременно. Из проектов здания музея на Лубянской площади был принят одобренный Императором проект фасада профессора И.А. Монигетти. План внутреннего размещения был составлен членом Комитета музея архитектором Н.А. Шохиним. Стоимость всего здания на Лубянской площади в несколько раз превышала средства, имевшиеся в распоряжении Комитета; пришлось ограничиться возведением только средней части здания, которая одна должна была стоить свыше 500 000 руб. Все проекты и сметы для зданий музея в Александровском саду были составлены архитекторами Н.В. Никитиным, Н.А. Шохиним, А.С. Каминским, Л.В. Далем и Д.Н. Чичаговым; стоимость всех

зданий по этим проектам оценивалась в 470 000 руб. Комитетом музея выбор был сделан в пользу Лубянской площади, строительство в Александровском саду пришлось отложить (Десятилетие Музея..., 1883).

Александровский сад нуждался в благоустройстве территории, должном содержании, охране, и существенно увеличил расходную часть бюджета музея. Комитет музея неоднократно обращался в Дворцовую контору с просьбой снять арендную плату за строение в саду, но получал отказы. Были также предприняты попытки привлечь средства для освоения участка: предполагалось сначала разрешить возведение заявленных предпринимателями строений учреждений, близких по духу целям музея, затем — за их счёт приступить к строительству павильонов для музея. К числу таких попыток принадлежали проекты устройства в саду панорамы Бельгийского Акционерного общества и Народного театра, которые были отклонены Министерством Императорского Двора (Пятьдесят первое заседание..., 1883). В 1885 г. Комитет музея поддержал два проекта: один — для привлечения внимания промышленников, об устройстве в саду постоянной выставки новых изобретений и усовершенствований, второй — чисто научного характера, представленный К.А. Тимирязевым проект опытной ботанической станции для физиологических исследований растений (Годичное заседание..., 1886). Но в 1887 г., исходя из материальных соображений, в отсутствии перспектив привлечения средств для реализации проектов, Комитет, приступив к постройке южного крыла здания на Лубянской площади, вынужден был расстаться с идеей размещения музейных отделов в саду и вернуть его в собственность Императорского Двора. Замыслу Богданова о создании в России музея прикладного естествознания павильонного типа не суждено было воплотиться в жизнь.

Закладка здания на Лубянской площади была произведена 9 мая 1874 г. и к весне 1877 г. строительство было окончено.

Задачи Музея прикладных знаний

30 мая 1877 г. на открытии музея в новом здании Богданов выступил с программной речью, в которой изложил свои взгляды на будущее музея как общеобразовательного учреждения. По его мнению, общеобразовательные музеи представляют в своей программе идеалы чистого знания, объясняемые примерами и фактами,

существенно важными для обыденной жизни. В борьбе между крайне отвлечёнными целями специального чистого знания и утилитаризмом, признававшим знание только как средство улучшить материальную жизнь, эти музеи являются «умерителями увлечений» той или другой стороны, доказывая тесную неразрывную связь «научного совершенства с совершенствованием человеческой обстановки». Он предупреждал об опасностях, подстерегающих музеи в процессе развития, о возможности превратиться из общеобразовательных в «бенефисные»: «Устроивши богатый музей, обставивши его полными и ценными собраниями, установивши строгий и удобный порядок ведения внешних его отправок по осмотру, хранению и тому подобному, легко почувствовать желание стать в стороне и наслаждаться плодами устроенного [...] Спокойное наслаждение в изящной обстановке понемногу притупляет энергию и наводит приятную дремоту. Такая дремота и самоуслаждение сделанным составляет главную опасность для успеха музеев [...] Музеи, устраивавшиеся сначала для привлечения наибольшей массы публики, начинают тяготиться ею [...] становятся монументами для осмотра именитых путешественников» (Богданов, 1877, с. 9). Избежать этого, по мнению Богданова, можно, если придерживаться следующих правил:

- постоянно поддерживать связь со школами и их целями;
- комплектовать свои собрания предметами, демонстрирующими успехи науки;
- развивать связи с учёными обществами и публичными курсами по различным научным предметам;
- не замыкаться в искусственную атмосферу кружка присяжных немногочисленных деятелей, а сделать учреждение центром всего живого, научного, всего искренно сочувствующего успехам знания;
- неустанно и постоянно стремиться к совершенствованию;
- сохранять тот идеал, с которым заложен первый камень общеобразовательного учреждения.

Богданов содействовал появлению нового направления в просветительской деятельности музея — публичных «воскресных объяснений» коллекций (Годичное заседание..., 1888). Как вспоминал Н.Ю. Зограф, Богданов «был всегда поборником того, чтобы коллекции музея не были безжизненным материалом, стоящим

в шкафах и охраняемым от пыли и моли. Он стремился к тому, чтобы эти коллекции действительно учили» (Зограф, 1898, с. 70). Богданов считал, что «объяснение коллекций» на местах (в экспозиции) не достигает цели по двум причинам: 1) постоянное вынимание предметов из шкафов может причинить им вред, 2) постоянная теснота из-за обилия посетителей мешает восприятию. Он выступил с идеей проводить в большой аудитории музея по воскресеньям общедоступные «объяснения коллекций» для публики, прежде всего простой, малообразованной и несведущей в области технических знаний. Для достижения этих целей рекомендовалось следующее: «1) выбирать такие предметы для объяснения, в которых наглядно, с помощью последовательного ряда моделей и опытов, можно было показать значение известного производства, известного специального вопроса или известной группы предметов прикладного естествознания; 2) при объяснениях учить более наглядно, рассчитывать более на впечатлительность глаза и прилагать словесное изложение только как дополнение к выставленному и подобранному систематично и образно, только как к неизбежной и необходимой связи между отдельными членами показываемого ряда» (Богданов, 1878, с. vii).

Богданов предложил привлечь к этой новой форме популяризации знаний специалистов-практиков, т. к. полагал, что хорошим популяризатором будет, прежде всего, человек, хорошо и близко знакомый с тем делом, которое он берётся объяснять. Комитет музея поддержал это начинание, но уже на начальном этапе подбора специалистов столкнулся со скептицизмом и неверием в реализацию задуманного дела. Как пишет Богданов, «одни считали бесполезным делать что-либо для подобной неподготовленной массы и полагали, что Музей гораздо более достигнет серьёзного успеха, если поможет своими собраниями нескольким специалистам при их работах [...] Другие полагали, что из подобных объяснений ничего не выйдет, если иметь в виду необразованный класс, который ничего не вынесет из них, да и не станет интересоваться ими; поэтому считали наиболее рациональным держаться уровня обыкновенных чтений и имели в виду людей, подготовленных школой к уразумению различных технических вопросов» (там же). Чтобы продемонстрировать свою идею и рассеять недоверие к новой форме публичных высту-

плений, Богданов сам провёл несколько первых «воскресных объяснений». Для полноты раскрытия темы и доступного изложения вопроса эти «объяснения», кроме демонстраций музейных предметов, сопровождались также показом теневых картин с помощью «волшебного фонаря». Первое «воскресное объяснение коллекций» состоялось 2 октября 1877 г. Тему «Собрание паразитов из класса червей» читал профессор Богданов. «Объяснения» проводились бесплатно в большой аудитории музея (в центральной части здания) с октября по апрель по воскресеньям дважды в день. В год проходило по 56 лекций. «Воскресные объяснения» пользовались огромным успехом у москвичей, самая вместительная аудитория музея (на 450–500 мест) с трудом вмещала всех желающих. До осени 1914 г., когда аудитория была переоборудована под лазарет для раненых воинов, Музей провёл около 2000 «объяснений». По предложению Богданова Комитет музея стал печатать тексты «объяснений»; он же в 1878 г. выступил составителем и редактором первого выпуска. Издание «Воскресных объяснений коллекций» на долгие годы стало важнейшим направлением работы музея. В последние годы жизни Богданов размышлял, желая распространить идею «воскресных объяснений» на более подготовленную аудиторию, о путях создания народного университета в музее, где слушатели смогли бы получать систематическое образование по различным областям знаний.

В 1887 г., считая, что позиции музея в русском обществе достаточно укрепились, а также имея в виду предстоящее расширение экспозиции (строительство второй очереди здания), Богданов вместе с председательствующим в Комитете Наумовым поставил новую задачу перед музеем: «Пора Музеем выйти из тесных рамок общеобразовательного учреждения. Параллельно с этим серьёзным назначением пора ему по мере средств и возможности служить также производительным силам нашей промышленности. Необходима связь между Музеем и практическим миром, выраженная во взаимной помощи на пути к усовершенствованию» (Годичное заседание..., 1888, с. 22). Продолжая линию популяризации коллекций, музей приступил к организации периодических выставок по различным отделам, в которых предполагалась максимально наглядная демонстрация современных действующих приборов и аппаратов. К участию в этих выставках музей приглашал

фирмы и отдельных лиц, с которыми ранее было налажено успешное сотрудничество. Новые экспонаты должны были дополнять музейные коллекции. Первым опытом подобных выставок стала Электротехническая выставка в 1887 г. Экспонентами были: фирмы «Е.С. Трындина и сыновья», «Стеффен и Леман», физический отдел музея, Московское телеграфное управление и отдельные предприниматели и инженеры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политехническому музею (Музею прикладных знаний) в Москве Богданов посвятил около 30 лет жизни. В упорной борьбе, преодолевая сопротивление и ломая установившиеся стереотипы, он воплотил в жизнь свою главную мечту — публичный общеобразовательный музей в России. Не все направления этого грандиозного предприятия ему удалось реализовать, но он смог привлечь к своей идее внимание и поддержку многих лиц из среды московских учёных, властей и деловых кругов страны. Объединив их усилия, Богданов не только инициировал создание Политехнического музея, но и на протяжении почти четверти века направлял его деятельность. Следуя его заветам, Политехнический музей, созданный более 140 лет назад, и в наши дни является одним из ярчайших образцов просветительской деятельности в стране, центром активного распространения научно-технических знаний среди широких слоёв общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданов А.П. 1874а. Доклад Московской общей Думе об устройстве в Москве общеобразовательного политехнического музея. — Зенгер Н.К. (ред.). Московский музей прикладных знаний. Материалы, касающиеся устройства музея, речи, произнесенные при его открытии 30 ноября 1872 года и отчет Высочайше учрежденного Комитета музея за первый год его существования по 30 ноября 1873 года. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 15: 3–11.
- Богданов А.П. 1874б. Общеобразовательный политехнический музей в Москве. — Зенгер Н.К. (ред.). Московский музей прикладных знаний. Материалы, касающиеся устройства музея, речи, произнесенные при его открытии 30 ноября 1872 года и отчет Высочайше учрежденного Комитета музея за первый год его существования по 30 ноября 1873 года. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 15: 13–21.

- Богданов А.П. 1877. Задачи будущего по отношению к Московскому политехническому музею. Москва: Типогр. Лаврова М.Н. и К°. 12 с.
- Богданов А.П. (ред.). 1878. Московский музей прикладных знаний. Воскресные объяснения коллекций Политехнического музея в 1877–78 году. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 22 (4): v–ix.
- Годичное заседание Высочайше учрежденного Комитета для устройства в Москве Музея прикладных знаний. 30 ноября 1885 г. Тринадцатая годовщина. 1886. Москва: Типогр. Карцева А.А. 59 с.
- Годичное заседание Высочайше учрежденного Комитета для устройства в Москве Музея прикладных знаний. 30 ноября 1887 г. Пятнадцатая годовщина. 1888. Москва: Типогр. Карцева А.А. 207 с.
- Девятое заседание Комитета музея 19 января 1874 г. 1876. — Зенгер Н.К. (ред.). Московский музей прикладных знаний. Материалы для истории устройства музея и отчет Высочайше учрежденного Комитета музея за третий год его существования по 30-е ноября 1875 года. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 22 (1): 43–74.
- Делла-Вос В.К. 1874. Речь о задачах Музея прикладных знаний, произнесенная при открытии музея 30 ноября 1872 г. — Зенгер Н.К. (ред.). Московский музей прикладных знаний. Материалы, касающиеся устройства музея, речи, произнесенные при его открытии 30 ноября 1872 года и отчет Высочайше учрежденного Комитета музея за первый год его существования по 30-е ноября 1873 года. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 15: 58–62.
- Десятилетие Музея прикладных знаний в Москве. 30 ноября 1872 г. — 30 ноября 1882 г. 1883. Москва: Типогр. Карцева А.А. 80с.
- Зограф Н.Ю. 1898. Анатолий Петрович Богданов, инициатор и организатор Московского музея прикладных знаний. — Высочайше учрежденный Комитет по устройству музея прикладных знаний в Москве. Двадцатипятилетие Музея прикладных знаний в Москве. 30-ое ноября 1872 — 30-ое ноября 1897 г. Москва: Русская типо-лит. С. 68–70.
- Пятьдесят первое заседание Комитета музея 7 октября 1881 г. 1883. — Левицкий В.Д. (ред.). Московский музей прикладных знаний. Заседания Комитета музея за 1877–82 годы. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 36 (3): 70–72.
- Тридцать девятое заседание Комитета музея 10 октября 1877 г. 1883. — Левицкий В.Д. (ред.). Московский музей прикладных знаний. Заседания Комитета музея за 1877–82 годы. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 36 (3): 21–23.
- Шпаков В.Н. 2000. Парижская выставка, 1867 г. (<http://www.uefexpo.tu/?id=44956>).
- Щуровский Г.Е. 1874. Речь, произнесенная при открытии Политехнического музея 30 ноября 1872 года. — Зенгер Н.К. (ред.). Московский музей прикладных знаний. Материалы, касающиеся устройства музея, речи, произнесенные при его открытии 30 ноября 1872 года и отчет Высочайше учрежденного Комитета музея за первый год его существования по 30-е ноября 1873 года. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 15: 53–58.

А.П. БОГДАНОВ: ОТ ВЫСТАВОК К НАУКЕ АНТРОПОЛОГИИ*

Е.И. Балахонова

НИИ и Музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова; balakhonova@gmail.com

Статья посвящена деятельности Анатолия Петровича Богданова по созданию и утверждению антропологической науки в России. Эта идея зародилась у него в 1862 г. при обсуждении в тесном кругу единомышленников, однако понадобилось 20 лет жизни и три грандиозных выставки, чтобы замысел стал реальностью. В 1863 г. А.П. Богданов создаёт Общество любителей естествознания, а в конце 1864 г. — Антропологический отдел при нём, который стал первым Антропологическим обществом в России и третьим в Европе. В 1867 г. состоялась Этнографическая выставка, которая имела большое значение для популяризации знаний по антропологии и этнографии среди населения. На основе материалов выставки в Москве был создан Этнографический музей, получивший имя «Дашковского». Активная общественная деятельность А.П. Богданова в период подготовки Политехнической выставки и успех последней способствовали тому, что были получены деньги и разрешение на учреждение кафедры антропологии при Московском университете. Окончательно решить вопрос с преподаванием антропологии и организацией систематических исследований позволила Антропологическая выставка, которая проходила в Москве в 1879 г. Основными задачами выставки было ознакомление общественности с основами науки о человеке, оснащение кафедры антропологии образовательным материалом и создание Музея антропологии, что произошло в 1883 г.

A.P. BOGDANOV: FROM THE EXHIBITIONS TO THE SCIENCE OF ANTHROPOLOGY

E.I. Balakhonova

Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University; balakhonova@gmail.com

The article investigates activity of Anatole Petrovitch Bogdanov aimed at the creation and establishment of the anthropological science in Russia. The idea was conceived by him in 1862 during discussions with his colleagues, but it took him 20 years of hard work and three exhibitions, namely Ethnographical (1867), Polytechnic (1872) and Anthropological (1879), to turn an intention into the reality. A.P. Bogdanov organized the Society of Amateurs of Natural History in 1863 and the Anthropological Department within it at the end of 1864, which became the first Anthropological Society in Russia. The Ethnographic Exhibition was held in 1867 and played an important role in popularization of anthropology and ethnography among people. The Ethnographic Museum, known as the “Dashkov Museum”, was opened in Moscow on the basis of the materials displayed at that Exhibition. Great social activity of A.P. Bogdanov in preparing the Polytechnic Exhibition and the latter’s success allowed Bogdanov to gain both money and permission for opening of the Anthropology Division at the Moscow University. It was the Anthropological Exhibit held in Moscow in 1879 that helped

*Работа выполнена в рамках госзаказа. Номер государственной регистрации ЦИТиС 01201368667.

Bogdanov to solve the problems with teaching and studies in anthropology. The key goals of that Exhibition were to popularize the essential principles of anthropology, to obtain studying materials for the above Division, and to establish the Anthropological Museum, which occurred in 1883.

Среди огромного количества научных и организационных достижений Анатолия Петровича Богданова антропология занимает особое место. Кроме того, что он стал родоначальником изучения палеоантропологии в России, разработав методические основы проведения раскопок и обработки материала, параллельно этому он фактически посвятил свою жизнь организации антропологии как самостоятельной науки в нашей стране.

Во всём мире в середине XIX в. антропология находилась в зачаточном состоянии и служила предметом интереса людей самых разных специальностей. Начавшаяся в XV в. «эпоха великих географических открытий» продолжалась и в XIX в., вылившись в «эпоху колонизации». Не вдаваясь в политические и экономические подробности данного явления, нужно сказать, что оно способствовало развитию значительного интереса к культурам и физическому облику традиционных сообществ как со стороны широкой публики, так и стороны образованной части общества.

По всей Европе в этот период формируются центры по изучению антропологии, объединяющие людей различного рода деятельности — врачей, зоологов, географов, геологов, путешественников, этнографов, лингвистов, историков, психологов и других. Все они были объединены интересом к многообразию народов и племён, стремлением уйти от простого описания этого многообразия к пониманию возникновения и развития различий во времени и пространстве. В их задачи входили: разработка методических основ изучения морфологических особенностей современного и древнего населения, анализ эволюционных изменений, распространение знаний среди населения с помощью выставок, популярных лекций и публикаций.

А.П. Богданову предстояло пройти нелёгкий путь, чтобы вывести антропологию из категории предмета «с полулитературным и полупублицистическим» (Богданов, 1878а) содержанием в строгую систему сбора и изучения фактических данных, ввести её в круг университетских дисциплин, а заодно внедрить её в общественное сознание. Описания населения экзотических уголков Земли встречаются во

многих произведениях отечественных путешественников XVII и начала XIX вв., однако они имеют скорее художественно-литературный, нежели научный характер. Для начального развития антропологии в России многое было сделано Карлом фон Бэр. К числу его «антропологических» заслуг нужно отнести систематизацию краниологических коллекций Анатомического кабинета Академии наук в Петербурге, ставшего в дальнейшем частью современного Музея антропологии и этнографии. На основании изучения этой коллекции Бэр написал работы, сделавшие его основоположником изучения антропологического типа курганного славянского населения России и прямым предшественником выдающихся работ А.П. Богданова в этой области. Тем не менее, лишь с работ А.П. Богданова и его коллег начинается непрерывная линия дальнейшего развития всей российской антропологической науки.

КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ

Биографы А.П. Богданова пишут о том, что ещё в 1862 г. вокруг него собрался кружок молодых преподавателей, студентов и исследователей-любителей, которые обсуждали текущие проблемы естествознания (Левин, 1960; Юровская, 2004). Все они были последователями К.Ф. Рулье — научного руководителя А.П. Богданова и некоторых его товарищей. Собрания проходили в собственном доме Анатолия Петровича в Москве в Спасопесковском переулке (д. № 3, в настоящее время не сохранился). Принятый в 1863 г. новый университетский устав обеспечил университетам существенную автономию и позволил учреждать новые общественные объединения. И вот 15 октября 1863 г. состоялось собрание (в нём приняли участие Н.К. Зенгер, М.А. Толстомятов, А.Н. Коробчиевский и Н.Я. Березницкий), на котором А.П. Богданов выступил с проектом основания при университете нового естественноисторического общества, «составленного не из одних только специалистов, но также и из любителей, которое поставило бы себе целью усиление средств к изучению естествоведения, в которых чувствовался крайний недостаток, позаботилось бы об изучении местных произведений и распространении есте-

ственно-исторических сведений в массе публики» (Бензенгр, 1878, с. 1).

Эта задача была далеко не такой простой, как может показаться. Для открытия Общества требовалось разрешение университетской администрации и Министерства просвещения. Кроме того, с 1805 г. в России уже существовало Общество испытателей природы, носившее довольно «закрытый» характер. Его членами могли стать только квалифицированные учёные, доказавшие свою научную состоятельность. Они обсуждали научные проблемы в кругу учёных и для учёных и печатали труды на иностранных языках, чтобы они были доступны мировому научному сообществу. Просвещение и популяризация науки в их задачи не входили. Естественно, создание ещё одного научного общества встретило сопротивление из-за боязни параллелизма в темах, «дробления сил», конкуренции. В таких условиях А.П. Богданову необходимо было не только заручиться поддержкой влиятельных лиц, но и создать такой устав Общества, который прочно обосновывал бы его создание.

Благодаря объединённым усилиям был разработан устав, в котором целью создания Общества любителей естествознания (ОЛЕ) было объявлено «изучение губерний Московского учебного округа в естественно-историческом отношении» и «распространение естествознания в массе публики» (Протоколы..., 1866, с. 1). При этом в круг предметов занятий Общества вошли: «1) собирание естественных предметов и произведений в губерниях Московского учебного округа и составление систематической коллекции оных при зоологическом и минералогическом музеях Московского университета; 2) описание новых и интересных форм животных, растений и минералов, как поступающих в университетские музеи, так и уже находящиеся в них; 3) приобретение коллекций животных и минералов, не достающих в систематических собраниях музеев и важных в научном отношении, равно как и специально зоологических и минералогических сочинений, необходимых для определения и изучения предметов органических царств; 4) составление экскурсий и экспедиций для собирания естественно-исторических предметов; 5) издание систематического описания губерний Московского Учебного Округа в естественно-историческом отношении, равно как и других трудов по естествоведению вообще, признанных Обществом по-

лезными для распространения; 6) устройство публичных лекций по предметам естествоведения; 7) корреспонденция как с русскими, так и с иностранными учёными по предметам естествоведения» (там же). Несмотря на довольно узкие рамки деятельности, определённые уставом, в дальнейшем деятельность Общества существенно расширилась.

За поддержкой А.П. Богданов обратился к заведующему кафедрой русской истории профессору С.М. Соловьёву и к декану физико-математического факультета А.Ю. Давидову. Но основную поддержку Анатолию Петровичу оказал профессор Георгий Ефимович Щуровский (1803–1884). В середине XIX в. Щуровский, наряду с К.Ф. Рулье, был одним из выдающихся и наиболее популярных профессоров-естественников в Москве. Кроме лекций по курсу геологии в Московском университете, он читал множество публичных лекций и писал популярные статьи о геологии. Именно им была разработана и успешно применялась так называемая система «экскурсионного просвещения». Вот как он сам описывает свой опыт: «За несколько дней объявлялось в газетах, что профессор приглашает желающих на геологическую экскурсию в такую или другую местность, и — разумеется, в такую, которая находится по соседству с Москвой и представляет много интереса не только чисто научного, но и прикладного или практического. На такие экскурсии стекалось иногда до 200 человек и более людей различного возраста и звания. Несмотря на их неодинаковый уровень образования, мне всегда удавалось поддерживать их внимание от начала до конца. Одни интересовались ископаемыми, встречающимися внутри земли, другие — моими практическими замечаниями относительно песчаников, глин, известняков и других пород, но все вообще были одинаково заинтересованы, когда я переходил к геологическим выводам относительно прежнего состояния той местности, которая была предметом экскурсии. После этого я приглашал публику предлагать мне вопросы для разрешения того, что показалось ей не совсем ясным, и тогда начиналась между мною и ею самая дружеская беседа» (из речи Г.Е. Щуровского на I съезде естествоиспытателей в 1867 г.; цит. по: Райков, 1951, с. 560). По мнению Б.Е. Райкова, «Щуровского надо считать в числе лучших популяризаторов науки в России, причём эта деятельность отнюдь не была для него случайной. Она входила в его программу

истинного служения народу со стороны учёного сословия» (там же, с. 574). Не чужд был Щуровский и антропологическим темам, касаясь их в своих научных работах.

Устав нового Общества был утверждён Советом Московского университета 14 декабря 1863 г. и Министром народного просвещения 14 марта 1864 г. (Протоколы..., 1866). В противоположность Обществу испытателей природы, ОЛЕ одной из основных своих задач выдвигало популяризацию научных знаний и распахивало двери для всех интересующихся наукой. Появление такого научного общества в 60-х годах XIX в. не было случайностью, оно стало выражением демократических устремлений русской интеллигенции, потребностей развития отечественной науки (Юрковская, 2004).

Именно Г.Е. Щуровскому было предложено занять пост президента Общества, который он принял и занимал до самой своей кончины в 1884 г. На пост вице-президента был избран профессор математики А.Ю. Давидов. Сам А.П. Богданов оставался рядовым членом ОЛЕ практически на протяжении всей своей жизни, лишь после смерти Г.Е. Щуровского приняв на себя пост президента на три года.

Одна из замечательных особенностей российской науки XIX в. состоит в том, что она оставила нам подробные отчёты своих собраний, научных изысканий и диспутов, зафиксированные в многочисленных «Протоколах...» и «Известиях...». С годами ценность этих изданий только возрастает: благодаря им мы можем проследить развитие идей фактически с самого их появления и проанализировать всю обстановку в антропологии в целом. Так, изучение самых первых протоколов ОЛЕ (Протоколы..., 1866, 1867) позволяет предположить, что мысль о развитии антропологической науки в России владела А.П. Богдановым ещё до основания Общества. Вопросы, связанные с изучением жизни различных народов как в настоящем, так и в прошлом поднимались, начиная с первого заседания Общества, которое состоялось 14 мая 1864 г. Уже на третьем заседании 14 октября 1864 г. Анатолий Петрович выступил с предложением об организации в рамках ОЛЕ специального Отдела антропологии, ссылаясь на то, что «изучение антропологических остатков» было поставлено как специальная задача в программе работы Общества, а также на то, что его Устав позволяет учреждать в его рамках отделы. Для обсуждения данного предложения на

том же заседании была образована комиссия, в состав которой вошли сам А.П. Богданов, историк профессор И.Д. Беляев, Н.Г. Керцелли, Д.П. Сонцов и А.П. Федченко.

На очередном заседании 4 ноября 1864 года А.П. Федченко представил следующий проект Устава Антропологического отдела ОЛЕ:

«§ 1) Для изучения в Антропологическом и Этнографическом отношениях, как России вообще, так и преимущественно губерний Московского Учебного Округа, учреждается на основании § 15 Устава, при Обществе Любителей Естествознания особое Антропологическое Отделение.

§ 2) Предметы занятий Отделения:

а) Составление коллекций черепов и скелетов и описание их.

б) Составление коллекций современных народных костюмов и предметов из домашнего быта, интересных в этнографическом отношении.

в) Изучение населения Московского Учебного Округа в этнографическом отношении.

д) Раскопка похоронных курганов и описание находимых в них остатков.

е) Отчёты и разборы сочинений, выходящих по антропологии и русской этнографии.

ж) Корреспонденция как с русскими, так и с иностранными учёными по предметам, касающимся занятий Отделения.

[...]

§ 4) Вся внутренняя деятельность Отделения определяется самим Отделением, которое только в особенных случаях спрашивает согласие Общества» (Бензенгр, 1878, с. 4).

Здесь нужно сказать несколько слов о том, кто были эти люди. Дмитрий Петрович Сонцов (1803–1875) — представитель той самой когорты исследователей-любителей, участие которых в работе ОЛЕ только приветствовалось. Дворянин, военный по образованию, участник нескольких военных кампаний, к 1864 г. вышел в отставку и составил себе имя как увлечённый нумизмат и собиратель древностей. К этому времени им были опубликованы такие крупные работы, как «Роспись древней русской утвари из церковного и домашнего быта до XVIII столетия, находящейся в Археолого-нумизматическом хранилище» (Москва: Типография В. Готье, 1857 г.) и два тома исследований под названием «Деньги и пулы древней Руси, великокняжеские и удельные» (Москва: Университетская типография, 1860, 1862 гг.).

Николай Григорьевич Керцелли (1821–1882) — также из категории исследователей-любителей. Он окончил 1-ю Московскую гимназию, но не имел университетского образования. Долго служил чиновником в Московском отделении сената и пришёл в науку уже в довольно зрелом возрасте. Тем не менее, его глубокий интерес, тщательность в проведении исследований и аккуратность в хранении музейных коллекций сделали его заметной личностью в научном обществе. Он был хранителем коллекций Общества любителей естествознания, Румянцевского и Дашковского музеев, составил каталоги этих собраний и опубликовал их. Керцелли участвовал в антропологических и археологических раскопках А.П. Богданова. В 1877 г. он был командирован Комитетом Антропологической выставки на Кавказ для сбора палеоантропологического материала. Керцелли — действительный член многих научных обществ, в том числе: Императорского русского общества акклиматизации животных и растений, Парижского общества акклиматизации, Императорского общества любителей естествознания при Императорском Московском университете, Комитета шелководства при Императорском обществе сельского хозяйства, Московского общества распространения технических знаний и др.

Алексей Павлович Федченко (1844–1873), в дальнейшем прославивший свое имя грандиозной экспедицией в Туркестан (Ефимова, 2010), в 1864 г. только что окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Однако уже к этому времени Алексей Павлович определился как человек очень широких интересов в естествознании. В 1862–1863 гг. он составил гербарий флоры Московской губернии, также интересовался описанием насекомых и возглавил Энтомологическую комиссию, созданную при ОЛЕ несколько позже. Федченко испытывал большой интерес к антропологии: уже на первых заседаниях ОЛЕ он выступал с докладами по этнографии различных народов, в дальнейшем занимался краниологией, как совместно с А.П. Богдановым, так и самостоятельно.

На том же заседании устав Антропологического отдела был утверждён и определено руководство отдела. В него вошли: Дмитрий Петрович Сонцов — как директор, Алексей Павлович Федченко — как секретарь, Николай Григорьевич Керцелли — как хранитель коллекций отдела.

Таким образом, был сделан первый шаг на пути к созданию научной базы по развитию антропологии в России. Фактически, Антропологический отдел ОЛЕ стал третьим Антропологическим обществом в Европе¹, которое сразу же поставило перед собой весьма масштабные задачи.

ПЕРВАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА, КОТОРАЯ СТАЛА ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ

О том, как проходила работа по подготовке и проведению Этнографической выставки, А.П. Богданов рассказал сам в книге, которая вышла только в 1878 г. (Богданов, 1878б).

Уже 9 декабря 1864 г. на втором заседании Антропологического отдела, проходившем совместно с шестым заседанием ОЛЕ, А.П. Богданов представил доклад об устройстве Антропологической выставки и при ней курса антропологии.

«Ни одна часть естествознания не заслуживает больших усилий со стороны Общества для распространения основательных сведений в массе публики, как антропология. Никто, вероятно, не станет спорить с тем, что публика более знакома с главнейшими особенностями племён Африки и Австралии, чем с племенами, населяющими Россию. Поэтому ничто не может так подходить к цели нашего Общества, как серьёзное ознакомление массы с этими племенами. Кроме того, ни одно государство на свете не представляет такого научного интереса в изучении черепов различных племён, как Россия, на что уже несколько лет тому назад указано было нашим почётным знаменитым членом К.М. Бэр. Желательно было бы вследствие того, чтобы Общество устроило антропологическую и краниологическую коллекцию, доступную публике и могущую служить ей самой поучительною книгой. Уже с самого первого основания своего Общество наше поставило это своею целью и потому вопрос может быть только о том пути, по которому возможно достигнуть этой цели.

Мы думаем, что этого достигнуть можно устройством антропологической выставки, преимущественно русских племён, по той программе или, лучше сказать, в том виде, как устроено антропологическое отделение в Сиденгамском хрустальном дворце². Опыт показал, что ни публичные лекции, ни популярные сочинения не могут так ознакомить публику с главнейшими антропологическими данными и заинтересовать

её антропологическими сведениями, как подобные наглядные и изящные коллекции. Поэтому желательно было бы устроить в Московском экзерциргаузе подобную выставку, разделив её на два отделения: собственно антропологическое и этнографическое. На такой выставке представители главнейших племён должны быть размещены в их естественной обстановке, с атрибутами их домашнего быта, и каждая группа должна быть размещена так, чтобы она выражала какую-нибудь характеристическую черту этого последнего. Группы племён должны быть размещены в их географической последовательности, так, чтобы зритель, начавши с обитателей полярных стран и постепенно переходя к тропическим, мог составить себе понятие о размещении племён на земном шаре. Группы различных племён могут быть окружены типическими растениями и животными тех же местностей.

Бесспорно, такая выставка, сопровождаемая публичным курсом антропологии, который бы служил пополнением и объяснением её, при изящной и удовлетворительной обстановке, вызовет полное внимание публики и заинтересует её. Новизна и интерес самого предмета могут положительно ручаться за это.

Для устройства такой выставки, по приблизительным расчётам, необходимо двадцать тысяч рублей серебром, так как составление коллекций русских племён и черепов потребует отправления особых экспедиций из двух специалистов и двух художников на север и юг России, которые должны будут снять верные бюсты с представителей этих племён, запастись костюмами и различными домашними принадлежностями. Типы американских, африканских и других племён могут быть копиями с групп Сидэнгамского дворца.

Плата за вход от посетителей выставки и публичных лекций, основываясь на примере прошлых выставок, наиболее удавшихся, вероятно достигнет пятнадцати тысяч рублей серебром. Если такую же выставку повторить затем в Петербурге, то можно с уверенностью сказать, что вся сумма, имеющая быть издержанною на устройство выставки, возвратится. Но если бы даже был недочёт от 6 до 8 тысяч руб. сереб., то учредители выставки всегда могут рассчитывать, что хорошо составленная коллекция племён, преимущественно русских, будет приобретена или каким-нибудь государственным учреждением, или же, в крайнем случае, чего

не желательно, может быть продана за границу. Но во всяком случае, если даже Комитет выставки будет постановлен в необходимость продать большую часть коллекции, то Общество, кроме заслуги ознакомления публики со многими антропологическими данными, имело бы ещё ту выгоду, что вся краниологическая коллекция, составленная для этой выставки, а также и часть групп племён, остались бы в полную собственность общества.

Если Общество одобрит эти предложения, то ниже подписавшиеся предлагают ему свои услуги, на основании правил, приложенных к этому мнению.³

Подлинное подписали: Гр. Щуровский, Д. Сонцов, А. Богданов, Н. Керцелли, Н. Зенгер⁴, В. Соболев⁵, Н. Березницкий⁶, А. Федченко» (Богданов, 1878б, с. 4).

А.П. Богданов предполагал дать выставке двойное название — «Антропологическая и Этнографическая»; однако, как пишет в своём историческом очерке Н.В. Бензенгр, «отчасти по преобладанию и наглядности Этнографического материала, отчасти же из-за непонятного в то время для большинства публики слова “антропология”, могшего подать повод к разным толкам, выставка сохранила только половину своего названия — “Этнографическая”, утратив вторую половину первоначально предложенного — “Антропологическая”, хотя, собственно говоря, половина эта, по богатству, новости и разнообразию собранных предметов, занимала весьма видное место» (Бензенгр, 1878, с. 3).

Ещё более конкретно на антропологический характер предполагавшейся выставки указывал сам Анатолий Петрович в своей автобиографии: «Эта выставка по плану, предложенному Богдановым, должна была быть преимущественно антропологической, но таковою осуществиться не могла за малым числом сотрудников и за малым интересом вообще к антропологии в России» [АРАН. Ф.446. Оп.1а. Л.8; цит. по: Райков, 1959, с. 335].

По расчётам инициативной группы стоимость проведения выставки должна была составить 20 тыс. руб. Для сбора средств была придумана система выкупа паёв в 1000 руб., которые по окончании выставки и получения дохода предполагалось вернуть пайщикам с прибылью. Время шло, были разработаны инструкции по сбору антропологического и этнографического материала, инструкции для художников и фотографов, выстроена программа выставки,

обсуждались вопросы создания манекенов, постановки групп народностей. Предполагалось организовать экспедиции для сбора материалов, которые в дальнейшем смогли бы стать основой для изучения этнографии и антропологии в Московском университете, но средств для осуществления всего этого не было. Два пая по 1000 руб. выкупил сам А.П. Богданов, и к маю 1865 г. это пока были единственные финансовые средства комитета.

В это время помощник директора организованного в 1861 г. Московского публичного музея, В.А. Дашков, предложил принять на себя расходы Общества по организации и проведению выставки. Он согласился предоставить недостающую сумму в 18 тыс. руб., однако с условием, что коллекции по этнографии будут переданы в собственность музея, находящегося под его попечительством, для организации в нём отдела по материальной культуре России, а коллекции антропологические и археологические — в собственность ОЛЕ для передачи Московскому университету.

Василий Андреевич Дашков (1819–1896) получил диплом юридического факультета Московского университета (1841 г.). С юных лет интересовался этнографией. Ещё будучи гимназистом собирал материалы по географии, природным ресурсам, истории и этнографии Олонецкой губернии. Результатом этого явилась книга «Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях» (1842 г.). С 1841 г. служил в канцелярии секретного отделения, затем входил в попечительские советы тюрем и богоугодных заведений Московской области. С 1860 г. он был назначен на должность помощника попечителя Московского учебного округа. С 1862 г. Дашков — помощник директора Московского публичного румянцевского музея, а с 1867 г., после отделения Управления музеев от управления Московского учебного округа, — директор Музеев; оставался на этом посту 29 лет, до самой своей кончины. В 1865 г. он стал председателем Комитета ОЛЕ по проведению Этнографической выставки.

В подготовке выставки проявился большой организаторский талант А.П. Богданова. С одной стороны, он сумел обеспечить содействие властей, а с другой привлечь к собиранию материалов выставки самые широкие круги населения России. Программа выставки была утверждена лично Императором Александром

II по представлению министра народного просвещения, а Великий князь Владимир Александрович стал почётным председателем организационного комитета выставки.

Пожертвования поступали от членов императорской семьи, от государственных деятелей и просто отдельных граждан. Что касается экспонатов выставки, то значительная их часть была предоставлена в дар действительными членами ОЛЕ, другими учёными, путешественниками, а также любителями старины среди дворянства, купечества, разночинных слоёв российского общества, частично же экспонаты закупались и создавались за счёт объединённых средств. Императорское русское географическое общество (ИРГО) безвозмездно передало на московскую выставку 19 своих манекенов в костюмах инородцев: алеутов, хантов, бурят, казахов, гурийцев, черкесов и других.

А.П. Богданов разработал программу сбора экспонатов с учётом инструкции, действовавшей в ИРГО. Были разработаны инструкции для художников, фотографов, правила для экспонентов русской этнографической выставки.

Этнографическая выставка была открыта 23 апреля 1867 г. на Моховой улице в здании Манежа и стала крупным научным и общественным событием. В связи с выставкой в Москве состоялся Славянский съезд, на который собрались крупнейшие учёные из Европы.

Экспозиция Этнографической выставки состояла из трёх основных частей, названных её устроителями «отделами»: этнографического, антропологического и археологического.

Этнографический отдел был самым комплексным и подразделялся на три подотдела: подотдел групп, общий этнографический подотдел и иллюстративный подотдел. В первом из них было представлено 288 манекенов народностей, населяющих Российскую империю и соседние с ней славянские земли, объединённых в группы восточных, западных и южных славян, а также малых «инородческих племён» от жителей «Русской Америки» (алеутов и тлинкитов) до цыган, крымских татар и немецких колонистов. Эти манекены были объединены в живописные группы и показаны в обстановке их быта. В экспозиции общего этнографического подотдела демонстрировались отдельные костюмы и их части, предметы домашней утвари, орудия охоты и вооружения, модели жилищ и средств передвижения разных народов. Иллюстративный подотдел объединил в себе более

полутора тысяч фотографий, рисунков и альбомов, посвящённых народам мира.

Антропологический отдел на Этнографической выставке состоял из трёх подразделов: кранио-остеологического, анатомического и методического, в котором был показан разнообразный антропологический инструментарий, применяемый в то время. В кранио-остеологическом подразделе были выставлены муляжи находок доисторических предшественников человека из Неандертала, Гибралтара и Ментона, а также курганное собрание из 180 скелетов, 145 черепов и сопровождающих их археологических находок Московской губернии, составленное и изученное непосредственно самим А.П. Богдановым. Общая численность экспонатов подраздела составила 526 экземпляров. В общей сложности в Антропологическом отделе на Этнографической выставке было показано около тысячи экспонатов.

Археологический отдел включал более 300 экспонатов, доставленных из разных концов России. Это были как вещи из археологических раскопок курганов, так и собрания редкостей более поздних веков.

На основании материалов выставки под руководством А.П. Богданова был составлен альбом фотографий русских типов, после закрытия выставки переданный в копиях Парижскому и Лондонскому антропологическим обществам.

В течение двух месяцев Этнографическую выставку посетило более 83000 человек различных сословий, она покрыла все расходы на организацию и принесла 4650 руб. чистого дохода. Комитет выставки смог вернуть В.А. Дашкову ссуженные им деньги в 18 тыс. руб. Кроме того, ОЛЕ приобрело в собственность обширную этнографическую коллекцию, которую по окончании выставки передало безвозмездно в собственность Московского публичного музея с наименованием её «Дашковским Этнографическим музеем, устроенным при содействии Императорского Общества Любителей Естествознания при Московском Университете». Коллекция состояла из 288 манекенов, 450 костюмов и 1200 предметов домашнего быта, орудий и моделей и до 2000 рисунков и фотографий. Согласно приблизительным расчётам Комитета выставки стоимость переданных коллекций составила от 50 до 75 тыс. руб. серебром.

Этнографическая выставка имела большое значение для популяризации знаний по антро-

пологии и этнографии среди населения. Она принесла широкую известность ОЛЕ. В конце 1867 г. ему был присвоен титул Императорского и оно было переименовано в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ) с правительственной субсидией в 2500 руб. в год (Юровская, 2004, с. 42).

К сожалению, Этнографическая выставка позволила лишь частично воплотить замыслы Анатолия Петровича. Он говорил об этом на открытии Антропологической выставки в 1879 г.: «Общество любителей естествознания, сознавая необходимость введения систематического преподавания по антропологии [...] уже в 1867 году заботилось об устройстве такой кафедры в университете. С этой целью между прочим устроена была Обществом Этнографическая выставка [...] Не успевши основать в 1867 году Антропологический музей, Общество устроило только Этнографический» (Богданов, 1879, с. 8).

Московский университет и Общество высоко оценили труды А.П. Богданова по организации и проведению Этнографической выставки. Вскоре после её закрытия, в мае 1867 г. Совет университета присвоил Анатолию Петровичу учёную степень доктора зоологии без защиты и избрал его ординарным профессором. Общество наградило А.П. Богданова большой золотой медалью. Ему был поднесён адрес, где перечислялись его заслуги: «1) как основателя Общества и главного деятеля в его учёных предприятиях; 2) как основателя русской этнографической выставки, выработавшего общий план и программу и постоянно трудившегося по их осуществлению; 3) как основателя Антропологического отдела, оказавшего русской антропологии весьма важные услуги: а) составлением московской курганной коллекции; б) устройством при Обществе университетского краниологического собрания; в) специальным описанием курганного племени; г) значительными материальными пожертвованиями для осуществления этих предприятий» (Богданов, 1878б, с. 16).

Между Этнографической и Антропологической выставками

Наработанные навыки по организации выставок были успешно реализованы А.П. Богдановым и ИОЛЕАЭ для организации Всероссийской политехнической выставки (1872 г.) и последующей организации Политехнического музея (1877 г.), проходивших с небывалым раз-

махом. Непосредственного отношения к развитию антропологии в России Политехническая выставка не имела. Единственным её отделом, где выставлялись антропологические коллекции, был Туркестанский отдел, устроенный по итогам Туркестанской экспедиции А.П. Федченко 1868–1871 гг. Экспозиция павильона, располагавшегося в Александровском саду, включала как этнографические, так и естественноисторические экспонаты. В разделе этнографических коллекций демонстрировались черепа и кости, препараты мозга, фотографии людей. Здесь же присутствовало несколько жителей Средней Азии в национальных костюмах в обстановке их традиционного быта.

Тем не менее, для осуществления «антропологических» планов А.П. Богданова Политехническая выставка имела два очень важных последствия. Во-первых, во время выставки Анатолий Петрович сумел заинтересовать идеей антропологического образования «короля Российских железных дорог» К.Ф. фон Мекка, передавшего ИОЛЕАЭ капитал в размере 25 тыс. руб. серебром. Проценты с него должны были направляться на организацию и обеспечение работы кафедры антропологии (Залкинд, 1974). Однако одного капитала было недостаточно, и А.П. Богданов много выступает публично, в лекциях и статьях рассказывая о содержании и значении антропологии. На торжественном заседании в честь основания Московского университета 12 января 1876 г. он произносит перед университетской общественностью знаковую речь «Антропология и университет» (Богданов, 1876). Положения о месте антропологии в системе наук, её содержании и задачах, высказанные А.П. Богдановым в этой речи, и в настоящее время являются широко признанными. Результатом такой «общественно-пропагандистской» деятельности стало разрешение Министерства народного просвещения от 8 октября 1876 г. на открытие кафедры антропологии на физико-математическом факультете Московского университета.

Кроме того, официальный акт по открытию Политехнического музея завершился «Высочайшим соизволением» на устройство в Москве Антропологической выставки.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА

Началом деятельности ИОЛЕАЭ по непосредственной подготовке Антропологической

выставки можно считать январь 1873 г. (т. е. сразу после окончания Политехнической выставки и в разгар строительства здания для будущего музея), когда по инициативе А.П. Богданова была создана Комиссия для пополнения антропологических и зоологических собраний при университете. Несмотря на то, что заседания по устройству выставки начались лишь четыре года спустя, это событие важно, так как именно этой комиссией была разработана программа, предусматривающая поступление необходимых для преподавания антропологии предметов из широкого ряда источников, в том числе из морских путешествий российских военных и из частных выставок.

Задачей Антропологической выставки было не повторить Этнографическую, а существенно дополнить знания публики о первых этапах жизни человека с точки зрения его эволюции, морфологической изменчивости в разных частях света и на ранних этапах развития культуры, а также «собрать в Москве материал, могущий служить основанием для прочного развития антропологии в Москве, поставить дело этой науки так, чтобы она не зависела от случайных обстоятельств и опиралась бы на нечто прочно организованное, на Музей и кафедру, посвящённые её целям» (Общий обзор..., 1886, с. 105).

Заседания Комитета по устройству Антропологической выставки начались в марте 1877 г. На первом же заседании А.П. Богданов изложил свою программу пополнения антропологических собраний с помощью проведения выставки в 1879 г.: «Конечною целью нашей деятельности является Антропологический музей при устроенной Обществом кафедре антропологии» (Антропологическая выставка..., 1878–1879, с. 12); т. е. при создании программы выставки предполагалось учитывать её основную задачу — собирание материалов для кафедры антропологии, необходимых для преподавания и работы специалистов. Требования же кафедры сводились, по мнению А.П. Богданова, к двум отделам: 1) «к доисторическому человеку» и 2) «к первобытным некультурным племенам». Что касается изучения «доисторического человека», то А.П. Богданов не видел его без пособий по геологическим данным, как уясняющим эпохи и их условия, так и непосредственно самих минералов, позволяющих антропологам делать свои заключения. Кроме того, изучение доисторического человека с его точки зрения было немыслимо без привлечения «широкого

Таблица. «Богдановская» концепция Антропологической выставки 1879 года

Доисторический человек	Первобытные племена	Общая антропология
1) Геологические карты местностей нахождения раскопок. 2) Виды этих местностей. 3) Модели гробниц и жилищ каждой местности. 4) Костяки или черепа. 5) Орудия, предметы домашнего быта и верований, найденные при раскопках. 6) Останки животных и растений. 7) Модели одежды и украшения.	1) Костяки и препараты, характерные для каждого племени. 2) Фотографии и бюсты, а если необходимо, то манекены племен по возрастам и полам. 3) Жилища, особенно если они представляются первобытными и характерными. 4) Первобытные и характерные орудия и оружие племён. 5) Продукты, получаемые племенами из характерных для их местностей растений, животных и минералов. 6) Предметы верований и обрядов.	1) Инструменты, употребляемые в антропологии. 2) Костяки и препараты животных, близких к тем, которые попадают при раскопках или характеризуют известный период или известные условия обитания племени, имея в виду преимущественно то, что касается доисторического человека. 3) Такие же собрания по царству минеральному и растительному. 4) Препараты по общей анатомии человека, имеющие значение по отношению к отличительным анатомическим особенностям рас, как то: костяки различных возрастов; собрание отдельных костей при их изменении по возрасту.

археологического элемента». Этнографические элементы предлагалось использовать лишь для дополнения информации о жизни «первобытных племён».

С точки зрения А.П. Богданова выставка должна была быть подразделена на три отдела: 1) доисторического человека; 2) первобытных племён и 3) общей антропологии. В каждом отделе предполагалось поместить карты распространения племён и карты распространения доисторических памятников (см. Таблицу). Для участия в выставке предполагалось привлечение специалистов по археологии, этнографии и естествознанию. Такова была изначальная — «богдановская» — концепция выставки. Тем не менее, она не была реализована и была заменена более зрелищной концепцией, куда вошло большое количество этнографических материалов.

Комитет разработал план экспедиций и методику полевых исследований, которая была разослана в разные уголки России с просьбой о предоставлении материалов для выставки. Фактически Комитет Антропологической выставки впервые начал исследование населения России в антропологическом отношении. Экспедиции были направлены в 15 губерний северной, средней и южной России, в Привислянский край, на Урал, в Крым и на Кавказ. Сам А.П. Богданов не только координировал работу экспедиций, но и занимался раскопками древних курганов

для сбора палеоантропологического и археологического материала.

В начале ноября 1878 г. А.П. Богданов представил Комитету макет будущей выставки, изготовленный по его указаниям художником И.И. Севрюгиным. При составлении макета Анатолий Петрович исходил из того, что Антропологическая выставка преследует две цели — научную и популяризаторскую, и соответственно считал, что она должна распасться на два одноимённых отдела. Первый был предназначен для специалистов, где коллекции размещены в витринах и предусмотрено место для научных работ и заседаний. Второй отдел, основная задача которого — заинтересовать публику антропологией, должен включать манекены доисторических животных, модели геологических разрезов и древних памятников, а также манекены представителей различных народов.

Незадолго до открытия выставки в Петербург поступил донос о предосудительных замыслах, воплощённых в экспозиции. Министр просвещения Д.А. Толстой потребовал убрать часть экспонатов⁷. Тогда по просьбе А.П. Богданова московский митрополит Макарий (М.П. Булгаков) осмотрел выставку и сообщил в столицу, что ничего противного религии здесь нет (Формозов, 1986).

Торжественное открытие выставки состоялось 3 апреля 1879 г. На нём присутствовали: московский генерал-губернатор А.И. Долго-

руков, ректор Московского университета Н.С. Тихонравов, московский городской голова П.М. Третьяков, депутаты от университета и научных обществ. Епископ ростовский Амвросий (А.И. Ключарёв) открыл выставку молебном и произнёс речь, в которой сказал, «что источник антропологии известен в Библии» и что «душа, развитая наукой и обогащенная разнообразными познаниями, всегда была и будет дорогим сокровищем для веры и для церкви» (Антропологическая выставка, 1880, с. 111–112).

В своей речи при открытии выставки А.П. Богданов сделал краткий её обзор, где отразил цели и задачи выставки, рассказал о её подготовке и плане размещения.

На Антропологической выставке были представлены следующие отделы: геолого-палеонтологический, доисторических древностей, краниологический, фотографий, медико-антропологический, этнографический и отдел манекенов, бюстов и масок.

Геолого-палеонтологический отдел был представлен картами, таблицами, костями и реконструкциями растений и животных каменноугольного периода, в том числе динозавров.

В отделе доисторических древностей экспонировались предметы по русской и иностранной доисторической антропологии: коллекции орудий человека каменного, бронзового и железного веков.

В краниологическом отделе демонстрировались около 3000 черепов и скелетов, собранных непосредственно А.П. Богдановым и участниками предвыставочных экспедиций ИОЛЕАЭ.

В фотографический отдел были включены серии портретов представителей разных народностей Российской Империи, а также изображения видов и сцен из их жизни.

Медико-антропологический отдел рассказывал о физическом воспитании детей у различных народов, применении лекарственных растений, использовании татуировок в культурах мира, встречающихся аномалиях развития человека (многососковость, гипертрихоз).

Наиболее зрелищным для публики были этнографический отдел и отдел манекенов, бюстов и масок. В них посетители могли увидеть коллекции по зарубежной и отечественной этнографии, манекены народов России, Африки, Азии и Австралии, маски и бюсты народов мира.

К выставке было приурочено проведение Международного антропологического конгресса, в котором приняли участие ведущие учёные

мира в области антропологии и смежных наук — П. Брока, А. Катрфаж, Г. Мортилье, П. Топинар и другие. Конгресс состоял из двух сессий. Первая из них проходила сразу после открытия выставки с 7 по 13 апреля 1879 г. в Политехническом музее, в ней принимали участие только русские учёные. Вторая сессия с участием зарубежных учёных проходила с 29 июля по 3 августа. Желая познакомиться видных зарубежных коллег с народностями России, Комитет организовал приезд на выставку манси из Тагила, ненцев из Канинской тундры, лопарей из Архангельска и представителей среднеазиатских народов.

Тем не менее, основной целью выставки, как отметил в своей речи на её открытии А.П. Богданов, было «содействовать организации кафедры антропологии и послужить для основания антропологического музея» (Антропологическая выставка, 1878–1886; Алексеева, Ефимова, 1998; Балахонова, 2011, 2013).

Всероссийская Антропологическая выставка была открыта для посещения в Манеже в течение пяти месяцев и пользовалась огромным успехом у всех слоев населения. В общей сложности выставку посетило более ста тысяч человек (Антропологическая выставка, 1886).

Научные результаты Антропологической выставки были очень значительны. Антропология в России получила официальное признание и антропологические исследования приобрели систематический характер. В Московском университете с 1880/1881 учебного года впервые стал читаться курс антропологии на физико-математическом факультете. Москва была признана в Европе ведущим антропологическим центром, а за А.П. Богдановым упрочилась слава «основателя русской антропологии», как назвал его Рудольф Вирхов (Юровская, 2004).

Коллекции Антропологической выставки обогатили многие московские научные музеи, в том числе Политехнический, Зоологический и Геологический; часть экспонатов и мебели была передана в Зоологический сад. ИОЛЕАЭ получило для организации университетского Антропологического музея экспонаты по физической антропологии и археологии, краниологическое собрание, манекены, бюсты и маски, фотографии, антропометрический инвентарь и библиотеку — всего 7788 предметов (Анучин, 1907).

Тем не менее, прошло четыре года, прежде чем коллекции будущего Антропологического

музея смогла увидеть публика. За недостаточностью места, материалы выставки находились в свёрнутом состоянии. И снова Анатолию Петровичу Богданову пришлось «бороться» за антропологию. Ещё осенью 1879 г., сразу после закрытия выставки, ИОЛЕАЭ обратилось с просьбой в Совет Московского университета о предоставлении помещения для Антропологического музея, который бы в равной степени был доступен для исследователей и интересующейся публики. Однако, к сожалению, в этот момент университет не смог предоставить места для размещения коллекций, поэтому часть их была размещена в Зоологическом музее, а другая часть — в нижнем этаже соседнего университетского здания. Лекции по антропологии читались в аудитории Зоологического музея (Анучин, 1907). Такое положение вещей не позволяло не только экспонировать коллекции, но и использовать их в качестве учебного пособия для преподавания.

В 1882 г. было открыто новое здание Исторического музея. А.П. Богданов, как председатель ИОЛЕАЭ, обратился к графу Алексею

Сергеевичу Уварову (1825–1885), занимавшему пост товарища председателя названного музея, с просьбой выделить помещение для антропологических коллекций в свободных залах музея. А.С. Уваров согласился с условием, что коллекции по русской и доисторической археологии будут переданы на постоянное хранение и будут экспонироваться в основных залах Исторического музея. Для прочих были выделены четыре комнаты в цокольном этаже музея. Причём А.С. Уваров согласился оборудовать эти залы необходимой мебелью, а также принять на счёт Исторического музея расходы по содержанию служителя, хранению коллекций и чтению лекций, кроме расходов по приобретению новых коллекций.

Ход создания Музея антропологии отражён в переписке между Московским университетом в лице его тогдашнего ректора Николая Саввича Тихонравова (1877–1883) и графом Уваровым. Переписка была длительной и закончилась следующим письмом Тихонравова [Центральный исторический архив Москвы. Ф.418. Оп.53. Ед.171. Л.3,33об,34]:

Октября 4 дня 1883 г.

№ 2268

Для предварительного просмотра Вашему Превосходительству.

Милостивый Государь, Граф Алексей Сергеевич!

Полученное письмо Вашего Сиятельства от 3-его минувшего июня за № 433 на имя бывшего Ректора, им было доложено Совету Университета в заседании 10-ого минувшего сентября, в коем, выражая своё согласие на принятие предлагаемых Советом Университета условий, сообщенных им в письме к Вашему Сиятельству от 25 минувшего мая за № 1180, при которых Совет Университета признал возможным допустить передачу антропологических и археологических коллекций, принадлежащих Университету, в помещение Императорского Российского Исторического Музея, — Вы, вместе с тем, находите необходимым изменить редакцию 1-ого пункта обозначенных условий, а именно: «вышеозначенная коллекция остаётся навсегда собственностью Московского Университета, но также остаётся навсегда в стенах Исторического Музея». По обсуждении сего вопроса, Совет Университета, в упомянутом выше своём заседании, признал возможным изъявить свое согласие на изменение редакции 1-ого пункта означенных условий, но только в том случае, если Исторический Музей, при сохранении других, уже известных Музею условий, применит ещё следующее условие: «если антропологические и археологические коллекции навсегда останутся в стенах Исторического Музея, то со стороны сего последнего никогда не должно быть требование от Университета каких-либо денежных субсидий и все расходы, сопряжённые с содержанием в порядке означенных коллекций, даже в случае необходимости обновления оных, а равно расходы по содержанию комнаты для работ Профессора Университета и комнаты для практических занятий студентов должны производиться на средства Музея, Университет же подобного рода обязанности навсегда слагает с себя».

Сообщая о таком постановлении Совета Университета, имеем честь покорнейше просить Ваше Сиятельство о последующем — не оставить меня уведомленным по сему делу.

Примите уверение в совершенном моём почтении и преданности.

Это последнее письмо о согласовании Университетом условий размещения антропологических коллекций в помещении Исторического музея от 4 октября 1883 г. считается датой основания Музея антропологии (Балахонова, 2013).

В течение следующих 25 лет Музей антропологии занимал помещение в Историческом музее, где была организована первая экспозиция, которая в первую очередь создавала условия для занятий студентов и проведения научных исследований. Наличие помещения позволяло не только успешно осуществлять означенные задачи, но также и пополнять коллекции за счёт как добровольных пожертвований и подарков, так и покупок.

Это постановление стало итогом более чем 20 лет неустанных усилий со стороны профессора Московского университета Анатолия Петровича Богданова. Настоящая статья позволяет проследить этапы, которые он прошёл на пути к созданию и утверждению антропологии в России, как ещё в недрах одного предприятия рождались идеи его продолжения. Заслуги А.П. Богданова перед русской антропологией исключительны. Он стал основателем первого в России общества антропологов, первой университетской кафедры антропологии и Антропологического музея. Выдающийся советский антрополог Г.Ф. Дебец назвал его «действительным основоположником антропологии в России, впервые создавшим этой науке общественное лицо» (Дебец, 1948, с. 9).

Примчания

1. Первое Антропологическое общество было основано в Париже в 1859 г. по инициативе известного французского анатома Поля Брока; второе в 1863 г. в Лондоне капитаном Ричардом Бертоном и логопедом Джеймсом Хантом.

2. Хрустальный дворец в Сидэнгаме (Crystal Palace at Sydenham Hill) — общеобразовательный музей в Лондоне. Первоначально построен для первой Всемирной выставки 1851 г. из металла и стекла в Гайд-Парке, затем перенесён в район Sydenham Hill для устройства в нём тематического парка и музея. Разрушен пожаром в 1936 г. и больше не восстанавливался. А.П. Богданов во время своей поездки зарубеж в 1857 г. посетил этот парк, который произвёл на него неизгладимое впечатление, о чём он писал в своих заметках в газете «Московские ведомости»: в нём «обитатели различных стран представлены теми предметами, которые дают понятие об их образе жизни. В одном углу вы видите громаду льда [...] ледяную гору с представителями

полярной жизни, белым медведем и тюленем. Тут же стоит лодка эскимоса и группа эскимосов. В другом бросаются в глаза представители стран жарких африканских степей [...] Подобные собрания составляют эпоху в изучении естественных наук: они всегда нагляднее показывают, как недостаточно изучение одного животного без окружающей его среды [...] От души пожелал я увидеть то время, когда появится в Москве подобный музей и будет служить сильным двигателем для распространения любви к естественным наукам в массе публики» (цит. по: Юровская, 2004, с. 16–17).

3. В приложенных к этому проекту правилах предложено составить из лиц, подписавших проект, особый уполномоченный от Общества Комитет и определены отношения Общества к этому Комитету.

4. Николай Карлович Зенгер (1844–1877) — окончил Университет в 1862 г. и занимался в основном зоологией беспозвоночных. По представлению физико-математического факультета был избран хранителем коллекций Зоологического музея, эту должность сохранял до самой своей смерти. Значительно обогатил своими коллекциями собрание названного музея, привозя коллекции из всех своих поездок и путешествий. С момента основания ОЛЕ избран его секретарем. Именно благодаря его деятельности по ведению протоколов ОЛЕ мы сейчас можем восстановить практически по дням, как развивалась деятельность ОЛЕ. В 1865 г. Зенгер включился в работу по устройству Этнографической выставки. На него была возложена подготовительная переписка, составление каталога, впоследствии не раз переиздававшегося, руководство изготовлением и группировкой манекенов. В дальнейшем принимал активнейшее участие в создании Политехнического музея в Москве, за что был награждён несколькими правительственными наградами. Был избран секретарем Политехнического музея.

5. Соболев Викентий Викторович (1832 –?) — русский архитектор. Окончил Московское Дворцовое Архитектурное училище в 1852 г. В 1855–1865 гг. состоял помощником архитектора Московской дворцовой канторы. Ему принадлежит план создания Этнографической выставки.

6. Березницкий Николай Яковлевич — секретарь Анатомической комиссии Этнографической выставки.

7. Речь шла о некоторых предметах, относящихся к языческим культам и оскорблявших, по мнению Д.А. Толстого, религиозное чувство [АРАН, Ф.446. Оп.1а. №60. Л.12; см.: Юровская, 2004, с. 86].

Литература

Алексеева Т.И., Ефимова С.Г. 1999. Музей антропологии МГУ в начале второго столетия своей деятельности. — Альманах-1998. Музеи Российской Академии наук. Москва: Научный мир. С. 289–318.

- Антропологическая выставка Общества. 1878. Том 1. Заседание Комитета по устройству Выставки в 1877 году. — Труды Антропологического отдела, 3. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 27. 428 с.
- Антропологическая выставка Общества. 1878–1879. Том 2. — Труды Антропологического отдела, 4. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 31 (1–6). 296 с.
- Антропологическая выставка 1879 года. 1880. Том 3, Часть 1. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 35 (1–3). 506 с.
- Антропологическая выставка 1879 года. 1886. Том 4, Часть 1. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 49 (1). 150 с.; Том 4, Часть 2 (Дневник выставки), 49 (2). 134 с.
- Анучин Д.Н. 1907. Антропологический музей московского университета. — Русский антропологический журнал. Издание Антропологического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1–2: 236–247.
- Балахонова Е.И. 2011. Концепция Всероссийской Антропологической выставки и место этнографии в ней. — Вестник Московского университета. Сер. 23 (Антропология), 1: 4–15.
- Балахонова Е.И. 2013. 130 лет Музею Антропологии Московского Университета им. М.В. Ломоносова: события и люди. — Вестник Московского университета. Серия 23 (Антропология), 4: 4–22.
- Бензенгр В.Н. 1878. Исторический очерк деятельности Антропологического отдела Общества Любителей Естествознания. — Из Протоколов заседаний Комитета по устройству Антропологической выставки Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 26. 14 с.
- Богданов А.П. 1876. Антропология и университет. Речь, произнесенная на торжественном собрании Московского университета 12 января 1876 года. Москва. 43 с. (отдельный оттиск)
- Богданов А.П. 1878а. Мнение об устройстве в 1879 году Антропологической выставки. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 27: 8–10.
- Богданов А.П. (ред.). 1878б. Этнографическая выставка 1867 года. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 29. 93 с.
- Богданов А.П. 1879. Краткий обзор выставки при открытии 3 апреля 1879 года. — Антропологическая выставка, Том 3, Часть 1. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 35, 1 (1–3): 112–116.
- Гладкова Т.Д. 1959. Антропологическая выставка 1879 г. и основание музея антропологии. — Советская антропология, 2: 127–137.
- Дебеч Г.Ф. 1948. Палеоантропология СССР. Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР. 392 с.
- Ефимова С.Г. 2010. Туркестанский край на I Антропологической выставке 1879 г. в Москве. — Вестник антропологии, 20: 180–188.
- Залкинд Н.Г. 1974. Московская школа антропологов. Москва: Изд-во МГУ. 150 с.
- Левин М.Г. 1960. А.П. Богданов. — Очерки по истории антропологии в России. Москва: Изд-во АН СССР. С. 80–105.
- Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии. 1888. Том 1. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии этнографии, 55. 338 с.
- Общий обзор Антропологической выставки и последнее слово о ней. 1886. Антропологическая выставка 1879 года, Том 4. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии этнографии, 49. 134 с.
- Протоколы заседаний Общества Любителей Естествознания. 1866. — Известия Общества любителей естествознания, 3 (1). 280 с.
- Протоколы заседаний Общества Любителей Естествознания. 1867. — Известия Общества любителей естествознания, 3 (2). 296 с.
- Райков Б.Е. 1951. Григорий Ефимович Щуровский и московские трансформисты 30-х годов. — Русские биологи-эволюционисты до Дарвина, Т. 2. Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР. С. 480–574.
- Райков Б.Е. 1959. Анатолий Петрович Богданов. — Русские биологи-эволюционисты до Дарвина, Т. 4. Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР. С. 203–467.
- Формозов А.А. 1986. Страницы истории русской археологии. Москва: Изд-во АН СССР. С. 193–194.
- Юбилей Григория Ефимовича Щуровского, члена-основателя и президента Общества Любителей Естествознания... Приложение. Речи и статьи Григория Ефимовича Щуровского.... 1878. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 33 (2). 158 с.
- Юровская В.З. 2004. Анатолий Петрович Богданов. Москва: Изд-во МГУ. 116 с.

**АНТРОПОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ
В ТРУДАХ А.П. БОГДАНОВА***

С.Г. Ефимова

НИИ и Музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова; efimova0506@gmail.com

*Нашему времени выпала доля дорасти до возможности
учёной разработки антропологических вопросов.
Успехи наук естественных, с их точным и положительным
методом исследования, достаточно подготовили общество
к тому, чтобы оно могло с необходимым беспристрастием
[...] отнестись к изучению человека.*

А.П. Богданов

В статье представлен обзор наиболее значительных научных достижений раннего этапа в развитии антропологии древнего населения и палеоантропологических коллекций в Московском университете. Отмечен выдающийся вклад А.П. Богданова в формирование отечественной научной антропологической школы. Кратко рассмотрена деятельность основанного им в 1864 г. Антропологического отдела Общества любителей естествознания и его личный вклад в изучение антропологического разнообразия древнего населения России. Подчеркивается большое значение для развития «исторической краниологии» монографии А.П. Богданова «Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии» (1867 г.), в которой изложены теоретические принципы и методические приёмы молодой науки. Заложенные А.П. Богдановым традиции этого научного направления успешно продолжают, а собранные им коллекции бережно хранятся.

**ANTHROPOLOGY OF THE ANCIENT POPULATION OF RUSSIA
IN THE WRITINGS OF A.P. BOGDANOV**

S.G. Efimova

Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University; efimova0506@gmail.com

The article provides an overview of the most important scientific achievements of the early stage in the development of anthropology of the ancient population and paleo-anthropological collections in the Moscow University. An outstanding contribution of A.P. Bogdanov in the formation of the national scientific anthropological school is marked. Considered is activity of the Anthropological Division of the Society of Amateurs of Natural History founded by Bogdanov in 1864, as well as his personal contribution to the study of ancient anthropological diversity of the population in Russia. An importance is stressed of the Bogdanov's monograph "Materials for anthropology of the Kurgan Period in the Moscow province" (1867) for the development of "historical craniology", which has set out theoretical principles and methodological procedures of the emerging science. Traditions of this research school pledged by A.P. Bogdanov were successfully continued, and his collections are carefully stored.

*Работа выполнена в рамках госзаказа (государственный регистрационный номер ЦИТиС 01201368667).

Принято считать, что история настоящей антропологии в России начинается с трудов Карла Бэра. Об этом не раз говорил Анатолий Петрович Богданов — выдающийся учёный и организатор российской науки, который может по праву считаться создателем отечественной антропологической школы, особенно её исторического направления.

Начало антропологических исследований древнего и близкого к современности населения России по их костным останкам непосредственно связано с формированием музейных кранио-остеологических фондов. Уже ко второму заседанию Общества любителей естествознания (ОЛЕ) (5 сентября 1864 г.) было положено начало краниологического музейного фонда Московского университета: А.А. Гатцук (известный в то время издатель иллюстрированной газеты) доставил два черепа из раскопок подмосковных славянских курганов. А.П. Богданов обратил внимание на необычную, по сравнению с современными, форму этих черепов. На третьем заседании (14 октября 1864 г.) А.П. Богданов предложил «образовать при Обществе особое Антропологическое отделение, «главной задачей которого должно быть изучение курганов и составление краниологической коллекции» (Антропологическая выставка..., 1878–1879, с. 71).

В принятом на четвёртом заседании (4 ноября 1864 г.) Уставе Отделения первым пунктом было записано: «Составление коллекций черепов и скелетов и описание их» (там же). На этом же заседании его секретарём был избран А.П. Федченко, а хранителем коллекций — Н.Г. Керцелли, который составил в 1871 г. первый краниологический каталог.

О своем желании заняться антропологической тематикой А.П. Богданов пишет так: «При том общем интересе, который в последнее время возбуждали исследования над историческими остатками человека, при том движении, которое было дано антропологии многими деятелями, после трудов Ретциуса и Бэра, весьма естественно было то, что меня тоже интересовали антропологические вопросы. Но этот интерес был интересом дилетанта, хотя дилетанта, желавшего поближе ознакомиться с делом посредством специального изучения его [...] Вся зима 1864–1865 года посвящена была мною подготовке к будущим исследованиям курганов, с ознакомлением с специальной антропологической литературой. Лето 1865 и 1866 г. всё было

употреблено мною на раскопки, значительными результатами которых я обязан был тому дружескому содействию, которое нашёл во многих из сочленов по Обществу и некоторых посторонних просвещённых лиц» (Богданов 1867, с. 12).

Как и всё, что делал Богданов, раскопки курганов в Подмоскowie в 1864–1866 гг. были грандиозными по замыслу и масштабными по результатам. Об этом подробно писал сам Анатолий Петрович (Богданов, 1867) и уже в наше время профессионально проанализировал известный археолог А.А. Формозов, посвятив Богданову-археологу отдельную главу своих книг (Формозов, 1986, 2004). Прежде всего надо было подумать о том, кто возьмётся за изучение собственно археологических находок. Остатки дерева согласился определить профессор Московского университета ботаник Н.Н. Кауфман. Химический анализ металлических предметов взял на себя ассистент Петровской сельскохозяйственной академии П.А. Григорьев, а кож и тканей — университетский же профессор М.Я. Киттары. Минералогическая характеристика бус и других камней поручалась профессору Петровской академии И.Б. Ауэрбаху. Особое значение имел выбор того, кто должен был интерпретировать с позиций исторической науки как полевые наблюдения, так и собранные коллекции. Выбор профессора университета историка И.Д. Беляева был не совсем удачен (Формозов, 2004), что значительно ослабило археологический результат проведённых раскопок.

Раскопки начались в 1864 г. в Коломенском уезде у сел Речка и Никульское, проводил их врач из Коломны А.М. Анастасьев, ему помогали А.П. Федченко, только что закончивший университет, и хранитель коллекций Общества любителей естествознания (ОЛЕ) Н.Г. Керцелли. Это были самые деятельные помощники среди двенадцати человек, проводивших раскопки в разных пунктах. И хотя у этой команды энтузиастов не было практического опыта археологических изысканий, темп работ был колоссальным. За два полевых сезона 1865 и 1866 гг. было раскопано около 200 курганов в 9 из 11 Московских уездов. Два могильника изучались на окраине самой Москвы — в Сетуни и в Черкизове. Работы в Сетуни вёл сам Богданов при участии Федченко. Богданов руководил раскопками и вдали от Москвы — у села Власьева в Можайском уезде; Обуховки, Петропавловского, Анисьиной и Осеева в Богородском (ныне Ногинск); посещал и другие места — Крымское

в Вере́йском уезде; Ябе́дино в Звенигородском; Дуброви́чи, Добря́тино, Заболотье и Покров в Подольском уезде. Работа землекопов оплачивалась из личных средств Богданова: он потратил на проведение раскопок и приобретение «снарядов» (краниометрических инструментов) 2000 руб. серебром.

С июня 1866 г. Анатолий Петрович занимается обработкой антропологического материала и подготовкой рукописи монографии «Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии», которая увидела свет в 1867 г.: «Предлагаемое сочинение, — писал он, — вызвано желанием изучить, хотя отчасти, народонаселение Средней России с антропологической точки зрения и в двух его фазах: в самую древнейшую эпоху заселения Московской и прилегающих к ней губерний, в так называемый курганный период, и в самую ближайшую, т. е. в наше время. Материалом для этого послужили как коллекции Общества Любителей Естествознания, составляемые им для краниологического собрания Московского Университета, так и моя собственная, довольно значительная курганная коллекция, имеющая также войти вскоре в состав Университетского собрания» (Богданов, 1867, с. 1).

Полученный обширный краниологический (145 черепов) и остеологический (180 скелетов) материал был досконально изучен по системам описательных и измерительных признаков. Программа включала: определение пола и возраста, оценку демографической ситуации и состояния зубной системы, определение 58 признаков на черепе, анализ 17 индексов, измерение костей скелета и вычисление длины тела. Кроме того, со всех черепов первых шести уездов были сделаны обводы. «Этот труд, потребовавший несколько месяцев прилежной работы, был выполнен Е.В. Богдановою, что значительно ускорило мою работу и дало мне большой материал для проверки моих измерений», с благодарностью за помощь жены отмечал Богданов (там же, с. 21).

Необходимо подчеркнуть тщательное и подробное в методическом плане исполнение работы, которая представляет «одну из первых попыток такого разнообразного описания местного народонаселения; в русской литературе оно совершенно первое, и этим объясняется дробность некоторых частных» (там же, с. 23). Богданов понимал всю ответственность первопроходца в том научном направлении,

которое он называл «исторической краниологией». И действительно, эта монография не только стала образцом в методическом плане, но и во многом определила основные научные принципы и пути дальнейшего развития антропологии в России.

Во введении названной книги выделен круг задач новой науки: «Все расы, несмотря на своё различие, составляют одно великое целое, одну гармоническую и последовательную в своих членах группу, и потому требуется определить её положение в ряду существ, её соотношения с другими группами природы, её общие свойства, как с точки зрения анатомической и физиологической, так умственной и нравственной. Нужно изучить влияние внешних условий, наследственности и скрещивания. Наконец, поднимаясь ещё выше, мы встречаемся с вопросом о первобытных судьбах человека, о его доисторической жизни, и следим за последовательным развитием его, за его медленными и трудными победами над окружающим его миром, за тем, как он из безоружного существа становится царём творения. Это всё задачи антропологические и потому этнология есть только часть науки о человеке; другая часть есть общая антропология. В нынешнее время этнология и общая антропология составляют одну, самую благородную (*la plus noble de toutes*) из наук, так как она имеет своим предметом человека» (там же, с. 4).

При этом Богданов чётко определяет антропологию, как биологическую дисциплину: «Итак, с моей точки зрения, антропология не есть наука о человеке, а этнография наука о племенах. Как та, так и другая, исследуют и человека, и племена; только одна есть наука естественная, другая историческая» (там же, с. 6). Поэтому, пишет он далее: «Народы, сходные друг с другом по обрядам, обычаям и языку, могут быть соединяемы этнографом, лингвистом и историком в одну группу, но из этого вовсе не следует, чтобы эти народы и по своим физическим свойствам представляли сходство, чтобы они имели одно общее происхождение по крови и чтобы естествоиспытатель отнёс их непременно к одному и тому же племени» (там же, с. 7).

И, наконец, самый важный нравственный принцип, сформулированный почти 150 лет назад, но чрезвычайно актуальный до сих пор, таков: «Нам нет надобности делать из выводов науки ненаучные средства вроде заграничных брошюр о происхождении народонаселения

средней России. Не в русском характере, не в духе истинной русской науки ломать факты и ложно освещать их, да и нет в них надобности. Не брахицефалия или долихоцефалия даёт право народу на уважение, не курганные предки, каково бы не было их происхождение, могут унижить или возвысить русский народ и ход его истории» (там же, с. 176).

Этот заключительный абзац монографии был адресован тем критически настроенным читателям, которые хотели получить точный ответ на вопрос: какому народу принадлежали костные останки, найденные в курганах? Пытался ответить на этот сложный вопрос и А.П. Богданов. В своём исследовании он показал, что население, оставившее курганы в разных уездах Московской губернии было высокорослым и сильно сложенным, обладало долихокранной формой черепа и средними размерами лица. Отмечалось также антропологическое сходство этого населения: «Общий обзор курганных черепов Московской губернии приводит к убеждению в значительном единстве курганного племени, так как все черепа носят на себе ясно выраженные известные признаки, характеристичные для этого племени, и представляются чрезвычайно сходными» (там же, с. 13). Является ли изученная племенная группа предком современного восточнославянского населения или она связана с дославянскими финно-язычными племенами Средней России? Проведённое в работе сопоставление с краниологическими данными по близким к современности группам финно-язычного населения и позднесредневековым жителям Москвы выявило значительные отличия по величине черепного указателя, который в то время считался важнейшим признаком в расовой систематике. Позднейшие исследования показали, что головной указатель подвержен изменениям во времени.

Описание процесса брахицефализации, как явления эпохальной изменчивости морфологических признаков черепа, первым дал именно А.П. Богданов. Выступая на Международном конгрессе по доисторической археологии и антропологии, проходившем в 1892 г. в Москве, он говорил (цит. по: Левин, 1960, с. 104): «Преобладание брахикефалии, которое замечается в России, начиная с исторических времён и которое проявляется всё сильнее с течением времени, не есть, по моему, исключительный результат смешения с брахицефальными народами. Это имело место в первые годы истории, когда

господствовали органические факторы рас, но с успехами цивилизации начинается другая серия влияний, которая сыграла большую роль в истории народов и сможет быть ещё большей в будущем, потому что развитие цивилизации неизбежно приводит с течением времени к увеличению брахикефалии...». В 1867 г. Богданов этого ещё не знал и уверенно отнести курганные черепа к славянам не мог, предпочитая осторожно писать о «курганном племени».

В мае 1867 г. за эту монографию ему была присвоена учёная степень доктора зоологии без защиты диссертации. В представлении физико-математического факультета Совету университета в перечне заслуг указывается роль Богданова в развитии антропологии: «Эта новая отрасль естествознания, которую можно назвать ещё только возникающею в Европе, нашла в Анатолии Петровиче самого ревностного деятеля. В последнее время он приложил к ней почти всю свою энергию и произвёл для этого многочисленные раскопки курганов Московской губернии — дело настолько трудное, что было не под силу даже людям, имевшим вес в обществе и значительные материальные средства. В награду за это он получил богатейшую коллекцию черепов и других костей вместе с различными предметами, служившими для украшения и для других целей тем племенам, которые некогда населяли Московскую губернию. Эта коллекция, заключающая в себе до 600 номеров, сама по себе представляет драгоценное приобретение для науки. Но Анатолий Петрович не ограничился этим: он со всей точностью описал и могильные остатки и подарил нас таким сочинением, которое должно служить образцом для всех будущих исследователей того же предмета» (цит. по: Райков, 1959, с. 331).

Эта краниологическая коллекция экспонировалась на Этнографической выставке в составе собрания из 600 черепов. Выступая на заседании Комитета названной выставки с докладом «О значении краниологии», Богданов говорил: «краниология в настоящее время хотя и представляется наукой молодою, едва решающеюся на выводы, но зато наука эта имеет определённые и положительные основания. Вся её будущность состоит в увеличении числа наблюдений, в обработке их, в собирании материала, т. е. черепов. Краниологические коллекции составляют основу надежд этой науки, в область которой входят задачи не лишённые значения и общего интереса. Без естественноисторического изуче-

ния племени мы никогда не будем иметь полного знания его» (Богданов, 1868, с. 56).

В этом же докладе он чётко излагает новаторские для того времени методические основы краниологического исследования, которые сейчас мы бы назвали популяционным подходом к сбору и анализу ископаемого материала: «Отдельный череп и несколько отдельно, отрывочно взятых черепов не говорят ничего или кажутся случайностью или даже могут привести к ложным выводам; но если взять достаточную сумму черепов, если собрать относительно них материал, делающий возможным сравнения по полам и возрастам [...] если ограничиться черепами не взятыми случайно, но несомненно принадлежащими известному племени тогда результат будет другой, и тогда только и может быть то, что заслуживает имени результата. Следовательно, псевдорасовые коллекции хороши разве тем, что рельефно указывают необходимость большого числа наблюдений для решения краниологических вопросов и что они предупреждают против увлечений, рекомендуя быть осторожными и наглядно советуя не позволять себе скорые выводы [...] Краниология изучает тип черепа племени как характеристическую черту его; она основывается, главным образом, на изучении средних чисел, среднего черепа племени; она вытекает из той части антропологии, которая носит название учения о пропорциях человеческого тела» (там же, с. 50).

Большое значение для дальнейшего развития антропологических исследований имел период подготовки первой Антропологической выставки в Москве. В кратком обзоре выставки так определена её основная научная концепция: «Общество Любителей Естествознания, работая для упрочения антропологии в Москве, желало придать ей строго определённый характер науки точной и естественно-исторической. Оно понимало антропологию, как естественно-историческое монографическое описание рода “Человек”. В этом смысле на своей выставке оно и популяризировало свою науку» (Богданов 1879, с. 4). Особое внимание уделялось сбору краниологических материалов, в результате чего к моменту открытия выставки краниологическое собрание составило один из самых богатых отделов (3000 черепов).

Лихорадка проведения раскопок охватила всю Россию. Это были как специальные экспедиции, организованные ИОЛЕАЭ, так и бескорыстная помощь энтузиастов. Значительный

интерес представляли краниологические коллекции сарматского времени и эпохи средневековья с территории Поволжья, собранные в период подготовки выставки Ф.О. Нефёдовым, А.И. Кельсиевым, П.Ф. Лесгафтом и Э.Д. Пельцамом. Профессор Варшавского университета Д.Я. Самоквасов и профессор В.Б. Антонович из Киева передали ИОЛЕАЭ обширную краниологическую коллекцию из курганов южных губерний России, материалы по краниологии населения Болгарии с огромными трудностями собрал и доставил в Москву находившийся в действующей армии корпусный врач В.Н. Радаков. В числе собирателей материалов выставки были и представители аристократических слоёв, и разночинная интеллигенция, купцы и крестьяне. Великий князь С.А. Романов доставил черепа славян-вятичей из курганов у с. Ильинское; Московский генерал-губернатор князь В.А. Долгоруков прислал черепа, найденные при закладке памятника Александру II; князь А.Д. Долгоруков проводил раскопки славянских курганов в Рузском уезде; граф К.П. Тышкевич собрал на территории своего имения в Минской губ. коллекцию черепов славян-дреговичей; графиня П.С. Уварова проводила раскопки на Северном Кавказе. Значительная часть коллекций с территории Кавказа была получена в 1878 г. при содействии военной администрации (генерал В.И. Чернявский). В Туркестанском разделе были представлены материалы, собранные выдающимся русским путешественником А.П. Федченко во время экспедиции в Туркестан в 1868–1871 гг. (кладбище иранской колонии близ Ташкента, могильник возле Золотой Муллушки, из древней крепости близ Самарканда), а также материалами из Ферганской области, собранными Уполномоченным комитета выставки доктором С.И. Моравицким. Подробная обработка и публикация этих материалов была осуществлена А.П. Богдановым (см. Федченко, 1888).

А.П. Богданов отразил это краниологическое собрание в виде каталога (Богданов, 1882а) и в научных статьях и докладах, опубликованных в нескольких томах описания Антропологической выставки (1878–1886). По существу, это была первая сводка палеоантропологических данных, собранных по единой методике и проанализированных одним исследователем. «Выяснить добытое по краниологии России, особенно доисторической, в виде общей систематической сводки составляет цель, которую я себе поставил и которую понемногу осуществляю,

насколько позволяют здоровье, время и силы» (Антропологическая выставка..., 1886, с. 142). Даже беглый просмотр названий этих публикаций (Богданов, 1878–1879а–е, 1882а–к, 1886а–в) показывает, насколько широк был географический и временной диапазон изученных Анатолием Петровичем краниологических материалов. Всё это было точно измерено, описано, проанализировано и снабжено историческими комментариями.

Летом 1879 г. во время проведения Антропологической выставки в Москве состоялся первый Антропологический съезд, в работе которого приняли участие многие ведущие русские и зарубежные учёные, по достоинству оценившие размах и научное содержание экспозиции и уровень докладов российских коллег. Сам Анатолий Петрович сделал по результатам своих исследований 15 докладов на этом съезде. В заключительной речи он подчеркнул: «Комитет Антропологической выставки может сказать с покойною совестью, что он многое сделал [...] и не щадил средств для краниологического изучения России» (Антропологическая выставка..., 1886, с. 146).

Научные итоги этого раннего периода исторической антропологии с современных позиции могут показаться не очень значительными. Но надо понимать, с какими трудностями сталкивались исследователи, закладывая основы науки о человеке. Богданов полагал, «что эти материалы когда-либо и сослужат свою службу — облегчат будущих исследователей и избавят их от труда идти по пути русской доисторической краниологии в таких полных потёмках, в каких пришлось начинать мне. Добытое с большим трудом, многолетними усилиями и с значительными материальными жертвами, даёт, как мне по крайней мере кажется, уже и теперь некоторые указания относительно общего размещения антропологических типов в Средней России и в местностях с нею сопредельных» (там же, с. 142).

Значительная часть этих первых краниологических коллекций сохранилась в нынешнем Музее антропологии Московского университета (Алексеева и др., 1986) и в дальнейшем не раз использовалась для научных исследований (Ефимова, 2013). Тема этногенеза восточных славян, которая наиболее интересовала Богданова, продолжает оставаться центральной в отечественной антропологии: собрано несколько тысяч черепов из средневековых и близких к современности некрополей славянских групп

Восточной Европы, написаны сотни статей и десятки монографий (например, Bunak, 1932; Бунак, 1965; Алексеев, 1969; Алексеева, 1973, 1997; Алексеева и др., 1999). Многое сделано в этом направлении, но проблемы прародин, путей расселения, взаимодействие с местными группами и т. д. ещё далеки от разрешения. Примечательно, что основные выводы монографии А.П. Богданова подтверждены современной наукой: территориальная группа вятичей Подмосковья была консолидированной в антропологическом отношении и обладала некоторыми «характеристическими» (по выражению Богданова) признаками: ослабленным выступанием носа и небольшой прогнатностью. Вместе с тем средневековые территориально-племенные группы восточных славян не были однородными в антропологическом отношении: на территории Средней России это было связано с процессами метизации, с дославянским субстратом.

Научная биография А.П. Богданова как антрополога изложена в ряде публикаций по истории науки в России (Анучин, 1952; Райков, 1959; Левин, 1960; Алексеев, 1969; Залкинд, 1974; Юровская, 2004; Ефимова и др., 2015). Его перу принадлежат многочисленные статьи, доклады и заметки (более 35), которые разбросаны по многочисленным изданиям ИОЛЕАЭ и «погребены» в толще выставочных фолиантов. В среде профессиональных антропологов постоянно поддерживалось чувство уважения и благодарности к нему как к основателю научной школы (Антропологический отдел ИОЛЕАЭ) и антропологических учреждений (кафедра и музей антропологии) в стенах Московского университета. Богданов много занимался методическими вопросами, осуществил перевод и издание инструкций французского антрополога П. Брока (Брока, 1879), которую усовершенствовал, не один раз подчеркивая необходимость унификации методических приёмов. Впрочем, в современной краниологии человека существенно изменилась методика и весь объём цифрового материала, с таким трудом полученный Богдановым, сейчас не востребован.

Работы А.П. Богданова интересны современному читателю тем, что позволяют оценить его замечательные аналитические способности, его широкий кругозор в области различных наук, в том числе и гуманитарных, его необыкновенное красноречие. Призывая к тому, чтобы «наука заговорила на родном языке», он писал свои статьи образным, живым и очень убедительным

тельным слогом выдающегося популяризатора науки. Собранные вместе отдельные мысли и высказывания из работ Богданова «предстают перед нами как стройная и законченная система взглядов, а его знакомый облик блестящего организатора дополняется не менее яркими чертами учёного-мыслителя» (Левин, 1960, с. 93).

В России продолжателем Анатолия Петровича в деле развития палеоантропологических исследований стал Г.Ф. Дебец, который повторил научный подвиг Богданова. Он переисследовал имеющиеся коллекции, собрал многочисленные новые материалы и представил их новую теоретическую интерпретацию в книге «Палеоантропология СССР» (Дебец, 1948). Эта книга посвящена «А.П. Богданову — первому антропологу России».

Что же из научного наследия А.П. Богданова кажется наиболее важным для отечественной антропологии сейчас, через полтора века её существования в России как академической и университетской науки? Во-первых, это заданное им магистральное направление развития антропологии как биологической дисциплины со своими собственными задачами и методами исследования, но при этом тесно связанной с другими дисциплинами, вовлеченными в сферу её исследований. Сохранение чётких границ между физической антропологией и дисциплинами гуманитарного знания (этнологии, археологии, лингвистики, истории) — эта методологическая традиция, прочно утвердившаяся в российской науке со времён А.П. Богданова, благодаря которой отчасти удалось избежать вовлечения антропологии в область идеологии. Во-вторых, методические принципы анализа материала, отстаиваемые им (популяционный подход в противовес типологическому), позволили максимально объективировать выводы об антропологическом разнообразии населения. Очень важны также его идеи об эпохальной изменчивости как отдельных признаков (процесс брахицефализации), так и их комплексов: «Порода или раса делаются устойчивыми при постоянстве одинаковых условий, что вызывается искусственно человеком или случайно физическими обособлениями, изолированием какой-нибудь породы. Племена и породы могут представлять только большую или меньшую устойчивость, большую или меньшую наклонность к образованию разновидностей» (Богданов, 1876, с. 37). И в этом вопросе Богданов значительно опережал своё время, т. к. фор-

мирование концепции расы как динамической категории произошло только в 30-е годы XX в.

И, конечно, важным результатом научной деятельности А.П. Богданова является развитие научно-музейных кранио-остеологических фондов в нашей стране. Он как никто другой понимал значение музейных коллекций: «Эти этажерки на выставке с бренными остатками человека составляют ключ к пониманию и разрешению многих вопросов, могущих интересовать каждого. Это не профанация остатков человека, а только возведение их в исторические документы, в значение важнейших памятников истории человечества» (Богданов, 1882а, с. 2).

Создание краниологических фондов в Москве, Санкт-Петербурге, Казани и Томске, а сейчас и в других городах России, играет важнейшую роль в дальнейшем формировании российской палеоантропологической школы. Только в Музее антропологии МГУ краниологический фонд к 1905 г. достиг 8000 черепов (Анучин, 1907), а сейчас количество черепов и костей скелета превышает 100 тысяч единиц хранения и является одним из крупнейшим в мире (Алексеева и др., 1986).

В заключение можно вспомнить слова, которые Анатолий Петрович говорил в самом начале своих занятий наукой о человеке: «Антропология в настоящее время представляет вновь открытый золотой прииск, в котором на каждом шагу можно рассчитывать на богатые находки, на интересные выводы. Само собою понятно теперь, почему в этой области замечается усиленная деятельность, усиленный интерес. Антропология теперь переживает то возбужденное состояние молодости, эпохи энергических усилий и смелых предприятий, которую уже пережили сравнительная анатомия и недавно ещё эмбриология. В антропологии везде можно прокладывать новые пути, а потому люди более смелые и предпочитают следовать скорее по ним, чем по готовым, обделанным и менее безопасным путям уже окончательно установившихся наук» (Богданов, 1868, с. 48). Более 30 лет он разрабатывал этот прииск антропологического знания, трудился на пределе человеческих возможностей во благо «русской научной мысли». И мы храним благодарную память о нём.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П. 1969. Происхождение народов Восточной Европы. Краниологическое исследование. Москва: Наука. 324 с.

- Алексеева Т.И. 1973. Этногенез восточных славян по данным антропологии. Москва: Изд-во МГУ. 329 с.
- Алексеева Т.И. 1997. Антропологический облик русского народа. — Александров В.А., Власова И.В., Полищук Н.С. (ред.). Русские. Серия «Народы и культуры». Москва: Наука. С. 57–75.
- Алексеева Т.И., Балановская Е.В., Балуева Т.С. и др. 1999. Восточные славяне. Антропология и этническая история. Москва: Научный мир. 334 с.
- Алексеева Т.И., Ефимова С.Г., Эренбург Р.Б. 1986. Краниологические и остеологические коллекции Института и Музея антропологии МГУ. Москва: Изд-во МГУ. 223 с.
- Антропологическая выставка Общества. 1878. Том 1. Заседание Комитета по устройству Выставки в 1877 году. — Труды Антропологического отдела, 3 Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 27. 428 с.
- Антропологическая выставка Общества. 1878–1879. Том 2. — Труды Антропологического отдела, 4. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 31 (1–6). 296 с.
- Антропологическая выставка 1879 года. 1880. Том 3, Часть 1. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 35 (1–3). 506 с.
- Антропологическая выставка 1879 года. 1882. Том 3, Часть 2. Описание предметов выставки. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 35 (1) (1–4). 322 с.
- Антропологическая выставка 1879 года. 1886. Том 4, Часть 1. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 49 (1). 150 с.; Том 4, Часть 2 (Дневник выставки), 49 (2). 134 с.
- Анучин Д.Н. 1907. Антропологический музей московского университета. — Русский антропологический журнал. Издание Антропологического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1–2: 236–247.
- Анучин Д.Н. 1952. О людях русской науки и культуры: статьи, некрологи и заметки. 2-е изд. Москва: Государств. изд-во географической литературы. 335 с.
- Богданов А.П. 1867. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии. — Известия Общества любителей естествознания, 4 (1). 176 с.
- Богданов А.П. 1868. Значение краниологии. — Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах ей прилежащих, издаваемый В.А. Дашковым, Книга 1. Известия Общества любителей естествознания, 7: 45–56.
- Богданов А.П. 1876. Антропология и университет. Речь произнесенная на торжественном собрании Московского университета 12 января 1876 г. Москва. 45 с. (отдельный оттиск)
- Богданов А.П. 1878–1879а. Курганные черепа Смоленской губернии, находящиеся в краниологическом собрании ОЛЕ. — Антропологическая выставка, Том 2. Труды Антропологического отдела, 4. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 31 (1–6): 38–50.
- Богданов А.П. 1878–1879б. Курганные черепа области древних северян. Суджанское длинноголовое население на реке Псле. — Антропологическая выставка, Том 2. Труды Антропологического отдела, 4. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 31 (1–6): 180–194.
- Богданов А.П. 1878–1879в. Курганные черепа Тарского округа Тобольской губернии. — Антропологическая выставка, Том 2. Труды Антропологического отдела, 4. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 31 (1–6): 263–273.
- Богданов А.П. 1878–1879г. Черепа из старых московских кладбищ. — Антропологическая выставка, Том 2. Труды Антропологического отдела, 4. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 31 (1–6): 330–346.
- Богданов А.П. 1878–1879д. Черепа самоедов, собранные Н.Ю. Зографом. — Антропологическая выставка, Том 2. Труды Антропологического отдела, 4. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 31 (1–6): 381–387.
- Богданов А.П. 1878–1879е. Сибирские черепа (якутские, забайкальские курганные, корейские, остяцкие, гиляцкие, бурятские, тунгусские). — Антропологическая выставка, Том 2. Труды Антропологического отдела, 4. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 31 (1–6): 401–420.
- Богданов А.П. 1879. Древние киевляне по их черепам и могилам. — Протоколы Антропологической выставки 1879 г. Москва: Типогр. М.Н. Лаврова и Ко. 14 с. (отдельный оттиск)
- Богданов А.П. 1882а. Краниологическое собрание. — Антропологическая выставка 1879 года, Том 3, Часть 2. Описание предметов выставки. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 35 (1) (1–3): 1–28.
- Богданов А.П. 1882б. О могилах скифо-сарматской эпохи в Полтавской губернии и о краниологии скифов. — Антропологическая выставка 1879 года, Том 3, Часть 2. Описание предметов вы-

- ставки. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 35 (1) (1–3): 263–278.
- Богданов А.П. 1882в. Курганные приуральцы по раскопкам Зографа и Нефедова. — Антропологическая выставка 1879 года, Том 3, Часть 2. Описание предметов выставки. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 35 (1) (1–3): 279–300.
- Богданов А.П. 1882г. Древние киевляне по их черепах и могилам. — Антропологическая выставка 1879 года, Том 3, Часть 2. Описание предметов выставки. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 35 (1) (1–3): 305–319.
- Богданов А.П. 1882д. Жители древних Болгар по краниологическим признакам. — Антропологическая выставка 1879 года, Том 3, Часть 2. Описание предметов выставки. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 35 (1) (4): 363–377.
- Богданов А.П. 1882е. Доисторические тверитяне по раскопкам курганов. — Антропологическая выставка 1879 года, Том 3, Часть 2. Описание предметов выставки. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 35 (1) (4): 382–392.
- Богданов А.П. 1882ж. Меряне в антропологическом отношении. — Антропологическая выставка 1879 года, Том 3, Часть 2. Описание предметов выставки. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 35 (1) (4): 404–417.
- Богданов А.П. 1882з. О черепе из кавказских дольменов и черепах из кавказских дольменов и могил. — Антропологическая выставка 1879 года, Том 3, Часть 2. Описание предметов выставки. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 35 (1) (4): 419–431.
- Богданов А.П. 1882и. Древние новгородцы по их черепах. — Антропологическая выставка 1879 года, Том 3, Часть 2. Описание предметов выставки. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 35 (1) (4): 462–475.
- Богданов А.П. 1882к. О курганных обитателях Мордовской земли и Касимова. — Антропологическая выставка 1879 года, Том 3, Часть 2. Описание предметов выставки. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 35 (1) (4): 482–487.
- Богданов А.П. 1886а. О черепах из кладбищ Северной России. — Антропологическая выставка, Том 4, Часть 1. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 49 (1): 90–92.
- Богданов А.П. 1886б. О черепах из крымских могил Херсонеса и Инкермана и из курганов Земли Войска Донского. — Антропологическая выставка, Том 4, Часть 1. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 49 (1): 125–145.
- Богданов А.П. 1886в. Краниологические заметки о туркестанском народонаселении. — Протоколы заседаний Антропологического отдела... Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 49 (4): 257–287.
- Брока П. 1879. Антропологические таблицы для краниологических и кефалометрических вычислений (перевод А.П. Богданова). — Труды Антропологического отдела, 6. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 38 (1). 36+29 с.
- Бунак В.В. (ред.). 1965. Происхождение и этническая история русского народа. — Труды Института этнографии, новая серия, 88. 265 с.
- Дебеч Г.Ф. 1948. Палеоантропология СССР. — Труды Института этнографии АН СССР, 4. 392 с.
- Ефимова С.Г. 2013. Из истории палеоантропологических исследований в Московском университете. — Вестник Московского университета. Сер. 23 (Антропология), 4: 23–39.
- Ефимова С.Г., Балахонова Е.И., Булочникова Е.В. 2015. Учёные и собиратели Антропологического музея. Москва: Параллели. 118 с.
- Залкинд Н.Г. 1974. Московская школа антропологов в развитии отечественной науки о человеке. Москва: Наука. 148 с.
- Левин М.Г. 1960. Очерки по истории антропологии в России. Москва: Изд-во АН СССР. 175 с.
- Райков Б.Е. 1959. Анатолий Петрович Богданов. — Русские биологи-эволюционисты до Дарвина, Т. 4. Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР. С. 203–467.
- Федченко А.П. 1888. Путешествие в Туркестан. Том 3, Вып. 22. Антропометрические заметки относительно туркестанских инородцев (обработал А.П. Богданов). — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 34 (5). 92 с.
- Формозов А.А. 1986. Следопыты земли московской. Москва: Московский рабочий. 144. с.
- Формозов А.А. 2004. Рассказы об учёных. Курск: Изд-во КГМУ. 124 с.
- Юровская В.З. 2004. Анатолий Петрович Богданов. Москва: Изд-во МГУ. 115 с.
- Bunak V. 1932. The craniological types of the East Slavic Kurgans. — *Anthropologie*, 10: 270–310.

ПРИЛОЖЕНИЕ / SUPPLEMENT

Иллюстрации / Illustrations

СОКРАЩЕНИЯ:

АРАН = Архив Российской академии наук
ЗММУ = Зоологический музей Московского госуд. университета им. М.В. Ломоносова
ИОЛЕАЭ = Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
МЗП = Московский зоопарк
ОЛЕ = Общество любителей естествознания
ПТМ = Политехнический музей

ABBREVIATIONS:

ARAN = Archive of the Russian Academy of Sciences
ISANAE = Imperial Society of Amateurs of Natural History, Anthropology & Ethnography
MZ = Moscow Zoo
PTM = Polytechnic Museum
SAN = Society of Amateurs of Natural History
ZMMU = Zoological Museum of Lomonosov Moscow State University

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ А.П. БОГДАНОВА

Рис. 1. Готтгельф Фишер (Григорий Иванович Фишер фон Вальдгейм) (1771–1853).

Неизвестный художник. 1810–1820-е гг. Холст, пастель. Фонд ЗММУ.

Рис. 2. Георгий Ефимович Щуровский (1803–1884).

Фотография. Изв. ИОЛЕАЭ, 1878, 33 (2): 24а.

Рис. 3. Карл Францевич Рулье (1814–1858).

Фотография, ок. 1850 г. Фонд ЗММУ.

Рис. 4. Карл Иванович Ренар (1809–1886).

Неизвестный художник, середина XIX в. Холст, масло. Фонд ЗММУ.

PREDECESSORS OF A.P. BOGDANOV

Fig. 1. Johann Gotthelf Fischer (Grigory Ivanovich Fischer von Waldheim) (1771–1853).

Unknown painter, 1810s to 1820s. Pastel on canvas. Coll. ZMMU.

Fig. 2. Georgy Efimovich Shchurovsky (1803–1884).

Photo. Proc. ISANAE, 1878, 33 (2): 24a.

Fig. 3. Charles Franzevich Roulier (1814–1858).

Photo, a. 1850. Coll. ZMMU.

Fig. 4. Charles Ivanovich Renar (1809–1886).

Unknown painter, mid 19th century. Oil on canvas. Coll. ZMMU.

1

2

3

4

АНАТОЛИЙ ПЕТРОВИЧ БОГДАНОВ (1834–1896)

Рис. 5. После возвращения из Европы.

Фотография, 1857 г. АРАН. Ф.446. Оп.7. Д.78. Л.2.

Рис. 6. С орденом Святого Владимира 2-й степени.

Фотография, 1883 г. АРАН. Ф.446. Оп.7. Д.79. Л.1.

Рис. 7. В зрелые годы.

Фотография, 1890-е гг. АРАН. Ф.446. Оп.7. Д.79. Л.5.

Рис. 8. В своём кабинете.

Фотография, 1895 г. АРАН. Ф.446. Оп.7. Д.79. Л.3.

ANATOLE PETROVICH BOGDANOV (1834–1896)

Fig. 5. After returning back from Europe.

Photo, 1857. ARAN. F.446. I.7. C.78. P.2.

Fig. 6. With the Order of Holy Vladimir, Degree II.

Photo, 1883. ARAN. F.446. I.7. C.78. P.1.

Fig. 7. At old years.

Photo, 1890s. ARAN. F.446. I.7. C.79. P.5.

Fig. 8. In his office.

Photo, 1895. ARAN. F.446. I.7. C.79. P.3.

5

6

7

8

КОЛЛЕГИ И СПОДВИЖНИКИ А.П. БОГДАНОВА

Рис. 9. Слева направо: Я.А. Борзёнков, Н.А. Северцов, С.А. Усов.
Фотография. 1850-е гг. Фонд ЗММУ.

Рис. 10. Николай Алексеевич Северцов (1827–1885).
Фотография. Изв. ИОЛЕАЭ, 1888, 55: табл. I.

Рис. 11. Сергей Алексеевич Усов (1827–1886).
Фотография. Изв. ИОЛЕАЭ, 1888, 55: табл. VII.

Рис. 12. Яков Андреевич Борзёнков (1825–1883).
Фотография. Изв. ИОЛЕАЭ, 1888, 55: табл. VII.

Рис. 13. Василий Андреевич Дашков (1819–1896).
Фотография. Изв. ОЛЕ, 1867, 3 (2): 48a.

Рис. 14. Николай Григорьевич Керцелли (1821–1882).
Фотография, 1878 г. Изв. ИОЛЕАЭ, 1880, 35 (1–3): 80a.

COLLEAGUES AND ASSOCIATES OF A.P. BOGDANOV

Fig. 9. Left to right: Ya.A. Borzyonkov, N.A. Severtzov, S.A. Usov.
Photo, 1850s. Coll. ZMMU.

Fig. 10. Nikolay Alekseevich Severtzov (1827–1885).
Photo. Proc. ISANAE, 1888, 55: tbl. VII.

Fig. 11. Sergey Alekseevich Usov (1827–1886).
Photo. Proc. ISANAE, 1888, 55: tbl. VII.

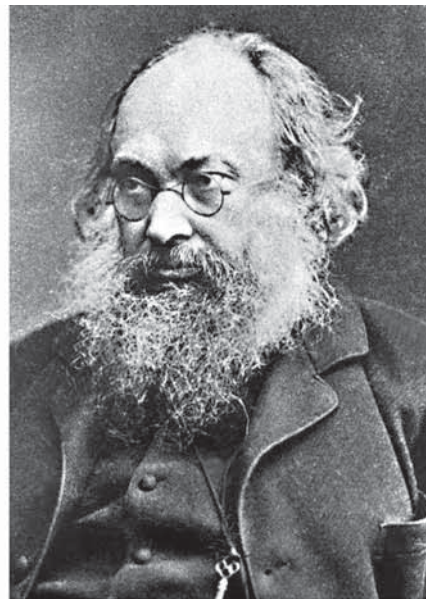
Fig. 12. Yakov Andreevich Borzyonkov (1825–1883).
Photo. Proc. ISANAE, 1888, 55: tbl. VII.

Fig. 13. Vasiliy Andreevich Dashkov (1819–1896).
Photo. Proc. SAN, 1867, 3 (2): 48a.

Fig. 14. Nikolay Grigorievich Kertselli (1821–1882).
Photo, 1878. Proc. ISANAE, 1880, 35 (1–3): 80a.

9

10

11

12

13

14

УЧЕНИКИ А.П. БОГДАНОВА

Рис. 15. Алексей Павлович Федченко (1844–1873).

Фотография. Изв. ИОЛЕАЭ, 1888, 55: табл. I.

Рис. 16. Николай Викторович Насонов (1855–1939).

Фотография. Изв. ИОЛЕАЭ, 1888, 55: табл. XI.

Рис. 17. Николай Михайлович Кулагин (1860–1940).

Фотография. Изв. ИОЛЕАЭ, 1888, 55: табл. VIII.

Рис. 18. Николай Карлович Зенгер (1841–1877).

Фотография. Изв. ИОЛЕАЭ, 1889, 57: табл. XVIII.

Рис. 19. Николай Юрьевич Зограф (1851–1919).

Фотография. Изв. ИОЛЕАЭ, 1888, 55: табл. XI.

Рис. 20. Александр Андреевич Тихомиров (1850–1931).

Фотография. Фонд ЗММУ.

DISCIPLES OF A.P. BOGDANOV

Fig. 15. Aleksey Pavlovich Fedchenko (1844–1873).

Photo. Proc. ISANAE, 1888, 55: tbl. I.

Fig. 16. Nikolay Viktorovich Nasonov (1855–1939).

Photo. Proc. ISANAE, 1888, 55: tbl. XI.

Fig. 17. Nikolay Mikhaylovich Kulagin (1860–1940).

Photo. Proc. ISANAE, 1888, 55: tbl. VIII.

Fig. 18. Nikolay Karlovich Saenger (1841–1877).

Photo. Proc. ISANAE, 1889, 57: tbl. XVIII.

Fig. 19. Nikolay Yurievich Zograf (1851–1919).

Photo. Proc. ISANAE, 1888, 55: tbl. XI.

Fig. 20. Aleksander Andreevich Tikhomirov (1850–1931).

Photo. Coll. ZMMU.

15

16

17

18

19

20

УЧЕНИКИ И КОЛЛЕГИ А.П. БОГДАНОВА

Рис. 21. А.П. Богданов с учениками и коллегами.

Фотография, 1885 г. АРАН. Ф 446. Оп.1А. Д.110. Л.3.

Слева направо: 1-й ряд — Владимир Александрович Вагнер, Александр Андреевич Тихомиров, Анатолий Петрович Богданов, Николай Юрьевич Зограф, Николай Викторович Насонов; 2-й ряд — ?, Павел Ильич Митрофанов, ?, Елпидифор Васильевич Барсов (?), ?.

Рис. 22. Сотрудники Лаборатории Зоологического музея Московского университета.

Фотография, 1885–1886 гг. Фонд ЗММУ.

Слева направо: Анатолий Петрович Богданов, Николай Михайлович Кулагин (сидит), Николай Викторович Насонов (стоит в плаще), Неофит Васильевич Калужский (полулежит), Григорий Александрович Кожевников (в шляпе, с плащом на плече), Александр Николаевич Корчагин, Фёдор Фёдорович Каврайский (стоит, в фуражке), Павел Робертович Фрейберг (сидит, с шляпой и плащом в руке), Дмитрий Михайлович Россинский (сидит, в шляпе), Николай Юрьевич Зограф (стоит, в шляпе), Алексей Николаевич Харузин (сидит, в фуражке).

DISCIPLES AND COLLEAGUES OF A.P. BOGDANOV

Fig. 21. A.P. Bogdanov with his disciples and colleagues.

Photo, 1885. ARAN. F.446. I.1A. C.110. P.3.

Left to right: 1st row, Vladimir Aleksandrovich Wagner, Aleksander Andreevich Tikhomirov, Anatole Petrovich Bogdanov, Nikolay Yurievich Zograf, Nikolay Viktorovich Nasonov; 2d row, ?, Pavel Iliyich Mitrofanov, ?, Elpidiphore Vasilievich Barsov (?), ?.

Fig. 22. Research staff of the Laboratory of Zoological Museum at Moscow University.

Photo, 1885 or 1886. Coll. ZMMU.

Left to right: Anatole Petrovich Bogdanov, Nikolay Mikhaylovich Kulagin (sitting), Nikolay Viktorovich Nasonov (staying with his coat on), Neophyte Vasilievich Kaluzhskiy (reclining), Grigory Aleksandrovich Kozhevnikov (with his hat on and with his coat on his shoulder), Aleksander Nikolaevich Kortchagin, Feodor Feodorovich Kavrayskiy (standing with his cap on), Pavel Robertovich Freiberg (sitting with his hat and coat in his hand), Dmitry Mikhaylovich Rossinskiy (sitting with his hat on), Nikolay Yurievich Zograf (standing with his hat on), Aleksey Nikolaevich Kharuzin (sitting with his cap on).

21

22

СЕМЬЯ А.П. БОГДАНОВА

Рис. 23. Елена Васильевна Богданова (1842–1916), жена А.П. Богданова.

Фотография. АРАН. Ф 446. Оп.7. Д.86. Л.3.

Рис. 24. Владимир Анатольевич Богданов (1865–1931), старший сын А.П. Богданова.

Фотография, 1885 г. АРАН. Ф 446. Оп.7. Д.88. Л.1.

Рис. 25. Ор Анатольевич Богданов (1867–1875), средний сын А.П. Богданова.

Фотография. АРАН. Ф 446. Оп.7. Д.90.

Рис. 26. Еллий Анатольевич Богданов (1872–1931), младший сын А.П. Богданова.

Фотография, 1925 г. АРАН. Ф.446. Оп.7. Д.92. Л.7.

Рис. 27. Ольга Анатольевна Богданова (1868–194?), дочь А.П. Богданова.

Фотография, 1895 г. АРАН. Ф 446. Оп.7. Д.87. Л.1.

Рис. 28. Наталья Ивановна Богданова (1870–?), жена Е.А. Богданова.

Фотография. АРАН. Ф.446. Оп.7. Д.93. Л.1.

FAMILY OF A.P. BOGDANOV

Fig. 23. Elena Vasilievna Bogdanova (1842–1916), A.P. Bogdanov's wife.

Photo. ARAN. F.446. I.7. C.86. P.3.

Fig. 24. Vladimir Anatolievich Bogdanov (1865–1931), A.P. Bogdanov's elder son.

Photo, 1885. ARAN. F.446. I.7. C.88. P.1.

Fig. 25. Orr Anatolievich Bogdanov (1867–1875), A.P. Bogdanov's second son.

Photo. ARAN. F.446. I.7. C.90.

Fig. 26. Elliy Anatolievich Bogdanov (1872–1931), A.P. Bogdanov's younger son.

Photo, 1925. ARAN. F.446. I.7. C.92. P.7.

Fig. 27. Olga Anatolievna Bogdanova (1868–194?), A.P. Bogdanov's daughter.

Photo, 1895. ARAN. F.446. I.7. C.87. P.1.

Fig. 28. Natalia Ivanovna Bogdanova (1870–?), E.A. Bogdanov's wife.

Photo. ARAN. F.446. I.7. C.93. P.1.

23

24

25

26

27

28

Семья А.П. Богданова

Рис. 29. Дети А.П. Богданова (слева направо): Ольга, Владимир, Еллий.

Фотография, 1877 г. АРАН. Ф.446. Оп.7. Д.118. Л.1.

Рис. 30. Заглавный лист рукописной газеты «Измайловская ботвинья» № 5 (3 августа 1880 г.), которую издавали дети А.П. Богданова; данный номер редактировал Вл. Богданов.

АРАН. Ф.446. Оп.7. Д.52. Л.29.

FAMILY OF A.P. BOGDANOV

Fig. 29. A.P. Bogdanov's children (left to right): Olga, Vladimir, Elliy.

Photo, 1877. ARAN. F.446. I.7. C.118. P.1.

Fig. 30. Title page of a hand-written newspaper "Izmailovo Leaf Soup" [Izmailovskaya Botvinia] No. 5 of Aug. 3, 1880 being published by A.P. Bogdanov's children; the present issue was edited by Vl. Bogdanov.

ARAN. F.446. I.7. C.52. P.29.

[illegible]

Исходящее из этого
предания, религиозное введение
наш из своего умственного
статуса и нравственного
жизни, прародителей в этот
слова похвалы в изро-
вращение спокойствия, снова
привычка обильней в со-
но-милантинский виде
внушает, не только различий
идей, снова стала различ-
ная же впадение на
существование и у
не подумывает, не рече-
ли еще подняли ее в раз-
ности, потому что не
есть. Исходя из этого
наш из своего умственного
статуса и нравственного

Днев. и расхожденная мо-
ланхолическими внима-
ниями ^вбывающие густы
и не от 20 морехз годовил.

29

30

ЗООЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**Рис. 31.** Фрагмент экспозиции.

Худ. В. Падуров, 1885 г. Бумага, карандаш. Фонд ЗММУ.

Рис. 32. Интерьер лаборатории.

Худ. В. Падуров, 1885 г. Бумага, карандаш. Фонд ЗММУ.

Рис. 33. Интерьер учебной аудитории.

Худ. В. Падуров, 1885 г. Бумага, карандаш. Фонд ЗММУ.

ZOOLOGICAL MUSEUM OF MOSCOW UNIVERSITY**Fig. 31.** Fragment of the display.

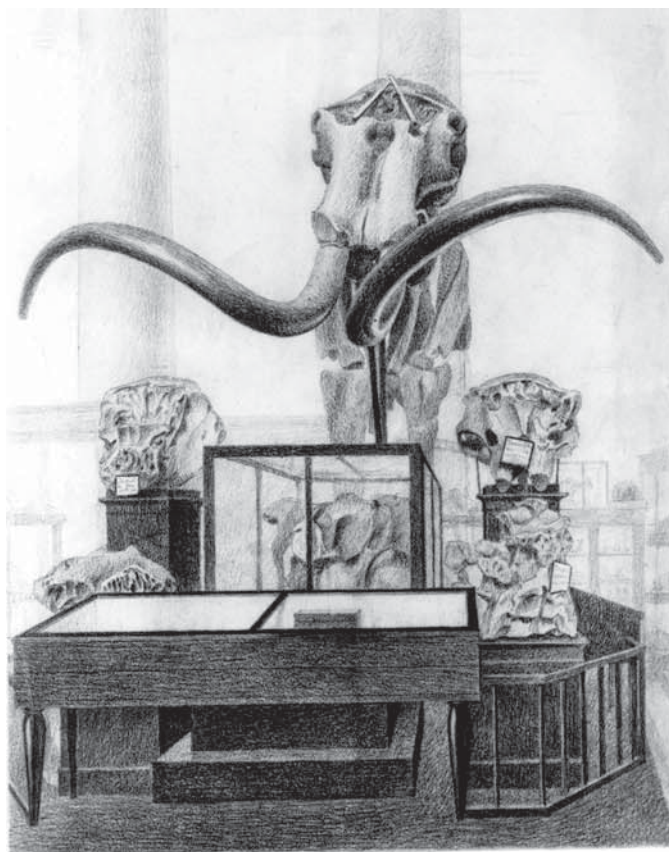
Pencil drawing by V. Padurov, 1885. Coll. ZMMU.

Fig. 32. Interior of the Laboratory room.

Pencil drawing by V. Padurov, 1885. Coll. ZMMU.

Fig. 33. Interior of the Lecture hall.

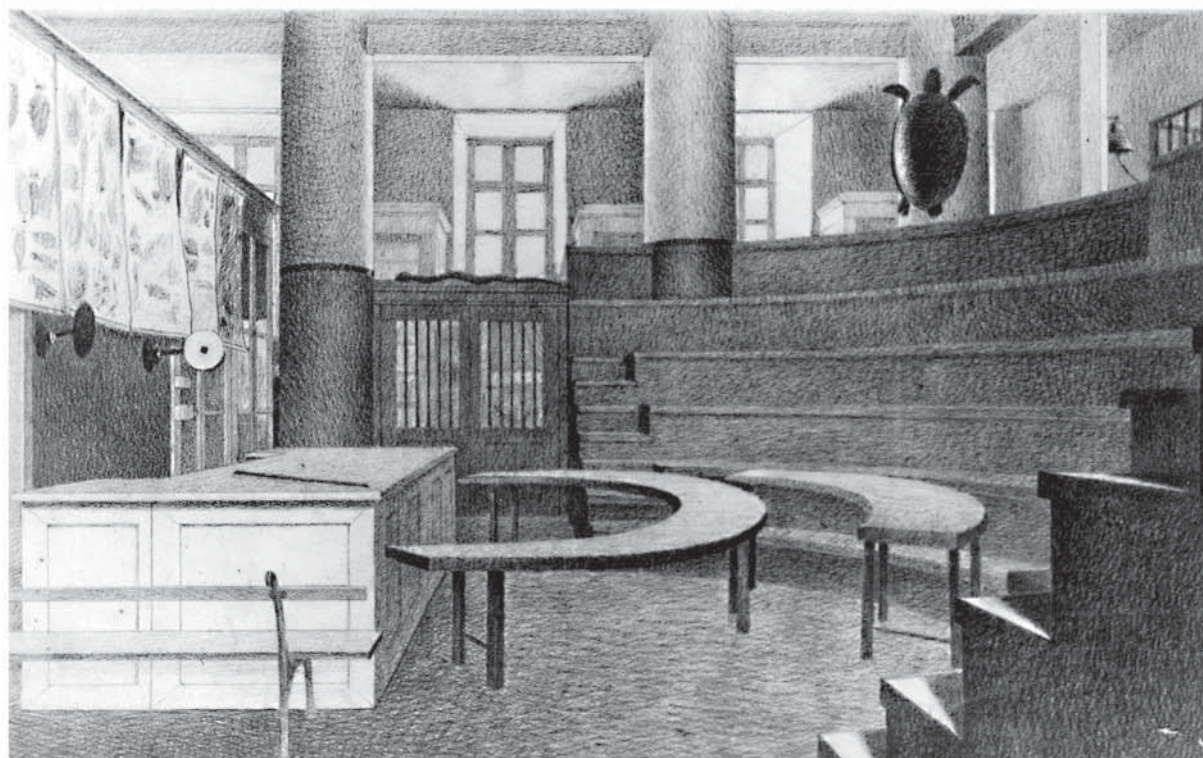
Pencil drawing by V. Padurov, 1885. Coll. ZMMU.

31

32

33

ЗООЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рис. 34. Выставка предметов в Политехническом музее, частью собранных за границей А.П. Богдановым по поручению С.П. фон Дервиза для Зоологического музея, частью привезённых организованными фон Дервизом экспедициями из различных местностей России, Балтийского и Эгейского морей для этого же Музея.

Фотография, 1887 г. Изв. ИОЛЕАЭ, 1888. 54: 1а.

Некоторые из этих чучел по сей день выставлены в экспозиции Зоологического музея МГУ.

ZOOLOGICAL MUSEUM OF MOSCOW UNIVERSITY

Fig. 34. A display of the objects in Polytechnic Museum partly collected abroad by A.P. Bogdanov on behalf of S.P. von Derviz for the Zoological Museum, and partly brought from expeditions organized by von Derviz in different parts of Russia, in the Baltic and in Aegean Seas for the same Museum.

Photo, 1887. Proc. ISANAE, 1888. 54: 1a.

Some of these stuffed beasts have being been displayed till present days in the exhibition of the Zoological Museum of Moscow University.

МОСКОВСКИЙ ЗООЛОГИЧЕСКИЙ ПАРК (ОСНОВАН В 1864 Г.)

Рис. 35. Вход в Зоологический сад.

Фотография, 1891 г. Архив МЗП.

Рис. 36. А.П. Богданов с членами Общества акклиматизации в Зоологическом саду.

Фотография, 1890-е гг. Архив МЗП.

Рис. 37. Индийский носорог в Зоологическом саду.

Фотография, 1863 г. Архив МЗП.

Самка носорога «Монька» была подарена Московскому зоосаду. Существует несколько версий, кто именно был дарителем — один из Великих князей (Н.Н. Романов-ст. или К.Н. Романов) или М. Налбандян (армянский писатель и философ). Монька прибыла в Москву в 4-летнем возрасте, с 1863 по 1887 гг. жила в Московском зоосаде, где умерла в возрасте 28 лет.

Скелет и чучело «Моньки», изготовленные для Зоологического музея на средства С.П. фон Дервиза, до настоящего времени выставлены в Зале сравнительной анатомии и в Верхнем зале музея, соответственно.

Рис. 38. Здание для выставок и чтений для детей в Зоологическом саду.

Фотография, 1895 г. Архив МЗП.

THE MOSCOW ZOO (FOUNDED IN 1864)

Fig. 35. Entry to the Zoo.

Photo, 1891. Arch. MZ.

Fig. 36. A.P. Bogdanov with members of the Society for Acclimatization in the Zoo.

Photo, 1890s. Arch. MZ.

Fig. 37. An Indian rhinoceros in the Zoo

Photo, 1863. Arch. MZ.

A female rhino called “Mon’ka” was donated to the Moscow Zoo. There are several version of who was its actual donor, either one of the Grand Dukes (N.N. Romanov Sr. or K.N. Romanov) or M. Nalbandyan (an Armenian writer and philosopher). “Mon’ka” arrived in Moscow when it was four years old and then lived in the Zoo from 1863 till 1887, where it died at the age of 28 years old.

“Mon’ka”’s skeleton and mounted skin were prepared for the Zoological Museum at the expense of S.P. von Derviz and have being been separately displayed till now in the Comparative Anatomy and Upper Halls (respectively) of the Museum.

Fig. 38. The building for displays and children readings in the Zoo.

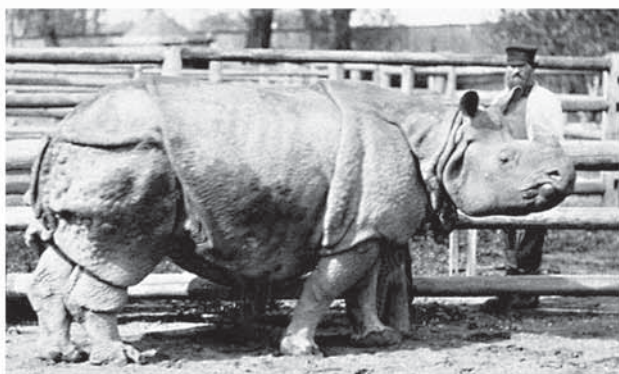
Photo, 1895. Arch. MZ.

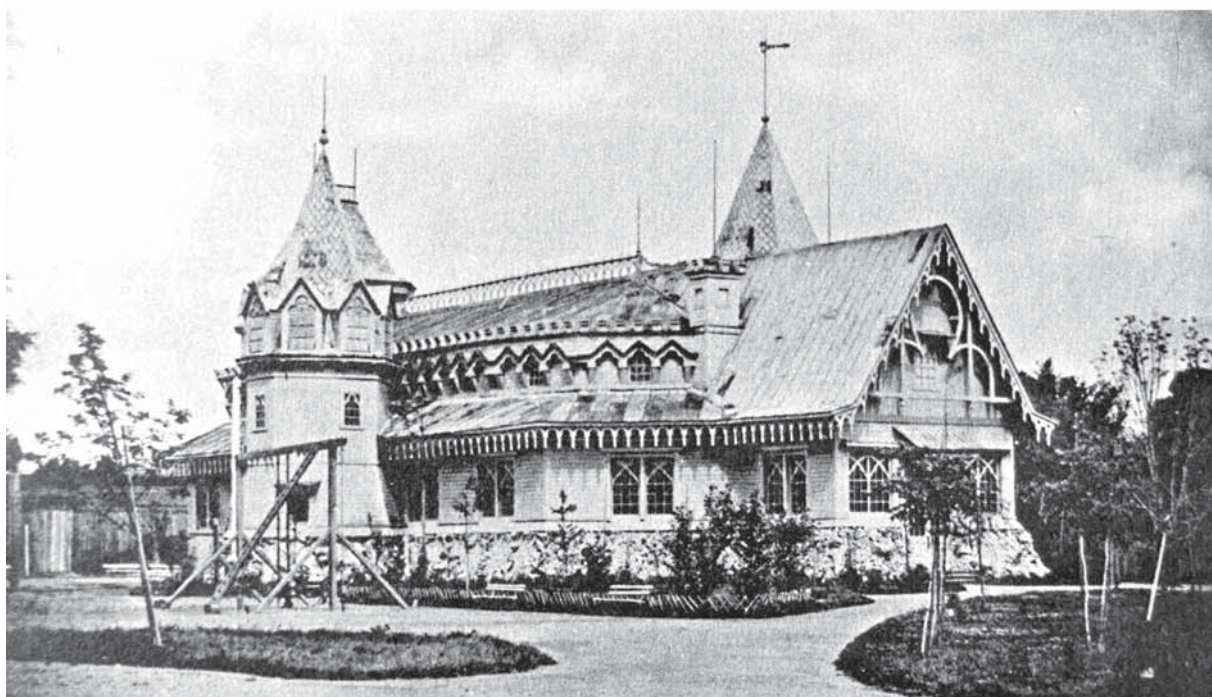
35

36

37

38

ВСЕРОССИЙСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА, 1867 Г.

Рис. 39. Фрагмент экспозиции Рязанской губернии.

Фотография. Изв. ИОЛЕАЭ, 1878. 29: 14a.

Рис. 40. Общий вид экспозиции «Ярмарка».

Фотография. Изв. ИОЛЕАЭ, 1878. 29: 1a.

ALL-RUSSIAN ETHNOGRAPHIC EXHIBITION, 1867

Fig. 39. A fragment of the display of Ryazan Gov.

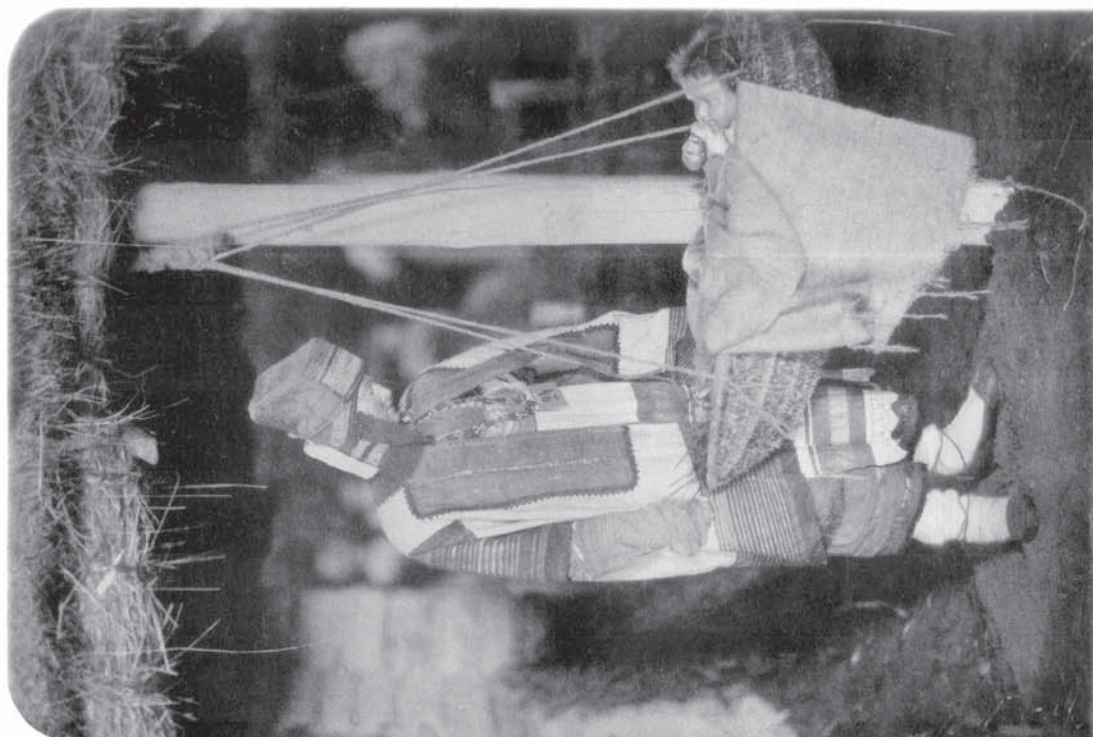
Photo. Proc. ISANAE, 1878. 29: 14a.

Fig. 40. General view of the display “Fair”.

Photo. Proc. ISANAE, 1878. 29: 1a.

40

39

ВСЕРОССИЙСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА, 1867 Г.

Рис. 41. Страница отчёта по выставке.

Изв. ИОЛЕАЭ, 1878. 29: 37.

ALL-RUSSIAN ETHNOGRAPHIC EXHIBITION, 1867

Fig. 41. A page from the Report of the Exhibition.

Proc. ISANAE, 1878. 29: 37.

VI. Отчетъ по выставкѣ.

Въ засѣданіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, 14-го іюля 1867 года, былъ представленъ Обществу отчетъ Распорядительнаго Комитета по устройству Этнографической выставки, заключающій въ себѣ вѣдомость о приходѣ и расходахъ комитета и приложение главнѣйшихъ матеріальныхъ результатовъ, достигнутыхъ выставкою.

П Р И Х О Д Ъ.

Въ кассу Комитета поступило:

1) Отъ продажи билетовъ для входа на выставку: 651 билетъ по 3 и 2 руб., въ день открытія.....	1,908 р.
19,465 билетовъ по 1 руб. въ теченіи 28 дней.....	19,465 р.
23,888 билетовъ по 50 коп. въ теченіи 17 дней.....	11,944 р.
39,044 билетовъ по 25 коп. въ теченіи 10 дней.....	9,761 р.
Всего отъ 23 апрѣля по 18 іюня съ 83,048 посѣтит.....	43,078 р.
2) По Высочайшему повелѣнію изъ суммъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.....	2,000 р.
3) Отъ разныхъ учреждений и лицъ, на исполненіе манекеновъ:	
Отъ г. Г. Я. Буфѣева.....	150 р.
Отъ г-жи Н. Я. Нарышкиной.....	120 р.
Отъ Эстляндскаго Дворянства ..	80 р.
Отъ Донскаго Статистическаго Комитета.....	50 р.
Отъ Оренбургскаго вспомога- тельнаго Комитета.....	35 р.
Всего.....	45,513 р.

Сверхъ поступившихъ суммъ г. Предсѣдатель Комитета выставки Василій Андреевичъ Дашковъ предложилъ 10-го мая 1865 года *тринадцать тысячъ* и въ декабрѣ 1866 г. еще *пять тысячъ* рублей. Этотъ капиталъ расходовался до открытія выставки и былъ возвращенъ В. А. Дашкову изъ суммы сбора.

Р А С Х О Д Ъ.

На устройство выставки были произведены слѣдующіе расходы:

1) На приобрѣтеніе костюмовъ и другихъ этнографическихъ предметовъ въ губерніяхъ Европейской Россіи.....	704 р. 56 к.
2) — — на Кавказѣ и въ Закавказскомъ краѣ *).....	600 р. — »
3) — — въ Славянскихъ земляхъ.....	3,66 р. 95 к.
4) На провозъ и пересылку тюковъ	

*) Въ эту цифру не входитъ сумма, ассигнованная на приобрѣтеніе этнографическихъ предметовъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Намѣстникомъ Кавказскимъ, — а именно 1,200 р. Также не показаны въ расходѣ и въ приходѣ тѣ суммы, которыя, благодаря содѣйствію различныхъ лицъ, расходовались въ разныхъ частяхъ имперіи на собираніе и доставленіе коллекцій.

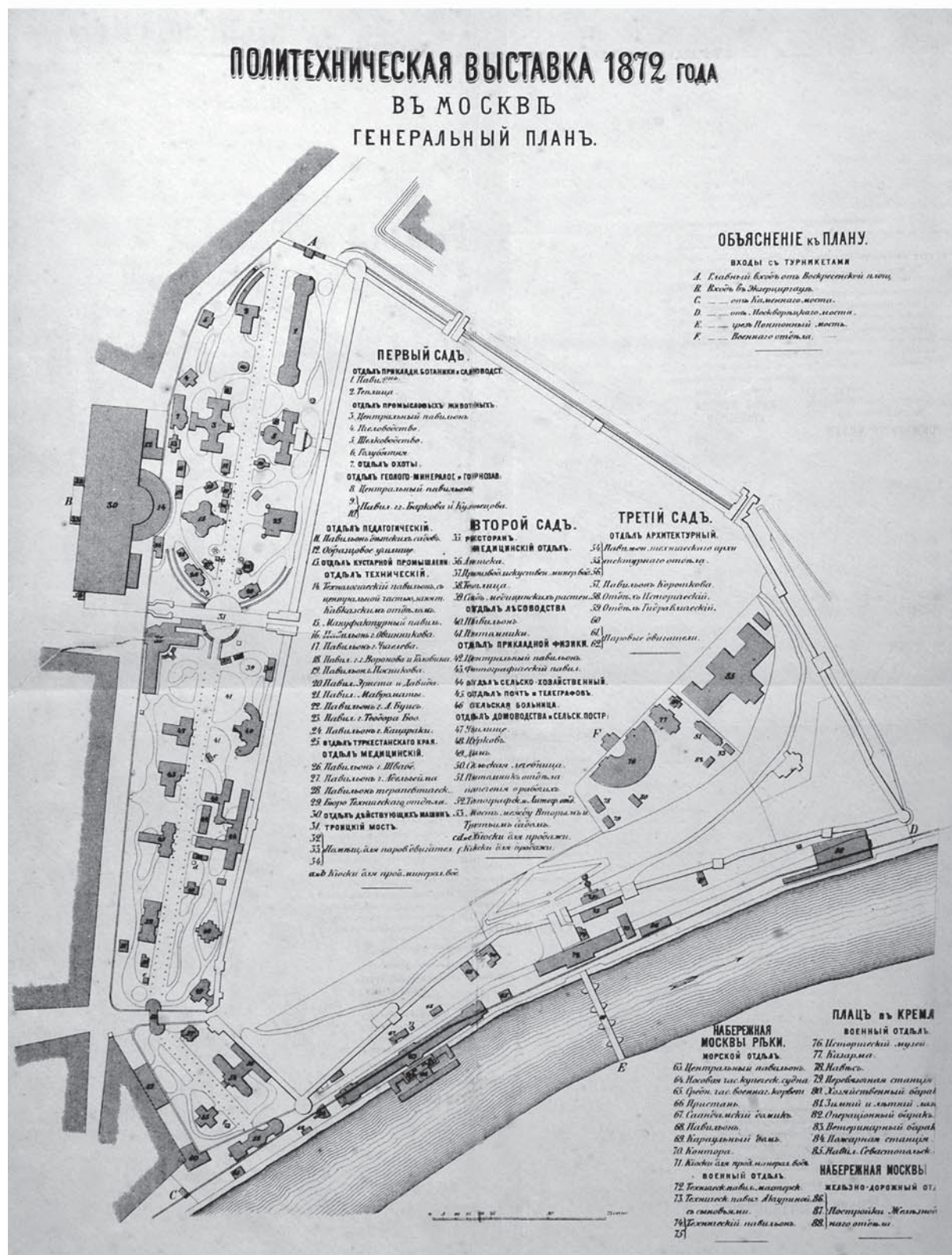
изъ разныхъ мѣстъ имперіи и Славянскихъ земель.....	1,302 р. 82 к.
5) На пересылку почтовой и телеграфной корреспонденціи.....	169 р. 28 к.
6) На типографскія издержки: печатаніе брошюръ, объявленій, бланковъ и пр.	1,235 р. 65 к.
7) На исполненіе манекеновъ:	
— Уплачено художникамъ: Н. А. Рамазанову, И. И. Севрюгину, С. П. Закревскому, А. М. Любимову, С. И. Иванову, Я. М. Яковлеву, И. В. Шаманскому и Гейзерту.....	10,295 р. »
— Уплачено за издѣлія изъ волосъ парикмахерамъ.....	1,512 р. 25 к.
— Уплачено за искусственные глаза и прочія принадлежности манекеновъ.....	372 р. 88 к.
— Израсходовано на исполненіе чучель животныхъ.....	221 р. »
9) На архитектурное устройство выставки:	
— Уплачено подрядчику А. А. Пороховщикову подрядныхъ 3775 и сверхсметныхъ 2304 р.....	6,079 р. »
— Израсходовано на плотничныя, малярныя и другія архитектурныя работы, произведенныя другими лицами.....	3,010 р. 50 к.
10) На декоративныя принадлежности, какъ то: декораціи, писанныя художникомъ М. П. Борецкимъ, устройство горъ, проведеніе газа и проч.	1,897 р. 40 к.
11) Уплачено Шестовской артели за охраненіе предметовъ во время выставки.....	2,850 р. »
12) Уплачено жандармамъ, разнымъ рабочимъ, музыкантамъ, служителямъ и проч.	2,018 р. 20 к.
13) Израсходовано комитетомъ на командировки.....	600 р. »
14) Израсходовано на канцелярію.....	411 р. 27 к.
15) На расходы при открытіи и закрытіи выставки и на разныя мелкія выдачи.....	391 р. 23 к.
16) Уплачено московскому 1-й гильдіи купцу Ананову вслѣдствіе требованія его за потеряныя принадлежащія ему 2 ковра.....	220 р. »
Всего.....	40,865 р. 61 к.

Кромѣ означенныхъ расходовъ Обществу предстояло еще покрыть расходъ на присужденныя медали и нѣкоторыя другія текущія выдачи, на что потребовалось около 2000 рублей.

Представленъ Обществу наличный остатокъ..... 4,647 р. 38 к.

Распорядительный Комитетъ указалъ на слѣдующіе результаты, достигнутыя выставкою:

ПОЛИТЕХНИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА, 1872 Г.**Рис. 42.** План выставки.*Фонд ПТМ.***POLYTECHNIC EXHIBITION, 1872****Fig. 42.** The Exhibition plane.*Coll. PTM.*

ПОЛИТЕХНИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА, 1872 Г.

Рис. 43. Морской отдел выставки.

Рисунок. Фонд ПТМ.

Рис. 44. Физический отдел выставки.

Фотография. Фонд ПТМ.

POLYTECHNIC EXHIBITION, 1872

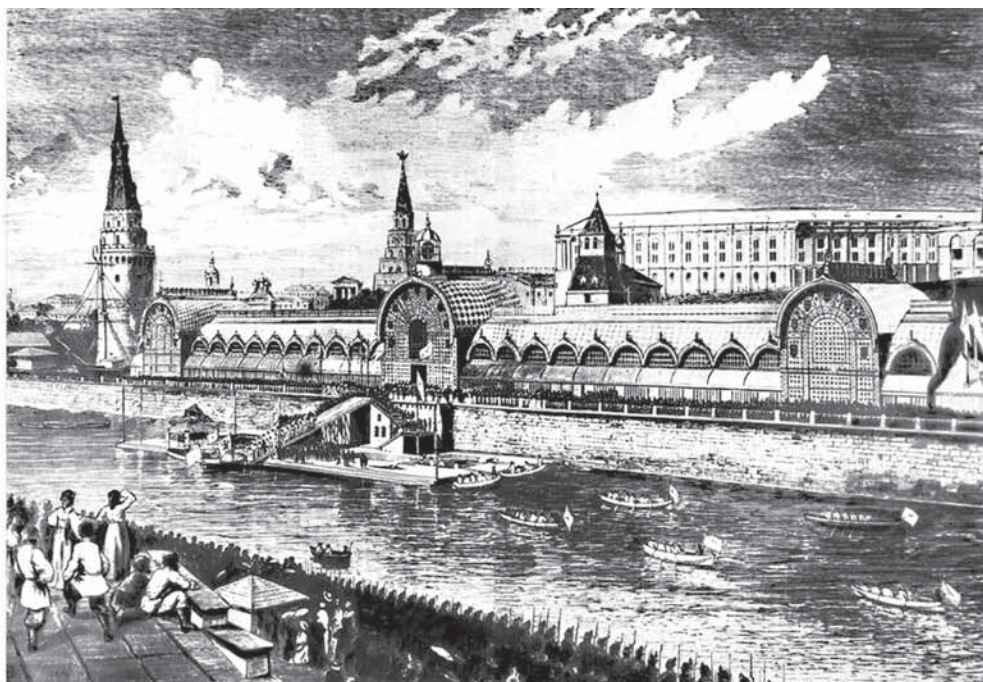
Fig. 43. Marine Department of the Exhibition.

Drawing. Coll. PTM.

Fig. 44. Physical Department of the Exhibition.

Photo. Coll. PTM.

43

44

ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ (ОСНОВАН В 1872 Г.)

Рис. 45. Фотоколлаж по случаю 25-летия музея.

Фотография, 1897 г. Фонд ПТМ

Комитет музея (в 1872 и 1897 гг.). Верхний ряд: в центре почётный председатель Комитета музея Великий князь К.К. Романов, слева направо — П.П. Петров, князь В.М. Голицын, А.П. Разцветов, В.Д. Левинский. Нижний ряд: в центре почётный председатель Комитета музея Великий князь К.Н. Романов; слева направо — Д.А. Наумов, А.П. Богданов, Г.Е. Щуровский, Н.В. Исаков, князь В.А. Черкасский, Н.К. Зенгер.

Средний ряд: виды здания музея, слева — временное помещение на Пречистенке в 1872 г., в центре — здание музея в 1897 г., справа — центральная часть постоянного здания в 1877 г.

POLYTECHNIC MUSEUM (FOUNDED IN 1872)

Fig. 45. A photo collage on occasion of 25th anniversary of the Museum.

Photo, 1897. Coll. PTM

The Museum Committee (in 1872 and 1897). Upper row: center, honorary chair of the Museum Committee Grand Duke K.K. Romanov; left to right, P.P. Petrov, prince V.M. Golitsyn, A.P. Raztsvetov, V.D. Levinskiy. Lower row: center, honorary chair of the Museum Committee Grand Duke K.N. Romanov; left to right, D.A. Naumov, A.P. Bogdanov, G.E. Shchurovskiy, N.V. Isakov, prince V.A. Cherkasskiy, N.K. Saenger.

Middle row, views of the Museum building: left, a temporary storage in Prechistenka Str. in 1872; center, the Museum building in 1897; right, central part of the permanent building in 1877.

ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Рис. 46. Виды первой экспозиции в здании на Пречистенке: а) Отдел прикладной зоологии, б) Почтовый отдел, в) Архитектурный отдел.

Фотографии, 1872 г. Фонд ПТМ

POLYTECHNIC MUSEUM

Fig. 46. Views of the first display in the building in Prechistenka Str.: a) Department of Applied Zoology, б) Post Department, в) Architecture Department.

Photo, 1872. Coll. PTM

46a

46б

46в

ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Рис. 47. Фрагмент экспозиции Отдела прикладной зоологии в здании на Лубянке.

Фотография, конец 1890-х гг. Фонд ПТМ.

Рис. 48. Аудитория в здании на Лубянке.

Фотография, 1880-е гг. Фонд ПТМ.

POLYTECHNIC MUSEUM

Fig. 47. A fragment of display of the Department of Applied Zoology in the building in Lubyanka.

Photo, fall of the 1890s. Coll. PTM.

Fig. 48. The Lecture hall in the building in Lubyanka.

Photo, 1880s. Coll. PTM.

47

48

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА, 1879 г.

Рис. 49. Карта экспедиций Комитета Антропологической выставки.

Из: Советская антропология, 1959, 2: 129.

Рис. 50. Общий вид экспозиции геолого-палеонтологического отдела выставки.

Фотография, 1879 г. Изв. ИОЛЕАЭ, 1880. 35 (1–3): 40a.

ANTHROPOLOGICAL EXHIBITION, 1879

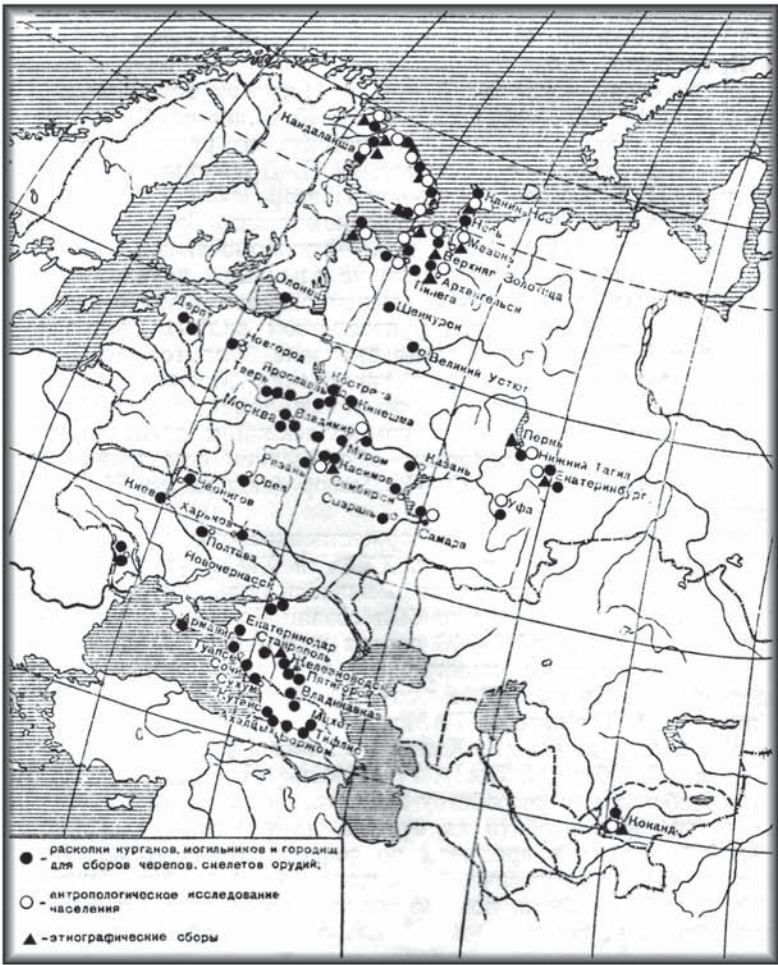
Fig. 49. A map of expeditions of the Committee of the Anthropological Exhibition.

From: Sovetskaya Anthropologia, 1959, 2: 129.

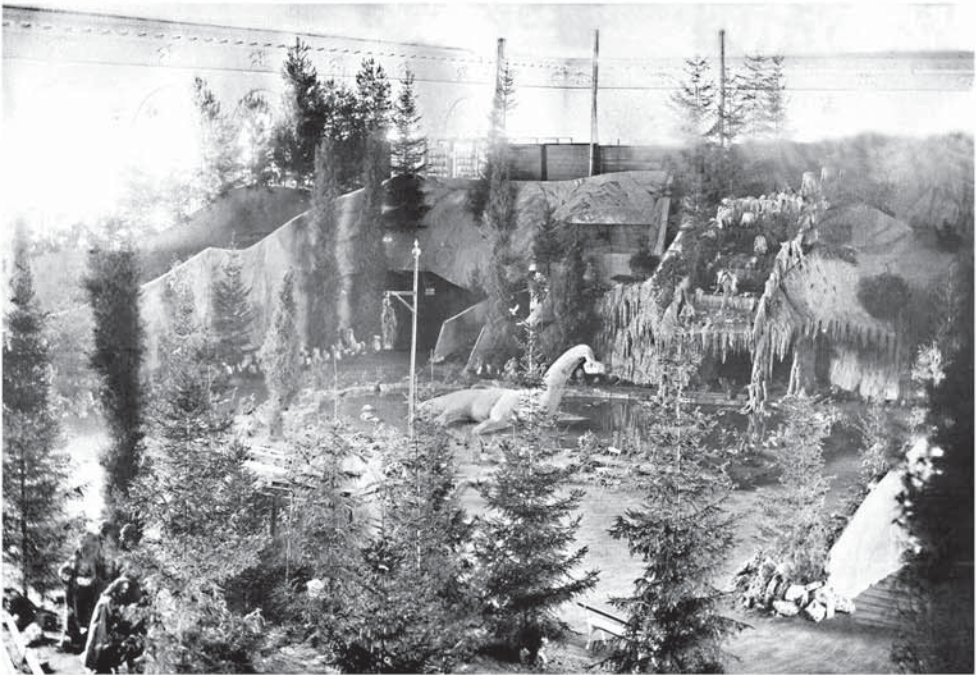
Fig. 50. General view of the display of the Geology&Palaeontology Department of the Exhibition.

Photo, 1879. Proc. ISANAE, 1880. 35 (1–3): 40a.

49

50

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА 1879 г.**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ И ОТДЕЛ МАНЕКЕНОВ**

Рис. 51. Портрет представителей населения Заревшанского округа Туркестанского края, присутствовавших на выставке.

Фотография. Изв. ИОЛЕАЭ, 1886. 49 (1): 1а.

Рис. 52. Портрет воголов Верхнетурского уезда Пермской губернии, присутствовавших на выставке.

Фотография. Изв. ИОЛЕАЭ, 1886. 49 (1): 47а.

Рис. 53. Часть экспозиции с манекенами австралийских аборигенов.

Фотография. Изв. ИОЛЕАЭ, 1880. 35 (1–3): 72а.

ANTHROPOLOGICAL EXHIBITION, 1879**ETHNOGRAPHIC DEPARTMENT AND MANNEQUINS DEPARTMENT**

Fig. 51. A portrait of representatives of the people of Zarevshan District, Turkestan Range, presented at the Exhibition.

Photo. Proc. ISANAE, 1886. 49 (1): 1a.

Fig. 52. A portrait of the Vogul people from Verkhotur Uyezd, Perm Gov., presented at the Exhibition.

Photo. Proc. ISANAE, 1886. 49 (1): 47a.

Fig. 53. A portion of the display with mannequins of the Australian aboriginals.

Photo. Proc. ISANAE, 1880. 35 (1–3): 72a.

51

52

53

ПРЕДМЕТЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ 1879 Г., ПОСТУПИВШИЕ В МОСКОВСКИЕ МУЗЕИ

Рис. 54. Зоологический музей Московского университета. Макет доисторического растения.

Гравюра, ок. 1880 г. Изв. ИОЛЕАЭ, 1886. 49 (2): 2а.

Рис. 55. Политехнический музей. Экспозиция, посвящённая воспитанию детей у разных народов.

Фотография, ок. 1880 г. Изв. ИОЛЕАЭ, 1886. 49 (2): 79а.

SOME OBJECTS OF THE ANTHROPOLOGICAL EXHIBITION OF 1879 DELIVERED TO MOSCOW MUSEUMS

Fig. 54. Zoological Museum of Moscow University. Model of a praehistorical plant.

Engraving, a. 1880. Proc. ISANAE, 1886. 49 (2): 2a.

Fig. 55. Polytechnuc Museum. The display showing children education in different nations.

Photo, a. 1880. Proc. ISANAE, 1886. 49 (2): 79a.

54

55

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (ОСНОВАН В 1883 Г.)

Рис. 56. Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923).

Фотография, конец 1880-х гг. (из: Ефимова и др., 2015. Учёные и собиратели... М.: Параллели. С. 48.)

Рис. 57. Портрет славянина-вятича X–XIII вв. Графическая реконструкция О.М. Григорьевой по черепу мужчины. Раскопки А.П. Богданова, 1865 г., с. Ябедино, Звенигородский у., Московская губ.

Из: Алексеева и др. 1999. Краниологические и остеологические коллекции... Москва: Изд-во МГУ. С. 176.

Рис. 58. Экспозиция Музея антропологии в здании Исторического музея.

Фотография, 1883 г. Изв. ИОЛЕАЭ, 1886. 49 (2): 15а.

ANTHROPOLOGICAL MUSEUM OF MOSCOW UNIVERSITY (FOUNDED IN 1883)

Fig. 56. Dmitriy Nikolaevich Anuchin (1843–1923).

Photo, fall of 1880s. (after Efimova et al. 2015. Researchesr and collectors... Moscow: Paralleli Publ. P. 48).

Fig. 57. A portrait of the Viatich Slav of the 10th to 13th centuries. Graphical reconstruction by O.M. Grigorieva based on a man skull. Engraves by A.P. Bogdanov, 1865, Yabedino Village, Zvenigorod Uezd, Moscow Gov.

After Alekseeva et al. 1999. Craniological and osteological collections... Moscow: Mosc. Univ. Publ. P. 176.

Fig. 58. A display of Museum of Anthropology in the building of Historical Museum.

Photo, 1883. Proc. ISANAE, 1886. 49 (2): 15a.

56

57

58

Для заметок

Для заметок

Научное издание

**Любил Россию, Университет, Науку
(посвящение А.П. Богданову).**

— Зоологические исследования. 2015. № 18. 213 с.
Москва: Товарищество научных изданий КМК.
при участии ИП Михайлова К.Г.

Для заявок:
123100, Москва, а/я 16, Издательство КМК
электронный адрес mikhailov2000@gmail.com
<http://avtor-kmk.ru>

Подписано в печать 21.08.2015. Формат 60×90/8. Объём 27 п.л. Бумага офсетн. и мелов. Тираж 300 экз.
Отпечатано в ООО «Галлея-Принт», Москва, 5-я Кабельная ул., 5б